Т3(2Р-6Мо)А54
М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР

(ТРУДЫ. ВЫПУСК 40)

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1971

Т3(2Р-6Мо)я54
М792

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ МОРДОВСКОЙ АССР

(ТРУДЫ. ВЫПУСК 40)

50560

БИБЛИОТЕКА М.Н.И.И.Я.Л.И.Э.

проверено 1983 г.,

977

МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
САРАНСК 1971

9 (С 14)
И 88

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
И. Е. АВТАЙКИН, М. В. ДОРОЖКИН, Н. В. ПОДИН, Н. Ф. ТЮГАЕВ, А. Е. КИЛЬМЯШКИН

И 88 **Исследования по истории Мордовской АССР.** Ред. коллегия: И. Е. Автайкин и др. Саранск, Мордов. кн. изд. Управления по печати при Совете Министров МАССР. 1971.
300 с.
(Научно-исследоват. ин-т языка, литерат., истории и экономики при Совете М-ов Мордов. АССР. Труды. В. 40) 9 (С 14)

Г. И. ЛЕСОВ

СЕЛЬСКАЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА МОРДОВИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Коммунистическая партия Советского Союза на всех этапах строительства социализма и коммунизма неустанно уделяла и уделяет большое внимание вопросам роста культурно-технического уровня тружеников села. Проблема повышения культурно-технического уровня колхозного крестьянства в период строительства коммунистического общества приобретает важное значение, ибо без этого невозможно обеспечить подъем производительности труда в сельском хозяйстве, рост общественного сельскохозяйственного производства.

Рост культурно-технического уровня трудящихся является одним из условий создания материально-технической базы коммунизма и постепенного стирания существенных различий между умственным и физическим трудом.

«Техническое перевооружение сельского хозяйства,— говорится в Программе КПСС,— должно сочетаться с наиболее прогрессивными формами и методами организации труда и производства, со всемерным повышением культурно-технического уровня тружеников сельскохозяйственного производства»[1].

XXIII съезд КПСС, мартовский (1965 г.), октябрьский (1968 г.), июльский (1970 г.) Пленумы ЦК КПСС определили основные направления политики и задачи в области сельского хозяйства на современном этапе. В последнее десятилетие произошли крупные изменения в различных областях жизни советского народа. Сделан важный шаг по пути строительства коммунистического общества. В этот период имеет место бурный рост культурно-технического уровня тружеников села вообще и тружеников колхозного производства Мордовии в частности. Происходит процесс стирания социальных различий между классами, преодоление различий в технической вооруженности сельскохозяйственного и промышленного труда. На основе темпов технического прогресса труд в сельском хозяйстве становится все более

[1] Материалы XXII съезда КПСС. М., Госполитиздат, 1961, стр. 379.

индустриальным. Растет общеобразовательный и профессионально-технический уровень тружеников села. Повышается благосостояние колхозного крестьянства, улучшаются культурно-бытовые условия в деревне. «Социальная политика партии, Советского государства состоит в том, чтобы на базе современной техники и науки все больше сближать характер труда крестьянина и труда рабочего, благоустраивать быт деревни, повышать культуру сельской жизни. Все это практически ведет к постепенному устранению социально-экономических и культурно-бытовых различий между городом и деревней, между рабочим классом и крестьянством»[1].

Изучение проблемы роста культурно-технического уровня колхозного крестьянства представляет большой научный и практический интерес. Не случайно она привлекает все большее внимание исследователей-историков, философов, экономистов. Отмечая необходимость всесторонней разработки истории колхозного крестьянства на Всесоюзном совещании историков, академик Б. Н. Пономарев говорил: «А разве это не увлекательная тема исторического исследования?! ...Это ведь, по существу, тема о конкретно-историческом претворении в жизнь в условиях строительства социализма и коммунизма ленинских идей союза рабочего класса и крестьянства»[2].

Между тем проблема подъема культурно-технического уровня тружеников колхозного села Мордовии не стала предметом специального исследования.

Рост культурно-технического уровня крестьянства — процесс многогранный. Учитывая сложность темы, нам хотелось бы выделить в данной статье один из главных вопросов, который является ярким показателем культурно-технического развития колхозных масс Мордовии,— это развитие сети сельской общеобразовательной школы в нашей республике.

Царская Россия была одной из наиболее отсталых стран в области просвещения. В. И. Ленин говорил: «Такой дикой страны, в которой бы массы народа настолько были *ограблены* в смысле образования, света и знания,— такой страны в Европе не осталось ни одной, кроме России»[3]. Особенно в тяжелом состоянии находились национальные окраины России, в том числе и крестьянство Мордовии. Например, на 1000 жителей, проживающих на территории современной Мордовии, приходилось только 20 учащихся. Из каждых 100 мужчин 89 были неграмотными, а из 100 женщин-мордовок умели читать и писать лишь 2[4].

Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец вековой темноте трудящихся масс нашей страны. Благодаря огромной заботе Коммунистической партии и Советского правительства о просвещении ранее отсталых народов в нашей республике, как и во всей стране, достигнуты замечательные успехи в области народного образования. Уже к 1939 году в республике в основном осуществляется всеобщее начальное, а в городах семилетнее образование[1]. Уделяется большое внимание охвату детей обучением в сельской местности. 89% детей сельской местности в 1939 учебном году были охвачены семилетним образованием[2]. Благодаря усилиям партийных, советских и других общественных организаций по осуществлению всеобуча Мордовская АССР к 1948 году в основном добилась всеобщего обязательного семилетнего обучения[3]. В республике растет сеть школ в сельской местности.

Таблица 1

Общеобразовательные школы в сельских местностях (без школ рабочей, сельской молодежи, школ взрослых; на начало учебного года)[4]

	1914/15	1927/28	1932/33	1965/66	1967/68
Число общеобразовательных школ	787	1262	1402	1264	1254
В том числе в сельской местности	731	1251	1387	1181	1171
Из общего числа школ в сельской местности:					
начальных	729	1217	1244	669	658
семилетних	2	34	143	—	—
восьмилетних	—	—	—	347	332
средних	—	—	—	161	176

Из таблицы 1 видно, что в сельской местности растет количество средних школ, которые способствуют охвату детей сельских тружеников восьмилетним и средним образованием. В эти годы увеличивается количество учащихся в сельских школах республики. Если в 1914/15 учебном году обучалось 49,9 тыс., то в 1966/67 учебном году — 164,4 тыс. учащихся[5], контингент которых за эти годы возрос более чем в 3 раза.

Коммунистическая партия и Советское правительство делает все для того, чтобы обеспечить сельские школы учительскими кадрами. Так, число учителей в сельских школах Мордовии

[1] Л. И. Брежнев. Дело Ленина живет и побеждает. М., Политиздат, 1970, стр. 31.
[2] «Вопросы истории», 1963, № 1, стр. 15.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 127.
[4] Стенограмма торжественного заседания Мордовского областного комитета КПСС и Верховного Совета Мордовской АССР. Саранск, 1968, стр. 17.

[1] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 220.
[2] Там же, стр. 220.
[3] Т. И. Сандина. Развитие народного образования в Мордовии. Саранск, 1969, стр. 30.
[4] Таблица составлена на основе статистического сборника «Мордовская АССР за годы Советской власти». Саранск, 1967, стр. 156—157.
[5] Там же, стр. 158.

увеличилось в 1959/60 ученом году до 8850 человек против 1237 человек в 1914/15 учебном году[1].

В последнее десятилетие советская школа развивалась на основе исторических решений XXI, XXII, XXIII съездов КПСС и постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, принятых в августе 1964 и ноябре 1966 годов, «Об изменении срока обучения в средних общеобразовательных трудовых политехнических школах с производственным обучением» и «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы».

XXI съезд КПСС поставил перед советской школой задачу «...подготовить подрастающее поколение к жизни, к полезному труду, воспитание у нашей молодежи глубокого уважения к принципам социалистического общества. Школа призвана готовить разносторонне образованных людей, хорошо знающих основы наук и вместе с тем способных к систематическому физическому труду, воспитывать у молодежи стремление быть полезной обществу, активно участвовать в производстве материальных ценностей, необходимых для общества»[2].

Важным этапом в развитии советской школы явился «Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятый Верховным Советом СССР в декабре 1958 года. «Ведущим началом обучения и воспитания в средней школе должна стать тесная связь обучения с трудом, с практикой коммунистического строительства»[3].

12 июня 1959 года Верховный Совет Мордовской АССР принял постановление «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Мордовской АССР». В постановлении предусматривался полный переход школ к всеобщему восьмилетнему обучению до 1962/63 учебного года. Уделялось большое внимание вопросам укрепления учебно-материальной базы школ, созданию фонда всеобуча, строительству школьных интернатов.

Рекомендовано колхозам, совхозам, промышленным предприятиям, кооперативным и другим общественным организациям принимать активное участие в строительстве школьных зданий, помещений для учебных мастерских и школьных интернатов. Колхозам и органам народного образования предложили производственное обучение учащихся сельских школ проводить в ученических бригадах и фермах, школьных учебно-опытных хозяйствах с применением соответствующей оплаты труда учеников; в помощь школам выделять транспорт, инвентарь и необходимую сельскохозяйственную технику; организовывать регулярный подвоз учащихся в школу, проживающих от школ на расстоянии 3 и более километров.

[1] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1965, стр. 122.

[2] КПСС о культуре, просвещении и науке. Сборник документов. М., Политиздат, 1963, стр. 95.

[3] О коммунистическом воспитании и укреплении связи школы с жизнью. Сборник документов. М., 1964, стр. 71.

Под руководством Мордовской партийной организации органами народного образования и педагогическими коллективами школ республики проведена большая работа по выполнению постановления «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Мордовской АССР». Благодаря принятым мерам восьмилетний всеобуч в Мордовской АССР в основном осуществлен в 1962/63 учебном году[1], а также были созданы условия для перехода ко всеобщему среднему образованию.

В осуществлении всеобщего обязательного восьмилетнего обучения детей большое значение имеют фонды всеобуча, созданные в школах на основании постановления «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Мордовской АССР». Так, в 1961/62 учебном году фонд всеобуча в сельских школах республики составил 118030 руб.[2] Из этой суммы израсходовано на приобретение нуждающимся учащимся одежды и обуви 107994 руб. и на питание—7565 руб.[3]. А в 1966 году фонд всеобуча составил 197 тыс. руб., в том числе 44 тыс. руб., выделенных колхозами, совхозами, кооперативными, профсоюзными и другими организациями[4].

Значительную роль в осуществлении всеобуча сыграли школьные интернаты при общеобразовательных школах и школы-интернаты. Например, в 1960/61 учебном году в школьных интернатах при сельских общеобразовательных школах и в школах-интернатах обучалось 2760 учеников[5], а в 1961/62 учебном году—3474 ученика[6]. Число мест в школьных интернатах в сельской местности с каждым годом растет, что положительно влияет на посещаемость и успеваемость сельских школьников.

Осуществление обязательного восьмилетнего обучения, широкое развитие сети средних общеобразовательных политехнических трудовых школ с производственным обучением требовали строительства новых школьных зданий, пристроев, расширения и укрепления материальной базы школ. Большую помощь партийным, советским организациям, работникам народного просвещения республики оказало постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О школьном строительстве и мерах по укреплению материальной базы школы»[7], принятое 29 июля 1960 года,

[1] «Блокнот агитатора». Отдел пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС, 1969, № 11, стр. 32.

[2] ЦГА МАССР, ф. р-464, оп. 9, д. 117, л. 59.

[3] Там же.

[4] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 226.

[5] ЦГА МАССР, ф. р-464, оп. 9, д. 117, л. 59.

[6] Там же, д. 175, л. 73.

[7] КПСС о культуре, просвещении и науке. Сборник материалов. М., Политиздат, 1963, стр. 427.

а также соответствующее постановление бюро Мордовского обкома КПСС и Совета Министров МАССР. Горкомы, райкомы партии и исполкомы депутатов трудящихся, выполняя постановление «О школьном строительстве и мерах по укреплению материальной базы школ в МАССР», организовали широкое движение общественности за укрепление учебно-материальной базы школ.

Так, за 1959—1965 годы на государственные средства в республике было сооружено 80 школ на 39247 ученических мест. Кроме того, за счет средств колхозов возведено школ на 9695 ученических мест, 25 интернатов при школах на 575 мест, 15 спортивных залов на 1105 мест, 83 учебные мастерские на 2370 мест[1]. Дети тружеников колхозной деревни получили светлые и просторные школьные здания, оснащенные современной мебелью, оборудованием и пособиями.

За счет колхозов, совхозов инициативным путем только в 1965 году для детей колхозников было построено 3 школьных интерната на 180 мест, 2 учебные мастерские на 70 мест, 3 спортивных зала, 15 столовых на 500 мест, 45 пристроев на 5 тыс. мест[2].

Помощь школе заключается и в том, что многие предприятия, колхозы, совхозы и организации передали школам 11 зданий, из них под классные комнаты 6 зданий на 465 мест, 3 здания под интернаты, 2 здания под учебные мастерские (на 50 мест)[3].

Большая работа по школьному строительству проводится партийными и советскими организациями Атяшевского и Ковылкинского районов. Например, в 1966 году в Ковылкинском районе за счет бюджета колхозов велось строительство 8 школьных зданий, 6 пристроев, школьного интерната, физкультурного зала, столовой, Дома учителя и пристроя к детскому саду[4].

По итогам социалистического соревнования за лучшую подготовку школ и других детских учреждений к 1966/67 учебному году Ковылкинский район занял первое место в республике. Ему было присуждено переходящее Красное знамя Совета Министров и областного Совета профсоюзов Мордовской АССР, переходящее Красное знамя Министерства просвещения РСФСР и республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений, а также выдана денежная премия в сумме 2 тыс. руб.

В Атяшевском районе за 1964—1968 годы за счет средств колхозов построено 11 начальных, 2 восьмилетние, 1 средняя школа и 10 школьных пристроев на 700 мест[1]. В этом районе колхозы помогают школам приобрести учебно-наглядные пособия, спортивный инвентарь и оборудование, пополняют фонд всеобуча. В 1967 году колхозы Атяшевского района выделили школам на приобретение различного оборудования 27650 руб.[2]. Успешно решаются в школах этого района вопросы организации горячего питания школьников. Во всех средних и восьмилетних школах имеются буфеты и столовые. Колхозы обеспечивают детей молоком и другими продуктами питания.

Из года в год в этом районе выполняется народнохозяйственный план по народному образованию. 1966/67 учебный год 22 коллектива Атяшевского района закончили без второгодников, а всего без второгодников работало 250 учителей[3].

За последние три года введено в республике новых школ на 34 тысячи ученических мест, в том числе за счет колхозов, совхозов и местного бюджета — 24 тыс. ученических мест[4].

Благодаря увеличению государственного бюджета и помощи колхозов, совхозов, промышленных предприятий и других организаций школы республики укрепили учебно-материальную базу. Так, в 1968 году все средние и большинство восьмилетних школ Мордовии имели учебные мастерские, 435 кабинетов физики, химии, биологии. В 566 учебных мастерских имеется 1650 действующих станков по металлу и дереву, 2231 столярный верстак. На уроках труда используется 2063 швейные машины. Школы республики имеют 204 автомашины, 87 тракторов, 472 киноустановки[5].

В последнее десятилетие, как и по всей стране, в школах Мордовии была преодолена оторванность учебы молодого поколения от жизни и осуществлено политехническое обучение, связанное с производительным трудом. Как отмечено в Программе КПСС, в центре воспитательной работы партия ставит развитие у каждого советского человека коммунистического отношения к труду.

Важное значение в трудовом воспитании и производственном обучении учащихся сельских школ имеют ученические производственные бригады. Первые ученические производственные бригады в республике стали создаваться с 1959 года. Если в 1962/63 учебном году ученическими бригадами в колхозах и совхозах было охвачено 32751 ученик[6], то в 1968/69 учебном году в республике имелось 530 ученических производственных бригад и 74 школьных лесничества с охватом почти 45 тыс. учащихся. За

---

[1] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 233.
[2] Шестая сессия Верховного Совета МАССР. Стенографический отчет. 1966, стр. 85.
[3] Там же, стр. 86.
[4] Седьмая сессия Верховного Совета МАССР. Стенографический отчет. 1967, стр. 57.

[1] «Советская Мордовия», 1968, 8 декабря.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Шестая сессия Верховного Совета МАССР. Стенографический отчет. Саранск, 1970, стр. 77.
[5] Т. И. Сандина. Развитие народного образования в Мордовии. Саранск, 1969, стр. 149.
[6] ЦГА МАССР, ф. р-464, оп. 9, д. 240, л. 43.

ученическими производственными бригадами в 1968 году было закреплено 2100 га земли, где учащиеся выращивали различные сельскохозяйственные культуры. На 4100 га они вели уход за посевами и убирали урожай, ухаживали за колхозными и совхозными садами на площади 400 га[1]. За последние годы ученические производственные бригады выросли не только количественно, но и окрепли организационно. Вклад их в производство сельскохозяйственной продукции в колхозах и совхозах стал более заметным, и своим посильным трудом они снискали любовь и уважение тружеников села. Ребята, участвуя в сельскохозяйственном труде, проявляют определенные склонности и способности к той или иной сельской специальности. Часто ученические производственные бригады определяют многим выпускникам сельской школы их дальнейший жизненный путь. Особенно широко распространены ученические производственные бригады в школах Чамзинского, Ардатовского и Темниковского районов.

Так, в Чамзинском районе в 1962 году силами ученических бригад была выращена кукуруза на силос и зерно на площади 98 га и другие сельскохозяйственные культуры на площади более чем 100 га со средним урожаем в 1,5—2 раза выше, чем в колхозах и совхозах района. Заложены сады: школьные — на площади 40 га, колхозные — на площади 94 га[2]. В этом районе за счет средств колхозов и совхозов в 1959 году были созданы учебно-производственные лагеря. Роль этих лагерей велика. Здесь соединяется обучение с производительным трудом. В учебно-производственном лагере учащиеся выполняют задания по географии, биологии, ботанике, химии, физике, математике и другим предметам. Большая часть времени пребывания в лагере отводится отдыху, массовым мероприятиям. Учащиеся выступают перед колхозниками с концертами художественной самодеятельности. Число учебно-производственных лагерей с каждым годом растет. Так, если в 1962 году их было всего 12, то в 1966 году — более 70[3]. Опыт показывает, что успешно работает ученическая производственная бригада там, где она получает помощь со стороны руководителей колхозов и совхозов.

С пониманием дела, серьезно, по-деловому относятся к работе ученических бригад руководители колхозов и совхозов Чамзинского района.

Так, правление колхоза «Красная Мордовия» помогло создать для учащихся Мокшалейской средней школы учебно-производственный лагерь. Учителя и учащиеся школы вложили немало труда, старания, чтобы сделать лагерь образцовым. На территории лагеря построено два жилых корпуса на 60 мест, столовая, летний клуб, Ленинская комната. В лагере есть электрическое освещение,

[1] «Блокнот агитатора». Отдел пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС, 1969, № 11, стр. 30.
[2] Коммунистическое воспитание в школах Мордовии. Саранск, 1964, стр. 10.
[3] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 224.

радио, телевизор, необходимый набор музыкальных инструментов. В распоряжении любителей спорта — спортгородок. Учебно-производственная база лагеря включает пришкольный участок молодого плодоносящего сада — 7,5 га, опытный участок, пасеку на 60 ульев. Производственный участок — 50 га колхозного сада. Для проведения практических работ колхоз выделяет трактор «Беларусь». Учащиеся старших классов проводят механизированную обработку междурядий сада. На производственном участке применяется и ручной труд. Приствольные круги яблонь учащиеся обрабатывают вручную. На участке ставятся опыты производственного характера. Содержание опытов определяется школой совместно с правлением колхоза, при этом учитываются рекомендации районных организаций, специалистов производственного управления.

Например, юные опытники Мокшалейской средней школы работают по заданию Крымской опытной селекционной станции и испытывают различные сорта овощных культур в условиях колхоза «Красная Мордовия». Они испытали 9 сортов помидоров. Лучший урожай дал сорт «Эрлиана» — 426 центнеров с га[1].

В учебно-производственном лагере проводится большая комсомольская и пионерская работа. Она включает политинформации, беседы, встречи с замечательными людьми колхоза. Так, очень интересным был вечер встречи с кавалером ордена Ленина, дояркой артели «Красная Мордовия» Е. Я. Девяткиной[2].

В лагере большое внимание уделяется спортивной работе, туризму. Юные краеведы совершают интересные походы по местам революционных событий, ездили на родину В. И. Ленина в город Ульяновск. Побывали в г. Саранске (посетили краеведческий музей, картинную галерею). Собрали материал о первых комсомольцах, об участниках гражданской и отечественной войн. Находясь в учебно-производственном лагере, школьники Мокшалейской средней школы занимаются не только опытничеством, но и помогают родному колхозу. Только в 1970 году школьники двукратно обработали приствольные круги колхозного сада на площади 50 га, картофеля — на площади 5 га, школьного сада — 7,5 га и т. д. За проделанную работу колхоз выделяет продукты питания, приобретает спортинвентарь, музыкальные инструменты, выделяет деньги на проведение экскурсий, походов.

Работа ученической производственной бригады в учебно-производственном лагере способствует воспитанию у детей любви к родным местам, сельскому хозяйству, труду хлебороба. Так, 14 выпускников Мокшалейской средней школы в 1968 году остались работать в родном колхозе «Красная Мордовия»[3]. С большим уважением говорят колхозники о выпускниках школы—трак-

[1] «Блокнот агитатора». Отдел пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС, 1969, № 11, стр. 30.
[2] «Советская Мордовия», 1969, 24 мая.
[3] Там же.

тористе Викторе Атякшине, Викторе Турманкине, Иване Федоськине. Выпускник школы Иван Торгаев возглавляет молочнотоварную ферму. Доярками, свинарками трудятся Валентина Федоськина, Татьяна Городнова, Анна Тятюшкина[1] и др. Телятница Анна Наумкина избрана депутатом Чамзинского районного Совета депутатов трудящихся. На наш взгляд кажется, что учителями и воспитателями Чамзинского района накоплен некоторый опыт проведения летнего отдыха детей в учебно-производственных лагерях. Его надо распространить в нашей республике, чтобы он стал достоянием всех работников просвещения и комсомола.

Настало время, когда в каждой сельской средней и восьмилетней школах необходимо иметь ученическую производственную бригаду и создать для ее нормальной работы соответствующую материальную базу.

Министерство просвещения СССР, Министерство сельского хозяйства СССР, ЦК ВЛКСМ, а также Министерство просвещения Мордовской АССР, Министерство сельского хозяйства Мордовской АССР и обком комсомола Мордовии приняли постановление по вопросу улучшения работы ученических производственных бригад в колхозах и совхозах, где определяются меры дальнейшего улучшения работы ученических производственных бригад как основной формы организации общественно-полезного и производительного труда сельских школьников.

В настоящее время повышается роль ученических производственных бригад в трудовой подготовке юных тружеников села. Из школ выходят молодые люди, не только овладевшие основами наук, но и с определенными производственными навыками. Колхозное крестьянство республики ежегодно пополняется юношами и девушками с восьмилетним и средним образованием, закаленными опытом работы в ученических производственных бригадах и звеньях.

Однако следует отметить, что еще не во всех сельских школах учащиеся старших классов охвачены производственными бригадами и звеньями.

В большинстве ученических производственных бригад преобладает ручной труд. Не уделяется еще должного внимания досугу учащихся. Есть еще школы и колхозы, между которыми не установились контакты в деле трудового воспитания учащихся.

Для успешного осуществления всеобуча и осуществлению перехода к всеобщему среднему образованию молодежи важное значение имеет обеспеченность сельских школ республики педагогическими кадрами. Народный учитель является верной опорой партии в подъеме культурно-технического уровня тружеников села и надежным пропагандистом идей марксизма-ленинизма среди масс. В настоящее время в республике выросла высококвалифицированная армия учителей. Подготовка учительских кадров для средних общеобразовательных школ осуществляется Мордовским государственным университетом им. Н. П. Огарева, Мордовским педагогическим институтом и двумя педагогическими училищами. Если в 1959/60 учебном году в республике работали 10417 учителей, то к началу 1966/67 учебного года — уже 12733 учителя, из них 10096 учителей работали в сельских школах[1]. Только в 1969 году республика получила молодых специалистов около 900 человек, из них 600 человек с высшим образованием[2].

Наравне с количественным ростом учительских кадров растет и их качественный состав. Если в 1945/46 учебном году в школах Мордовии работали всего 7869 учителей[3], то в 1968/69 учебном году — уже 12824 учителя. За это время доля учителей с высшим и незаконченным высшим образованием выросла с 14 до 54%[4].

Наряду с повышением образовательного уровня учителей, Мордовская партийная организация, Министерство просвещения МАССР уделяют большое внимание правильной организации методической работы и повышению их квалификации. В повышении педагогического мастерства большое значение имеют курсовые мероприятия, проводимые Мордовским институтом усовершенствования учителей. Ежегодно через различные курсы повышения квалификации проходит 2000—2200 учителей, воспитателей, руководителей школ и детских учреждений[5].

Многие учителя нашей республики за высокое педагогическое мастерство и большие успехи в области народного просвещения награждены орденами и медалями СССР. 624 учителям присвоено почетное звание заслуженного учителя школы РСФСР и МАССР[6], а учительнице Луньгинской восьмилетней школы Ардатовского района Госткиной Н. Ф. присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда.

В ходе выполнения Закона о школе в нашей республике ежегодно увеличивается число школ, работающих без второгодников. Если 1961/62 учебный год завершили без второгодников 284 школы, то 1969/70 учебный год — 458 школ[7].

Таким образом, за период после XXI съезда КПСС дело народного образования в Мордовской АССР, как и по всей стране, получило дальнейшее развитие. По уровню обеспеченности педагогическими кадрами сельская школа приближается к городской.

---

[1] «Знамя», орган Чамзинского РК КПСС, 1970, 25 июня.

[1] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 157.

[2] «Блокнот агитатора». Отдел пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС, 1969, № 11, стр. 34.

[3] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 232.

[4] По заветам Ленина. Саранск, 1970, стр. 205.

[5] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 232.

[6] «Блокнот агитатора». Отдел пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС, 1969, № 24, стр. 16.

[7] «Мокшень правда» 1970, 8 сентября.

С. В. ЗАВАРЗИН

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ РАБОЧЕГО КЛАССА МОРДОВИИ (1959—1965 гг.)

Советскому рабочему классу принадлежит ведущая роль в построении социализма и строительстве коммунистического общества.

В связи с этим всестороннее изучение изменений, происходящих в рабочем классе, представляет большое научное и практическое значение.

Между тем вопросы развития рабочего класса в Мордовии изучены крайне недостаточно и не нашли еще должного освещения в опубликованных работах по истории Мордовской АССР. Поэтому мы поставили перед собой задачу несколько восполнить этот пробел. В данной статье, не претендующей на полноту исследования, рассматриваются изменения, происходившие в составе рабочего класса Мордовии в период развернутого строительства коммунизма (1959—1965 гг.).

В программе КПСС подчеркивается, что успешное осуществление коммунистического строительства зависит от рационального размещения промышленности, которое обеспечивает комплексное развитие экономических районов и специализацию их хозяйства, способствует «дальнейшему выравниванию уровней экономического развития районов страны»[1].

Семилетний план развития народного хозяйства на 1959—1965 гг. был направлен на достижение наиболее рационального размещения промышленности и получение на этой основе наибольшей экономической выгоды при наименьших затратах. В связи с этим семилетним планом развития народного хозяйства Мордовии предусматривалось превращение ее в развитую индустриально-аграрную республику Российской Федерации.

Важнейшей особенностью развития промышленности Мордовской АССР в семилетке явилось преимущественное развитие отраслей, производящих средства производства, особенно машиностроения и металлообработки, создание новых отраслей тяжелой промышленности. Учитывая отсутствие собственной металлургической базы, а также в соседних районах, промышленность Мордовии планировалось развивать за счет менее металлоемких предприятий.

[1] XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 7—31 октября 1961 года. Стеногр. отчет, т. III, М., 1962, стр. 281—282.

При рассмотрении в Госпланах СССР и РСФСР вопросов развития промышленности в Мордовской АССР были приняты пять основных направлений:

1. Развивать светотехническую промышленность за счет реконструкции и расширения Саранского электролампового и Ардатовского светотехнического заводов. Кроме этого, в Мордовии предусматривалось строительство заводов: электровакуумного стекла, светотехнических изделий и завода специальных электроламп.

2. Развивать электротехническую промышленность за счет создания производства силовых выпрямителей на базе полупроводников — германия и кремния, используя для этого имеющийся опыт изготовления полупроводниковых элементов на саранском заводе «Электровыпрямитель». Для ускорения массового выпуска силовых выпрямителей Совет Министров РСФСР разрешил организовать на заводе специальное конструкторское бюро для разработки конструкций выпрямительных устройств, крайне необходимых для различных отраслей народного хозяйства.

На Саранском кабельном заводе кроме кабельной продукции намечалось производство эмаль-проводов, вибромагнитных станций и другой продукции, связанной с новой техникой. Кроме того, предусматривалось значительное расширение производства электромоторов.

3. Создать в Мордовии химическую промышленность, используя для поставки сырья кооперацию с соседними экономическими районами с тем, чтобы часть продукции использовать в Мордовии, а остальную отгружать в другие области и республики страны.

4. Создать минимальный объем машиностроения, так как без такой промышленности невозможно поддерживать на должном уровне технический прогресс любой отрасли.

Кроме того, Госпланы СССР и РСФСР приняли предложения Мордовского областного комитета КПСС о строительстве заводов химического машиностроения в Рузаевке, о производстве автосамосвалов на предприятиях республики.

5. В республике намечалось создание мощной базы строительной индустрии, позволяющей в больших объемах вести промышленное, жилищное и культурное строительство.

За годы семилетки в народное хозяйство республики было вложено более 600 миллионов рублей[1]. Построены и введены в строй крупные промышленные предприятия: завод автосамосва-

[1] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 117.

лов, Саранский кабельный завод, Алексеевский завод асбоцемизделий, Рузаевский завод химического машиностроения, Ромодановский сахарный завод, завод крупнопанельного домостроения, Краснослободский консервный комбинат, Инсарская лентоткацкая фабрика и много других крупных промышленных объектов. Осуществлена реконструкция и расширение саранского завода «Электровыпрямитель», Ардатовского светотехнического, Саранского электролампового и других «старых» заводов.

За эти годы освоен выпуск новой продукции: экскаваторов, электродвигателей, электроламп до 30 видов, ручных светильников, цемента, шифера, минеральной ваты, бронекабеля, приборов контроля и регулирования технических процессов, сборных железобетонных конструкций и деталей, цельномолочной продукции, сахара, пенициллина, биомицина.

К концу семилетки Мордовия превратилась в один из главных центров электротехнической и светотехнической промышленности страны.

В 1965 году валовая продукция всей промышленности республики возросла по сравнению с 1958 годом на 285%[1]. При этом более высокими темпами развивалась крупная промышленность, валовая продукция которой за эти годы увеличилась на 294%[2].

Вместе с дальнейшим развитием промышленности произошли большие изменения в численности и составе рабочих, занятых в народном хозяйстве республики. Численность рабочих и служащих за годы семилетки увеличилась в 1,5 раза. Общая численность промышленно-производственного персонала возросла на 86%. Количество рабочих за этот же период увеличилось в 1,8 раза[3]. В то же время в отдельных отраслях промышленности этот рост был неравномерным.

Таблица 1

Численность рабочих Мордовской АССР по отраслям промышленности
(в % к общему числу рабочих)[4]

Отрасли промышленности	1959 год	1965 год
Машиностроение и металлообработка	37,2	51,5
Химическая	3,1	3,9
Промышленность стройматериалов	12,3	8,6
Деревообрабатывающая	8,0	3,2
Легкая	16,3	4,2
Пищевая	13,4	8,7
Прочие отрасли	9,7	19,9

[1] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 64.
[2] Там же, стр. 63.
[3] Текущий архив ЦСУ Мордовской АССР. Отдел труда за 1965 год; ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 22, дело 1106, л. 11.
[4] Там же, справка об итогах учета численности рабочих по профессиям и промышленности.

Приведенные показатели свидетельствуют, что удельный вес рабочих, занятых в машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, возрос с 37,2% в 1959 году до 51,5% в 1965, в химической — с 3,1% до 3,9%.

Это говорит о том, что за годы семилетки в Мордовии отрасли промышленности, производящие средства производства, развивались быстрее, чем отрасли, производящие предметы потребления. «Опираясь на взаимную братскую помощь,— говорится в Программе КПСС,— в первую очередь на помощь великого русского народа, все советские национальные республики создали у себя современную промышленность, национальные кадры рабочего класса и интеллигенции, развили национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру»[1]. В результате последовательного проведения ленинской национальной политики было ликвидировано фактическое неравенство народов, произошло выравнивание экономического и культурного уровня советских республик.

Огромный размах хозяйственной работы в годы семилетки способствовал дальнейшему увеличению кадров рабочих коренной национальности. Если в 1957 году в народном хозяйстве республики было занято 25 тыс. рабочих и служащих коренной национальности, то в 1967 году их стало уже 64,6 тыс.[2], в промышленности число национальных кадров за этот же период возросло в 3,7 раза, в строительстве еще больше — в 4,8 раза[3]. Однако, несмотря на сравнительно быстрый рост численности рабочих и служащих мордовской национальности, удельный вес их в общем числе рабочих и служащих оставался довольно низким. Так, в 1967 году удельный вес рабочих и служащих мордовской национальности в народном хозяйстве республики составил 24,4%, в промышленности — 19,1%, в строительстве — 33%[4]. В основных отраслях промышленности удельный вес мордвы был еще ниже, чем в целом по промышленности. Например, в машиностроении удельный вес работающих мордовской национальности составлял 13,9%, в электротехнической — 12,5%, в химической — 16,9%[5].

Это говорит о том, что прослойка рабочих коренной национальности в общем числе работающих была еще недостаточной. Одной из причин этого была недооценка руководителями отдельных предприятий, партийными и профсоюзными организациями задачи выращивания национальных индустриальных кадров. Сравнительно небольшая численность рабочих мордовской национальности в промышленности объясняется и тем, что в рассматриваемый период происходит дальнейший подъем всех отраслей

[1] Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1967, стр. 16.
[2] ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 22, д. 1069, л. 19, за 1957 год. Текущий архив ЦСУ МАССР. Сектор труда, 1967 год.
[3] Там же, л. 17.
[4] Текущий архив ЦСУ Мордовской АССР. Сектор труда, 1967 год.
[5] Там же.

2 Заказ № 2382

370560
БИБЛИОТЕКА
М.Н.И.И.Я.Л.И.Э.

сельского хозяйства, создаются новые совхозы, расширяется сельскохозяйственное строительство. Несомненно, что все эти процессы вели к увеличению применения рабочей силы в сельском хозяйстве и задерживали приток рабочей силы в промышленность.

С ростом численности рабочих изменялся и их состав. В этом отношении большой интерес представляет вопрос о составе и распределении рабочих и служащих по возрасту и стажу работы. По данным ЦСУ при Совете Министров Мордовской АССР, удельный вес рабочих и служащих в возрасте до 40 лет на 1 июля 1963 года составил 80,5%, 40—44 лет—7,9%, 45—49 лет—5,1%, 50—54 лет — 4,0%, 55—59 лет — 1,7%, 60 лет и старше — 0,5%[1]. Таким образом, основной производительной силой в промышленности республики являлись рабочие и служащие в возрасте до 40 лет, которые в указанный период составляли в промышленности—80,5%, в строительстве—82,5% общей численности работников[2].

Важным показателем качественных изменений состава рабочих являются данные о стаже непрерывной работы. Именно эти показатели дают прямой ответ на вопрос о том, насколько успешно идет процесс создания постоянных рабочих кадров в народном хозяйстве.

В рассматриваемый период в республике наблюдался рост рабочих с непрерывным стажем работы. Численность рабочих и служащих со стажем непрерывной работы свыше 5 лет возросла в 1967 году по сравнению с 1957 годом в промышленности в 2,7 раза, в строительстве — в 3,8 раза[3]. Но, несмотря на количественный рост рабочих и служащих с более длительным стажем, удельный вес их оставался низким.

Таблица 2

Распределение рабочих и служащих по стажу непрерывной работы в промышленности, %[4]

	1957 год	1967 год
Всего рабочих	100,0	100,0
В т. ч. имеющих стаж работы:		
до 1 года	21,3	22,1
от 1 года до 2 лет	15,2	15,1
от 2 лет до 3 лет	9,7	11,5
от 3 лет до 5 лет	14,8	16,0
от 5 лет и выше	39,0	35,3

[1] Текущий архив ЦСУ Мордовской АССР. Сектор труда. 1967 год. Сводные итоги по единовременному учету численности рабочих и служащих по полу, возрасту и стажу непрерывной работы.

[2] Там же.

[3] ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 22, д. 1069, л. 33. Текущий архив ЦСУ МАССР, сектор статистики труда, 1967 год.

[4] Там же.

Таблица 2 свидетельствует о том, что происходит уменьшение удельного веса рабочих, имеющих стаж непрерывной работы более 5 лет. Это явление в условиях Мордовии в значительной степени объясняется строительством ряда новых крупных предприятий. В результате чего часть постоянных рабочих перешла на новые предприятия, но в основном они были укомплектованы из лиц, не имеющих производственного стажа работы в данной отрасли или не имевших стажа работы вообще. Несколько иное положение наблюдалось в строительстве.

Таблица 3

Распределение рабочих и служащих по стажу непрерывной работы в строительстве, %[1]

	1957 год	1967 год
Всего рабочих и служащих	100,0	100,0
В т. ч. имеющих стаж работы:		
до 1 года	38,5	24,9
от 1 года до 2 лет	21,3	17,1
от 2 лет до 3 лет	12,4	16,4
от 3 лет до 5 лет	14,8	17,3
от 5 лет и выше	13,0	24,3

Из таблицы 3 видно, что в строительстве удельный вес рабочих с непрерывным стажем более 5 лет увеличился с 13% в 1957 году до 24,3% в 1967 году, что способствовало улучшению организации труда, дальнейшему укреплению трудовой дисциплины, повышению производительности труда, которая за годы семилетки увеличилась на 20%[2].

Высокий удельный вес рабочих и служащих со стажем до 1 года в промышленности (22,1%) и строительстве (24,9%) в 1967 году объясняется значительным ростом общей численности рабочих и служащих. В частности, эта численность возросла против 1957 года в 3 раза в промышленности и в 2,7 раза в строительстве[3].

Состав рабочего класса Мордовии в годы семилетки характеризовался довольно высоким удельным весом женщин.

Перед миллионами тружениц нашей страны открыты широкие пути для участия в активной созидательной работе по строительству нового общественного строя. Советская власть впервые в истории человечества раскрепостила советскую женщину, предо-

[1] ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 22, д. 1069, л. 33. Текущий архив ЦСУ МАССР. Сектор труда. Данные за 1967 год.

[2] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 123.

[3] ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 22, д. 1069, л. 33. Текущий архив ЦСУ МАССР. Сектор труда. Данные за 1967 год.

ставила ей равные с мужчиной права, создала все условия для проявления своих способностей и талантов в различных областях жизни советского общества. Конституция СССР в законодательном порядке закрепила право советских женщин на широкий доступ ко всем видам труда и общественной деятельности. Коммунистическая партия в своей повседневной деятельности проявляет большую заботу о советских женщинах, об условиях их труда и быта, создает им широкие возможности для работы на производстве.

За годы семилетки произошли большие изменения в условиях труда женщин. Механизация и автоматизация производства, рост сети бытовых учреждений, детских садов и яслей, системы общественного питания позволили более активно вовлекать женщин в общественное производство. Об этом свидетельствует таблица 4 (в %)[1].

Таблица 4

	Годы						
	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Всего женщин-работниц и служащих в народном хозяйстве	51,3	51,7	51,9	51,7	52,0	52,3	53,3
В промышленности	50,2	49,1	49,3	49,9	49,9	49,7	49,8
В строительстве	35,2	39,7	35,5	36,9	38,3	38,9	39,8

Численность женщин в промышленности составляет в среднем 50%. Что касается строительства, то здесь в связи с преимущественным использованием мужской рабочей силы женщин значительно меньше мужчин. К концу рассматриваемого нами периода соотношение между мужским и женским трудом в этой области народного хозяйства определяется 60% для мужчин и 40% для женщин. Общий рост численности женщин в народном хозяйстве прогрессирующий и составлял в 1965 году по сравнению с 1959 годом 158%[2].

Женщина заняла равное с мужчиной место и в профессиях высококвалифицированного труда. Общая численность специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в народном хозяйстве Мордовии, возросла с 10 тыс. в 1959 году[3] до

[1] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 140. ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 22, д. 1224, л. 12. Текущий архив ЦСУ МАССР. Отдел труда. Данные за 1961—1962 годы.

[2] ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 22, д. 1196, л. 11. Текущий архив ЦСУ МАССР. Отдел труда. Годовой отчет о численности женщин, рабочих и служащих за 1965 год.

[3] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1965, стр. 93.

43 тыс. в 1966 году[1]. Из числа всех специалистов в 1966 году женщин было 27643 человека, или более 60%, из них женщин-мордовок — 5114 человек, или 18,5%. Женщин в республике с высшим образованием насчитывалось 9050 человек, из них 1784 женщин-мордовки. Среди всех специалистов мордвы удельный вес женщин-мордовок составил 61,9%, в том числе с высшим образованием — 56,2 и со средним — 65,5%. Среди всех женщин Мордовии, имеющих высшее образование, каждая пятая женщина — мордовка[2]. И это там, где до Великого Октября специалистов с высшим образованием не было совсем, а со средним образованием они исчислялись единицами.

Рост рядов рабочего класса Мордовии происходил за счет вовлечения в народное хозяйство различных слоев населения, при этом формы пополнения были также различны.

Основной формой пополнения рабочего класса в годы семилетки являлся плановый набор рабочих и служащих непосредственно предприятиями, которые в пределах, установленных для них планом по труду, самостоятельно привлекали на работы потребное количество рабочих. За годы семилетки данный метод пополнения рабочего класса являлся наиболее распространенным.

Широкое развитие получили общественные призывы. Они были вызваны к жизни тем, что большие масштабы хозяйственных задач и высокие темпы развития народного хозяйства потребовали проведения широкой мобилизации и перераспределения рабочей силы по отдельным отраслям народного хозяйства. Чаще всего этот метод использовался областным комитетом комсомола Мордовии. Так, в период строительства Саранского резинового комбината, Рузаевского завода химического машиностроения, завода электровакуумного стекла и других важных промышленных объектов, которые были объявлены ударными комсомольскими стройками, по комсомольским путевкам было решено направить около 2000 комсомольцев[3].

Важной формой пополнения промышленных кадров республики была система профессионально-технического образования. Профессионально-технические училища и школы готовили квалифицированные кадры рабочих по наиболее сложным профессиям, а также младший технический персонал для различных отраслей народного хозяйства из молодежи, окончившей общеобразовательную школу.

В 1959 году в Мордовии насчитывалось 12 школ и училищ профтехобразования, которые подготовили 2,5 тыс.[4] молодых

[1] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 127.

[2] Там же.

[3] Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967, стр. 427.

[4] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 136, 137.

квалифицированных рабочих. В 1965 году число школ и училищ профтехобразования увеличилось до 26[1]. Ими подготовлено 4,8 тысячи молодых специалистов[2].

Всего системой профессионально-технического образования было выпущено и направлено в народное хозяйство республики с 1959 по 1966 год 28,5 тыс. человек[3], из них в промышленность — 4,3 тыс., в строительство — 2,7 тыс., на транспорт — 1,6 тыс. человек[4].

Важную роль в пополнении народного хозяйства образованными рабочими кадрами сыграла общеобразовательная школа. Особенно возросла её роль после XX съезда КПСС, когда партия и правительство приняли ряд мер для претворения в жизнь Директив съезда по вопросам укрепления связи школы с жизнью. Одной из таких мер было принятие 12 сентября 1957 года Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О вовлечении в промышленное и сельскохозяйственное производство молодёжи, окончившей средние общеобразовательные школы».

Это постановление обязывало местные органы власти, руководителей предприятий, а также партийные и общественные организации вовлекать в промышленность и сельскохозяйственное производство молодежь, окончившую среднюю школу, и подростков, не получивших среднего образования. С этой целью на всех предприятиях в пределах плана по труду вводилась бронь для приема их на работу[5].

Следующим шагом по пути усиления общеобразовательной школы как источника пополнения рабочего класса был закон, принятый Верховным Советом СССР 24 декабря 1958 года «Об усилении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». Согласно этому закону «ведущим началом обучения и воспитания в средней школе должна стать тесная связь обучения с трудом, с практикой коммунистического строительства. Таким образом, перед школой ставилась определенная задача: стать более массовым источником пополнения рядов рабочего класса промышленности и других отраслей народного хозяйства. Если до 1953 года средняя школа предназначалась преимущественно для пополнения рядов интеллигенции, то в исследуемый период — главным образом для пополнения рабочего класса и колхозного крестьянства. Так, за 7 лет в народное

[1] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 138.

[2] Там же, стр. 136.

[3] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1965, стр. 97. Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 136.

[4] Текущий архив управления профессионально-технического образования при Совете Министров Мордовской АССР.

[5] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам, т. 4. М., 1968, стр. 376.

хозяйство республики было принято на работу 24,7 тыс. юношей и девушек, из них около 13 тыс. окончивших среднюю школу; на промышленные предприятия соответственно — 14,8 тыс. и 8 тыс.[1]

Большинство вновь принятых рабочих на производство не имели специальности, кроме окончивших училища и школы системы профессионально-технического образования и незначительной части выпускников общеобразовательных школ, получивших квалификацию в ходе производственного обучения.

Все те, кто не имел специальности, проходил подготовку непосредственно на предприятиях. За годы семилетки в промышленности Мордовии было обучено 47,5 тыс. новых рабочих[2]. Большое внимание подготовке новых кадров уделяли партийная организация и администрация саранского завода «Электровыпрямитель». За это время на заводе было подготовлено 4682 новых рабочих[3]. Подготовка велась по различным специальностям. Только за последние два года семилетки на заводе без отрыва от производства приобрели специальность: токаря — 187 человек, слесаря — 285, фрезеровщика — 28, электромонтажника и электрика — 107, сборщика полупроводниковых приборов — 368, других специальностей — 350 человек[4].

В широких масштабах осуществлялась в Мордовии подготовка новых строительных профессий. Непосредственно на строительных площадках под руководством опытных рабочих и инженеров получили квалификацию около 20 тыс. молодых строителей[5].

Всего за семилетие подготовлено 87,2 тыс. человек, из них около 80 тыс. рабочих[6].

Подготовка новых кадров рабочих на производстве в Мордовии проводилась тремя основными методами: путем индивидуального, бригадного и курсового обучения. При этом наиболее массовым являлось индивидуальное обучение, имевшее ряд серьезных преимуществ перед другими формами подготовки кадров. Оно давало возможность одновременно готовить большое количество новых рабочих самых различных квалификаций, обучение было

[1] ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 23, д. 399, л. 5; ф. р-662, оп. 22, д. 1222, л. 11; Текущий архив ЦСУ МАССР. Сектор статистики труда. 1961—1965 годы.

[2] Там же, оп. 22, д. 1141, л. 7; д. 1217, л. 11.

[3] ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 22, д. 1141, л. 7; д. 1217, л. 11. Текущий архив ЦСУ МАССР. Отдел труда. Сводные годовые отчеты о подготовке новых рабочих за 1961—1965 годы.

[4] ЦГА МАССР, ф. р-1439, оп. 1, д. 403, л. 50, 140; д. 443, л. 2. Текущий архив ЦСУ МАССР. Отдел труда. Сводные годовые отчеты о подготовке новых рабочих за 1961, 1963—1965 годы.

[5] Текущий архив ЦСУ МАССР. Отдел труда. Отчеты о подготовке новых рабочих за 1964—1965 годы.

[6] ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 22, д. 1141, л. 7; д. 1217, л. 11. Текущий архив ЦСУ МАССР. Отдел труда. Сводные годовые отчеты о подготовке новых рабочих за 1961—1965 годы.

тесно связано с производством, непосредственно подчинено выполнению производственной программы. Индивидуальное обучение проводилось путем прикрепления рабочего к инструктору производственного обучения, который назначался из числа квалифицированных рабочих, бригадиров и мастеров и выполнял обязанности инструктора по совместительству со своей основной профессией. В соответствии с программой обучения инструктор передавал рабочему практические приемы и необходимые навыки работы, давал пояснения о применении инструментов и приспособлений, о сырье и материалах. Параллельно проводилось теоретическое обучение.

Следующим по распространенности методом подготовки новых рабочих на производстве было бригадное обучение. От индивидуального обучения оно отличалось тем, что вместо одного ученика к инструктору прикреплялась группа учеников. В значительной степени это объяснялось необходимостью одновременного пополнения предприятий большим количеством новых кадров рабочего класса.

Некоторое количество новых рабочих, главным образом сложных профессий, готовилось на курсах и в постоянно действующих школах как с отрывом, так и без отрыва от производства.

Для характеристики удельного веса каждого из указанных методов обучения приведем данные о подготовке новых рабочих в промышленности Мордовии за 1959—1965 годы. В течение этого времени всего на производстве было обучено 47589 новых рабочих. Из этого числа 76,3% приходилось на индивидуальное обучение и 17% — на бригадное обучение. На курсах и в школах с отрывом и без отрыва от производства было обучено 6,7% рабочих[1].

Таким образом, подготовка кадров новых рабочих проводилась в основном через индивидуальное и бригадное обучение. Это объясняется ростом общеобразовательного уровня подготавливаемых рабочих. Ведь курсовая и школьная подготовка рабочих отличается большей долей теоретического обучения, которое тем более необходимо, чем меньше общеобразовательный уровень рабочих.

Техническое оснащение предприятий, внедрение новой технологии требовали также систематического повышения квалификации рабочих, их переподготовки. За годы семилетки на предприятиях республики прошли обучение по повышению технической подготовки и производственной квалификации 64,6 тыс. рабочих[2].

Повышение производственной квалификации рабочих осуществлялось в школах по изучению передовых методов труда, путем обучения вторым профессиям, на курсах целевого назначения, на производственно-технических курсах, в постоянно действующих школах и курсах.

[1] ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 22, д. 1141, л. 10; д. 1217, л. 8. Текущий архив ЦСУ МАССР. Отдел труда. Сводные годовые отчеты о подготовке новых рабочих за 1961—1965 годы.

[2] Там же, л. 7; л. 11.

Приобретение рабочими навыков и знаний в школах по изучению передовых методов труда наиболее эффективно способствовало росту производительности труда, улучшению качества выпускаемой продукции.

Изучению и распространению передового опыта в нашей стране придается большое значение. Еще в 1918 году В. И. Ленин писал: «Нам надо именно теперь позаботиться о том, чтобы масса необыкновенно ценного материала, который имеется налицо в виде опыта новой организации производства в отдельных городах, в отдельных предприятиях, в отдельных деревенских общинах,— чтобы этот опыт стал достоянием масс»[1].

На необходимость широкого распространения нового, передового, прогрессивного опыта неоднократно указывалось в решениях съездов и Пленумов ЦК КПСС. Передовой производственный опыт представляет большую ценность для коллективов предприятий, для всего народного хозяйства страны. Если его сделать достоянием всех рабочих, научить их применять наиболее совершенные методы труда, то можно подтянуть до уровня передовиков все звенья предприятия, всех рабочих, включая отстающих. Это даст им возможность систематически повышать свою квалификацию, выполнять и перевыполнять нормы выработки.

Возьмем к примеру работу школы передового опыта в цокольном цехе № 1 Саранского электролампового завода, которой руководил оператор шестой линии колбовыдувного автомата В. И. Шлейников.

Сначала изучили опыт работы оператора Шлейникова и его товарищей, провели тщательный хронометраж рабочего времени, сопоставили результаты. В итоге выяснилось, что оператор Шлейников при одинаковых условиях, на том же оборудовании выполняет норму выработки на 100%, а операторы Черемушкин, Коледенков и Наумов — лишь на 38, максимум на 58%[2]. В школе занимались по 25-часовой программе теоретического курса. Столько же часов предусматривалось на практический показ. Программа включала разделы: организация рабочего места, назначение устройства и работы узлов автомата, обслуживание автомата. Каждый раздел имел подробный перечень вопросов по технологии производства. За время обучения в школе операторы Черемушкин, Коледенков, Наумов лучше освоили работу автомата и его настройку. И вот результат: производительность автоматов, обслуживаемых обучавшимися, повысилась с 70 до 96%[3].

Обучение в школе по изучению передового опыта в гальваническом отделении цокольного цеха этого же завода позволило сни-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 149.

[2] «Блокнот агитатора». Отдел пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС, 1963, № 20, стр. 33.

[3] Там же.

зить брак по цинку на 3,5%[1]. Цоколи стали выпускаться значительно лучшего качества.

Большую роль играет и обучение вторым профессиям. Овладение вторыми профессиями позволяет значительно повысить производительность труда, сократить непроизводительные простои оборудования, уменьшить количество рабочих, занятых на вспомогательных работах, обеспечить взаимозаменяемость рабочих на время отпусков и болезни, улучшить использование и обслуживание механизмов. С развитием техники и технологии производства, с ростом общеобразовательной подготовки рабочих кадров этот вид повышения квалификации становится наиболее перспективным.

Гибкой формой обучения рабочих, повышения их квалификации являются курсы целевого назначения, позволяющие оперативно устранять производственные неполадки, а также производственно-технические курсы, цель которых состоит в расширении и углублении теоретических знаний и улучшении практических навыков рабочих. И те и другие курсы сыграли положительную роль в улучшении навыков ухода за оборудованием, улучшении качества продукции и технологии производства, освоении новой техники, повышении производительности труда, снижении себестоимости продукции и т. д. Однако не всегда эти формы повышения квалификации рабочих оценивались и использовались в достаточной мере. В 1965 году удельный вес рабочих, охваченных производственно-техническими курсами, по сравнению с 1959 годом увеличился на 9,0%, а удельный вес рабочих, прошедших курсы целевого назначения, за сопоставимое время, даже снизился на 2%[2]. Но, несмотря на некоторую недооценку этих видов обучения, именно на их долю приходилось 54% всех рабочих, повысивших квалификацию в 1965 году[3]. И это не случайно. Как курсы целевого назначения, так и производственно-технические представляли собой наиболее организованный и плановый вид обучения.

Наряду с рабочими повышали квалификацию и инженерно-технические работники. Для них создавались различные курсы целевого назначения: по изучению новой техники и достижений науки; механизации трудоемких процессов, автоматики производства; экономики и организации производства. За годы семилетки в Мордовии число ИТР и служащих, повысивших квалификацию, составило около 40 тыс. человек[4].

Таким образом, в изучаемый нами период система повышения квалификации рабочих и инженерно-технических работников успешно развивалась, что в основном соответствовало требованиям технического прогресса.

[1] «Блокнот агитатора». Отдел пропаганды и агитации Мордовского обкома КПСС, 1963, № 20, стр. 32.

[2] ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 22, д. 1141, л. 7. Текущий архив ЦСУ МАССР. Отдел труда. Сводный годовой отчет о повышении квалификации рабочих за 1965 год.

[3] Там же.

[4] ЦГА МАССР, ф. р-662, оп. 22, д. 1141, л. 7; д. 1217, л. 11. Текущий архив ЦСУ МАССР. Сектор статистики труда за 1961—1965 годы.

Характерной чертой качественного состава рабочих кадров Мордовии в годы семилетки являлось значительное изменение их профессионального состава.

Таблица 5

Численность рабочих по основным профессиям[1]

Наименование профессий	В % к итогу	
	1959 г.	1965 г.
Всего промышленно-производственных рабочих	100	100
В том числе:		
аппаратчики	0,2	1,6
гальваники	0,3	0,7
наладчики, настройщики станков и автоматов	1,5	2,6
резчики и разметчики по металлу	0,3	0,9
сборщики деталей и изделий	0,3	4,0
слесари	8,9	10,3
станочники по металлу (сверловщики, токари, фрезеровщики, шлифовщики)	6,0	7,7
электромонтеры	1,4	3,6
электросварщики	1,3	1,4
прочие профессии	79,8	67,2

Из вышеприведенной таблицы 5 видно, что, наряду с изменением удельного веса рабочих в промышленности, произошел значительный рост отдельных профессий. Так, удельный вес аппаратчиков среди промышленно-производственных рабочих поднялся с 0,2% до 1,6%. Число их по сравнению с 1959 годом увеличилось в 16,8 раза[2]. Удельный вес сборщиков деталей и изделий соответственно — с 0,3% до 4,0%, количество их возросло более чем в 26 раз[3]. Численность наладчиков, настройщиков станков и автоматов за этот период выросла на 247,6%[4] (удельный вес возрос с 1,5% до 2,6%).

Большие изменения за эти годы произошли в профессиональном составе и среди женщин-рабочих. Эти изменения выражаются в следующих цифрах: удельный вес женщин-сборщиков деталей и изделий (среди самих женщин) — возрос с 0,5% до 5,7%, аппаратчиков — до 1,8%.

Резко возросла численность женщин-рабочих по отдельным профессиям. Например, в 1965 году численность женщин-наладчи-

[1] Текущий архив ЦСУ МАССР. Отдел труда. Справка об итогах учета численности рабочих по профессиям в промышленности.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

ков, настройщиков станков и автоматов составила 1762,5%, женщин-токарей — 867,7%, фрезеровщиц — 628,6% уровня 1959 года[1].

Этому способствовала автоматизация и комплексная механизация производственных процессов.

Грандиозная программа дальнейшего подъема промышленности, технического прогресса и улучшения организации производства требовала широкого применения комплексной механизации и автоматизации производства. Процесс же развития механизации трудоемких работ, а также автоматизация управления производственными процессами опирается на достижения современной науки и техники. В нашей стране созданы все необходимые условия для подъема производства на новую, более высокую ступень, для широкого развития комплексной механизации и автоматизации производственных процессов.

За годы семилетки на предприятиях и стройках Мордовии значительно увеличилось количество станков и автоматов, автоматических и полуавтоматических линий, замкнутых технологических процессов.

Только в 1963 году на предприятиях республики осуществлены 378 предложений по новой технике с общей экономией в 2 млн. рублей, выполнена 21 научно-исследовательская работа, разработаны 29 образцов новых важнейших машин и приборов, освоено производство 30 новых видов продукции, механизировано и автоматизировано более 180 производственных процессов[2]. Это способствовало качественному сдвигу в составе рабочих республики.

Таблица 6

Соотношение численности рабочих, занятых механизированным и ручным трудом[3]

	Численность рабочих в %	
	1959 год	1963 год
Всего рабочих в промышленности	100	204,6
В том числе выполняли работу:		
при помощи машин и механизмов	100	234,6
вручную занятых при машинах и механизмах	100	207,9
вручную не при машинах и механизмах	100	166,1
вручную по ремонту и наладке машин и автоматов	100	304,9

Численность рабочих, выполняющих работу при помощи машин и автоматов возросла по сравнению с 1959 годом на 134,6%,

[1] Текущий архив ЦСУ МАССР. Отдел труда. Справка об итогах учета численности рабочих по профессиям в промышленности.
[2] Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967, стр. 444.
[3] Текущий архив ЦСУ Мордовской АССР. Отдел труда. Справка об итогах учета численности рабочих по профессиям в промышленности.

или в 2,3 раза, и составила в 1965 году 41,4% от общего числа рабочих.

Количество рабочих, выполняющих работу вручную не при машинах и механизмах, увеличилось в 1,6 раза. Вместе с тем их удельный вес уменьшился на 9,3%. Это говорит о том, что постепенно механизированный труд рабочих в промышленности вытесняет ручной труд.

С ростом механизации и автоматизации производства численность и удельный вес рабочих, выполняющих работу вручную, сокращается, однако число рабочих, которые заняты наладкой и ремонтом машин и автоматов, увеличивается. Так, с 1959 по 1965 год их количество увеличилось в 3 раза, а удельный вес — с 7,8% до 11,7%[1].

Эту категорию рабочих не следует приравнивать к рабочим, выполняющим работу вручную. Они представляют собой категорию квалифицированных рабочих и могут в любой момент пополнить ряды рабочих, выполняющих работу при помощи машин и автоматов.

Численность женщин-рабочих в республике, выполняющих работу на автоматах и механизированным способом, за годы семилетки увеличилась в 2,5 раза, а удельный вес их возрос с 34,9% до 42,6%. Вместе с тем произошло увеличение численности женщин, занятых ручным трудом (в 1,7 раза), при сокращении их удельного веса на 7,7%[2].

В отдельных отраслях промышленности республики удельный вес рабочих, занятых механизированным трудом, был выше чем во всей промышленности.

Таблица 7

Удельный вес рабочих, занятых механизированным трудом
(в % к общему количеству рабочих данной отрасли)[3]

Отрасли	Всего	В том числе	
		рабочие основных производств и цехов	рабочие вспомогательных производств и цехов
Машиностроение и металлообработка	43,2	47,0	34,7
Легкая промышленность	46,5	49,0	25,9
Текстильная	50,3	58,7	23,8

Однако, несмотря на достижения в области механизации и автоматизации промышленного производства, в республике до сих

[1] Текущий архив ЦСУ МАССР. Отдел труда. Справка об итогах учета численности рабочих по профессиям в промышленности.
[2] Там же.
[3] Там же.

пор некоторые процессы производства выполняются вручную. Особенно широко распространен ручной труд во вспомогательном производстве, на транспортных и погрузочно-разгрузочных работах, при складировании, а также на заготовительных участках основного производства.

Глубокие качественные изменения в рабочем классе Мордовии способствовали подъему его культурно-технического и политического уровня, росту коммунистической сознательности и его трудовой активности.

Повышение культурно-технического уровня рабочего класса привело к дальнейшему росту рядов рационализаторов и изобретателей.

Таблица 8

Рост числа изобретателей и рационализаторов Мордовии в годы семилетки[1]

Годы	1959	1960	1961	1962	1963	1964	1965
Число изобретателей и рационализаторов	2101	2894	3682	4130	4811	4659	4836

В 1965 году на предприятиях, стройках и в организациях в работе по изобретательству и рационализации принимало участие трудящихся в 2,3 раза больше, чем в 1959 году. За семилетие ими было внесено 40,6 тыс. предложений, из них 26,5 тыс. внедрено в народное хозяйство. Экономический эффект, полученный от внедрения этих предложений, составил 23,3 млн. руб.[2].

Рационализаторами и изобретателями Мордовии была проявлена инициатива по созданию фонда имени семилетки в сумме 20 млн. руб.

Взятые обязательства ими были с честью выполнены: уже к 1 июля 1965 года в фонд семилетки поступило 20 млн. 500 тыс. руб.[3]

Наибольший вклад в рационализаторский фонд имени семилетки внес творческий коллектив саранского завода «Электровыпрямитель». На его счету было 3 млн. 644 тыс. руб., более 2 млн. руб. внесли изобретатели и рационализаторы головного предприятия объединения «Светотехника» — Саранского электролампового завода, 1,5 млн. руб. внесли новаторы завода медицинских препаратов и т. д.[4]

Значительный вклад в выполнение обязательств внесли многие новаторы производства. Так, внедрение в производство предложений Крылова А. Н. дало экономию более 2 млн. руб.; 400 тыс. руб. получена экономия от внедрения предложений старшего инженера Смагиной Н. М. и микролога Иркаевой Н. С. с завода медицинских препаратов; 25 тыс. руб. экономии дали предложения технолога технологического отдела Мурнева, Коковина и многих других[1].

В годы семилетки дальнейшее развитие получило социалистическое соревнование, движение бригад, цехов, участков, заводов за высокое звание коллективов коммунистического труда.

В 1965 году в республике в социалистическом соревновании участвовали почти все рабочие, ИТР и служащие. Движением за коммунистический труд было охвачено 72 тыс. человек, или 42,6% от числа работающих. За почетное звание коммунистических боролись 155 предприятий и организаций, 3430 бригад с числом рабочих около 56 тыс. человек.

Высокое звание завоевали 9 предприятий, 127 цехов, 1092 бригады, объединяющих около 15 тыс. человек. Более 20 тыс. человек удостоены звания ударников коммунистического труда[2].

Рабочему классу Мордовии, как и всему советскому народу, присуще высокое морально-политическое единство, он тесно сплочен вокруг Коммунистической партии, горячо поддерживает внутреннюю и внешнюю политику Советского правительства.

За годы семилетки значительно выросла и окрепла партийная организация Мордовии. В партию вступили тысячи передовых рабочих, инженерно-технических работников и служащих. К концу 1965 года в рядах партии насчитывалось членов и кандидатов в члены КПСС в 1,5 раза больше, чем в конце 1958 года[3]. При этом следует отметить, что если в начале семилетки в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи Мордовской АССР работало 6,8 тыс. коммунистов, то к концу (на 1 января 1966 года) их стало более 16 тыс., из них 98% было занято в сфере материального производства[4].

Более быстрыми темпами росли партийные организации многих промышленных предприятий. Например, на Саранском электроламповом заводе партийная организация увеличилась за семь лет более чем в 5 раз[5], на заводе «Электровыпрямитель» — в 6 раз[6].

Партийные организации вели среди рабочих масс развернутую деятельность, организовывали и направляли их усилия на выполнение задач семилетнего плана, способствовали развитию движения коллективов и ударников коммунистического труда, боролись

[1] Подсчитано на основании данных текущего архива ЦСУ МАССР. Сектор статистики новой техники.
[2] Там же.
[3] ЦГА МАССР, ф. р-1901, оп. 1, д. 59, л. 41.
[4] Там же.

[1] ЦГА МАССР, ф. р-1901, оп. 1, д. 59, л. 41.
[2] Архив Мордовского областного Совета профсоюза, оп. 4, д. 78, л. 9.
[3] Партархив Мордовского ОК КПСС, ф. 269, оп. 1, св. 79, ед. хр. 736, лл. 9—10. Текущий архив Мордовского ОК КПСС. Статистические отчеты о составе Мордовской партийной организации на 1 января 1966 г.
[4] Там же.
[5] Текущий архив парткома электролампового завода.
[6] Текущий архив парткома завода «Электровыпрямитель».

за технический прогресс, за распространение передового опыта, воспитывали трудящихся в духе коммунизма.

В ходе выполнения семилетнего плана партийная организация Мордовии всемерно опиралась на комсомольские и профсоюзные организации, повышала их роль в производственной и общественно-политической жизни республики. В 1965 году в Мордовии насчитывалось более 250 тыс. членов профсоюзов, 80 тыс. юношей и девушек состояли в комсомоле[1].

Таковы основные изменения, которые произошли в рабочем классе Мордовии в годы семилетки. Будучи характерными для одного из отрядов рабочего класса СССР, они отражают общие закономерности развития советского рабочего класса в целом.

[1] Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967, стр. 462.

К. А. ГОРЬКИНА

РАЗВИТИЕ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ МОРДОВИИ ЗА ГОДЫ СЕМИЛЕТКИ

В период развернутого строительства коммунистического общества как необходимое и обязательное условие предполагается создание хорошо организованной и продуманной системы обучения и воспитания подрастающего поколения. Человек нового общества должен быть образованным и настойчивым в преодолении трудностей, волевым и гуманным, культурным и, вместе с тем, любящим физический труд, свободным от всех пережитков прошлого.

Таких людей должна воспитывать советская школа.

Начало новому этапу в развитии советской школы положили решения XXI съезда КПСС и «Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», который был принят в декабре 1958 года Верховным Советом СССР.

Закон о школе предусматривал правильное и гармоничное сочетание широкого общего образования с политехническим.

В июне 1959 года Верховный Совет Мордовской АССР рассмотрел мероприятия о перестройке общеобразовательной школы и улучшении народного образования в республике и принял постановление «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Мордовской АССР».

Верховный Совет Мордовской АССР постановил ввести в республике всеобщее обязательное восьмилетнее образование для всех детей и подростков в возрасте от 7 до 15—16 лет и преобразовать существующие десятилетние школы в различные типы городских и сельских средних общеобразовательных школ.

К переводу школ с семилетнего на восьмилетнее обязательное обучение и организации различных типов средних общеобразовательных школ с политехническим обучением Мордовия приступила с 1959/60 учебного года.

В этом учебном году в республике были созданы первые 8 восьмилетних школ, а через два года их стало уже 109[1].

[1] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1965, стр. 119.

Партийные организации, педагогические коллективы школ республики активно взялись за претворение в жизнь Закона о школе. При этом особое внимание обращали на то, чтобы все дети школьного возраста учились.

Если на начало 1961/62 учебного года в республике не обучалось полторы тысячи детей, то уже в 1962/63 учебном году 967 школ выполнили закон о восьмилетнем всеобуче[1].

Вновь было создано 11 школ-интернатов, 2 школы и 109 групп с продленным днем[2].

К 1962/63 учебному году все семилетние школы были реорганизованы в восьмилетние, а к началу 1963/64 учебного года все десятилетние школы в одиннадцатилетние с производственным обучением.

К этому времени в Мордовии работало 1287 школ, в том числе 715 начальных, 372 восьмилетние и 191 средняя с производственным обучением, в которых обучалось 202757 человек[3].

Только в 1962 и 1963 годах было открыто 3 новые школы для детей, имеющих недостатки в умственном развитии, создана школа с преподаванием ряда предметов на иностранном языке — школа № 12 и школа второго этапа в составе 9—11 классов — школа № 4 в городе Саранске.

Наряду с открытием новых школ, организацией групп продленного дня проводилась большая работа по укреплению материальной базы школ. Прежде всего развернулось строительство новых школьных зданий по типовым проектам. В 1959—1963 годах за счет средств государственного бюджета в республике введено в эксплуатацию 53 новые школы на 17750 мест. Учебная площадь увеличилась и за счет инициативного строительства и передачи школам административных и других зданий. Всего за этот период учебная площадь расширена на 31700 мест[4].

За годы семилетки (1959—1965) за счет государственных капитальных вложений в Мордовской АССР было построено 69 школ на 22820 ученических мест[5]. Кроме того, за счет средств колхозов и совхозов, за счет местного бюджета инициативным способом построено новых школ и пристроев к школам на 41436 ученических мест[6]. Таким образом, за годы семилетки учебная площадь школ была расширена на 64256 ученических мест. Заменены десятки аварийных школьных зданий, значительно сокращена сменность занятий в школах.

[1] Текущий архив Министерства просвещения МАССР. Сведения о школах, выполнивших в 1962/63 учебном году Закон о школе.
[2] Текущий архив Министерства культуры МАССР. Справка в Совет Министров МАССР.
[3] Текущий архив Министерства просвещения МАССР. Справка о состоянии народного образования в МАССР.
[4] Там же.
[5] Текущий архив Министерства просвещения МАССР. Данные строительного отдела.
[6] Там же.

В 1966/67 учебном году вошли в строй действующих Троицкая средняя школа на 536 ученических мест, Кочелаевская средняя школа на 480 мест, Вечкининская восьмилетняя школа на 320 ученических мест, Изосимовская восьмилетняя школа на 192 места. Школы эти были построены на средства колхозов «Гигант», «Россия», «Коммунар», имени Жданова.

Фонд школьных зданий увеличился также за счет передачи различными организациями и учреждениями зданий, пригодных для учебных занятий. Так, в 1965 году предприятия, колхозы, совхозы и организации передали шесть зданий под школы, три — под интернаты при школах, два — под учебные мастерские[1].

Создавая необходимые условия для полного охвата школой всех детей школьного возраста, партийные и советские органы изыскивали возможности организации общественного питания в школах. И в 1962/63 учебном году питание получило 18006 учащихся[2]. В этом важном государственном деле большую помощь оказывали колхозы и совхозы республики. Они выделили школам земельные участки на площади 1746 га[3], на которых школьники выращивают картофель, сахарную свеклу, овощи, зерновые и технические культуры. Полученный урожай шел на организацию питания учащихся. В ряде школ, как, например, в Сургодьской восьмилетней школе Торбеевского района, горячую пищу получали все учащиеся бесплатно.

Хорошими обедами обеспечивались ученики групп продленного дня Анаевской средней школы Зубово-Полянского района. Здесь продукты приобретали за счет дохода с пришкольного фруктового сада и работы на колхозных полях. Аналогичные примеры были и в других районах республики.

Важным условием выполнения всеобуча является наличие интернатов при школах.

В республике 19 тыс. учащихся проживали в 3—5 км от школы. По железной дороге, на рейсовых автобусах, транспорте колхозов и совхозов подвозились к школам только 8 тыс. учащихся[4]. Это обстоятельство требовало неотложных мер по расширению сети школьных интернатов.

За годы семилетки число учащихся в школах-интернатах, интернатах при школах, вспомогательных и специальных школах, детских домах, школах и группах продленного дня выросло с 5,4 тыс. до 26,2 тыс. человек[5].

В системе народного образования велика роль вечерних школ рабочей и сельской молодежи и заочных средних школ.

[1] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 233.
[2] Текущий архив Министерства просвещения МАССР. Сведения по отдельным вопросам народного образования.
[3] «Советская Мордовия», 1965, 5 января.
[4] Текущий архив Министерства просвещения МАССР. Справка о состоянии народного образования в МАССР и мероприятия по его улучшению.
[5] Там же.

Важное значение в увеличении и закреплении контингента обучающихся в вечерних школах сыграло постановление Совета Министров Союза ССР от 5 ноября 1959 года. Этим постановлением были предоставлены льготы молодежи, учащейся без отрыва от производства, созданы ей более благоприятные условия для учебы. Если на начало 1962/63 учебного года всеми формами обучения без отрыва от производства было охвачено 16073 человека[1], то в 1966/67 учебном году более 20 тыс. рабочих и колхозников пришли учиться в вечерние школы[2]. Это, естественно, потребовало расширения сети вечерних школ. К концу семилетки в республике их функционировало около 90. Работа вечерних школ рабочей и сельской молодежи находилась под неослабным вниманием партийных и советских органов. Райкомы партии и райисполкомы создали специальные комиссии содействия обучению юношей и девушек без отрыва от производства. Такие комиссии были созданы и на предприятиях, в колхозах и совхозах.

Активную деятельность по вовлечению работающей молодежи в вечерние школы развернули комиссии в Атюрьевском, Ардатовском, Ковылкинском районах. Не случайно здесь почти вся работающая молодежь обучалась без отрыва от производства.

Кроме вечерних и заочных школ в республике стали распространяться новые формы обучения работающей молодежи — школы мастеров и учебные комбинаты, где, наряду с общеобразовательной подготовкой, было организовано обучение по различным специальностям: электротехнике, строительному делу, полеводству, животноводству и т. д.

Например, в Аловской вечерней школе сельская молодежь получала общеобразовательную подготовку и одновременно осваивала профессии тракториста, комбайнера, полевода. В школе рабочей молодежи при Ардатовском светотехническом заводе были созданы классы по подготовке специалистов по металлообработке, электротехнике.

Таким образом, благодаря совместным усилиям партийных и советских организаций, коллективов школ и общественности в Мордовии был осуществлен восьмилетний всеобуч. В 1965/66 учебном году в республике уже не было детей в возрасте 7—15 лет, которые не посещали школу без уважительных причин.

В это время в республике работало 1264 школы, в том числе 373 восьмилетние, 201 средняя. Во всех школах обучалось 222,4 тыс. человек[3]. Кроме того, в республике работало 11 школ-интернатов с числом учащихся 4096 человек[4], 90 вечерних и заочных школ с числом учащихся в них 17,6 тыс. человек[5].

[1] Текущий архив статуправления МАССР, д. 101—103, лл. 57, 58.
[2] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 230—31.
[3] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 156—157, 158.
[4] Там же, стр. 160.
[5] Народное хозяйство МАССР. Статистический сборник. Саранск, 1965, стр. 117.

Советская школа прежде всего должна давать детям прочные знания основ наук. Воспитывать достойную смену строителей коммунистического общества. Эта задача не из легких. Педагогические коллективы под руководством партийных организаций принимали неотложные меры по перестройке учебно-воспитательного процесса в соответствии с новейшими достижениями педагогической науки и практики, включались в движение за преодоление второгодничества.

Творческая работа учителей, органов народного образования и общественности дала положительные результаты. Успеваемость учащихся с 91,5% в 1961/62 учебном году поднялась до 96,5% в 1963/64 учебном году[1]. Многие коллективы школ добились 100% успеваемости и решили проблему второгодничества. К ним относятся Темниковская, Сабанчеевская, Каймарская, Ямщинская средние школы и др. Всего по республике в 1965/66 учебном году без второгодников работали 401 школа и 4267 учителей[2].

Среди учителей, работающих без второгодников, можно назвать Людмилу Ильиничну Гущину — заместителя директора по начальным классам Саранской школы № 17, Валентину Дмитриевну Филатову — учительницу русского языка Мордовско-Сыресевской восьмилетней школы Атяшевского района, Ивана Васильевича Капитанова — учителя начальных классов Аксельской средней школы Темниковского района.

Чувство высокого долга, глубокое знание своего предмета, творческий подход к решению педагогических проблем характерны для многих учителей республики. Это положительно сказывалось на выполнении задач, поставленных Коммунистической партией перед школой.

Партийные и советские органы страны, органы народного образования республики особой заботой окружали национальные школы. В 1966 году в Мордовии функционировало 398 мордовских и 55 татарских школ, в которых обучалось около 80 тыс. детей[3].

Учитывая специфические особенности этих школ Министерство просвещения республики обращало внимание на их обеспечение квалифицированными кадрами учителей снабжение учебно-наглядными пособиями чтобы создать необходимые условия для успешного обучения и воспитания детей коренной национальности. Многие национальные школы с согласия родителей вели занятия на русском языке с первого класса. В 1963/64 учебном году на русском языке обучалось 11% учащихся начальных классов, т. е. 4237 человек, и все учащиеся 5—8 классов мордовских школ[4]. В

[1] Текущий архив Министерства просвещения МАССР. Справка о работе школ.
[2] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 229.
[3] Там же, стр. 228.
[4] Текущий архив Министерства просвещения МАССР. Информация о ходе выполнения Постановления июньского (1963 г.) Пленума ЦК КПСС.

1964 году в 195 мордовских школах в 1—4 классах обучалось на русском языке 8115 человек[1].

Но в большинстве же мордовских школ обучение велось на родном языке, правда, со второго-третьего классов вводилась русская терминология на уроках арифметики, а в четвертом классе преподавание арифметики, истории и природоведения ведется с активным использованием русского языка и по учебникам русской школы.

Областной комитет партии и Совет Министров Мордовской АССР принимали ряд мер по укреплению мордовской школы. Были разработаны новые учебные планы и программы по родному и русскому языкам, родной литературе, переработаны и созданы новые учебники и учебно-методические пособия. Только в 1965 году для мордовских школ издано 36 оригинальных и 12 переводных учебников общим тиражом 213 тыс. экземпляров[2]. К составлению учебников привлекались мордовские ученые, преподаватели вузов и опытные учителя.

Подготовку учителей для национальных школ вели два педучилища, Мордовский госпединститут и Мордовский государственный университет. Для подготовки высококвалифицированных кадров преподавателей родного языка в пединституте и университете были созданы мордовские отделения.

В обучении и воспитании основная роль принадлежит учителю. М. И. Калинин говорил, что учитель работает над самой ответственной задачей — он формирует человека[3].

В. И. Ленин видел в учителе основного борца за культурную революцию. Учительство называл он главной армией социалистического просвещения[4]. На учителе лежит ответственность перед партией, народом, перед нашим завтра за тех, кто придет на поля, заводы, в лаборатории. Памятуя об этом, партийные и советские органы, органы народного образования республики в годы семилетки проводили систематическую работу по повышению квалификации учителей. Республиканский институт усовершенствования учителей систематически организовывал курсы и семинары предметников. Только в 1964 году курсами по повышению квалификации было охвачено 435 учителей русского языка, 82 учителя начальных классов, ведущих обучение мордовских и татарских детей на русском языке[5]. Ежегодно курсы, организованные институтом усовершенствования учителей, проходило 2000—2200 учителей, воспитателей, пионервожатых.

За 1964—1965 годы через курсы повышения квалификации при

[1] Текущий архив Министерства просвещения МАССР. Справка о состоянии обучения русскому языку учащихся мордовских школ.
[2] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 228.
[3] М. И. Калинин. Избранные произведения, т. 3, М., Госполитиздат, 1962, стр. 324.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 420.
[5] Текущий архив Министерства просвещения МАССР.

институте усовершенствования учителей прошли 4221 учитель[1]. В 1965 году институтом усовершенствования учителей были открыты очно-заочные курсы повышения квалификации, на которых занималось 530 учителей[2].

Важной формой повышения мастерства учителей явились республиканские научно-практические конференции, проведенные Министерством просвещения МАССР на различные темы: «Пути преодоления второгодничества в школах Мордовской АССР», «Преподавание русского языка и литературы в мордовских и татарских школах», а так же экскурсии учителей в лучшие школы Москвы, Ленинграда и других городов.

В Мордовии к концу 1965 года работало 12538 учителей[3]. А в 1959 году учителей в республике было 10417 человек[4], то есть за годы семилетки количество их возросло более чем на 2000 человек. В 1966/67 учебном году в республике работало уже 12733 учителя[5]. О постоянном росте учительских кадров и их образовательного уровня свидетельствует нижеприведенная таблица[6].

Таблица 1

Учебный год	Всего учителей	В том числе имеют образование			
		высшее	незаконченное высшее	среднее специальное	среднее
1954/55	10418	1658	3031	4628	6.9
1965/66	12538	3710	2213	4745	1[illegible]9
1966/67	12733	4021	2243	5103	1229

Данные таблицы 1 красноречиво говорят о том, что наряду с ростом количества учителей в республике значительно повысился их образовательный уровень. Если в 1954/55 учебном году с высшим образованием в Мордовии было только 1658 учителей, то в 1966/67 учебном году их стало 4021.

Учительская профессия, как и всякая другая, требует постоянного роста, движения вперед, совершенствования педагогического и методического мастерства. Этому в значительной степени содействовали и школы передового опыта. В начале 1962/63 учебного года в республике было организовано 67 опорных школ, позднее

[1] Текущий архив Министерства просвещения МАССР.
[2] Там же.
[3] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 157.
[4] Текущий архив Госплана. Паспорт по показателям сектора культуры и здравоохранения.
[5] Мордовская АССР за годы Советской власти. Статистический сборник. Саранск, 1967, стр. 157.
[6] Составлена по данным текущего архива Министерства просвещения МАССР, школьного отдела; Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 232.

были созданы 151 школа передового опыта[1]. В этих школах действовали семинары-практикумы для учителей и руководителей школ по изучению эффективных форм и методов организации учебно-воспитательного процесса. Опорные школы стали центром передового опыта учителей. Методические советы при них систематически изучали, обобщали и распространяли передовой опыт учителей, классных руководителей и руководителей школ. Примером хорошо поставленной методической работы служили Явасская, Ардатовская, Темниковская, Болдовская и многие другие школы, которые являлись опорными.

Учителя республики наряду с обучением и воспитанием детей вели большую работу среди населения. Они являлись агитаторами, пропагандистами, лекторами, участвовали в художественной самодеятельности, оказывали большую помощь учреждениям культуры в проведении массово-политической работы среди трудящихся. В составе советов клубных учреждений работали 948 учителей, которые одновременно выполняли обязанности руководителей кружков художественной самодеятельности. Более 500 учителей являлись лекторами-общественниками и активистами учреждений культуры. Более 1000 учителей являлись участниками кружков художественной самодеятельности, руководителями передвижных библиотек и пунктов обмена книг[2].

Учителя Дубенского района проявили инициативу в организации женсоветов при сельских клубах по борьбе за создание здорового быта в семье. Инициатива дубенских учителей получила распространение по всей республике.

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценивают заслуги учителей в воспитании и обучении подрастающего поколения. Благородный труд учителей отмечен высокими правительственными наградами: 2397 учителей республики награждены орденами и медалями. В Мордовии работают 725 учителей, которым присвоено звание «Отличник народного просвещения», 429 учителям было присвоено звание заслуженного учителя Мордовской АССР, 72 учителям — звание заслуженного учителя РСФСР[3].

В жизни педагогических коллективов, их борьбе за прочные и глубокие знания, за нового человека велико значение школьных партийных организаций. Коммунисты-учителя оказывали большое влияние на коллектив, на весь процесс обучения и воспитания прежде всего личным примером. Областной комитет партии постоянно направлял деятельность школьных партийных организаций, оказывал им помощь и поддержку, систематически проводил семинары секретарей первичных партийных организаций школ республики. Все это положительно сказывалось на повышении эффективности обучения и воспитания школьников. В работе школ

[1] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 227.
[2] ЦГА МАССР, ф. р-1121, оп. 2, д. 346, лл. 246—248.
[3] Текущий архив Министерства просвещения МАССР.

все заметнее становилась связь обучения с жизнью. На уроках все чаще практиковалась самостоятельная работа учащихся, закрепляющая творческое освоение изучаемого теоретического материала. И это проводилось не только на уроках физики, химии, биологии и математики, но и на уроках русского языка, истории и географии.

В процессе преподавания физики, химии, математики лучшие учителя разъясняли учащимся применение законов физики, химии в промышленности и сельском хозяйстве, транспорте, проводили практические и лабораторные работы, экскурсии, демонстрировали учебные кинофильмы, вовлекали учащихся в активную работу по изготовлению наглядных пособий.

В процессе обучения учителя много сил отдавали формированию личности каждого ученика, воспитывая в нем глубокую преданность делу коммунизма, понимание своего долга перед Родиной.

В коммунистическом воспитании учащихся важная роль отводилась преподаванию истории и обществоведения.

После опубликования Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 октября 1959 года «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах» и Постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 года «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» Мордовский обком КПСС организовал республиканские чтения, посвященные научному обобщению опыта учителей истории республики.

Позднее во многих районах республики были организованы районные педагогические чтения учителей истории. Кроме того, в Мордовии работали постоянно действующие районные и городские методические объединения преподавателей истории.

Методические объединения помогали учителям школ в планировании школьного курса истории и методической разработке его отдельных тем.

Обком партии внимательно следил за состоянием преподавания курса истории в школе, всесторонне изучал этот вопрос, неоднократно обсуждал на заседаниях бюро.

Так, в апреле 1961 года бюро Мордовского обкома КПСС приняло постановление «О состоянии преподавания истории в школах республики», где были указаны недостатки в преподавании школьного курса истории и намечены пути их устранения. Особое внимание обращалось на повышение эффективности уроков истории, рост педагогического мастерства преподавания. Постановление было опубликовано в республиканской печати и широко обсуждалось на районных семинарах историков и среди работников народного образования. В школах были разработаны конкретные мероприятия по выполнению постановления обкома партии. Республиканский институт усовершенствования учителей более продуманно и на высоком идейно-теоретическом уровне проводил семинары учителей истории, помогал организовывать районные

педагогические чтения, обобщал передовой опыт в преподавании истории.

В помощь учителю истории Мордовское книжное издательство выпустило несколько учебно-методических пособий, освещающих формы привлечения краеведческого материала при преподавании истории, опыта лучших учителей школ Мордовии, в организации антирелигиозной пропаганды и эстетического воспитания.

Такая конкретная помощь позволила педагогическим коллективам поднять уровень преподавания истории в школах республики, вести действенную антирелигиозную работу не только среди учащихся, но и их родителей.

Эстетическое воспитание является составной частью коммунистического воспитания молодого поколения. А основы культуры закладываются на школьной скамье. Эту истину хорошо осознали во многих школьных коллективах.

Почти во всех средних и восьмилетних школах были созданы картинные галереи из репродукций картин русских и советских художников. Организация школьных картинных галерей явилась важной формой эстетического воспитания учащихся. Школьники, не выезжая в крупные города, имели возможность познакомиться с замечательными творениями величайших представителей русской и советской культуры, увидеть прелести красоты родной природы, силу и величие русского народа в борьбе с врагами. Посещая школьную картинную галерею, учащиеся входили в мир прекрасного, в мир настоящего, подлинно народного искусства, служащего всей своей силой правды интересам миллионов трудящихся. В эстетическом воспитании учащихся немалую роль играли праздники песен, республиканские районные и внутришкольные олимпиады детской художественной самодеятельности.

В организации эстетического воспитания учащихся большую помощь школам оказывали творческие организации республики. Например, при республиканской картинной галерее была открыта постоянная передвижная выставка репродукций, которая обслуживала учащихся школ Мордовии.

Интересам улучшения учебно-воспитательной работы в школах служили новые технические средства: кино, диафильмы, диапозитивы, магнитофоны и другие. К 1966/67 учебному году школы республики имели 444 узкопленочных киноаппарата[1]. Их использование в учебной и внеклассной работе способствовало значительному повышению эффективности урока. Учителя школ Мордовии часто практиковали проведение киноуроков по различным темам и предметам. Например, по истории интересны учебные кинофильмы: «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», «Великая Отечественная война. 1941—1945».

В городе Саранске создана республиканская фильмотека, которая к началу 1964/65 учебного года имела 540 учебных фильмов

[1] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 233.

и 2200 фильмокопий[1]. К этому времени на общественных началах фильмотека была организована в городе Темникове. В ее фонд из республиканской фильмотеки было передано 208 копий[2].

В школах № 10 и № 13 города Саранска работали детские кинотеатры, в которых систематически демонстрировались художественные фильмы. Таким образом, педагогические коллективы совместно с партийными, советскими и общественными организациями творчески искали новые пути, формы и методы эффективного влияния на формирование подрастающего поколения.

Этой главной задаче школы был подчинен и переход с 1959/60 учебного года к работе по новому учебному плану и программам, которые с 1962/63 учебного года стали полностью определять все содержание учебно-воспитательной деятельности школ всей страны.

В новых учебных планах и программах большое внимание уделялось повышению уровня общеобразовательной подготовки учащихся, приближению их теоретических знаний к жизни, к практике коммунистического строительства. Изучение основ наук сочеталось с обучением учащихся тому, как применять знания по математике, черчению, химии, биологии и другим предметам в жизни, в важнейших отраслях современного промышленного и сельскохозяйственного производства.

Трудовое воспитание учащихся стало осуществляться с первого года обучения путем проведения уроков труда в классах, в школьных мастерских и на учебно-опытных участках. Для учащихся 5—8 классов была организована двухнедельная общественно-производственная практика. Для девочек 5—8 классов вводились специальные занятия по домоводству.

В старших классах учащиеся включались в производственный труд в школьных мастерских, на пришкольном участке, предприятиях, колхозах и совхозах. Это вовлекало учащихся в различные виды общественно-полезного труда.

Важным в организации трудового воспитания явилось введение самообслуживания в общеобразовательных школах, школах-интернатах, детских домах и других учебных заведениях. Самообслуживание — это начальная стадия трудового воспитания и развития у учащихся наиболее распространенных трудовых навыков: уборка своего класса, школьного коридора, школьного двора и сада, работа в школьном буфете, уборка спален в школьных интернатах и т. д. Наиболее сложные трудовые навыки школьники вырабатывали на уроках, в мастерских, в школьных и заводских лабораториях, на предприятиях, в колхозах и совхозах. К 1963 году большинство средних и многие восьмилетние школы Мордовии имели свои учебные мастерские, 175 кабинетов физики, 86—

[1] Текущий архив Министерства просвещения МАССР. Справка об использовании технических средств обучения в школах МАССР.

[2] Там же.

химии, 41 — биологии, 67— машиноведения и электротехники и 67 кабинетов домоводства[1]. В учебных мастерских школ имелось 1338 действующих станков по металлу и дереву, 2231 столярный верстак, 1100 швейных машин, 208 автомашин[2], много тракторов, комбайнов и другой сельскохозяйственной техники.

Наиболее эффективными формами связи учебного процесса с производительным трудом в сельских школах явились ученические производственные бригады в колхозах и учебно-опытные хозяйства при школах. В 1959 году в таких бригадах сочетали учебу с производительным трудом до 60 тыс. учащихся[3].

Такая форма организации производственного обучения и трудового воспитания учащихся отвечала требованиям перестройки и дальнейшего развития советской школы.

Труд учащихся в учебно-производственных бригадах сочетался с отдыхом, культурно-массовыми мероприятиями и занятиями в различных кружках.

В организации летних ученических лагерей школам помогали колхозы.

По примеру школ и колхозов Чамзинского района летние ученические лагеря стали организовываться и в других районах республики. В 1962 году ученических производственных лагерей было в республике 12, а в 1966 году — более 70[4].

Члены ученических производственных бригад вносили свой посильный вклад в сельскохозяйственное производство. Только в 1965 году ими было выращено сельскохозяйственных культур на площади 5626 га, проведен уход за колхозными и совхозными садами на площади 539 га[5].

Правда, новая форма организации трудового воспитания проводилась не везде продуманно, допускались ошибки, связанные с перегрузкой учащихся и ослаблением теоретической подготовки.

Ряд сельских средних школ с производственным обучением не были обеспечены тракторами, сельскохозяйственными машинами, инвентарем и земельными участками, необходимыми для учебных целей. В некоторых школах не было кабинетов машиноведения, деталей и узлов, изучаемых сельскохозяйственных машин, наглядных пособий, вследствие чего учащиеся не получали нужных знаний и умений. Таким образом, часть сельских школ производственное обучение ограничивала лишь простым участием детей в сельскохозяйственных работах.

Трудовое воспитание учащихся городов и рабочих поселков определялось развивающимся в них промышленным производством и строительством, потребностями в квалифицированных инженерно-технических и рабочих кадрах.

---

[1] Труды МНИИЯЛИЭ. Серия историческая, вып. 27. Саранск, 1964.
[2] Там же.
[3] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 224.
[4] Там же.
[5] Там же.

Например, Тургеневская средняя школа Ардатовского района с 1959 года начала работу по плану средней общеобразовательной школы с производственным обучением. Производственной базой ее был избран Ардатовский светотехнический завод с привлечением его инженерно-технических кадров для проведения теоретических и практических занятий.

Завод «Электровыпрямитель» шефствовал над школой № 17. Все годы завод оказывал школе помощь в осуществлении соединения обучения с производительным трудом.

Участие школьников в производственном труде обеспечивало не только получение необходимой подготовки к будущей практической деятельности, но и способствовало воспитанию у них коммунистического отношения к труду. На учащихся благотворно сказывалось влияние рабочего коллектива.

Но в трудовом воспитании, а особенно в профессиональном обучении учащихся в городских школах также имелись недостатки. В некоторых средних школах с производственным обучением отсутствовала необходимая база, а предприятия не обеспечивали учащихся рабочими местами и в силу этого они не приобретали практических навыков. На ряде заводов производственное обучение учащихся проводили на станках старого типа, которые не использовались в производстве.

Недостатки в организации трудового воспитания и производственного обучения отрицательно сказывались на обучении и воспитании школьников.

Опыт работы школ показал, что удлинение срока обучения в средней школе на один год, который в основном затрачивался на производственное обучение учащихся, себя не оправдало.

В связи с этим Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «Об изменении срока обучения в средних общеобразовательных трудовых политехнических школах с производственным обучением», в котором было предложено реорганизовать с 1 сентября 1964 года одиннадцатилетние школы с производственным обучением в десятилетние. Кроме того, в феврале 1966 года было вынесено Постановление «О частичном изменении трудовой подготовки в средней общеобразовательной школе», в котором указывалось, что в связи с переводом средней общеобразовательной школы на десятилетний срок обучения, отсутствия во многих школах необходимых условий для осуществления обязательной профессиональной подготовки учащихся, в средних общеобразовательных трудовых политехнических школах учащиеся должны получать среднее общее и политехническое образование и трудовое воспитание, а при наличии условий — и профессиональную подготовку.

В Мордовской республике было выделено лишь пять школ, которые могли осуществлять профессиональное обучение учащихся: школы № 10, 17, 20 города Саранска, Ширингушская средняя школа Зубово-Полянского района, средняя школа при Ромодановском

сахарном заводе. В этих школах были все необходимые условия, чтобы вести профессиональную подготовку учащихся.

Новые условия работы школы повышали роль комсомольских и пионерских организаций. Комсомольцы и пионеры, являясь активными помощниками учителей в коммунистическом воспитании учащихся, организовывали проведение политинформаций, докладов, лекций, диспутов на различные темы, руководили работой школьных радиокомитетов, стенной печати, лекторских групп, агитбригад, принимали участие в организации школьных клубов, ленинских выставок, туристических походов, экскурсий, шефствовали над детьми младшего возраста. Но не только этим ограничивалась работа комсомольцев и пионеров. Их инициативе принадлежит множество ценных начинаний в организации внеклассной работы. В этом большом деле немаловажную роль играли внешкольные детские учреждения. В республике работали 21 Дом пионеров, 4 спортивные детские школы, станция юных натуралистов, станция юных техников, экскурсионно-туристическая станция, в которых занималось 5315 учащихся.

В 856 школах республики работали туристско-краеведческие кружки, в которых было занято 15 тыс. учащихся, юннатские кружки охватывали свыше 11 тыс. школьников[1]. С каждым годом увеличивалось количество учащихся, отдыхающих в пионерских лагерях. Если в 1960 году в пионерских лагерях отдыхало более 7 тыс. школьников[2], то в 1965 и 1966 годах —25600[3].

Возросшие требования к школе значительно усилили внимание к ней общественных организаций. Комитеты комсомола, профсоюзные организации, родительские комитеты, колхозы и совхозы, женские советы более активно стали помогать школе в усилении воспитательной работы с учащимися.

На всех промышленных предприятиях, во многих колхозах и совхозах были созданы советы содействия воспитанию детей в школе и семье. Рабочие коллективы предприятий таких, как Алексеевский цементный завод, Саранский завод медицинских препаратов и другие, организовали шефство бригад и ударников коммунистического труда над классными ученическими коллективами и отдельными учениками.

В школах республики работало 1509 школьных и 847 классных родительских комитетов, объединяющих более 8 тыс. человек. Кроме того, около 8 тыс. человек объединяли родительские комитеты, созданные на многих промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах, домоуправлениях, в крупных жилых домах[4].

[1] Текущий архив Министерства просвещения МАССР. Справка о работе школ и органов народного образования по искоренению безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних.

[2] «Советская Мордовия», 1960, 14 июня.

[3] Под звездой Октября. Саранск, 1967, стр. 303.

[4] Текущий архив Министерства просвещения МАССР. Справка о развитии общественных начал в системе Министерства просвещения.

Родительские комитеты принимали активное участие в жизни школ. Они развернули широкую педагогическую пропаганду среди родителей, осуществляли контроль за поведением детей на улице, дома, помогали администрации и учительским коллективам в выявлении учащихся, нуждающихся в материальной помощи, изыскивали дополнительные средства в фонд всеобуча.

Новым в организации работы родительской общественности явилось создание городских родительских комитетов. Первый общегородской родительский комитет был создан в Саранске. В него вошли представители родительских комитетов школ и детских садов. Аналогичные комитеты были созданы и в других городах республики, а также во многих районах.

Важной формой организации пропаганды педагогических знаний явились университеты для родителей. Они в годы семилетки получили большую популярность и функционировали почти во всех районах Мордовии.

Активная работа общественных организаций совместно с педагогическими коллективами способствовала созданию новых форм учебно-воспитательной работы. Экскурсии, практические и лабораторные работы на предприятиях, встречи с ударниками и бригадами коммунистического труда, объединенные комсомольские собрания производственных и школьных организаций и многие другие формы вошли в школьную практику через общественные начала и стали обязательными в учебной и воспитательной работе.

Таким образом, в рассматриваемое время в области народного образования Мордовской АССР произошли значительные изменения, позволившие успешно решать вопросы обучения и воспитания подрастающего поколения.

С. И. ДАВЫДОВ

БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ГОРОДА САРАНСКА ЗА УСПЕШНОЕ ВЫПОЛНЕНИЕ СЕМИЛЕТНЕГО ПЛАНА

В феврале 1959 года на собрании партийного актива, посвященном итогам работы XXI съезда КПСС и задачам Мордовской областной парторганизации, как докладчик, так и выступавшие отметили, что за семилетие быстрыми темпами будет развиваться народное хозяйство Мордовской республики. Валовая продукция промышленности возрастет почти в 5 раз и составит более 8 млрд. рублей.

Большие средства направлялись прежде всего на увеличение энергетических мощностей и строительство новых предприятий химической, светотехнической, машиностроительной, электротехнической, автомобильной, медицинской, пищевой и легкой промышленности. Значительные средства отпускались на создание новых предприятий промышленности строительных материалов.

Предполагалось, что с вводом новых энергетических мощностей выработка энергии достигнет к концу 1965 года свыше 1 млрд. квт. Большое значение имело включение Мордовии в единую энергетическую систему европейской части СССР, что дополнительно давало республике огромные перспективы для дальнейшего развития промышленности, сельского хозяйства и культуры.

Только за счет государственных средств в республике планировалось построить 663 тыс. кв. метров жилой площади.

В предстоящем семилетии на базе газопровода Саратов—Горький намечалась газификация ряда предприятий Саранска и Рузаевки.

В соответствии с семилетним планом Мордовской АССР были определены плановые задания и городу Саранску. Всего за семь лет рост валовой продукции предприятий города намечалось увеличить более чем в 3 раза. Это достигалось, прежде всего, за счет роста производительности труда, реконструкции и наращивания мощностей имеющихся предприятий, а также за счет строительства и ввода в эксплуатацию новых предприятий химической, светотехнической, машиностроительной, электротехнической, пищевой и легкой промышленности. Много внимания уделялось созданию промышленности строительных материалов. Город Саранск за семилетие за счет реконструкции и значительного расширения завода «Электровыпрямитель», Саранского электролампового завода, строительства новых заводов специальных источников света и электровакуумного стекла превратился в один из главных центров электро-светотехнической промышленности страны.

Для выполнения намеченных планов необходимо было мобилизовать всех рабочих, инженерно-технических работников и служащих довести до каждого человека плановые задания предприятия, цеха, чтобы каждый рабочий вник в реальность плана.

Под руководством партийных организаций во всех предприятиях и строительных организациях города прошли собрания, где разъяснялись задания семилетки и ответственность каждого за их выполнение.

В первой декаде марта 1959 года в Саранске прошел комсомольский актив республики. На нем был обсужден доклад «Об итогах работы XXI съезда КПСС и задачах комсомольской организации». Актив принял решение взять шефство над предприятиями химической промышленности и до 1963 года направить на строительство этих предприятий 12,5 тыс. комсомольцев.

20 марта 1959 года в печати были опубликованы социалистические обязательства трудящихся города Саранска по промышленности, строительству, благоустройству и торговле на 1959 год. В них говорилось: «Выполняя решения XX съезда КПСС, трудящиеся города Саранска добились некоторых положительных результатов в выполнении взятых на себя социалистических обязательств.

Промышленные предприятия Саранска выполнили план 1958 года на 104,4%. Дано сверхплановой продукции на сумму свыше 37 млн. рублей. Выполнены обязательства по повышению производительности труда и снижению себестоимости выпускаемой продукции. Объем промышленного производства возрос по сравнению с 1957 годом на 20,5%. В 1958 году промышленными предприятиями города освоено производство новых видов продукции: бронекабеля, сигнально-блокировочного кабеля, автосамосвалов, кремниевых полупроводниковых элементов, аппаратов испытания, напильников, газонаполнительных ламп и др.

Улучшилась работа строительных организаций города. В 1958 году строительные организации города выполнили работ на 36 млн. рублей больше, чем в 1957 году. Построены и сданы в эксплуатацию 33,5 тыс. кв. метров жилой площади, первая очередь ТЭЦ-2 мощностью 25 тыс. квт, обувная и макаронная фабрики, новые производственные площади на кабельном заводе, клуб строителей, спортивный павильон «Динамо», два детских сада и ряд других промышленных и культурно-бытовых объектов. Полностью освоены средства, выделенные на благоустройство города, капитальный и текущий ремонт жилого фонда, расширена сеть водопровода и канализации»[1].

---

[1] «Советская Мордовия», 1959, 20 марта.

Далее в социалистических обязательствах говорилось, что, воодушевленные историческим решением XXI внеочередного съезда КПСС, трудящиеся города, подсчитав свои возможности, с новой энергией включаются в борьбу за досрочное выполнение грандиозных планов первого года нового семилетнего плана развития народного хозяйства нашей страны. Они обязались выполнить производственный план по выпуску валовой продукции к 20 декабря, а по основной номенклатуре — к 25 декабря и дать сверхплановой продукции на сумму не менее 50 млн. рублей. В социалистических обязательствах предусматривалось повысить производительность труда против плановой на 3%, снизить себестоимость выпускаемой продукции на 1,2% против установленного плана, добиться сверхплановых накоплений не менее 9 млн. рублей. От внедрения в производство изобретений и рационализаторских предложений дать экономии не менее 3,5 млн. рублей.

Трудящиеся Саранска обязались полностью освоить капиталовложения на строительство и реконструкцию промышленных предприятий к 25 декабря 1959 года.

28 апреля были опубликованы первые итоги социалистического соревнования, где сообщалось, что все предприятия Саранска, входившие в совет народного хозяйства, к 25 апреля выполнили план 4 месяцев и до конца месяца дополнительно дадут еще на 20 млн. рублей продукции. К этому времени объем валовой продукции по сравнению с соответствующим периодом прошедшего года вырос на 31%[1].

В начале июня 1959 года состоялся III пленум городского комитета партии с повесткой дня «О ходе выполнения социалистических обязательств, принятых коллективом строительного треста № 13 на 1959 год». Пленум отметил некоторые успехи в работе, положительное влияние перестройки структуры треста, однако потребовал от руководства закрепления этих успехов и выполнения принятых социалистических обязательств.

Большая работа была проделана Саранской городской партийной организацией по внедрению в производство новейших достижений науки и передового опыта. Применение более совершенных механизмов, модернизация действующего оборудования и совершенствование технологии стали обычным явлением на предприятиях города Саранска.

Еще в канун XXI съезда КПСС на предприятиях и стройках города Саранска широко развернулось движение за коммунистический труд. Инициаторами его выступили: бригада слесарей Саранского мотовозоремонтного завода, возглавляемая А. С. Митяевым, бригада каменщиков УНР «Промстрой» руководимая Героем Социалистического Труда С. Е. Нуждиным, бригада электродного отделения электролампового завода, возглавляемая В. Ф. Казаковым, бригада А. Арюковой с завода «Электровыпрямитель» и бригада порционеров консервного комбината Р. Махановой[1].

[1] «Советская Мордовия», 1959, 28 апреля.

18 июня 1959 года в Саранске состоялся первый республиканский слет участников движения за коммунистический труд, на котором присутствовало около 500 человек[2]. К этому времени в городе уже имелось 150 бригад, 10 смен, около 500 рабочих, борющихся за звание коллективов и ударников коммунистического труда.

В принятом обращении участники слета призывали рабочих, инженерно-технических работников и служащих промышленности, транспорта, строек, РТС и совхозов республики неустанно множить ряды коллективов и ударников коммунистического труда, досрочно, к 20 декабря, выполнить план 1959 года. Кроме того, участники слета решили принять все меры к тому, чтобы выполнить задание семилетки по уровню производства на 1—2 года раньше намеченного срока[3].

Широкую поддержку на предприятиях и стройках Саранска нашел почин Валентины Гагановой. По ее примеру на отстающий участок цеха электролампового завода перешел работать бригадир Новичков. В отстающую бригаду перешла работать помощник мастера Саранского пенькового комбината Е. Г. Давыдова. И таких примеров было немало.

С большим воодушевлением коллективы промышленных предприятий и строек встретили сообщение о созыве июньского Пленума ЦК КПСС, на котором должны были обсуждать вопросы развития производства в семилетке.

Труженики Саранского кабельного завода, выступив инициатором соревнования за досрочное выполнение плана первого полугодия к 14 июня 1959 года, обязались выпустить сверхплановой продукции на сумму 5 млн. рублей, повысить производительность труда против плана на 7%, снизить себестоимость выпускаемой продукции на 0,5%[4]. Эти обязательства были успешно выполнены. Коллектив освоил новые виды изделий: детонаторные провода в пластмассе, осветительный провод с алюминиевой жилой в пластмассовой изоляции, который заменил провод с медной жилой, давший экономию меди до 30 кг на каждый километр провода. Было освоено также производство сигнально-блокировочного кабеля с пластмассовой изоляцией, кабель с наружным защитным бронепокровом, что дало возможность прокладывать этот кабель в земле. Большое внимание уделялось внедрению новой техники. Только от применения в производство установки для волочильной эмульсии в 3 раза увеличилась на этой операции производительность труда. Одновременно в 2 раза снизился расход растительного масла,

[1] Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск, 1967, стр. 406.
[2] Там же, стр. 407.
[3] «Советская Мордовия», 1959, 24 июня.
[4] Там же, 9 июня.

улучшилось качество эмульсии. Все это дало свыше 50 тыс. рублей условной экономии в год[1].

На заводе была разработана и внедрена в производство новая конструкция телефонно-распределительного шахтного кабеля с уменьшенной радиальной толщиной полиэтиленовой изоляции. Годовая экономия от внедрения в производство новой конструкции кабеля составила около 7 млн. рублей. Были механизированы все межцеховые перевозки и погрузо-разгрузочные работы на складе готовой продукции.

Партийная организация завода взяла под особый контроль внедрение технических усовершенствований, разработку и внедрение теплового контроля пропиточного отделения в цехе силовых кабелей и на шприц-прессах, внедрение совмещенного отжига меди на машинах «МР-9-1», монтаж технологической нити по выпуску силовых кабелей и свинцовой оболочки, внедрение централизованной подачи битумного состава в бронемашине в цехе кабелей связи.

Много делалось в этом направлении и на Саранском электроламповом заводе. Только за год на заводе было внедрено 348 единиц механизированного и автоматизированного оборудования, сдано в эксплуатацию 42 станка навивки спиралей, 8 автоматизированных линий сборки нормально-осветительных ламп, 11 автоматических станков электрической и газовой сварки электродов. За это же время было применено 6 автоматов для развертки тарелок, внедрен агрегат механизированной мойки и сушки колб для нормально-осветительных ламп, что значительно снизило себестоимость выпускаемой продукции.

Завод уже на третьем году работы превысил проектную мощность. Так, проектом предусматривался выпуск на заводе 52 млн. штук нормально-осветительных ламп, но уже в 1959 году ему было запланировано 66 млн. штук.

Себестоимость продукции завода снизилась на 27% вместо 22% по плану. Но все ещё оставалась высокой. Например, 40—60-ваттная обычная лампа обходилась на 20 коп. дороже, чем такая же на Львовском электроламповом заводе. Доведение себестоимости лампы до уровня стоимости на Львовском заводе дало бы Саранскому заводу дополнительно 6—7 млн. рублей годовой экономии[2].

Обсуждая инициативу Владимирского обкома КПСС и Владимирского совета народного хозяйства об увеличении съёма продукции с существующих площадей, коммунисты электролампового завода наметили ряд мероприятий, которые обеспечили значительное увеличение выпуска продукции на существующих площадях. Прежде всего предусматривалась установка 8 дополнительных автоматических линий. В течение 1959—1961 годов намечалось модернизировать линии отечественного производства с таким расчетом, чтобы с каждой из них вместо 1 тыс. ламп в час снимать 2 тыс. Одну из линий предполагалось модернизировать в 1959 году. На основе этих мероприятий уже в 1963 году рассчитывали довести выпуск нормально-осветительных ламп до 150 млн. штук в год, или почти в 3 раза больше проектной мощности[1].

[1] «Советская Мордовия», 1959, 9 июня.
[2] Там же.

Большой трудовой и патриотический подъем царил и на мотовозоремонтном заводе. В честь предстоящего Пленума ЦК КПСС коллектив завода решил ускорить внедрение в производство ряда организационно-технических мероприятий и в их числе стенд для испытания крановых установок грузовых автодрезин, что значительно облегчало труд рабочих, улучшало качество ремонта и давало 80 тыс. рублей условной годовой экономии. В литейном отделении намечалось пустить в эксплуатацию выбивную машину, землерыхлитель и механическое сито для приготовления формовочной земли, изготовить гидравлический пресс для распрессовки букс колесных пар мотовозов и ряд других мероприятий.

Огромные резервы выпуска продукции были на заводе «Электровыпрямитель», консервном и пеньковом комбинате, экскаваторном и обозостроительном заводах.

На пеньковом комбинате освоение мяльно-чесальных агрегатов позволило избежать самых трудоемких работ по перевозкам сырья из цеха подготовки в чесальный. А освоение опытных образцов прядевьющих машин тяжелого типа дало возможность увеличить диаметр крученых изделий.

Коллективы предприятий, партийные и профсоюзные организации много внимания уделяли развитию рационализации. Анализ показал, что на электроламповом заводе каждый 12 рабочий являлся рационализатором. От внедрения рационализаторских предложений только за первый квартал 1959 года заводом получено 500 тыс. рублей экономии.

На кабельном заводе рационализаторы Собесский и Михеев сконструировали малогабаритный агрегат — шприц-пресс для наложения на провода и кабели малых сечений пластмассовой изоляции. Этот шприц-пресс в отличие от существующих занимает на 30% меньше площади и не имеет тяжелых литых станин.

Широкой известностью пользовался слесарь-рационализатор А. И. Шкердин с завода «Электровыпрямитель». Он предложил оригинальную резку германия на плоско-шлифовальном станке, изготовил станок для вырезки германиевых шайб. От внедрения в производство его предложений завод получил около 80 тыс. рублей условной экономии.

14 июля 1959 года состоялось собрание областного и Саранского городского партийного актива. Партийный актив обсудил вопрос «О задачах партийных, советских организаций и совета народного хозяйства по выполнению решений XXI съезда КПСС об ускорении технического прогресса в промышленности и строительстве, а также вопросы об ускорении развития химической про-

[1] «Советская Мордовия», 1959, 9 июня.

мышленности и о мерах по дальнейшему подъему текстильной промышленности».

Постоянное внимание и конкретная повседневная помощь со стороны обкома и горкома партии, развернувшееся социалистическое соревнование способствовали тому, что промышленность совета народного хозяйства и города Саранска выполнила полугодовой план 1959 года на 104,5% и дала прирост к соответствующему периоду прошедшего года 35,5%.

На предприятиях города Саранска были освоены многие новые виды продукции, в их числе газонаполнительные и люминисцентные лампы, электромоторы и подборщики, налажена сборка самосвалов малой мощности.

Итоги работы передовых предприятий в первом полугодии свидетельствовали о том, что каждый завод и фабрика, каждая стройка имели реальные возможности для того, чтобы намного раньше срока выполнить план 1959 года и задание семилетки в целом.

Однако в работе промышленных предприятий имелись еще серьезные недостатки. Многие предприятия не выполняли установленных планов, сокращали ассортимент, давали много брака. Строительные организации затягивали сроки ввода в строй отдельных производственных мощностей[1].

В июле 1959 года состоялось собрание хозяйственного актива промышленных предприятий и строительных организаций совета народного хозяйства Мордовского экономического района. Оно приняло развернутое решение, в котором намечались конкретные меры по улучшению работы промышленных предприятий и строек.

Принятые областным комитетом партии, Советом Министров МАССР, городским комитетом партии и городским советом организационные меры не могли не сказаться на выполнении плана. Об этом красноречиво говорят итоги 1959 года. План по выпуску валовой продукции по городу был выполнен на 101%. Только предприятия, входившие в подчинение совета народного хозяйства, дали продукции на 961 191 тыс. рублей вместо 939 324 тыс. рублей по плану. Выполнение плана по предприятиям совнархоза выглядело следующим образом (см. табл. 1)[2].

Однако из таблицы 1 видно, что заводы инструментальный, электроламповый и мясокомбинат с планом 1959 года не справились. Особенно отставал завод медпрепаратов. Не справились в целом с производственным планом и предприятия местных Советов. План этими предприятиями был выполнен только на 98,9%.

Выполнение плана отдельными предприятиями местных Советов видно из следующей таблицы (см. табл. 2)[3].

[1] «Советская Мордовия», 1959, 21 июля.

[2] Отчеты за 1959 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.

[3] Там же.

Таблица 1

№ п. п.	Наименование предприятий	План на 1959 г. (тыс. руб.)	Выполнение (тыс. руб.)	% выполнения
1	Завод «Электровыпрямитель»	87500	93043	106,3
2	Электроламповый завод	75940	69303	91,3
3	ТЭЦ имени Тельмана	24159	28026	116,0
4	ТЭЦ-2	38419	40355	105,0
5	Кабельный завод	121590	135663	111,6
6	Приборостроительный завод	8200	8667	105,7
7	Инструментальный завод	12000	8561	71,3
8	Ремонтно-механический завод	6100	6275	102 9
9	Экскаваторный завод	10000	11780	117,8
10	КПП стройтреста № 13	24200	29207	120,7
11	Саранский кирпичный завод	11680	12644	108 2
12	КПП стройтреста «Химмашстрой»	6630	8302	125 2
13	Пеньковый комбинат	194850	203504	104.4
14	Махорочная фабрика	32310	33710	104,3
15	Консервный комбинат	80973	85445	105,5
16	Маслозавод	80927	82592	102,1
17	Ликероводочный завод	19842	20981	105.7
18	Мясокомбинат	65386	59354	90 8
19	Холодильник маслопрома	4643	6169	132,9
20	Молочный завод	14180	14417	101,7
21	Нерудное хозяйство	1085	1042	96

Таблица 2

№ п. п.	Наименование предприятий	План на 1959 г. (тыс. руб.)	Выполнение плана (тыс руб.)	% выполнения
1	Швейная фабрика	9000	9420	104,7
2	Обувная фабрика	3050	2462	80,7
3	Горпромкомбинат	2600	2627	101.0
4	Завод «Обозстрой»	5350	5639	105,4
5	Текстильно-басонная фабрика	5000	5514	110,3
6	Хлебокомбинат	27794	30436	108,5
7	Пивоваренный завод	6000	6058	101,0
8	Горпищекомбинат	13779	15094	109,5
9	Макаронная фабрика	6000	6006	100,1
10	Хлебозавод № 3	11674	5965	51,1
11	Завод «Стройдеталь» треста «Мордовстрой»	15000	14804	98,7

Таким образом, из таблицы 2 видно, что в результате отставания обувной фабрики, хлебозавода № 3 и завода «Стройдеталь» предприятия местных Советов план в целом не выполнили. Отставание этих предприятий объясняется объективными причинами: на заводе «Стройдеталь» шел период освоения, основные его цеха — сборного железобетона, деревообделочный — только что были сда-

ны в эксплуатацию. То же самое наблюдалось и на хлебозаводе № 3.

Предприятия республиканских ведомств народнохозяйственный план несколько перевыполнили. Вместо запланированных 79001 тыс. рублей они дали на 80079 тыс. рублей продукции[1].

По отдельным предприятиям это выглядело так:

Таблица 3

№ п.п.	Наименование предприятий	План на 1959 г. (тыс. руб.)	Выполнение плана (тыс. руб.)	% выполнения
1	Галено-фасовочное производство	1000	861	86,1
2	Хлебопекарня горпо	693	726	104,8
3	Промкомбинат Мордпотребсоюза	13300	15825	119
4	Швейное ателье	1590	1611	101,3
5	Швейная мастерская горторга	560	650	116,6
6	Карьерное хозяйство	1393	855	61,4
7	Водопровод	5095	5320	104,4
8	Протезная мастерская	584	603	103,3
9	УПП имени Кирова	2637	2720	103,1
10	Артель «Химпром»	4837	4880	100,9
11	Артель имени Калинина	4670	4581	98,1
12	Артель «Путь к коммунизму»	1900	2015	106,0
13	Артель металлокомбинат	4450	4706	105,8
14	Артель «Восход»	2104	2159	102,6
15	Артель «8-е Марта»	4011	4285	106,8
16	Комбикормовый завод	18232	21063	115,5
17	Мельница управления хлебопродуктов	5155	5699	110,6
18	Типография «Красный Октябрь»	1870	1835	98,1
19	Газетная типография	3650	4010	109,9
20	Лесхоз	1270	1331	106,8

Таблица 3 показывает, что из 20 предприятий не выполнили план лишь четыре. Наибольшее отставание здесь наблюдалось в карьерном хозяйстве.

Наступил второй год семилетки. В 1960 году необходимо было наладить производство на вновь введенных в эксплуатацию заводах автосамосвалов, приборостроения, хлебозаводе, асфальтобетонном, комбинате теплоизоляции, мебельной фабрике и металлообрабатывающем заводе.

30 сентября 1960 года в Саранске состоялся митинг: в город пришел природный саратовский газ, что коренным образом меняло топливный баланс города. В связи с переводом на газ промышленных предприятий, центральных котельных в городе улучшалось санитарное состояние, очищался воздушный бассейн над ним, уменьшалось количество потребляемых дров и угля. Наступил второй год семилетки. Руководство республики и города приняло необходимые меры по мобилизации трудящихся города на выполнение плана 1961 года.

[1] Отчеты за 1959 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.

Второй год семилетки совпал с празднованием 30-летия Мордовской Автономной Советской Социалистической Республики. В честь 30-летия Мордовии трудящиеся столицы торжественно заложили Саранский резиновый комбинат.

На предприятиях и стройках города в честь предстоящего юбилея шире развернулось социалистическое соревнование за досрочное выполнение плана 1960 года — второго года семилетки.

Промышленность города в 1960 году план выполнила на 100,1%. Предприятия местных Советов план 1960 года выполнили на 101,6%.

Предприятия республиканских ведомств в целом также справились с плановым заданием, выполнив его на 107,8%[1].

Партийная организация города, учитывая недостатки в работе 1960 года, всю свою деятельность направила на мобилизацию каждого коллектива предприятия для выполнения семилетнего плана. Борьба за его осуществление разгорелась с первого же месяца нового года — третьего года семилетки.

Результат выполнения государственного плана 1961 года по предприятиям совета народного хозяйства показывает таблица 4.

Таблица 4[2]

№ п.п.	Наименование предприятий	План 1961 г. (тыс. руб.)	Выполнение плана (тыс. руб.)	% выполнения
1	Завод «Электровыпрямитель»	15000	16634	111
2	ТЭЦ имени Тельмана	2913	3236	111,1
3	ТЭЦ № 2	12857	13760	107
4	Кабельный завод	24500	24871	101
5	Приборостроительный завод	1640	1726	105
6	Ремонтно-механический завод	780	870	105
7	Экскаваторный завод	7250	8085	112
8	КПП стройтреста № 13	3600	3798	105
9	Кирпичный завод	1637	1704	109
10	КПП треста «Химмашстрой»	2070	2120	102
11	Пеньковый комбинат	16980	17887	105
12	Маслозавод	4507	4694,5	104,2
13	Ликеро-водочный завод	1963	2208	112
14	Молочный завод	2808	2845	101
15	Нерудное хозяйство	169	194	115
16	Швейная фабрика	1000	1012	101,2
17	Комбинат железобетонных изделий	410	447	109
18	Комбинат изоляционных материалов	410	446,8	109
19	Завод автосамосвалов	19770	19772	100
		120370	126349,7	105

[1] Отчеты за 1960 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.

[2] Отчеты о выполнении плана за 1961 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.

Предприятия местных Советов с государственным планом 1961 года справились: план был выполнен на 102,4%[1].

Результаты выполнения плана предприятиями местных Советов видны из таблицы 5[2].

Таблица 5

№ п.п.	Наименование предприятий	План 1961 г. (тыс. руб.)	Выполнение плана (тыс. руб.)	% выполнения
1	Обувная фабрика	370	350	97,4
2	Горпромкомбинат	750	756,8	100 9
3	Завод металлоизделий	650	680	104.9
4	Текстильно-басонная фабрика	1151	1227,4	106,6
5	Хлебокомбинат	4525	4502	99 5
6	Пивоваренный завод	620	681,5	109,9
7	Горпищекомбинат	1862	1997,8	107.3
8	Макаронная фабрика	700	713	101,8
9	Завод «Стройдеталь» треста «Мордовстрой»	1682	1692,6	100,6

Предприятия республиканских ведомств тоже справились с планом 1961 года, выполнив его на 100,4%. По предприятиям это выглядит так:[3]

Таблица 6

№ п.п.	Наименование предприятий	План 1961 г. (тыс. руб.)	Выполнение плана (тыс. руб.)	% выполнения
1	Галено-фасовочное производство	85	76.7	90,2
2	Хлебопекарня горпо	56	79,9	142.7
3	Промкомбинат Мордпотребсоюза	282,1	322.3	114.3
4	Швейная горторга	190	196,3	103,3
5	Карьерное хозяйство	156	111	71,2
6	Водопровод	655	674	102 9
7	Протезная мастерская	57,6	58 2	107 3
8	УПП имени Кирова	320	321,6	100 6
9	Металлокомбинат	510	514	100 8
10	Типография «Красный Октябрь»	641,8	653,6	101 8
11	Леспоз	69	71	102 9
12	Мебельная фабрика	450	431.9	96.0
13	Ателье № 1	186.5	200 2	107 3
14	КПП «Горжилкоммунстроя»	1050	975	92 0
15	КБО № 1	550	567,1	103.1
16	КБО № 2	237	260,2	108,8

[1] Отчеты о выполнении плана за 1961 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.

[2] Отчеты за 1961 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.

[3] Там же.

За 3 года семилетки объем производства валовой продукции по предприятиям республиканских ведомств возрос в 3,3 раза, а в целом по городу — в 5,2 раза.

В 1961 году промышленность города увеличила выпуск валовой продукции по сравнению с 1960 годом на 22126,4 тыс. рублей или на 11,9%.

Предприятия местной промышленности, подведомственные исполкому горсовета, план по производству валовой продукции за 1961 год выполнили на 106,1%. Выпущено продукции сверх плана на 241 тыс. рублей. По сравнению с 1960 годом выпуск валовой продукции увеличился на 3556 тыс. рублей, или на 9,3%.

За 1961 год промышленностью города перевыполнен план по выработке регуляторов напряжения, аппаратов испытания, осветительных проводов, кабеля и кабельных изделий, экскаваторов, сильфонов, чугунного литья, железобетона, валяной обуви, чулочно-носочных и швейных изделий, масла растительного и ряда других видов продукции.

На промышленных предприятиях и строительных организациях города и республики продолжали свое дальнейшее развитие высшая форма социалистического соревнования — движение за коммунистический труд.

В соревновании за коммунистический труд в 1961 году участвовали десятки колективов, в том числе коллективы четырех предприятий (заводы: «Электровыпрямитель», мотовозоремонтный, экскаваторный и горпищекомбинат) с общим количеством рабочих более 19960 человек. Почетное звание бригад и ударников коммунистического труда было присвоено 74 коллективам и 341 рабочему.

В 1961 году по сравнению с 1960 годом промышленные предприятия выпустили продукции на 207344 тыс. рублей, объем производства возрос на 13,2%[1].

Темпы роста промышленного производства в Мордовии и особенно в городе Саранске были значительно выше, чем по Российской Федерации. Это красноречиво говорит о неуклонном проведении в жизнь ленинской национальной политики.

По семилетнему плану развития народного хозяйства промышленные предприятия города в 1962 году должны были выпустить валовой продукции в объеме 300 млн. рублей (рост по сравнению с 1961 годом на 21,6%), повысить производительность труда на 11,3%. На базе дальнейшего совершенствования, специализации и координирования, более полной механизации и автоматизации производственных процессов, использования внутренних резервов, укрепления трудовой дисциплины в 1962 году необходимо было снизить себестоимость товарной продукции на 3,1%. Кроме того, предполагалось получить прибыли 40,5 млн. рублей, что составляло рост к 1961 году более чем на 78%.

[1] Отчеты о выполнении плана за 1961 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.

Благодаря выполнению этих мероприятий, а также росту трудовой активности рабочих, инженеров, техников и служащих, наметились заметные сдвиги в сторону улучшения работы. План первого полугодия 1962 года по производству промышленной продукции предприятиями совета народного хозяйства выполнен на 103,7%. План выполнили все отраслевые управления и дали прирост по сравнению с первым полугодием 1961 года на 18%.

Совет народного хозяйства подошел к уровню объема промышленной продукции, предусмотренному контрольными цифрами семилетнего плана, а 20 его предприятий обеспечили выпуск продукции в объеме, опережающем наметки семилетнего плана. Так, завод «Электровыпрямитель» в первой половине семилетки дал продукции на 1,7 млн. рублей больше, чем было предусмотрено контрольными цифрами, экскаваторный завод — на 1,2 млн. рублей[1].

Значительных успехов добился в первом полугодии 1962 года коллектив участка коммунистического труда, руководимый мастером Е. П. Семеновой (завод «Электровыпрямитель»). На этом участке все 46 рабочих выполняли сменные нормы выработки на 120—128% при отсутствии брака в работе. Отлично работала и бригада коммунистического труда, возглавляемая Р. И. Пеуниной.

На Саранском пеньковом комбинате пример в работе показала прядильщица ударница коммунистического труда А. Ф. Данилина и др.

Среди энергетиков в первых рядах шел коллектив электроцеха ТЭЦ-2, которому было присвоено звание цеха коммунистического труда. На ТЭЦ-1 лучшей считалась смена дежурного инженера К. И. Рида.

Однако по итогам первого полугодия 1962 года некоторые предприятия совета народного хозяйства не справились с планом. К числу отстающих предприятий относились электроламповый и инструментальный заводы, мясокомбинат.

На ряде предприятий совета народного хозяйства имел место простой оборудования. Так, на электроламповом заводе при дефиците колб мощности колбовыдувных автоматов использовались лишь на 82—85%, на инструментальном заводе насекальные станки использовались менее чем наполовину. Такое же положение было на приборостроительном, автосамосвальном заводах.

При общем выполнении плана производительности труда на 102,2% 23 предприятия Совнархоза не справились с плановыми заданиями. Наблюдались непроизводительные потери рабочего времени. Только за 2-й квартал 1962 года потери рабочего времени по предприятиям совета народного хозяйства составили 1,3%[2].

Партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации промышленных предприятий и строек принимали все необходимые меры к тому, чтобы план 1962 года был выполнен. Результаты этой работы не могли не сказаться на деле. Коллективы промышленных предприятий, борясь за выполнение исторических решений XXII съезда КПСС, развернув социалистическое соревнование, выполнили план 1962 года в целом по городу на 100,9% (вместо 213638 тыс. рублей по плану дали продукции на 215548 тыс. рублей), в т. ч. предприятиями совета народного хозяйства — на 100,9% (при плане выпуска валовой продукции на 194367 тыс. рублей дали на 196097 тыс. рублей).

Отдельными предприятиями Совета народного хозяйства план 1962 года был выполнен следующим образом:[1]

Таблица 7

№ п.п.	Наименование предприятий	План 1962 г. (тыс. руб.)	Выполнение (тыс. руб.)	% выполнения	Примечание
1	Завод «Электровыпрямитель»	21490	22920	106,7	
2	Электроламповый завод	17945	16322	90,9	
3	ТЭЦ имени Тельмана	734	914	124,5	
4	ТЭЦ № 2	4091	4629	113,2	
5	Кабельный завод	25400	24006	94,5	
6	Приборостроительный завод	2450	2507	102,3	
7	Инструментальный завод	2300	2217	96,4	
8	Ремонтно-механический завод	820	876	106,8	
9	Экскаваторный завод	9552	10001	108,1	
10	КПП треста № 13	4430	4427	99,9	
11	Кирпичный завод	1568	1625	103,6	
12	КПП треста «Химмашстрой»	3000	2908	96,9	
13	Пеньковый комбинат	12032	14404	119,7	
14	Консервный комбинат	9782	10034	102,6	
15	Маслозавод	5393	5742	106,5	
16	Ликеро-водочный завод	2124	2584	121,7	
17	Мясокомбинат	6707	5534	82,5	
18	Молочный завод	2736	2770	101,2	
19	Народное хозяйство	136	145	106,6	
20	Швейная фабрика	979	985	100,6	
21	Текстильно-басонная фабрика	865	889	102,8	
22	Завод «Стройдеталь»	1650	1673	101,4	
23	Завод автосамосвалов	23054	23059	100	
24	Асфальтобетонный завод	810	742	91,6	
25	Комбинат теплоизоляции	427	454	106,3	
26	Авторемонтный завод	370	422	114,1	
27	Комбинат железобетон. изд.	51	—	—	Шел монтаж оборудования
28	Домостроительный комбинат	310	254	81,8	Первый год основ.

[1] «Советская Мордовия», 1962, 7 июля.

[2] Отчеты о выполнении плана за 1962 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.

[1] Отчеты о выполнении плана за 1962 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.

Из анализа видно, что из 29 предприятий Совнархоза 8 не справились с планом. По-прежнему отставали электроламповый, кабельный, инструментальный заводы, комбинаты производственных предприятий, строительных трестов № 13 и «Химмашстроя», а также мясокомбинат.

Предприятия местных Советов выполнили план на 106,1%[1]. Отдельно по предприятиям выполнение плана складывалось следующим образом:

Таблица 8

№ п.п.	Наименование предприятий	План 1962 г. (тыс. руб.)	Выполнение (тыс. руб.)	% выполнения
1	Обувная фабрика	350	376	107,4
2	Горпромкомбинат	980	1030	105,1
3	Хлебокомбинат	4680	5064	108,2
4	Пивоваренный завод	730	772	104,9
5	Макаронная фабрика	730	768	105,2
6	Металлокомбинат	500	514	102,8
7	Мебельная фабрика	500	499	99,8
8	Ателье № 1	205	250	122
9	КПП «Горжилкоммунстроя»	1050	951	90,9
10	КБО № 1	600	608	101,3
11	КБО № 2	270	319	118,1

И здесь отставали два предприятия: мебельная фабрика и комбинат производственных предприятий строительного треста «Горжилкоммунстрой»[2].

Предприятия республиканских ведомств с планом 1962 года не справились, выполнив его всего лишь на 88,9% (по плану должны были дать продукции на 5546 тыс. рублей, выпустили же на 4929 тыс. рублей)[3]. Особенно отставали хлебопекарные предприятия, выполнившие план лишь на 23,2%, комбикормовый завод — на 72,9% и типография «Красный Октябрь» — на 83,1%. Таким образом, эти три предприятия потянули назад всю промышленность республиканского подчинения.

Предприятия союзно-республиканских министерств и ведомств план 1962 года выполнили на 103,9%[4].

27 января 1963 года открылась девятая сессия Верховного Совета Мордовской АССР. Сессия подвела итоги работы за 1962 год и наметила основные задачи на 1963 год.

В целом по республике за 4 года семилетки среднегодовой прирост промышленной продукции составил 19,5%, а общий объем промышленного производства удвоился.

[1] Отчеты о выполнении плана за 1962 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.

Прошедшие четыре года семилетки обеспечили развитие промышленности высокими темпами. Промышленность стала ведущей отраслью хозяйства республики. Только в 1962 году было выпущено промышленной продукции почти в 2 раза больше, чем в 1958 году, а по электротехнической и металлообрабатывающей промышленности — почти в 5 раз[1].

Выработка электроэнергии в 1962 году возросла более чем вдвое по сравнению с 1958 годом. Общий объем капитальных вложений за 1959—1962 годы достиг почти 210 млн. рублей. Уже в 1962 году в капитальное строительство было вложено средств в 2 раза больше, чем в 1958 году.

За четыре года семилетки было построено 14 заводов, фабрик и комбинатов, ряд предприятий реконструировано и значительно расширено. Среди них такие предприятия, как заводы автосамосвалов, электроламповый, экскаваторный, медпрепаратов, кабельный и др. За этот же период на 170 млн. рублей выросли основные фонды в промышленности республики.

К 1962 году продукцию, выпускаемую предприятиями Саранска, знали далеко за пределами Советского Союза. Знали и многих передовиков производства. Так, еще в начале 1962 года «Советская Мордовия» писала, что «бригадира электродного отделения Саранского электроламового завода Виктора Казакова знают на многих электроламповых заводах страны как хорошего специалиста. Знают его и на пражском заводе «Тесла», на будапештском заводе «Тунгсфам». Чехословацкие и венгерские товарищи обратились к Виктору с просьбой помочь им наладить станки-автоматы по изготовлению электродов»[2].

С теплотой Виктор отзывался о поездке в Венгрию: «...мне пришлось выезжать в Венгрию, в город Вац, что под Будапештом, где я помогал пустить и освоить автомат «Ла-8». Целый месяц пришлось жить среди венгров, работать, учиться их языку. Особенно запомнился мне один молодой венгр Имра Ключа. Душевный человек, толковый техник-технолог»[3].

А с какой любовью В. Казаков рассказывал о своей бригаде. «Не один год мы работаем вместе в электродном отделении спирально-электродного цеха Саранского электроламового завода. Очень хорошо знаем друг друга, дружим, делимся в свободное время впечатлениями, мыслями, предложениями.

...Наш коллектив можно назвать интернациональным. У нас есть в бригаде русские, мордва, татары. Сейчас это даже как-то неудобно подчеркивать. Мы настолько сдружились в своем коллективе, что задумываться над этим не приходится»[4].

В 1962 году свыше 30 тыс. рабочих, инженерно-технических ра-

[1] Народное хозяйство Мордовской АССР. Статистический сборник. Саранск, 1966, стр. 16.
[2] «Советская Мордовия», 1962, 4 января.
[3] Там же, 1 мая.
[4] Там же.

ботников и служащих участвовали в соревновании за коммунистический труд, из которых 146 коллективов и более 1000 рабочих, инженерно-технических работников и служащих завоевали почетное право называться колективами коммунистического труда. Среди них: смена второго корпуса завода медпрепаратов, возглавляемая Локтевой, участок высоковольтной и низковольтной намотки завода «Электровыпрямитель», возглавляемый мастерами Семеновой, Ляличкиной, бригады электролампового завода — Яковлева, Казакова, завода «Электровыпрямитель» — Краснова, Нижегородцевой, Медведевой, пенькового комбината — Шимаковой, Михеевой, Рычагова, экскаваторного завода — Виляева, кабельного завода — Кошкина, бригада каменщиков УНР «Промстрой» строительного треста № 13 — Героя Социалистического Труда С. Е. Нуждина, бригада маляров треста «Саранскжилстрой» — Шугурова.

В строительно-монтажном тресте № 13 хороших результатов добилась бригада коммунистического труда, руководимая заслуженным строителем Мордовской АССР Федотовым. Здесь все 17 рабочих овладели 3—5 смежными профессиями, систематически выполняя нормы на 130—140%. За пять месяцев они дали восемь месячных норм при отличном качестве работ.

Отличных результатов добилась бригада Назаровой на заводе «Электровыпрямитель». Ее девиз не только перевыполнять план, но и экономить дорогостоящий материал, сокращать брак, бороться за культуру производства. Бригада за смену давала на 200 пластин германия и на 100 пластин кремния больше, чем было раньше. Все члены бригады были охвачены технической учебой.

Из месяца в месяц выполняли норму выработки на 130—135% при хорошем качестве кладки бригада каменщиков, руководимая Героем Социалистического Труда С. Е. Нуждиным. Только лично Сидор Евстигнеевич помог овладеть профессией каменщика почти 300 рабочим.

Однако наряду с успехами в выполнении семилетнего плана имелось и ряд недостатков, за что Мордовский совнархоз подвергался справедливой критике на ноябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Обсуждая итоги Пленума ЦК КПСС, пленум Саранского горкома КПСС, собрания первичных партийных организаций вскрыли недостатки в работе, наметили задачи на будущее — на безусловное выполнение семилетнего плана.

По промышленным предприятиям города Саранска на 1963 год планировалось выпуск валовой продукции на 250814 тыс. рублей, в том числе на предприятиях совета народного хозяйства — на 202423 тыс. рублей, на предприятиях местных Советов—на 11855 тыс. рублей, на предприятиях республиканских ведомств — на 34356 тыс. рублей и на предприятиях союзно-республиканских (РСФСР) ведомств — на 2180 тыс. рублей[1].

[1] Отчеты о выполнении плана за 1963 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.

Как же был выполнен трудящимися города план 1963 года? Он был выполнен предприятиями всех ведомств на 102,9%, в том числе предприятиями совета народного хозяйства — на 103,6%, предприятиями местных Советов — на 102,5%, предприятиями республиканских ведомств — на 99,3% и предприятиями союзно-республиканских министерств — на 105,9%[1]. Промышленностью города было выпущено валовой продукции на сумму 258207 тыс. рублей[2].

Однако и в 1963 году 7 предприятий Совета народного хозяйства и 3 предприятия республиканских ведомств не справились с планом.

В 1964 году по сравнению с 1963 годом намечалось увеличить выпуск продукции на 7,9%, а в 1965 году по сравнению с 1964 годом — почти на 8%. Производительность труда планировалось поднять на 6,2%, на 2,3% снизить затраты на рубль товарной продукции[3]. Ускоренными темпами намечалось развивать химическую, электротехническую и машиностроительную промышленности.

В конце января 1964 года коллективы передовых предприятий города Саранска выступили с инициативой о досрочном выполнении плана шестого года семилетки[4]. Так, коллектив завода «Электровыпрямитель» решил выполнить годовой план по всем технико-экономическим показателям к 25 декабря 1964 года, увеличив выпуск валовой и товарной продукции по сравнению с 1963 годом на 20%. Одновременно намечалось повысить производительность труда по сравнению с 1963 годом на 12,5%, снизить себестоимость выпускаемой продукции на 1,5%.

Коллектив электролампового завода обязался увеличить выпуск продукции по сравнению с 1963 годом на 23,3% и выполнить годовой план к 25 декабря 1964 года. Кроме того, коллектив обязался дать сверхплановой продукции на 500 тыс. рублей, а также увеличить производство электроосветительных ламп на 200 млн. штук. Намечалось повысить производительность труда на 18%, снизить себестоимость продукции на 5% и добиться экономии не менее 250 тыс. рублей[5].

Рабочие экскаваторного завода намечали выполнить годовой план по выпуску товарной и валовой продукции к 25 декабря, дать сверхплановой продукции на 400 тыс. рублей, выпустить сверх задания 50 экскаваторов и освоить в первом квартале производство экскаватора с усиленными узлами рамы, стрелы и рукояти[6].

В начале февраля проходила вторая сессия Верховного Совета МАССР шестого созыва, которая рассмотрела вопрос «О государственном плане развития народного хозяйства Мордовской АССР на 1964—1965 годы».

[1] Отчеты о выполнении плана за 1963 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.
[2] Там же.
[3] «Советская Мордовия», 1964, 12 января.
[4] Там же, 21 января.
[5] Там же
[6] Там же.

В соответствии с главными направлениями в развитии народного хозяйства, установленными XXII съездом КПСС и декабрьским (1963 г.) Пленумом ЦК КПСС, в плане на 1964—1965 годы предусматривалось решение следующих важнейших задач: дальнейшее повышение уровня промышленного развития республики; преимущественное развитие наиболее прогрессивных отраслей промышленности, и в первую очередь химической; ускоренное развитие сельского хозяйства на основе интенсификации производства, дальнейшего укрепления материально-технической базы, повышения урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства; широкое внедрение достижений науки и техники в народное хозяйство и дальнейшее повышение производительности труда; дальнейшее повышение уровня жизни и улучшение быта населения. В промышленности планировалось увеличение выпуска продукции в течение двух лет на 28,7%. Общий объем валовой продукции промышленности по Мордовской АССР должен был составить в 1964 году 464,2 млн. рублей, в 1965 году — 535,6 млн. рублей. В 1964 году намечалось произвести продукции предприятиями совнархоза на 336,7 млн. рублей, предприятиями союзного и республиканского (РСФСР) подчинения — на 99,3 млн. рублей, предприятиями местного подчинения — на 28,2 млн. рублей[1].

В 1964 году предприятия совнархоза должны были намного увеличить выпуск автосамосвалов, химического оборудования, люминисцентных ламп, экскаваторов, шифера, сахара.

Партийно-хозяйственный актив республики и города Саранска в феврале 1964 года утвердил социалистические обязательства рабочих, инженерно-технических работников и служащих промышленности, транспорта и связи Мордовской АССР по досрочному выполнению плана шестого года семилетки[2].

В обязательствах намечалось досрочно — к 25 декабря — выполнить государственный план 1964 года по выпуску валовой продукции по кооперированным поставкам, по повышению производительности труда, а также по увеличению объема производства. Коллективы предприятий обязались выпустить сверх плана 50 экскаваторов, 50 полуприцепов, 7 тыс. тонн цемента, 1 млн. условных плиток шифера, 500 тыс. метров стеклоленты, 1070 тыс. штук предохранителей, 1800 штук тормозных барабанов и много другой продукции. Все работники заводов «Химмаш», приборостроительного, «Электровыпрямитель» обязались досрочно поставить для заводов большой химии 300 единиц оборудования.

Кроме этого, в 1964 году намечалось освоить серийное производство 37 видов новой продукции, в том числе: дифманометры сильфонные, полупроводниковые кремниевые управляемые вентили на напряжение до 500 вольт, химические аппараты из алюминия

[1] «Советская Мордовия», 1964, 1 февраля.
[2] Там же, 15 февраля.

и его сплавов, культиваторы марки КПГ-4, показывающие и регистрирующие приборы класса точности 1,0 и 0,5, установки для возбуждения турбогенераторов типа ВУТГ-3000, цветные люминесцентные лампы, телефонный кабель марки ТМШК.

Необходимо отметить, что меры, принимаемые обкомом КПСС, Советом Министров МАССР, совнархозом и горкомом КПСС по мобилизации трудящихся республики и города на выполнение государственного плана, дали положительные результаты. Годовой план выпуска валовой продукции промышленностью города за 1964 год был выполнен на 102,7%. Сверх плана было произведено на 7670 тыс. рублей продукции[1].

Объем промышленного производства в 1964 году возрос по сравнению с 1963 годом на 12,3%. За шесть лет семилетки промышленность города выросла в 3 раза. Средний годовой темп прироста за 6 лет по валовой продукции составил 19,9%. На 101,3% был выполнен план по товарной продукции[2].

План по производительности труда за 1964 год был выполнен на 102,2%. В целом же за 6 лет семилетки производительность труда выросла в промышленности на 45,3%.

Исходя из ведомственной подчиненности предприятий, выполнение плана характеризуется следующими показателями: 1) предприятия совнархоза план валовой продукции выполнили на 102,6%, по товарной продукции — на 103,3%; 2) предприятия местных Советов план по валовой продукции — на 105,2%, по товарной продукции — на 111,2%; 3) предприятия республиканских министерств план по валу — на 100,7%, по товарной продукции — на 103,8%; 4) предприятия союзно-республиканских министерств план по валовой продукции выполнили на 106,2%, по товарной продукции — на 107,8%. 35 предприятий города годовой план выполнили досрочно. К ним относились электроламповый завод, завод «Электровыпрямитель», ТЭЦ-1, ТЭЦ-2, КБО № 1, КБО № 2, фабрика индпошива, экскаваторный завод, пеньковый комбинат, завод ЖБК № 3, кирпичный завод, маслозавод, завод медпрепаратов и другие.

Предприятия выработали сверх плана 38 тыс. штук силовых выпрямителей, 5388 тыс. штук нормально-осветительных ламп, 709 тысяч штук специальных ламп, 132 км бронекабеля, 658 тонн кабельных изделий по весу меди, 560 тыс. штук сильфонов и много других изделий.

Однако несмотря на то, что в целом промышленность города годовой план перевыполнила, отдельные предприятия работали в 1964 году неудовлетворительно и с годовым планом по валовой и товарной продукции не справились. К таким предприятиям относились инструментальный завод, выполнивший план на 87,2%,

[1] Отчеты о выполнении плана за 1964 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.
[2] Там же.

фабрика декоративных тканей — на 98,3%, завод электровакуумного стекла — на 19,4%, карьерное хозяйство — на 79%, КПП «Коммунстрой» — на 90,9%, завод ЖБК-1 — на 73,5%, завод ЖБК-2 — на 98,1%, ремонтно-механический завод — на 97,6%. Только этими предприятиями в народное хозяйство было недодано продукции на 1818 тыс. рублей.

Ряд предприятий не выполнил план в установленной номенклатуре. Так, из 51 вида главных изделий годовой план был выполнен лишь по 41 виду. В 1964 году промышленные предприятия недодали 1918 тыс. штук напильников, 22249 куб. метров сборного железобетона, 44 тыс. метров пиломатериала, 1652 пары обуви кожаной, 2441 пару валяной обуви, 25 тыс. метров хлопчатобумажной ткани, 295 тыс. условных банок консервов, 1100 центнеров масла, 3992 гектолитра безалкогольных напитков, 410 декалитров вина плодовоягодного.

В 1964 году вступили в строй и начали давать продукцию резиновый комбинат, завод электровакуумного стекла, заводы ЖБК-1, ЖБК-2, ЖБК-3 и опытный завод Мордовского научно-исследовательского электротехнического института.

В феврале 1965 года IV сессия Верховного Совета Мордовской АССР рассмотрела вопрос «О государственном плане развития народного хозяйства Мордовской АССР на 1965 год»[1].

В последнем году семилетки в Мордовии был сделан новый шаг в развитии производительных сил. По плану на предприятиях республики в 1965 году намечалось произвести на 496 млн. рублей промышленной продукции, в том числе на предприятиях города Саранска — на сумму 309726 тыс. рублей.

Большие задачи были поставлены перед транспортом и связью. Только грузооборот Рузаевского отделения куйбышевской железной дороги должен был увеличиться на 2,5%. Объем грузовых перевозок должен был составить 7,8 млн. тонн. 60 миллионов пассажиров должны были перевезти автохозяйства Мордовии. Кроме того, в Саранске планировалось ввести в эксплуатацию АТС на 2200 номеров и междугородную станцию. Сессия определила также общий объем капитального строительства. На эти цели выделялось 77 млн. рублей, из которых для города Саранска отпускалось 53673 тыс. рублей, или 69%. Особое внимание уделялось повышению производительности труда, за счет которого планировалось увеличить около $^2/_3$ всего прироста продукции.

Промышленность Саранска успешно справилась и с государственными планами 1965 года. Годовой план всеми городскими предприятиями был выполнен на 101,5%. В течение года промышленность города выпустила на 314262 тыс. рублей валовой продукции. Сверх плана было изготовлено на 4656 тыс. рублей продукции. Объем промышленного производства в 1965 году возрос по сравнению с 1964 годом на 14,5%[1].

[1] «Советская Мордовия», 1965, 17 февраля.

Однако и на этот раз не все предприятия справились с установленными планами. Из 60 предприятий 7 не выполнили план декабря месяца и 5 предприятий — годовой план, тем самым недодали народному хозяйству в 1965 году на 2860 тыс. рублей продукции. К таким предприятиям относились завод медпрепаратов, кондитерская фабрика, завод ЖБК-1, асфальтобетонный завод.

Необходимо отметить, что к началу семилетки в городе было всего 52 предприятия, из которых 33 находились в подчинении местных Советов, республиканских ведомств. Кроме того, одно предприятие было в подчинении союзного министерства.

Совету народного хозяйства подчинялось 18 предприятий. Основной ассортимент выпускаемой продукции на предприятиях города был следующий: германиевые выпрямительные элементы, регуляторы напряжения, ртутные выпрямители, агрегаты и электрофильтры, аппараты испытания, нормально-осветительные и люминесцентные лампы, голые алюминиевые провода по весу меди, осветительный провод ППВ, махорка, консервы, водка и водочные изделия, масло растительное, обувь кожаная, веревочные изделия, белье трикотажное, чулки и носки, валяная обувь, телеги, кирпич, меланж, мебель, кондитерские, колбасно-ветчинные и макаронные изделия, крахмал, хлебобулочные изделия, мясо, мороженое, швейные изделия, пиломатериалы — всего свыше 30 наименований.

В конце семилетки промышленность города выпускала валовой продукции на 225743 тыс. рублей, или в 3,5 раза больше, чем в 1958 году. По отдельным предприятиям этот рост был еще выше. Так, завод «Электровыпрямитель» в 1958 году выпустил валовой продукции на 4270 тыс. рублей, а в 1965 году — на 45050 тыс. рублей, инструментальный завод выпустил в 1958 году продукции на 373 тыс. рублей, а в 1965 году — на 3480 тыс. рублей, завод медпрепаратов выпуск продукции увеличил в 1965 году против 1958 года в 15 раз[2].

Наряду с этим улучшилось качество, значительно расширился ассортимент.

В конце семилетки стали вырабатывать 430 млн. квт-ч электроэнергии против 140 млн., выпуск нормально-осветительных ламп с 63453 тыс. штук увеличился до 104494 тыс. штук, люминесцентных — с 966 тыс. штук до 17356 тыс. штук[3].

В ассортименте предприятий города появилась новая продукция — бронекабель, минеральная вата, антибиотики, регуляторы напряжения, полупроводники, электроагрегаты, спецлампы, полуприцепы, экскаваторы, автосамосвалы и т. д.

За годы семилетки в городе были построены многие новые предприятия и в их числе — приборостроительный завод, завод

[1] Отчеты о выполнении плана за 1965 год. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.
[2] Там же.
[3] Там же.

автосамосвалов, экскаваторный завод, завод медоборудования, комбинат теплоизоляционных материалов, обувная фабрика, резиновый комбинат, завод электровакуумного стекла, литейный завод, мебельная фабрика, металлообрабатывающий завод, фабрика индпошива, завод «Рембыттехника», ремонтно-механический завод «Сельхозтехника», заводы ЖБК-1, ЖБК-2, асфальтобетонный завод, ТЭЦ-2.

К этому времени число рабочих на предприятиях города Саранска достигло 37686 человек, или по сравнению с 1959 годом увеличилось в 2 с лишним раза.

Как известно, промышленность Мордовии размещалась в республике неравномерно. Основная промышленная продукция выпускалась в городах Саранске и Рузаевке (до 60% от всей выпускаемой продукции в 1958 году). В промышленности было использовано только 28% трудовых ресурсов. 82% всего населения республики проживало в сельской местности[1].

Поэтому перед областным комитетом партии, Советом Министров и советом народного хозяйства встал вопрос о более равномерном размещении промышленности по всей территории Мордовии с целью более полного и эффективного использования местного промышленного сырья и трудовых ресурсов. В течение семилетки эти задачи частично были решены: помимо Саранска промышленность развивалась в гг. Рузаевке, Ковылкине, Краснослободске, Темникове, Инсаре, Ардатове, рабочих поселках Комсомольске и Чамзинке и других районных центрах. Уже к концу 1965 года производство продукции на душу населения по сравнению с 1958 годом увеличилось более чем в 2,8 раза[2].

Темпы роста производства валовой продукции всей промышленности республики намного опережали среднегодовой рост по Федерации и Волго-Вятскому району. Если по РСФСР в 1959 году рост по сравнению с 1958 годом был 111%, в 1960—121%, в 1961—131%, в 1963 году—151%, то в Мордовской АССР в 1959 году—124%, в 1960—154%, в 1961—170%, в 1962—199% и в 1963 году—227%[3].

Если к началу семилетки (1958 г.) удельный вес валовой промышленной продукции в общем выпуске промышленной и сельскохозяйственной продукции составил 47%, то к концу семилетки уже—70%. Мордовия стала индустриально-аграрной республикой[4].

Выполняя семилетний план, трудящиеся республики добились значительных успехов. Всего за семь лет в Мордовии было построено и реконструировано 39 предприятий, цехов. Кроме того, остались переходящими объектами в новую пятилетку такие гиганты, как резиновый комбинат, литейный завод, Рузаевский завод химического машиностроения, заводы объединения «Светотехники», медпрепаратов и медоборудования.

После ноябрьского (1964 г.) Пленума ЦК КПСС в связи с восстановлением прежнего территориально-производственного принципа построения партийных организаций и их руководящих органов, заметно активизировали свою деятельность Советы. Свыше 300 депутатов горсовета объединяли вокруг себя большой актив рабочих, ИТР и служащих. Все это дало возможность еще глубже и более квалифицированно заниматься вопросами производства, бытового и культурного обслуживания населения города.

Успешное выполнение планов семилетки по всем отраслям, бурное развитие промышленности и рост рабочего класса сопровождались ростом культуры. Достаточно сказать, что число рабочих, ИТР и служащих в Саранске к 30 декабрю 1965 года достигло 88579 человек, тогда как в 1959 году было 50218 человек.

Рабочих на предприятиях в 1959 году было 18400 человек, а в 1965 году их стало 45937 человек[1].

Таким образом, трудящиеся Саранска добились за годы семилетки новых замечательных трудовых успехов. Все это способствовало тому, что значение Саранска как промышленного центра Мордовии еще больше возросло.

---

[1] Под звездой Октября. Мордовская АССР за 50 лет Советской власти. Саранск, 1967, стр. 113—114.
[2] Там же, стр. 125.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 131.

[1] Отчеты горинспектуры ЦСУ. Текущий архив городского Совета депутатов трудящихся.

И. Е. АВТАЙКИН

К ВОПРОСУ ОРГАНИЗАЦИИ И УКРЕПЛЕНИЯ РАЙОННОЙ ПЕЧАТИ МОРДОВИИ

Коммунистическая партия, решая задачи коллективизации сельского хозяйства страны, принимала необходимые меры по усилению роли прессы не только центральной, но и районной, как важного орудия партии в организации широких масс трудящихся на осуществление ленинского плана социалистического переустройства деревни. Именно в эти годы в Мордовии, как и во всей стране, под руководством областной партийной организации проводилась кропотливая работа по созданию и дальнейшему развитию газет во всех районах области. Этот вопрос историками Мордовии исследован пока недостаточно. Мы делаем попытку несколько восполнить пробел, имеющийся в исторической литературе. На основе изучения работ В. И. Ленина о печати, решений Коммунистической партии, тщательного анализа архивных документов и других разнообразных источников удалось проследить сложный процесс создания и укрепления районной прессы, показать руководство её деятельностью со стороны обкома ВКП(б) и областных газет. Наряду с этим раскрыть всестороннюю помощь ЦК партии и Средне-Волжского крайкома ВКП(б) в создании и укреплении районных газет Мордовии.

Появление районной печати — важное политическое и культурное завоевание советского строя. Оно стало возможным в условиях победы Великой Октябрьской социалистической революции, установления и укрепления Советской власти, благодаря неустанной заботе Коммунистической партии о широком развитии всех типов газет.

Уже с первых лет Советской власти в уездах были созданы печатные органы укомов ВКП(б) и уисполкомов. В уездах Мордовии были такие периодические издания. В Саранске в 1918 году начали выходить «Известия Саранского Совета рабочих и крестьянских депутатов». Этот орган издавался 3 раза в неделю в 1918 и 1919 годах. Затем выходили «Пролетарская газета», «Саранская правда». «Коммунистический набат» — орган политотдела армии выпускался в 1919 году. «Коммунистический путь» —

орган Саранского укома РКП(б), уисполкома и упрофбюро — тиражом 600—1000 экз. в 1921 году. В этом же году выходили «Известия Саранского укома РКП(б)», «Красное Знамя» — орган Саранского укома РКП(б), «Завод и пашня» — орган Саранского укома РКП(б), уисполкома, упрофбюро — с 1923 года (в то время она выходила 2 раза в неделю). «Вестник» — еженедельный бюллетень Саранского уездного исполнительного комитета издавался в 1926 году тиражом 2000 экземпляров. Кроме того, в Саранске издавались однодневные газеты-агитки «Дело рабочих» — орган Саранского упрофбюро — выходил в 1921 году; «Клич» — орган Саранской уездной комиссии по просвещению издавался в 1923 году и др.

В Рузаевке издавались газеты: «Бюллетень известий Рузаевского Совета рабочих и крестьянских депутатов» в 1918 году, «Известия Рузаевского Совета рабочих и крестьянских депутатов» — орган укома РКП(б), уисполкома, который выходил в 1918 году ежемесячно, «Власть труда» — еженедельный орган укома РКП(б), уисполкома и упрофсожа выходил с 1918 года по 1928 год тиражом 4500—6000 экземпляров, «Юный рабочий» — орган Рузаевского клуба им. К. Либкнехта — в 1925 году.

В Краснослободске — «Голос деревни» в 1918 году. «Известия Краснослободского уезда отдела Народного образования» — орган Краснослободского УОНО выходил в 1921 году тиражом 500 экземпляров. «Красная Слобода» — орган Краснослободского укома РКП(б), уисполкома, уполитпросвета выходил 2 раза в неделю в 1920 году. «Смычка» — еженедельная газета Краснослободского укома РКП(б), уисполкома, упрофбюро издавалась с 1924 по 1928 год.

В Инсаре в 1918 году выходили следующие газеты: «Инсарская жизнь» — орган Инсарского Совета рабочих и крестьянских депутатов, «Известия Инсарской профессиональной учительской организации».

В Темникове в 1918 году два раза в неделю выходила газета «Темниковские известия». В октябре и ноябре 1918 года издавался печатный орган «Гроза», а с 1920 года выходила газета «Вперед» — орган укома РКП(б) и уика. Позже издавалалась газета «Революционный народ». В работе печати в Темникове активное участие принимал видный общественный деятель Мордовского народа З. Ф. Дорофеев.

В Ардатове с 1918 по 1926 год издавалась уездная газета «Трудовая коммуна»[1].

Роль этих периодических изданий трудно переоценить. В первые годы социалистического строительства уездные газеты проделали огромную работу в организации и мобилизации широких масс трудящихся на претворение в жизнь ленинского плана

[1] Сведения о газетах в уездах Мордовии даны по книге «Периодическая печать Средне-Волжской области 1838—1928 гг.». Самара, 1929.

строительства коммунистического общества, в воспитании рабочих и крестьян в духе коммунистических идей, умело разъясняли политику Коммунистической партии среди населения, вели беспощадную борьбу с врагами народа. Уездная пресса Мордовии широко освещала дружбу народов первого в мире социалистического государства, их борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией. Она стремилась быть ближе и понятнее широким кругам читателей. На ее страницах нередко появлялись статьи, заметки и информации различного характера на мордовском языке. Это явление в прессе важно было для народа, не имевшего своей письменности. Оно убедительно говорило о правоте ленинской национальной политики, неуклонно проводимой Коммунистической партией, о равноправии всех больших и малых народностей, населяющих советскую страну.

Таким образом, уездные газеты Мордовии положили начало развитию партийно-советской прессы в этом национальном районе. Они сыграли значительную роль в подготовке и воспитании работников печати, кадров рабочих и сельских корреспондентов. Многие рабселькоры уездных газет стали впоследствии активными корреспондентами областных газет, видными журналистами, организаторами республиканской прессы. Такой путь в прессе прошли Козеняшев П., Уткин Н., Жаринов А., Поздяев И., Шотин И., Глухов П., Егоров Н., Храмков Д., Карасев А., Свечкин В. и многие другие.

В связи с ликвидацией округов и проведением районирования страны была проведена и реорганизация местной прессы. Уездные газеты были преобразованы в районные. На основе ликвидируемых окружных газет ЦК ВКП(б) 11 августа 1930 года предложил развернуть сеть районных газет и указал: «Районная газета должна быть массовым политическим органом и должна иметь ярко выраженный производственный характер (в соответствии с экономикой данного района)»[1]. Как видим, ЦК партии ясно определил направление и содержание низовых газет, исходя из ленинских требований. В. И. Ленин одну из главных, коренных задач прессы в период перехода от капитализма к социализму видел в экономическом воспитании масс. «Мы должны превратить,— писал он,— и мы превратим,— прессу из органа сенсаций, из простого аппарата для сообщения политических новостей, из органа борьбы против буржуазной лжи — в орудие экономического перевоспитания массы, в орудие ознакомления массы с тем, как надо налаживать труд по-новому»[2].

Коммунистическая партия пристально следила за работой районной прессы, постоянно руководила ее деятельностью, строго требовала от нее соблюдения основных принципов советской печати, определенных В. И. Лениным. Это принципиальная партийность, массовость и народность, правдивость и непримиримость в борьбе с врагами марксизма-ленинизма.

[1] О партийной и советской печати. Сб. док. М., 1954, стр. 400.
[2] Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 36, стр. 149.

Свидетельством глубокого изучения и тщательного анализа работы районных газет явилось Постановление ЦК ВКП(б) «О сельской районной и низовой печати», принятое 18 января 1931 года. Обобщив первоначальный опыт районной прессы, ЦК партии отмечал крупные недостатки в их деятельности: «...неумение ряда газет ставить систематически и углубленно вопросы борьбы с уклонами от ленинской линии партии, связывать вопросы перестройки Советов, проведения хлебозаготовок, мобилизации денежных средств с вопросами коллективизации и борьбой за ликвидацию кулачества как класса»[1]. В постановлении далее указывалось, что некоторые районные газеты недостаточно показывали жизнь деревенских партийных ячеек, слабо распространяли передовой опыт колхозов и совхозов, не всегда своевременно откликались на жизненно важные вопросы, разрешаемые Коммунистической партией и всеми трудящимися.

ЦК ВКП(б) потребовал от обкомов и райкомов партии устранить вскрытые недостатки в работе районной печати и усилить руководство и контроль ее деятельностью, систематически проводить совещания с редакторами.

Придавая огромное значение роли районных газет в организации масс на осуществление задач сплошной коллективизации и ликвидации на ее основе кулачества как класса, в политическом воспитании и подъеме культурного уровня рабочих и крестьян, ЦК ВКП(б) поставил задачу, «...чтобы в течение 1931 года во всех районах издавались органы печати в той или иной форме (газеты, журналы, стеклографические многотиражки и пр.)»[2]. В связи с этим ЦК партии обязал полиграфкомитет ВСНХ СССР в ближайшее время обеспечить производство скоропечатных и наборных машин, предложил НКП и Т в первую очередь снабжать радиоаппаратурой районные газеты, улучшить распространение и доставку этой печати.

В постановлении ЦК партии особое внимание обращалось на качество обзоров районных газет, публикуемых областными и центральными изданиями, подчеркивалась необходимость выпуска специального журнала, в котором давались бы тщательно обработанные материалы, типовые статьи.

Таким образом, ЦК ВКП(б) наметил конкретную программу развития и дальнейшего улучшения районной прессы, указал научно-обоснованные пути повышения ее действенности.

Благотворное влияние на развитие районной прессы в Мордовии оказало образование Мордовского округа в 1928 году и особенно Мордовской автономной области в 1930 году.

Мордовский областной комитет партии, выполняя постановление ЦК партии от 18 января 1931 года, проделал определенную

[1] О партийной и советской печати. Сб. док., М., 1954, стр. 404.
[2] Там же, стр. 405.

работу по созданию газет во всех районах области, разработал конкретные мероприятия, направленные на усиление их роли в развертывания массового колхозного движения и организационно-хозяйственного укрепления сельхозартели. Главное внимание районных газет приковывалось именно к этим вопросам.

В начале 1931 года в Мордовии издавалось только 5 районных газет тиражом, примерно, 2000 экземпляров каждая[1]. В Краснослободске — «Большевистская трибуна», Темникове — «Колхозонькис», Рузаевке — «Коллективный труд», Ромоданове — «Колхозная стройка», Кочкурове — «Якстере колхоз». Это было явно недостаточно для национальной области с 18 районами. Следовательно, партийным и советским органам предстояло проделать большую и сложную работу по организации органов печати в остальных районах.

Эта проблема неоднократно обсуждалась на заседании бюро обкома ВКП(б) и облисполкома. Так, 18 июня 1930 года бюро Мордовского обкома ВКП(б) приняло решение организовать районные газеты в Зубово-Полянском, Ковылкинском, Ардатовском, Атяшевском, Дубенском, Ичалковском и Торбеевском районах на мордовском языке[2].

Решение этой задачи в то время было сопряжено с определенными трудностями: отсутствие грамотных работников газет, необходимого типографского оборудования и помещений. Эти трудности осложнялись еще в большой степени там, где намечалось издание газет на родном языке, так как национальных кадров работников печати вообще недоставало.

Несмотря на эти затруднения, уже в первой половине 1931 года были организованы газеты в трех районах: Зубово-Полянском — «Валда шити», Теньгушевском — «Голос колхозника», Торбеевском — «За социалистическую деревню» тиражом 1600—1700 экземпляров[3]. Это были первые шаги к выполнению постановления ЦК ВКП(б) об организации газет во всех районах. Естественно, предстояла еще напряженная работа. Необходимо было в короткое время подобрать и подготовить редакторов районных газет, литературных сотрудников. В срочном порядке создать школы, курсы, практикумы, выявить желающих работать в газете наиболее подготовленных, идейно выдержанных коммунистов и рабселькоров. Наряду с этим изыскать финансовые средства на приобретение оборудования, строительство помещений и другие расходы. Все это требовало пристального внимания и действенных мер со стороны всей областной партийной организации и местных Советов.

Бюро обкома ВКП(б) 14 июня 1931 года вновь обсудило вопрос о состоянии и дальнейшем развитии районной печати в

[1] ПАКО, ф. 1141, оп. 42, ед. хр. 5; ГАКО, ф. 779, оп. 6, ед. хр. 230, л. 34.
[2] АМОК КПСС, ор. 269/8, оп. 1, ед. хр. 7, л. 126.
[3] Средняя Волга. Социально-экономический справочник. Москва—Самара, 1934, стр. 59.

области. В решении указывалось, чтобы уже в 1931 году приступить к изданию газет во всех районах[1]. В связи с этим культпропотделу обкома ВКП(б) совместно с редакторами областных газет было поручено подготовить соответствующие данные по организации прессы и в остальных районах. Для усиления руководства низовой печатью было предложено при каждом райкоме партии создать комиссии в составе завкультпропотделом РК ВКП(б), редактора райгазеты, представителя РКИ, райорганизатора печати. На которые возлагалась ответственность за деятельностью районной газеты.

Материалы, представленные культпропотделом обкома партии, были рассмотрены на заседании бюро обкома ВКП(б) 7 сентября 1931 года. Здесь было решено начать издание газет в Ардатовском, Атяшевском, Дубенском, Игнатовском, Инсарском, Ичалковском, Ковылкинском, Старошайговском и Чамзинском районах[2]. Всего в 1931 году намечалось выпускать газеты в 17 районах. Из них в 10 — на мордовском языке и в 7 — на русском[3].

Обком партии, рассмотрев вопрос о кадрах работников печати, постановил при местной совпартшколе организовать газетное отделение; с 1932 года создать школу ФЗУ полиграфистов. Наряду с этим для редакторов районных газет открывались двухмесячные курсы-практикумы при областных газетах, при типографии было предложено обучать типографских рабочих.

Экстренное решение вопроса подготовки и повышения квалификации работников газет диктовалось тем, что низок был их образовательный уровень. В 1932 году из 9 редакторов районных газет, взятых выборочно, только 3 имели среднее образование. Остальные низшее и неполное среднее[4]. Аналогичное положение было и в других районах.

Средне-Волжский крайком партии, отмечая недостаток работников районных газет в Мордовии, предложил Мордовскому обкому ВКП(б) укрепить аппарат районной прессы, мобилизовав ряд товарищей из партийных работников для редактирования организующихся районных газет области, усилив вовлечение рабселькоров-ударников в аппараты областных редакций с последующим направлением на работу в районные газеты[5]. Вместе с тем крайком ВКП(б) расширил газетное отделение комвуза и увеличил прием на отделение из Мордовской области; с 1932 года организовал в Самаре техникум печати, при комвузе трехмесячные курсы переподготовки работников райгазет, а при редакциях «Волжская коммуна» и «Колхозная газета» постоянный месячный практикум редакторов районной печати[6].

[1] АМОК КПСС, ф. 269/8, ед. хр. 161, л. 386.
[2] Труды МНИИЯЛИЭ, вып. XXXIV, Саранск, 1968, стр. 61.
[3] Там же.
[4] ПАКО, ф. 1141, оп. 42, ед. хр. 112, лл. 29, 39, 55, 64, 84, 103, 110, 112, 137.
[5] Труды МНИИЯЛИЭ, вып. XXXIV, Саранск, 1968, стр. 62.
[6] АМОК КПСС, ф. 269/8, оп. 1, ед. хр. 150, л. 23.

Большую помощь редакторам районных газет в организации деятельности районной печати оказывал краевой кабинет редактора, организованный в 1932 году. Главные задачи его заключались в том, чтобы систематически обобщать опыт работы районной печати края, изучать ее деятельность и оказывать постоянную помощь работникам районной прессы в росте квалификации и теоретического уровня[1].

Эти меры, безусловно, оказали значительное влияние на улучшение состава редакторов райгазет, их заместителей, литсотрудников и работников типографий.

Наряду с подготовкой и подбором кадров газетных работников, краевой комитет партии уделял внимание на обеспечение районных газет области типографским оборудованием. По указанию крайкома партии Средне-Волжской краевой комитет по делам печати в августе 1931 года принял постановление об обеспечении 9 районных типографий Мордовии машинами за счет ликвидации мелких типографий в крае[2]. Так, Ичалковская районная типография получила типографскую машину выездной газеты редакции «Волжская коммуна», Атяшевская из типографии «Печатное дело», Игнатовская и Дубенская из Пензенской типографии Промкредсоюза, Теньгушевская и Зубово-Полянская из Чембарской, Старошайговская из Кузнецкой[3]. Таким образом, были обеспечены типографским оборудованием многие районные типографии Мордовской автономной области, тем самым созданы необходимые условия для организации районной прессы, что позволило в начале 1932 года в 15 районах области из 18 наладить работу газет[4].

Итак, в Мордовии в то время издавались газеты в следующих районах: Краснослободском[5] — «Большевистская трибуна», Темниковском — «Колхозный путь», Рузаевском — «Рузаевская коммуна», Ромодановском — «Колхозная стройка», Кочкуровском — «Якстере колхоз», Зубово-Полянском — «Ленинонь знамяц», Теньгушевском — «Голос колхозника», Торбеевском — «За социалистическую деревню», Ардатовском — «За колхозы», Атяшевском — «Трактор», Инсарском — «Ленинский путь», Ичалковском — «За социализм», Ковылкинском — «Бригадир», Старошайговском — «По ленинскому пути», Чамзинском — «Борьба за социализм», Дубенском[6] — «За вторую пятилетку», Игнатовском[7] — «Сталинень киява».

[1] Труды МНИИЯЛИЭ, вып. XXXIV, Саранск, 1968, стр. 62.
[2] ГАКО, ф. 779, оп. 6, ед. хр. 222, лл. 38—39.
[3] Там же.
[4] Труды МНИИЯЛИЭ, вып.XXXIV, Саранск, 1968, стр. 62.
[5] Названия районных газет иногда менялись. Это объясняется главным образом изменением их задач на том или ином этапе социалистического строительства. Например, в первые годы Советской власти Краснослободская газета называлась «Смычка», затем в годы коллективизации сельского хозяйства страны — «За сплошную коллективизацию».
[6,7] Дубенская и Игнатовская районные газеты организованы несколько позже, примерно в начале 1933 года.

Районные газеты выходили один раз в пятидневку, тиражом примерно 2000 экземпляров.

Это новый, наиболее массовый отряд партийно-советской печати. В Мордовии, как и во всей стране, он вскоре получил всеобщее признание и вместе со всеми трудящимися области включился в борьбу за коренное преобразование сельскохозяйственного производства, за создание новой жизни в деревне.

Анализ архивных документов показывает, что в ряде мест Мордовии проявлялось некоторое непонимание вопроса языка издания районной газеты. Нередко без учета национальных особенностей газету печатали только на русском языке.

Язык издания того или иного печатного органа в национальном районе немаловажный фактор. Его нельзя недооценивать вообще, а в то время тем более, когда в мордовских селах грамотность, особенно взрослого населения, на которого, в основном, и рассчитана районная газета, оставалась пока низкой, русским языком владели немногие. В этих условиях необходимо было строго учитывать национальные особенности того или иного района и в связи с этим определить, в каком районе и на каком языке издавать районную газету.

Мордовский обком ВКП(б), изучив национальный состав населения районов, многочисленные пожелания трудящихся, широких читательских кругов, постановил: в Зубово-Полянском, Атяшевском, Теньгушевском, Игнатовском, Ковылкинском, Кочкуровском, Дубенском районах газеты издавать на Мордовском языке; в Ардатовском, Торбеевском, Чамзинском, Рузаевском, Ичалковском, Темниковском, Старошайговском — на смешанном, т. е. одна полоса печаталась на мордовском, а другая на русском языках; Инсарском, Краснослободском и Ромодановском районах — на русском[1].

Такое решение обкома партии было совершенно справедливым. Оно отвечало духу времени, требованиям всех слоев населения и особенно мордовского. Мордовский народ на этом примере еще больше убеждался в правоте ленинской национальной политики. Он видел постоянную заботу Коммунистической партии о росте культурного уровня всех больших и малых народов, населяющих Советскую страну. Газета на родном языке была более понятной, доходчивой. Следовательно, и более действенной в решении задач, поставленных перед трудящимися. Она глубже вникала в их сознание, укрепляла связи с читательскими массами, со всеми рабочими и крестьянами мордовской национальности и, наконец, растила и воспитывала широкий рабселькоровский актив.

Национальные газеты в районах области встречали огромные трудности не только в кадрах, как это было указано выше, но и

[1] ПАКО, ф. 1141, оп. 40, ед. хр. 228, лл. 116—117; АМОК КПСС, ф. 269/8, оп. 1, ед. хр. 68, лл. 90—91.

в том, что до того времени еще не утвердились единые нормы мордовских литературных языков. В силу этого многие районные газеты выходили на том говоре, которым разговаривал редактор. Так, Ковылкинская газета «Бригадир» первоначально придерживалась местного говора. В 1932 году с приходом нового редактора она начала выходить на Зубово-Полянском диалекте[1]. Это вызывало справедливые нарекания читателей и несколько снижало авторитет органа печати района.

Областным газетам «Эрзянь коммуна» и «Мокшень правда» приходилось кропотливо работать с сотрудниками районных газет, терпеливо обучать их мастерству подачи материала на родном языке, умению найти из повседневной жизни, практики социалистического строительства наиболее характерные факты, отображающие существо поднятого вопроса в той или иной статье. В этом отношении наиболее ценными были семинары — практикумы при областных газетах, конференции и совещания с работниками районных газет, а также систематические обзоры районной печати, публикуемые на страницах областной прессы, выступления в газетах мордовских ученых, преподавателей техникумов и школ по вопросам единых норм мордовских литературных языков, издание специальных книг и брошюр, освещающих правила правописания родного языка. Только «Од веле» в 1931 году провела 4 районных рабселькоровских совещания, на которых, наряду с вопросами организационно-хозяйственного укрепления колхозов, учились как лучше и грамотнее написать статью в газету[2].

Огромное внимание деятельности районной прессы уделяли газеты «Правда», «Крестьянская газета», и журнал «Районная печать». На их страницах систематически давались обзоры деятельности районных газет, в том числе и газет Мордовии. Главное внимание районной печати в то время направлялось на укрепление колхозного строя.

В «Правде» неоднократно подчеркивалось, что основными темами районных газет должны быть воспитание колхозных кадров, организация социалистического соревнования за повышение производительности труда в сельскохозяйственном производстве.

Районные газеты Мордовии, являясь органами райкомов партии, помогали им укреплять колхозы в организационном и хозяйственном отношении. Партийные отделы этих газет освещали работу первичных парторганизаций, воспитывали у коммунистов чувство ответственности за порученное дело. Это мы показываем на примере деятельности газеты «Колхозная стройка» — органа Ромодановского РК ВКП(б) и райисполкома.

Газета организована в ноябре 1930 года[3]. Она быстро завоевала авторитет у трудящихся района, расширила и укрепила связи со своими читателями.

[1] АМОК КПСС, ф. 269/8, оп. 1, ед. хр. 75, лл. 82, 84.
[2] «Од веле», 1932, 5 мая.
[3] ПАКО, ф. 1141, оп. 42, ед. хр. 112, л. 133.

Если в ноябре 1930 года редакция «Колхозной стройки» получила только 86 корреспонденций, то в декабре этого же года количество писем в газету почти удвоилось[1]. Это были главным образом письма крестьян-колхозников и единоличников.

Колхозники в своих письмах в газету писали о коллективной жизни, об организации труда в колхозе. Единоличников интересовали вопросы землепользования. Они обращались в редакцию с жалобами на неправильные действия земельных органов.

Тщательное изучение различных источников свидетельствует о том, что газета «Колхозная стройка» активно помогала райкому партии в организации колхозов, в воспитании трудящихся района в духе преданности делу социализма. Она в конце 1930 года и в начале 1931 года создала 16 ударных рабселькоровских бригад. Из них 6 — по перевыборам в Советы, 3 — по проверке колхозов, 1 — по обследованию работы кооперации, 1 — по смотру почты, 1 — по проверке действенности рабселькоровских заметок, 2 — по обследованию деятельности Советов и другие[2].

Газета обращала внимание на укрепление связи с рабселькорами и трудящимися района. 8 января 1931 года ее редакция под руководством райкома партии провела совещание селькоров, на котором активно обсуждались новые формы рабселькоровской работы[3]. В резолюции совещания признано необходимым всем рабселькорам (их было 105)[4] включиться в ударные рабселькоровские бригады.

Журнал «Рабселькор Средней Волги» (орган культпропотдела Средне-Волжского крайкома ВКП(б), оценивая работу газеты «Колхозная стройка», указывал, что эта газета первая из районной печати в Средне-Волжском крае «перенесла в свою практику опыт работы ударных бригад «Правды» и «Волжской коммуны»[5].

Аналогичную работу проводили и многие другие районные газеты: Ардатовская, Атяшевская, Краснослободская, Чамзинская. Они, являясь боевыми помощниками райкомов партии в решении хозяйственно-политических задач, стоящих перед трудящимися районов, оперативно освещали вопросы сельского хозяйства, помогали растить колхозные кадры. Учили председателей колхозов, бригадиров, звеньевых передовым методам работы, организовывали рейды ударных бригад селькоров и встречи со своими читателями.

Однако, в Мордовии были и такие районные газеты, которые слабо выполняли решения ЦК партии о задачах районной печати. Бюро Мордовского обкома ВКП(б) 9 июня 1932 года указало, что газеты «За социализм» (Ичалки), «Колхозонь ки» («Колхозный путь») (Темников) недостаточно отражали экономику района,

[1] «Рабселькор Средней Волги», 1931, № 3, стр. 7.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] «Красная Мордовия», 1931, 15 января.
[5] «Рабселькор Средней Волги», 1931, № 3, стр. 7.

мало заботились об организационно-хозяйственном укреплении колхозов, слабо показывали преимущества коллективного труда в сельхозартели[1]. В принятом решении обком партии предложил райкомам ВКП(б) повседневно руководить деятельностью районной прессы, направлять ее усилия на решение главных задач, стоящих перед районом. Вместе с этим обком ВКП(б) потребовал от областных газет улучшить обзоры районной печати, помогать ей в организации работы с рабселькорами и широкими массами трудящихся с тем, чтобы все районные газеты умело строили свою работу, выступали подлинными организаторами трудящихся масс в районах за победу социализма.

В истории развития районной печати Мордовии мы прослеживаем несколько этапов. Укажем лишь на два. Первый этап — с 1918 по 1930 год. В этот период создавались и функционировали уездные газеты. Их сравнительно было мало в Мордовии. Только в уездных центрах издавались они ничтожно малым тиражом, с большими перерывами. Иногда вообще приостанавливался выпуск той или иной газеты. Так, в 1926 году была закрыта Ардатовская газета «Трудовая коммуна», прервано было издание Инсарской газеты. Это положение объясняется невероятными трудностями, которые переживала наша страна после империалистической и гражданской войн, в годы восстановления народного хозяйства.

Однако уездная печать в тот период являлась достойным отрядом всей партийно-советской прессы. Она, находясь в гуще народных масс, была их подлинной трибуной, решительно боролась с врагами партии и народа, разъясняла марксистско-ленинские идеи среди рабочих и крестьян, мобилизовывала трудящихся на активное участие в социалистическом строительстве. Уездная пресса воспитывала многочисленные кадры рабочих и сельских корреспондентов, учила благородному, но и трудному делу журналиста многих активистов печати.

Второй этап с 1930 по 1937 год. В начале этого периода была образована Мордовская автономная область. Это историческое завоевание мордовского народа, достигнутое под руководством Коммунистической партии, оказало всемерное влияние на его дальнейшее экономическое и культурное развитие, в том числе на развертывание и укрепление местной партийно-советской прессы как на русском, так и на мордовском языках.

ЦК ВКП(б) 11 августа 1930 года в связи с ликвидацией округов постановил реорганизовать бывшие окружные газеты в районные, а несколько позже, 18 января 1931 года, предложил во всех районах страны издавать газеты. Таким образом, повсеместно, в том числе и в Мордовии, началась кропотливая и усиленная работа по созданию районной прессы. К 1932 году почти во всех районах области функционировали печатные органы. Следовательно, на втором этапе районная печать Мордовии получила

[1] ПАКО, ф. 1141, оп. 24, ед. хр. 199, л. 17.

дальнейшее развитие и укрепление. Она прочно вошла в жизнь и быт трудящихся Мордовии, накопила значительный опыт работы по мобилизации трудящихся масс на борьбу за осуществление в жизнь Ленинского кооперативного плана, за торжество социализма в Мордовском крае.

Коммунистическая партия как и на первом этапе, в эти годы постоянно следила за деятельностью всей районной прессы, оказывала ей конкретную помощь, осуществляла непосредственное руководство этим боевым и самым многочисленным отрядом партийно-советской прессы страны победившего социализма.

Все это повседневно чувствовали на себе районные газеты Мордовии, ставшие уже в то время очень популярными, авторитетными и влиятельными органами среди рабочих и крестьян.

В. П. КУПЦОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОРДОВСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПО РАЗВЕРТЫВАНИЮ ПАРТИЙНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ПЕРИОД КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Во время подготовки и проведения коллективизации сельского хозяйства, когда трудящиеся Мордовии успешно претворяли в жизнь ленинский кооперативный план и исторические решения XV съезда Коммунистической партии, значение и роль пропагандистской работы в массах значительно возросли.

В конце 1928 года, когда был создан Мордовский округ и мордовская окружная партийная организация, здесь действовала в основном уже сложившаяся система политического просвещения. Она состояла из 3-х звеньев: низшего (единые партийные школы, кандидатские школы), среднего (совпартшколы, марксистско-ленинские кружки), высшего (курсы марксизма-ленинизма, комвузы)

Сеть политического просвещения по линии партийных, комсомольских, профсоюзных и кооперативных организаций комплектовалась одновременно.

В деревне вместо двух ступеней начальной партийной школы политграмоты (школы-передвижки и школы-стационарки, зачастую дублировавшие друг друга) с 1928/29 учебного года создавалась единая партийная школа, которая являлась первоначальной формой партучебы. Она имела целью помочь коммунистам приобрести минимум политзнаний, необходимый для правильного понимания вопросов текущей политики.

Эта школа явилась начальной формой политобразования для коммунистов и наряду с кандидатскими школами готовила батрацко-бедняцкий актив к вступлению в ленинскую партию. Она давала навыки работы над книгой, газетой, журналом.

Учебная программа школы содержала 10 тем, рассчитанных на 17 бесед[1].

В Мордовии, ввиду низкого уровня грамотности сельских коммунистов и бедняцко-батрацкого актива, широкое развитие получили школы малограмотных, где основным методом проведения политических занятий была живая беседа.

[1] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 294, л. 184.

Важной формой партийного просвещения явились марксистско-ленинские кружки: предметные, тематические, газетные, текущей политики, антирелигиозные и др.

Предметные кружки давали возможность глубоко изучать ленинизм, политическую экономию, диалектический и исторический материализм, историю ВКП(б), экономполитику, историю международного рабочего движения. Занятия в кружках проводились по вечерам, 1 раз в неделю по три часа.

По ленинизму, политической экономии, диалектическому и историческому материализму, наряду с одногодичным кружком, организовывались кружки с двухгодичным сроком обучения. Сочинения классиков марксизма-ленинизма являлись основными пособиями в работе кружков[1].

В кружке по ленинизму изучались основные проблемы марксистско-ленинской теории. Одногодичная его программа была рассчитана на 23 занятия, двухгодичная — на 43.

Программа кружка по истории партии состояла из 15 тем, рассчитанных на 15 занятий. В работе кружков политической экономии осуществлялась увязка теоретических вопросов с вопросами колхозного и совхозного строительства. Одногодичный курс был разбит на 17 тем. Из 21 беседы состояла программа кружка по изучению политической экономии, 22— диалектического и исторического материализма и т. д.

Для удовлетворения запросов членов и кандидатов партии, комсомольцев и беспартийных было обеспечено создание разветвленной сети тематических кружков; они представляли одну из форм партпросвещения, позволяющую слушателям углублять теоретические знания путем изучения не целых программ, а отдельных тем как общетеоретического, так и практического характера.

В условиях Мордовии чаще всего рекомендовалась организация кружков по изучению тем, связанных с практическими задачами по выполнению решений XV съезда партии, задач 1-го пятилетнего плана, национального, культурного строительства и т. д.

Большое место в сети партпросвещения в деревне занимали кружки текущей политики[2].

Они не связывали слушателя определенной программой, но давали возможность изучать наиболее злободневные вопросы текущей политики партии и Советского правительства, жизни области, района, села. Слушатели пользовались материалами газет «Правда», «Известия», «Волжская коммуна», «Завод и пашня», «Од веле»; журналов «Беднота», «Большевик», «Деревенский

[1] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 294, л. 184.
[2] Там же, лл. 189—190.

коммунист», «Коммунистическая революция», «Культура и революция», «Коммунист»[1], «На аграрном фронте» и др.

Распространенной формой политучебы являлись также антирелигиозные кружки, программы которых были рассчитаны на 13 тем[2].

Кроме того, по желанию обучающихся организовывались кружки рационализаторских знаний, коллективизации сельского хозяйства, литературные, кооперирования, профдвижения и др.[3].

В соответствии с решением XVI конференции ВКП(б) о приближении агропропаганды к крестьянскому двору, широкое развитие получила сеть сельскохозяйственных кружков[4].

Распространенной формой политического просвещения коммунистов и беспартийного актива бедняцко-середняцких масс в селах Мордовии явились вечерние совпартшколы (наиболее оправдавшая себя форма объединения политучебы с повышением уровня общеобразовательных знаний). Программы совпартшкол, наряду с политической и общеобразовательной подготовкой слушателей, предусматривали изучение вопросов коллективизации, агрономии, путей социалистического переустройства деревни.

С целью приспособления к нуждам широких партийных и беспартийных масс устанавливалось два типа вечерних СПШ — с годичным и двухгодичным сроком обучения[5].

В первую из них принимались члены в кандидаты партии, комсомольцы и беспартийные, умеющие читать, писать и обладающие минимумом политических знаний.

В программу совпартшкол с одногодичным сроком обучения входили все дисциплины предметных марксистско-ленинских кружков (политическая экономия, диалектический и исторический материализм, экономическая политика, история ВКП(б), история революционного движения). Слушатель имел право выбрать дисциплины для изучения, но он должен был сочетать занятия по политическому предмету с предметами общеобразовательными — арифметикой, родным языком, естествознанием, экономической географией.

Занятия планировались в соответствии с числом предметов, выбранных для изучения, но, как правило, не более двух дней в неделю по 4 часа.

Процесс обучения и условия приема в двухгодичную вечернюю совпартшколу в первом году были те же, что и в одногодичной совпартшколе. Программа второго года обучения являлась продолжением первого и была рассчитана на более углубленное изучение предметов. Допускался свободный выбор предметов. К предметам политучебы добавлялся курс ленинизма.

[1] «Коммунист» — орган Средне-Волжского крайкома ВКП(б).
[2] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 294, л. 192.
[3] Там же.
[4] КПСС в резолюциях... ч. II, изд. 7-е, Госполитиздат, 1953, стр. 464.
[5] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 294, л. 196.

Одной из форм политической учебы в деревенской сети были курсы-съезды батрачества и бедноты. XV съезд ВКП(б) в своих решениях отметил недостаточную работу деревенских партийных организаций по классовому воспитанию батрачества, что в свою очередь влияло на ухудшение роста сельских ячеек за счет пролетарского ядра деревни — батрачества[1].

Ведя борьбу за укрепление сельских партийных организаций, за расширение в них пролетарской прослойки, Мордовская партийная организация проводила постоянную работу по вовлечению батрачества в партию и другие общественно-политические организации.

Курсы-съезды ставили задачу повышения политических знаний и деловой квалификации слушателей, а также осуществляли подготовку батраков и крестьян-бедняков для вступления в партию, выдвижения на партийную, хозяйственную, советскую работу[2].

Обычно в программу курсов включались следующие предметы: обществоведение, русский язык, арифметика, агрограмота, коллективизация, законодательство о труде батраков. Отдельные партийные организации на этих курсах готовили трактористов-рулевых.

Одно из главных мест в политическом просвещении занимала также и такая форма политической подготовки, как самообразование. Для самообразовательной политучебы рекомендовались те же учебные планы школ и кружков.

Руководство самообразованием обеспечивалось консультантами и бюро самообразования при АПО райкомов партии[3]. В конце 1928 года окружкомом была организована комиссия по самообразованию при АПО окружного комитета, включающая представителей всех низовых органов по самообразованию[4].

По сведениям 13 районов в Мордовском округе к началу 1929 года насчитывалось 25 самообразовательных кружков и 178 индивидуально обучающихся[5].

Обычно одиночки или отдельные группы, с количеством участников от 3 до 10 человек, прикреплялись к единым партшколам, марксистско-ленинским кружкам, в которых рецензировались их самостоятельные письменные работы, давались консультации, проводились итоговые учебные беседы, конференции.

20 августа 1929 года АПО Мордовского окружкома обратился ко всем райкомам с директивным письмом «О формах и методах руководства политсамообразовательной работой по округу», в основу которого было положено постановление АПО Средне-Волжского обкома «О самообразовательной работе». В этом письме было отмечено, что опыт самообразовательной работы как форма

[1] КПСС в резолюциях... ч. II, изд. 7-е, Госполитиздат, 1953.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2886, л. 283.
[3] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 305, л. 34.
[4] Там же, д. 294, л. 155.
[5] Там же, л. 156.

учебы себя оправдал и в дальнейшем должен занять в общей системе партпросвещения прочное место[1].

Для повышения политического уровня комсомольских масс создавалась комсомольская сеть политобразования.

В организационной сети политического просвещения мордовского округа на 1928/29 учебный год насчитывалось 278 учебных единиц партийной учебы[2]. В том числе: вечерних совпартшкол — 9, единых начальных партшкол — 41, курсов-съездов батрачества — 14, марксистско-ленинских кружков — 263. Из них: ленинизма — 30, истории ВКП(б) — 83, политэкономии — 21, исторического и диалектического материализма — 8, экономполитики — 7, текущей политики — 48, газетных — 23, тематических — 4, по социалистической перестройке деревни и др. — 8, самообразовательных кружков — 26, обучающихся индивидуально — 163 человека и кружков по единой программе — 27[3].

Коммунисты окружной партийной организации были охвачены партийной учебой на 60,6%. Состав слушателей по партийности был следующим: коммунистов — 60,4%, комсомольцев — 19%, беспартийных 20,6%[4].

Для руководства учебным процессом кружков всего по 23 районам закреплено было 30 пропагандистов. В семи районах с преобладанием мордовского населения работали по два пропагандиста[5].

С ячейковыми пропагандистами в октябре 1928 года во всех районах были проведены краткосрочные курсы-совещания (2—3 дня), где прорабатывались главным образом методические вопросы. По данным из 6 райкомов ВКП(б) такими курсами было охвачено 119 человек[6].

В районы разослано 48 названий (5205 экземпляров) книг, в том числе литература для партсети — 33 названия (3350 экземпляров), комсомольской сети — 11 названий (1210 экземпляров)[7].

Первый учебный год в системе партийного просвещения Мордовского округа начался организованно. В большинстве районов работа партсети была развернута полностью.

Больших успехов в работе по развертыванию сети партийного просвещения 1928/29 учебного года добились Рыбкинский, Чамзинский, Кочкуровский, Инсарский, Ельниковский и другие районы. Во многих мордовских школах занятия проводились на родном языке[8].

При проведении разъяснительной работы по вопросам комплектования сети партийного и комсомольского просвещения в

[1] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 21, л. 227.
[2] Там же, л. 228.
[3] Там же, д. 294, л. 150.
[4] Там же.
[5] Там же, л. 146.
[6] Там же, л. 150.
[7] Там же, л. 153.
[8] Там же, д. 312, л. 3.

Чамзинском районе главное внимание обращалось на наиболее полный охват учебой батрацко-бедняцких масс. Начали учебу в системе политпросвещения в районе 324 человека[1].

Под руководством районного комитета партии и партячеек в Инсарском[2] районе своевременно, к началу 1928/29 учебного года, развернулась работа в сети политической учебы.

В Ардатовской партийной организации охват учебой в партийной сети коммунистов деревни составлял 68%, а средняя посещаемость политшкол была равна 72%[4].

Первые итоги партийного просвещения 1928/29 года на зимний период по Мордовскому округу были подведены на заседании бюро Мордовского окружкома ВКП(б) 18 июня 1929 года. Отмечая успехи в развитии политического образования, бюро окружкома указало на улучшение увязки политучебы с современностью и с общественно-практической работой. За время зимнего периода партучебы были подготовлены новые кадры активистов. По данным 12 районов выдвинуты на ответственную работу 167 человек, вступили в партию 157 слушателей. Из принятых в партию 17%—рабочих, 37—батраков, 37,8—бедняков и 9,7%—середняков[5]. Из 145 батраков, охваченных курсами, вступили в партию 54 человека[6].

В сельских районах было создано 6 вечерних СПШ. С внештатными пропагандистами в большинстве районов регулярно проводились курсы-совещания[7].

Партийные организации округа значительное внимание уделяли изучению в системе партпросвещения материалов XV съезда партии и XVI партконференции, которые давали слушателям ясное и дельное представление о политике партии в деревне, о путях и методах осуществления ленинского кооперативного плана на практике.

Например, для изучения материалов XVI партийной конференции было организовано дополнительно 77 учебных единиц (курсов и кружков) с охватом 1748 коммунистов, членов ВЛКСМ и беспартийного актива[8].

Бюро окружкома отметило также и существенные недостатки в работе сети партийного просвещения: большой отсев слушателей партсети (в среднем на 20,9%), к концу учебы уменьшение охвата коммунистов (с 64,2% до 22,8%), неполный охват (на 42,4%) учебой кандидатов в члены ВКП(б). Крайне слабое

[1] АМОК КПСС, ф. 312, лл. 5—6.
[2] Там же, ф. 326, оп. 1, д. 294, л. 40.
[3] Там же, л. 40, 114.
[4] Там же, д. 71, л. 2.
[5] «Коммунист» — орган Средне-Волжского крайкома ВКП(б) (в дальнейшем «Коммунист»), 1929, № 3, 4, стр. 39.
[6] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 71, лл. 2—3.
[7] Там же, д. 314, л. 8.

внимание уделялось привлечению на учебу вновь принятых кандидатов партии. Имело место несоблюдение принципа добровольности в учебе (Краснослободский район)[1]. Охват рабочих, колхозников и женщин в среднем составлял всего 15,1%.

Отдельные райкомы ВКП(б) (Ардатовский, Ковылкинский) осуществляли руководство сетью политпросвещения формально[2].

Многие районные и сельские партийные организации округа, занявшись вплотную вопросами проведения коллективизации сельского хозяйства, крайне недостаточное внимание уделяли вопросам руководства политобразованием коммунистов. Вопросы партучебы на партсобраниях, заседаниях бюро некоторых райкомов партии ставились редко.

Мордовский окружком ВКП(б) принимает ряд мер по устранению серьезных недостатков в сети политобразования. АПО окружного комитета партии помещает в газетах «Од веле» и «Завод и пашня» ряд статей, посвященных вопросам улучшения содержания, организации форм и методов системы партпросвещения в районах округа[3]. С 20 августа по 20 сентября 1929 года был проведен месячник по разъяснению задач партучебы.

Значительно активизировали свою работу окружная комиссия по политсамообразованию, методическое бюро при АПО окружкома и бюро консультаций при кабинете АПО. В районы были командированы 23 ответственных работника окружкома, которые на местах оказывали практическую помощь в работе партсети[4].

В октябре 1929 года методическая комиссия при АПО окружкома ВКП(б) на своем заседании разработала новые организационно-методические указания для совпартшкол и единых начальных партшкол.

15 августа 1929 года окружной комитет партии в своем директивном письме райкомам ВКП(б) «О развертывании партпросвещения на 1929—1930 год» указал, что основное содержание партучебы должно определяться численным ростом состава партийной организации за истекший период и задачами дальнейшего приема в партию батраков, рабочих, колхозников и женщин. В письме далее говорилось, что теоретическая подготовка коммунистов должна соответствовать требованиям реконструктивного периода[5].

В октябре 1929 года вопрос о партийной учебе обсуждался на окружном совещании агитпропработников, где были поставлены доклады о состоянии партпросвещения в округе, о состоянии работы по комсомольскому политобразованию, о состоянии работы по самообразованию[6].

---

[1] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 294, л. 150.
[2] Там же, д. 71, л. 3.
[3] Там же, д. 673, л. 1.
[4] Там же, л. 2.
[5] Там же, д. 652, лл. 4—5.
[6] Там же, д. 647, л. 1.

Подобные совещания с внештатными и штатными пропагандистами сети политического просвещения провели Краснослободский[1], Беднодемьяновский[2] и другие районные комитеты партии. Усилилось руководство системой политического просвещения со стороны многих райкомов ВКП(б)[3].

В период проведения чистки партийных рядов партийных организаций Мордовии в 1929 году слушатели учебных единиц — беспартийный актив — являлись основным резервом пополнения рядов деревенских партийных ячеек. В этот период как никогда проявилось большое стремление к вступлению в ряды ВКП(б) беспартийного крестьянского актива.

Так, по Инсарской районной парторганизации в период чистки поступило 13 заявлений с просьбой о приеме в партию от 10 бедняков и 3 батраков, обучающихся в марксистско-ленинских кружках, по Кочкуровскому району — 11 заявлений от 1 батрака и 10 бедняков-кружковцев, по Наровчатской райпарторганизации — 27 заявлений от беспартийных слушателей политшкол[4].

В начале 1929/30 учебного года в ряде районов округа началось развертывание социалистического соревнования на лучшую постановку работы сети партпросвещения, явившейся действенным средством улучшения качества и содержания партийной учебы.

Среди первых в этом соревновании явились Краснослободский и Беднодемьяновский районы[5].

Проведенные окружным комитетом ВКП(б) и низовыми партийными организациями мероприятия способствовали ликвидации многих недостатков в сети партпросвещения, отмеченных на заседании бюро Мордовского окружкома от 18 июня 1929 года[6], а также успешному решению задач по подготовке к политучебе на 1929/30 учебный год.

Положительные результаты работы партпросвещения по идейно-теоретической подготовке коммунистов, членов ВЛКСМ и беспартийного актива были отмечены на заседании бюро Мордовского окружкома ВКП(б) от 15 октября 1929 года. В докладе «О предварительных итогах развертывания и комплектования сети партпросвещения по Мордовскому округу на 1929/30 учебный год» было отмечено, что к началу учебного года восстановлены старые и создан ряд новых учебных единиц. Всего было охвачено разветвленной сетью политучебы 5228 человек. Из них 1760 составляли коммунисты, 598 — комсомольцы и 2870 — беспартийные[7].

---

[1] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 648, л. 3.
[2] Там же, л. 7.
[3] Там же, д. 306, лл. 14, 24, 26, 27.
[4] Там же, д. 642, лл. 17, 22, 28.
[5] Там же, д. 306, л. 89.
[6] Там же.
[7] Там же, д. 673, л. 3.

Однако в подготовке и развертывании сети политического образования и в 1929/30 году имелись еще серьезные недостатки.

Больше всего было допущено тогда перегибов в районах с преобладанием мордовского населения — Зубово-Полянском, Ковылкинском, Торбеевском, Рыбкинском, где вопросы улучшения марксистско-ленинской учебы коммунистов и беспартийного актива были в начале 1930 года особенно в запущенном состоянии[1].

Деревенские ячейки этих районов партучебу коммунистов контролировали слабо, занятия в партшколах и марксистско-ленинских кружках проводились вне связи с практическими задачами районов, партийных ячеек по вопросам социалистического преобразования деревни[2].

II Мордовская областная партийная конференция, проведенная с 30 мая по 3 июня 1930 года, указала, что «политучеба должна занять одно из главных мест в работе партийных организаций в связи с задачами перестройки всей нашей работы и мобилизации бедняцко-середняцких масс на социалистическое переустройство деревни. Необходима борьба с самодовольством и парадностью в вопросах партучебы... Наши кадры не должны превращаться в узких дельцов-практиков, не подготовленных в теоретическом отношении[3].

13 сентября 1930 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О задачах партпросвещения», которое сыграло большую роль в дальнейшем совершенствовании содержания, форм и методов партпросвещения. ЦК ВКП(б) решительно осудил наблюдающуюся недооценку партпросвещения со стороны отдельных коммунистов и предложил местным организациям принять все необходимые меры к его расширению и улучшению качества партийной учебы. В связи с задачами систематического повышения теоретического и политического уровня партийных масс и дальнейшего вовлечения рабочих, батраков, бедноты и колхозников в ряды партии, ЦК партии реорганизовал существующую единую партшколу в начальную партшколу с 3—4-месячным сроком обучения, перестроив программу начальной партшколы таким образом, чтобы усвоение слушателями основ программы и Устава партии было связано с изучением очередных задач социалистического строительства и политики в деревне.

Наряду с развертыванием начальной партшколы, ЦК ВКП(б) в своем постановлении указал на необходимость дальнейшего расширения массовой сети марксистско-ленинских кружков, вечерних совпартшкол, развертывания в деревнях широкой сети школ-передвижек, курсов-съездов деревенских коммунистов и батрацких курсов[4]. Выполняя постановление ЦК и решения II област-

[1] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 139, л. 99.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2886, л. 86.
[3] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 3, л. 18.
[4] О задачах партпросвещения (постановление ЦК ВКП(б) от 13 сентября 1930 г.). «Партийное строительство», 1930, № 18, стр. 76, 77.

ной партконференции организации Мордовии приняли конкретные меры по повышению политического уровня коммунистов, комсомольцев и беспартийных масс. Обком партии определил в качестве ближайшей задачи партийных организаций охватить политучебой 80% членов партии и 100% кандидатов в члены ВКП(б), а в дальнейшем добиться 100% охвата всех коммунистов учебой.

Почти во все районы области для налаживания учебы в партсети были посланы штатные и нештатные инструкторы культпропа обкома ВКП(б) и бригады, организованные из слушателей совпартшкол. Вопросы дальнейшего качественного улучшения организации и содержания политического просвещения были рассмотрены на собраниях ячеек ВКП(б) и райкультпросвещениях, созванных райкомами партии. При всех райкомах ВКП(б) и ячейках были созданы постоянно действующие комплектовочные комиссии[1]. Были приняты меры к переводу преподавания мордовских партшкол на родной язык. К началу 1931 года в 1/4 части мордовских учебных единиц преподавание велось на родном языке[2].

В 1930—1931 и последующие годы значительно больше внимания партийные организации Мордовии начали уделять вопросам политического образования колхозников и рабочих совхозов.

19 января 1931 года секретариат Мордовского обкома ВКП(б) рассмотрев на своем заседании вопрос «О партпросвещении в колхозах и совхозах», поставил перед райпарторганизациями задачу: развернуть широкую сеть декадных колхозных школ политграмоты и пропустить через эти школы в ближайшее время не менее 80% колхозников. Декадная школа политграмоты строилась на базе производственного укрепления и организации труда в колхозах.

Колхозная школа имела следующую целевую установку: ознакомление колхозников с решениями XV и XVI партийных съездов, последующих Пленумов ЦК ВКП(б), крайкома и обкома; вовлечение единоличников в колхозы и создание инициативных групп среди бедняцко-середняцкого актива по оформлению вновь организуемых колхозов; прием в партию колхозного актива.

В январе 1931 года комиссией Средне-Волжского краевого комитета ВКП(б) были обследованы Рузаевский, Чамзинский, Кочкуровский, Темниковский и Краснослободский районы. Комиссия отметила тесную связь политического просвещения с практическими задачами коллективизации сельского хозяйства области, а также вскрыла недостатки в этом деле.

Секретариат обкома ВКП(б), рассмотрев на своем заседании вопрос «О результатах обследования комиссией крайкома ВКП(б) состояния партпросвещения в отдельных районах области»,

[1] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 13, л. 51.
[2] Там же, л. 55.

наметил конкретные меры по улучшению партпросвещения в области. Решением секретариата запрещалось использовать пропагандистов сети партпросвещения не по назначению. Культпроп обкома дополнительно организовал две пропагандистские группы для работы в отстающих районах; были намечены мероприятия по улучшению оказания методической помощи сети партпроса, (посылка методических писем, разработки литературы, регулярные инструктажи руководителей партшколы и т. д.); устанавливалась регулярная обследовательская работа культпропом обкома партии состояния партпросвещения в районах.

В Рузаевскую парторганизацию для оказания помощи была послана специальная бригада обкома партии. В районе большую работу проводила и Мордовская пропгруппа ЦК ВКП(б)[1].

Проведенная крайкомом и обкомом партии работа способствовала заметному улучшению постановки дела политического просвещения в области. По сравнению с 1920/30 учебным годом в 1930/31 учебном году произошли следующие изменения в сети партпросвещения: число учебных единиц увеличилось на 10,2%, охват коммунистов партсетью возрос на 7%, комсомольцев — на 5,1%, увеличился охват крестьян-колхозников на 20,6%, мордвы — на 1,1%[2].

Большое место в партшколах и кружках в 1930/31 учебном году было уделено изучению материалов XVI съезда партии. 24 августа 1930 года секретариат обкома обратился с директивным письмом к райкомам ВКП(б) «Об изучении решений XVI съезда партии».

Областной комитет партии организовывал выезды ответственных работников на места, которые выступали с информациями, инструктивными докладами, лекциями по материалам партсъезда. В Дубенском районе было организовано проведение декадных районных курсов по изучению решений съезда.

Решением бюро Инсарского райкома были посланы в села уполномоченные для разъяснения материалов съезда на бедняцких и общих собраниях крестьян, а также в системе политучебы. В районе была создана специальная комиссия, занимающаяся вопросами пропаганды и изучения решений партсъезда в сети политобразования[3].

В последующие годы идет процесс дальнейшего расширения сети политического образования и улучшения качества партийной учебы в нем. Обком ВКП(б), райпарторганизации, исходя из решений XVI съезда партии «О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства»[4] и постановления ЦК ВКП(б) от 13 сентября 1930 года «О задачах партпросвещения»[5], больше внимания

[1] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 136, лл. 28—29.
[2] Там же, д. 29, л. 58.
[3] Там же, д. 40, л. 280.
[4] КПСС в резолюциях... ч. II, изд. 7-е, Госполитиздат, 1953, стр. 593.
[5] «Партийное строительство», 1930, № 18, стр. 76.

стали уделять расширению связей партучебы с повседневными задачами партийных организаций деревни: развертыванием колхозного и совхозного строительства, усилением работы с беднотой, проведением посевных кампаний, борьбой с потерями урожая, проведением классовой политики партии в деревне, организацией соцсоревнования и т. д.

Слушатели политических занятий школ и кружков с. Алаева Зубово-Полянского района, например, были разбиты на бригады и участвовали в проведении хозяйственно-политических кампаний, в организационно-хозяйственном укреплении колхоза. В порядке социалистического соревнования слушателями только за три дня было распространено облигаций государственного займа на сумму 7 тыс. рублей. Посещаемость занятий в политшколах составляла 100%. Такое же активное участие в организации и проведении хозяйственно-политических кампаний принимали слушатели в Теньгушевском, Чамзинском и других районах области[1]. В Атяшевском районе слушатели партшкол и кружков проявляли особую заботу об укреплении колхозов. В колхозы, допускавшие уравнительное распределение продуктов труда (кулацкую уравниловку), выезжали бригады кружковцев. Все бригады, сформированные из слушателей кружков, соревновались между собой[2].

Повсеместно из слушателей кружков и политшкол создавались ударные бригады для проведения весенне-посевных кампаний[3].

Наряду с проведением классных занятий, слушателей сети партпросвещения регулярно знакомили с практическими задачами колхозного строительства. С этой целью партийные ячейки, пропагандисты организовывали для них экскурсии в передовые колхозы, совхозы, МТС, проводили вечера встреч слушателей сети партпросвещения с ударниками колхозного производства, членами правлений колхозов, бригадирами, директорами совхозов и МТС. Все это в значительной мере способствовало связи учебы в системе политического образования с колхозным производством.

Являясь наиболее грамотными в политическом отношении людьми в деревне, слушатели сети партийного просвещения оказывали активную помощь партийным организациям в проведении коллективизации сельского хозяйства. Чаще всего они являлись инициаторами соревнования, ударничества. С их деятельностью неразрывно связаны возникновения новых форм соревнования (общественные буксиры, инициативные группы, вербовочные бригады, взаимопроверки и т. д.). Так, инициаторами социалистического соревнования среди крестьянства Мордовии явились слушатели деревенской политсети Кочкуровской районной парторганизации. Это по их почину трудящиеся Кочкуровского района 11 апреля 1929 года приняли вызов московских рабочих и вызвали на соревнование трудовое крестьянство Старошайговского,

[1] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 5, л. 32.
[2] «Красная Мордовия», 1931, 22 окт.
[3] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 58, л. 138.

Саранского, Зубово-Полянского районов[1]. После этого волна соревнования прокатилась по всем районам[2].

Активно участвовали слушатели политшкол в развитии соревнования в конце 1930 года в деревнях и селах Рузаевского, Ромодановского и других районов.

С помощью кружковцев в порядке соревнования с Ромодановским районом труженики Рузаевского района выполнили свои обязательства по ликвидации неграмотности на 160% (обучено 5622 чел., при обязательствах 3500 чел.). Причем по обучению женщин обязательства были выполнены на 223% (обучено 1050 чел.). По обучению мордовской части населения района соцобязательства были выполнены на 152% (обучено 2290 чел.)[3]. Слушатели партсети распространили среди населения 1322 экземпляра газет (при обязательствах 1000 экземпляров). Провели для трудящихся 1003 доклада и беседы (при обязательствах 834), выпустили 96 номеров газет (при обязательствах 64)[4].

Слушатели сети политического образования участвовали в создании вербовочных бригад, инициативных групп, общественных буксиров[5]. Эти формы соревнования способствовали дальнейшему развитию коллективизации.

Так, Слободско-Дубровская буксирная бригада Краснослободского района, состоящая из слушателей начальной политшколы, в период с 10 по 17 августа 1931 года завершила сплошную коллективизацию сел Мордовские Парки и Слободские Дубровки. Организованно вступили в колхозы 800 крестьянских хозяйств. Одновременно бригада организовала хлебный обоз в 300 пудов[6].

Успешно справились со своей задачей две буксирные бригады кружковцев Ромодановского района по оказанию помощи в своевременном проведении весенней посевной кампании 1932 года совхозу «Красный свиновод», Резоватовскому и Пузинскому колхозам Ичалковского района[7].

Участие слушателей системы партийного образования в новой форме соцсоревнования — общественной проверке (взаимопроверка соцдоговоров, контроль за качеством соревнования и т. д.) в значительной мере способствовало дальнейшему развитию соревнования в селах и деревнях Мордовии. В апреле 1932 года по инициативе слушателей начального и среднего звеньев партпросвещения Кочкуровского района было организовано 14 внутрипроверочных буксирных бригад[8].

Хорошо, например, была налажена работа самопроверочной бригады в Гузынском колхозе имени Второй большевистской

[1] «Завод и пашня», 1929, 11 апреля.
[2] Там же, 16 апреля.
[3] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 6, л. 2.
[4] Там же, л. 1.
[5] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2891, л. 287.
[6] «Красная Мордовия», 1931, 22 августа.
[7] «Красная Мордовия», 1932, 22 мая.
[8] «Красная Мордовия», 1932, 11 апреля.

весны. Внутрипроверочная работа здесь способствовала подготовке тягловой силы и инвентаря к весеннему севу[1].

Значительное оживление в работе партийных организаций Мордовии в 1930/31 учебном году по улучшению марксистско-ленинского образования коммунистов и беспартийного актива в значительной мере способствовало поднятию партийного просвещения на уровень задач проведения коллективизации сельского хозяйства и выработке у каждого слушателя высокой убежденности и стремления к повышению авангардной роли коммунистов, активности трудового крестьянства при решении задач социалистического преобразования деревни.

Большую помощь в политической и теоретической подготовке коммунистов и беспартийных масс в Мордовии оказала пропагандистская группа ЦК ВКП(б), в задачу которой входила организационно-методическая помощь сети политобразования, помощь в работе с пропагандистами, в руководстве массовой работой в городе и деревне, содействие агитпропам в развертывании работы с интеллигенцией и освещение в местной печати вопросов марксистско-ленинской теории.

Пропгруппа ЦК ВКП(б) вместе с партийными организациями развертывала практическую работу по политпросвещению и социалистическому перевоспитанию масс в целях привлечения их к действенному участию в социалистическом строительстве.

Командированные в Мордовию члены пропгруппы ЦК ВКП(б) большую работу провели в Саранском, Рузаевском, Чамзинском, Рыбкинском и Зубово-Полянском районах[2].

Вопросы политической учебы коммунистов и беспартийных начали занимать одно из главных мест в работе деревенских партийных организаций. Все это давало возможность развертыванию работы по исправлению ошибок в деле коллективизации Мордовии в свете постановления ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 года «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении»[3] и директивного письма Мордовского обкома партии ко всем райкомам и ячейкам ВКП(б) от 24 марта 1930 года «Об извращениях партийной линии в вопросах колхозного строительства и ближайших задачах областной партийной организации»[4].

В 1931/32 и 1932/33 учебных годах в сети партпросвещения Мордовии были достигнуты новые успехи. Характерная особенность этого периода — борьба партийных организаций за 100-процентный охват коммунистов и 60-процентный — беспартийных рабочих, батраков и колхозников учебой в партсети[5]. Средняя посещаемость слушателей сети по области в 1932/33 учебном году

[1] «Красная Мордовия», 1932, 11 апреля.
[2] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 294, л. 155.
[3] КПСС в резолюциях и решениях... ч. II, Госполитиздат, 1953, стр. 548—551.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 21, д. 2886, л. 120, 121.
[5] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 58, л. 149.

составляла 65—85%. Устанавливались единые дни партучебы (до 5 дней в месяц). В ряде районов отдельные кружки занимались до 8—9 дней, а в вечерних совпартшколах занятия велись через день[1].

В конце 1932 года за 2,5 месяца вопросы руководства системой политобразования рассматривались на заседаниях бюро и секретариата обкома партии три раза.

Регулярно вопросы партучебы ставились на областных и районных культпросвещениях. Для оказания помощи и обобщения передового опыта работы сети политического образования часто выезжали на места ответственные работники областного и районного актива[2]. В одном только Рузаевском районе с 13 по 18 декабря 1932 года вели работу 19 бригад по обследованию и налаживанию сети партийно-комсомольского просвещения в деревне[3].

По постановлению секретариата Мордовского обкома ВКП(б) от 14 октября 1931 года были организованы областные и районные штабы по руководству походами за партучебу[4], улучшалось методическое руководство системой партийного просвещения. При всех АПО райкомов были оборудованы парткабинеты, созданы методические бюро содействия (из 3—5 человек) партучебе и институты внештатных инструкторов по политобразованию[5], а при культпропе обкома партии была образована специальная методическая секция по партийно-комсомольскому образованию[6].

Мордовская пропагандистская группа ЦК ВКП(б) в своей докладной записке в культпроп ЦК «Об итогах пропагандистской работы за 1931—1932 год» дала высокую оценку работе Мордовской партийной организации по улучшению марксистско-ленинского образования коммунистов и беспартийного актива, выращиванию пропагандистских кадров.

Успешной работе системы партийной учебы в Мордовии во многом способствовало широко развернувшееся социалистическое соревнование на лучшую постановку партийной учебы. После обсуждения в партийных организациях 22 ноября 1932 года бюро обкома ВКП(б) утвердило договор социалистического соревнования на лучшую работу партпросвещения между Мордовской автономной областью и Чувашской АССР[7].

Договор предусматривал охватить различными формами партпросвещения членов и кандидатов партии на 100%; членов ВЛКСМ по Мордовии — на 30%; по Чувашии — на 25%; беспартийных рабочих и колхозников по Мордовии — на 50%, по Чувашии — на 100% к партийно-комсомольскому составу слушателей. При этом не менее 25% беспартийного состава слушателей следовало комплектовать из женщин[1].

Внутри Мордовской автономной области в начале 1932 года заключили договоры соревнования на лучшую партучебу 7 районов[2], а уже в конце 1932 года все районы Мордовской области были охвачены соцсоревнованием[3].

Действенное социалистическое соревнование за высокие показатели политической учебы развернулось между районами: Ковылкинским и Краснослободским, Дубенским и Атяшевским, Краснослободским и Старошайговским[4].

Договоры соцсоревнования на лучшую постановку работы партпроса были заключены между Саранским и Рузаевским райкомами партии, а внутри этих районов активно соревновались партийные ячейки Посопа, Атемара, Луховки, Лямбиря[5].

Мордовская областная партийная организация, решая сложные задачи по коллективизации сельского хозяйства, постоянно обращала внимание местных парторганов на необходимость политической закалки коммунистов, комсомольцев и беспартийного актива. Определенное представление об особенностях роста различных форм партучебы дает следующая таблица[6].

Таблица 1

№ п.п.	Наименование учебных единиц	Количество учебных единиц по годам[7]		
		1928/29	1929/30	1932/33
1	Единые партшколы (с 1930 г.— начальные партшколы)	41	49	196
2	Кандидатские политшколы (колхозная кандидатская школа)	сведений	нет	418
3	Вечерние совпартшколы	9	13	сведений нет
4	Курсы — съезды	14	9	сведений нет
5	Кружки текущей политики	48	43	54
6	Тематические кружки	4	5	25
7	Кружки политэкономии	21	17	17
8	Кружки ленинизма	30	25	31
9	Кружки по истории партии	83	48	42
10	Кружки по историческому материализму	8	3	6
11	Газетные кружки	23	12	сведений нет
12	Кружки по социалистическому перестройству деревни	8	16	сведений нет

[1] АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 5, л. 31.
[2] Там же, ф. 269, оп. 1, д. 5, л. 80.
[3] Там же, д. 58, л. 216.
[4] «Красная Мордовия», 1931, 18 ноября.
[5] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 5, л. 30.
[6] Там же, д. 67, л. 1.
[7] Там же, д. 58, л. 219.

[1] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 53, л. 220.
[2] Там же, д. 5, л. 79.
[3] Там же, д. 58, лл. 199—200.
[4] Там же, л. 191, 193.
[5] Там же, д. 5, л. 253.
[6] Таблица составлена на основании архивных документов: АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 294, л. 150; д. 673, л. 2, 3; д. 5, лл. 77—78.
[7] Данные на 1929/30 год предварительные.

Эти данные указывают, что наиболее распространенной формой партийного просвещения в Мордовии явились низшие звенья партучебы (единые партшколы и колхозные кандидатские школы), дававшие возможность овладеть минимумом политических знаний. Из среднего звена партийной учебы широкое развитие получили совпартшколы и кружки текущей политики.

Этими формами учебы в 1932/33 учебном году было охвачено большинство слушателей[1].

Таблица 2

№ п.п.	Наименование учебных единиц	Охват слушателей партучебой (1932/33 учебный год)
1	Кандидатские школы	9974 человека
2	Начальные партшколы	4465 —»—
3	Вечерние совпартшколы	1552 —»—
4	Кружки текущей политики	1820 —»—
5	Тематические кружки	470 —»—
6	Кружки политэкономии	262 —»—
7	Кружки ленинизма	776 —»—
8	Кружки по истории ВКП(б)	892 —»—
9	Кружки по истмату	145 —»—
10	Кружки экономполитики	70 —»—
11	Вечерние комвузы	64 —»—
12	Прочие	65 —»—

В целом рост учебных единиц партсети выразится следующим образом:

Таблица 3

Учебный год	Количество учебных единиц
1928/29	278
1931/32	306
1932/33	847

В имевшихся 306 учебных единицах в 1931/32 учебном году в Мордовской автономной области обучалось 15068 слушателей[2].

Большие аудитории создавали известные трудности в организации учебного процесса. Поэтому в 1932/33 учебном году партийные организации увеличили число учебных единиц до 541.

Ежегодно шел рост числа слушателей сети партийной учебы. Это видно из следующей таблицы[3].

[1] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 5, л. 78.

[2] В эти данные входят и слушатели, обучающиеся в системе заочного политобразования.

[3] Таблица составлена на основе архивных документов: АМОК КПСС, ф. 326, оп. 1, д. 673, л. 3; д. 58, л. 182; д. 5, л. 78.

Таблица 4

Состав слушателей по партийности	Охват слушателей партучебой		
	1929/30 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
1 Члены ВКП(б) (в % к составу их парторганизаций)	1114	2731 67,4%	4377 75%
2 Кандидаты в члены ВКП(б) (в % к составу их в парторганизации)	646	2888 76,5%	4153 88,3%
3 Комсомольцы (в % к составу их в комсом. организации)	598	3494 17%	4127 22,7%
4 Беспартийные (в % к общему составу парторганизации)	2870	5955 100%	7793 73,5%
Итого:	5228	15068	20450

Из обучающихся в сети партийного просвещения в 1932/33 учебном году 20450 человек по национальности составляли: русских — 12940 человек, мордвы — 6686, татар — 1032, прочие национальности — 97 человек.

Мордовская пропагандистская группа ЦК ВКП(б) в своей докладной записке в отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП(б) «О состоянии партийного просвещения в Мордовской области» дала высокую оценку работы партийных организаций Мордовии в деле развития и совершенствования системы политического образования коммунистов и беспартийного актива. Политическая учеба помогала им правильно, со знанием дела решать задачи социалистического преобразования деревни[1]. Учеба способствовала выработке у коммунистов, членов ВЛКСМ и беспартийного актива правильного понимания политики партии и Советского государства, самостоятельного политического мышления, которое было совершенно необходимо в сложных условиях борьбы для разоблачения кулачества, правого оппортунизма — рупора кулацкой аграрной теории.

Слушатели партийного просвещения свою теоретическую учебу умело сочетали с практическими задачами коллективизации сельского хозяйства, участвовали в проведении хозяйственно-политических кампаний, в организационно-хозяйственном укреплении колхозов, вели активную борьбу с бюрократизмом, косностью при решении задач кооперирования сельского хозяйства, проводили широкую антирелигиозную пропаганду.

Теоретическая и политическая подготовка партийных и беспартийных масс — важнейшее условие повышения пропагандистской

[1] АМОК КПСС, ф. 269, оп. 1, д. 5, лл. 77—80.

работы среди крестьянского населения за быстрейшее выполнение решений XV съезда партии, за правильное выполнение курса партии на коллективизацию сельского хозяйства.

Коммунист, комсомолец, беспартийный бедняк, батрак, середняк, овладев политическими знаниями в системе партийного просвещения, вел большую массовую работу с трудящимися по выполнению задач коллективизации сельского хозяйства и своими трудовыми делами в колхозном строительстве показывал пример беззаветного служения народу, партии, делу социалистического преобразования деревни.

И. А. ЕФИМОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МОРДОВИИ ПО ВЫПОЛНЕНИЮ РЕШЕНИЙ VIII СЪЕЗДА РКП(б)

18—23 марта 1919 года состоялся VIII съезд РКП(б). Его решения вооружили партию и всех трудящихся Советской республики научным планом борьбы за построение социалистического общества в нашей стране.

Съезд определил линию партии по важнейшим политическим, экономическим, военным и организационным вопросам, направленным на упрочение советского строя, мобилизацию всех сил народа на разгром интервентов и белогвардейцев.

В. И. Ленин, открывая съезд, сказал, что «если первое время после Октября силы партии и силы Советской власти почти целиком были поглощены задачей непосредственной защиты, непосредственного отпора врагам, буржуазии и внешней и внутренней, которая не допускала мысли о сколько-нибудь длительном существовании социалистической республики,— то постепенно мы стали все-таки укрепляться, и на первое место начали выдвигаться задачи строительства, задачи организационные»[1].

Курс Коммунистической партии на установление прочного союза рабочего класса со средним крестьянством был положен в основу всей экономической, политической и культурно-просветительной деятельности партийных организаций. Съезд принял новую программу партии — программу построения социализма, разработал конкретные меры по дальнейшему строительству и укреплению Красной Армии.

По указанию ЦК партии обсуждение вопросов повестки дня съезда началось до его созыва. Повсеместно прошли партийные собрания, на которых коммунисты обсуждали вопросы съезда партии, вносили свои предложения. О том, какой широкий размах нашло обсуждение поставленных на предстоящем съезде вопросов, говорят многие решения и резолюции, принятые партийными конференциями и собраниями коммунистов. Так, Ардатовский уком РКП(б) выработал специальные тезисы по основным

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 127.

вопросам VIII съезда РКП(б), утвержденные укомом 23 февраля 1919 года[1]. Тезисы обобщали пожелания волостных и сельских партийных организаций. «Партийные организации на местах,— говорится в тезисах,— нуждаются в научно-разработанной программе партии коммунистов, теоретически обоснованной, с практической схемой дальнейшего проведения в жизнь идей коммунизма»[2].

В тезисах указывалось на необходимость широкой централизации партийного руководства, укрепления связей местных партийных организаций с ЦК партии, выработки специальных инструкций по организации партийных ячеек на местах, ясно отражавших права и обязанности местных организаций и взаимоотношения их с фракциями Советов, принятия Устава в общепартийном масштабе, обязательного для всех партийных организаций, привлечения к партийной работе всех членов партии, не исключая и тех, которые состоят на работе в советских учреждениях.

В деле организации строительства Советской власти было предложено подразделить уезды на подрайоны с упразднением старых административных единиц-волостей и создания районных Советов. Предлагалось обратить должное внимание на развивающуюся канцелярскую волокиту в советских учреждениях и на перегруженность этих учреждений лишними работниками.

В тезисах отмечалось необходимость оказания всяческой помощи и содействия со стороны государства коммунам.

Несмотря на преждевременность и непреемлемость некоторых предлагаемых мер (например, передача некоторых функций Советов профессиональным организациям и др.), тезисы в целом показывали зрелость партийной организации, вдумчивый подход и понимание политических событий в стране.

В конце февраля — начале марта состоялись Пензенская, Симбирская и Тамбовская губернские партийные конференции, на которых коммунисты обсудили доклады с мест, рассмотрели и одобрили порядок дня VIII съезда партии и платформу ЦК РКП(б)[3]. Делегатами с решающим голосом от Симбирской губернии были избраны И. М. Варейкис — председатель губкома РКП(б) и М. Е. Мельников — ардатовский уездный военный комиссар, от Пензенской губернии — В. Кураев и др.

Для выполнения поставленных VIII съездом партии задач уездным партийным организациям Мордовии предстояла большая работа. Необходимо было прежде всего обратить внимание на идейно-организационное укрепление волостных и сельских партийных ячеек и Советов, на повышение дисциплины и ответственности каждого коммуниста за порученное ему дело, на усиление политического влияния в массах и укрепление союза с середняком.

[1] Симбирская губерния в годы гражданской войны, т. I, Ульяновск, 1958, док. № 284.
[2] Там же.
[3] Пензенская организация КПСС в годы гражданской войны. Пенза, 1960, док. № 121, 128, 167. Симбирская губерния в годы гражданской войны, т. II. Ульяновск, 1960, док. № 288.

Исключительно большое значение в этой работе имела перерегистрация членов РКП(б). VIII съезд партии, проявляя особую заботу о качестве партийных рядов, наметил к 1 мая 1919 года провести в стране общую регистрацию всех коммунистов, в ходе которой осуществить персональную проверку тех членов партии, которые вступили в нее после Октябрьской революции. Основной целью регистрации являлась проверка всего личного состава партийных ячеек и очищение их от чуждых элементов.

24 апреля 1919 года ЦК партии опубликовал инструкцию о порядке проведения Всероссийской партийной перерегистрации[1].

На основе инструкции ЦК уездные комитеты партии, на которые возлагалось руководство перерегистрацией, усилили разъяснительную работу в ячейках, проводили партийные собрания.

Перерегистрация во всех уездах Мордовии была проведена в мае — начале июня. Очищение волостных, сельских, городских партийных ячеек от случайных, карьеристских элементов проходило в обстановке широкой гласности, на собраниях трудящихся, где все присутствующие могли принять участие в обсуждении коммунистов. Местные газеты публиковали списки исключенных, а также прошедших проверку членов партии.

Очень важную роль в очищении рядов партийных ячеек от чуждых элементов сыграла партийная мобилизация на фронт, совпавшая по времени с проведением перерегистрации.

В результате перерегистрации численность парторганизаций Мордовии значительно сократилась. Например, в партийных ячейках Краснослободского уезда до перерегистрации насчитывалось 1658 членов, а после — 449[2]. В Ардатовском уезде из 50 организаций осталось только 13[3]. «Во время мобилизации,—сообщили из Темникова в ЦК партии, — большинство ячеек распалось, члены стали выходить из партии целыми группами (в большинстве шкурники и другие примазавшиеся элементы)»[4].

В ячейках Бабеевской волости до II уездной конференции (15—16 февраля 1919 г.) состояло 150 членов, а после перерегистрации осталось 21[5]. В Анаевской волости Спасского уезда исключены из партии 11 человек и 9 переведены в сочувствующие. В Ачадовской ячейке исключены 6 человек — 5 за дезертирство и 1 за пассивность и непосещение партсобраний[6].

Сокращение количества ячеек и членов партии было характерно для всех уездов Мордовии.

[1] «Правда», 1919, 24 апр.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 213, л. 3.
[3] Там же, д. 301, л. 4.
[4] Там же, д. 172, л. 12.
[5] Там же, л. 15.
[6] Там же, л. 17, 30.

Это видно из данных таблицы 1[1].

Таблица 1

№ п.п.	Уезды	Число членов РКП(б) и сочувствующих до перерегистрации	Призвано до партийной мобилизации в апреле-мае 1919 года	Число членов РКП(б) после перерегистрации
1	Ардатовский	798	398	155
2	Инсарский	600	79	192
3	Краснослободский	1658	87	449
4	Наровчатский	2576	148	470
5	Рузаевский	170	18	94
6	Саранский	723	136	531
7	Спасский	1386	113	470
8	Темниковский	693	28	138
	Всего:	8604	1007	2499

После перерегистрации партийные организации Мордовии, особенно волостные и сельские, стали организационно более крепкими, способными решать сложные задачи укрепления обороноспособности республики. «До перерегистрации в ячейке во всем наблюдалась какая-то неразбериха — отмечал в своем выступлении на IV Спасской уездной партийной конференции делегат от Анаевской волости.— ... Когда в волячейке произошла перерегистрация, то из 49 членов осталось 30. Эти члены партии спаяны партийной дисциплиной и по первому зову революции встанут на защиту ее завоеваний»[2].

С перерегистрацией рядов партийных организаций укреплялись и местные Советы, которые теснее стали связываться с широкими массами трудящихся, активно проводить в жизнь решения VIII съезда партии.

Уездные комитеты РКП(б) и уисполкомы Мордовии на основе решений VIII съезда партии сосредоточивали свое основное внимание на том, чтобы волостные и сельские Советы были действительно массовыми политическими органами трудящихся, активно решали стоящие перед ними задачи советского, военного, хозяйственного и культурного строительства, поддерживали их инициативу и самостоятельность.

Вскоре после VIII съезда во всех уездах прошли партийные конференции, собрания, центральным вопросом которых являлась работа в деревне.

[1] ЦПА ИМЛ, д. 3, лл. 3, 12, 15, 17; д. 218, лл. 91—101; д. 213 л. 3; д. 301, л. 4; ПАПОК КПСС, ф. 840, оп. 1, д. 197, л. 4; ПАПОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 238; д. 51, лл. 1—5; ЦГА МАССР, ф. 53, оп. 1, д. 26, лл. 8—9; «Трудовая коммуна», 1919, 8 мая. Пензенск. организ. КПСС в годы гражданск. войны, стр. 220. Возникновение и деятельность коммунист. партийных организаций Мордовии, док. 89, 110.

[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 330, л. 7.

Перед партийными и советскими организациями Мордовии стояла задача убедить крестьянина в необходимости сознательного отношения к политике «военного коммунизма», отвечающей в конечном счете интересам трудящихся, доказать, что рабочий класс является надежным другом среднего крестьянина, что Коммунистическая партия и Советская власть стоят на защите его интересов.

Решить эти задачи можно было только в результате упорной повседневной работы по коммунистическому воспитанию среднего крестьянства, внимательного отношения к его нуждам. Как отмечалось в решениях VIII съезда партии, «... в настоящий момент особо важное значение имеет более правильное проведение партийной линии по отношению к среднему крестьянству, в смысле более внимательного отношения к его нуждам, устранения произвола со стороны местных властей и стремления соглашения с ним»[1].

На расширенном заседании Спасского уездного комитета РКП(б), уисполкома и комитета профессиональных союзов и трудовых артелей, состоявшемся 7 мая 1919 года, было выражено полное единодушие с решениями VIII съезда партии о работе в деревне. Всем партийным и советским органам поручалось «на местах начать самую широкую агитацию и распространение среди населения постановлений VIII съезда и речи В. И. Ленина о среднем крестьянстве. В этой агитации особенно указать на общность интересов рабочего класса и трудового крестьянства в борьбе против белогвардейских наймитов и иностранных империалистов, за землю, свободу и Советскую Социалистическую Республику. Подчеркнуть, что трудовое крестьянство никогда не было врагом рабочего класса, что, наоборот, рабочий класс всегда боролся совместно со средним и беднейшим крестьянством против царизма, помещиков и буржуазии»[2].

Конкретные решения по усилению тесного сотрудничества со средним крестьянством были приняты также Темниковским, Краснослободским, Рузаевским и другими уездными комитетами партии[3].

На состоявшейся 10—12 апреля Ардатовской уездной партийной конференции были заслушаны доклады о деятельности уездного комитета партии и о партийном строительстве в деревне. Особенно большой интерес вызвал подробный доклад о работе VIII съезда партии делегата съезда М. Е. Мельникова. По вопросу о партийном строительстве в деревне на конференции были утверждены и опубликованы специальные тезисы[4].

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференц. и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7 е, стр. 447.

[2] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959, документ 181.

[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 330, лл. 21—22.

[4] ПАУОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 238, лл. 1—3; оп. 3, д. 4, л. 26.

Важнейшей задачей тезисы выдвигали политическое воспитание самих членов партии, поднятие культурного уровня членов местных партийных организаций «путем командировки малоопытных в политическом отношении членов партии в партийные инструкторские школы, путем устройства постоянных чтений лекций и бесед на политические темы на партийных собраниях, организации в центре уезда партийной школы, путем разностороннего самообразования и самовоспитания самих членов партии, путем систематического ознакомления с основными принципами научного коммунизма»[1].

В начале 1919 года в Ардатове было открыто отделение пролетарского подвижного университета. Весной этого же года в волостных центрах было открыто еще 11 отделений. При университете создаются секции: социальная, кооперативная, филологии, истории, искусства, технологии, агрономии. В работу университета были привлечены 24 опытных лектора из числа учителей, агрономов, партийных и советских работников. В каждом из 12 отделений были открыты библиотеки, приобретены наглядные пособия. Только на 1-е полугодие 1919 года университету было отпущено более 200 тыс. рублей[2].

Тезисы большое внимание уделяли работе по поднятию партийной дисциплины коммунистов, особенно среди молодых членов партии, их сознательному отношению к партийным обязанностям, развитию творческой инициативы. В них подчеркивалась важность культурно-просветительной работы среди широких масс трудящихся, которая могла быть успешной «при условии организации в каждом селе культурно-просветительных кружков с привлечением в эту работу местной интеллигенции, членов партии, прошедших практическую и теоретическую школу жизни, знающих подробные условия и быт местного населения, привлечения к творческой самодеятельности, практическому строительству социализма в деревне всех сознательных крестьян середняков и бедняков».

В тезисах предусматривалось строгое разграничение функции Советов и партийных комитетов, из партийной работы исключался разбор вопросов административного характера. Для укрепления связей советских и партийных организаций с широкими массами трудящихся «вменялось в обязанность каждому члену партии, занимающему ... ответственный пост в советских учреждениях, делать ежемесячно отчеты о своей работе»[3]. В области партийной пропаганды указывалось на необходимость «вести умелую и крайне осторожную тактику по отношению к среднему крестьянству, не задевая его личных интересов». Особо важное значение придавалось умелому и правильному проведению антирелигиозной

[1] ПАУОК КПСС, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 26.
[2] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны. Саранск, 1959, док. № 181.
[3] ПАУОК КПСС, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 36.

агитации и пропаганды среди населения «печатно и устно, без каких-либо насилий и давлений на религиозные чувства верующих».

Тезисы ставили перед всеми партийными организациями задачу «повсеместной организации рабочей и крестьянской молодежи в коммунистические союзы молодежи, агитации идей коммунизма, воспитания молодежи в духе учения партии»[1].

За короткий срок Ардатовский уком РКП(б) проделал большую работу по созданию и укреплению сельских партийных организаций, поднятию их авторитета, творческой активности, по укреплению связи с широкими трудящимися массами.

К концу лета 1919 года количество партийных ячеек и членов партии в уезде увеличилось более чем в 2 раза — вместо 13 ячеек и 155 членов партии стало 27 ячеек, 344 членов партии и 118 сочувствующих[2]. Улучшился социальный состав членов партии, их общеобразовательный уровень. В рядах партийных организаций было 40 рабочих, 178 служащих советских учреждений, 126 крестьян, из них 22 члена партии имели среднее и высшее образование и 33 неграмотных. В числе членов ардатовских коммунистов было 12 женщин (8 крестьянок и 4 служащие)[3].

В интересах более конкретного руководства со стороны уездных комитетов работой волостных комитетов сельских и деревенских партийных организаций были образованы 3 районных комитета РКП(б) как промежуточные звенья между уездными и волостными партийными комитетами[4].

На заседании Симбирского губкома РКП(б) 11 мая 1919 года, на котором присутствовали ответственные работники из Москвы и Петрограда, об Ардатовской партийной организации говорилось, как об одной из лучших в губернии[5].

Уездные партийные организации Мордовии большое внимание уделяли молодежи, привлечению ее к активному строительству новой жизни и защите завоеваний революции. Возникновение первых комсомольских организаций относится к 1918 году. Так, во второй половине 1918 года были созданы Покровская (Троицкой волости) и Торбеевская ячейки Спасского уезда[6], Апраксинская Ардатовского уезда[7].

Массовое возникновение комсомольских организаций относится к 1919 году. В январе-марте 1919 года возникли Ардатовская, Киржеманская (Ардатовского уезда), Темниковская, Инсарская, Лем-Майданская, Рузаевская и др. организации[8]. В соответствии с решениями VIII съезда о работе в деревне в качестве неотлож-

[1] ПАУОК КПСС, ф. 1, оп. 3, д. 4, л. 36.
[2] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 301, л. 4.
[3] Там же.
[4] Там же, д. 298, л. 8.
[5] Там же.
[6] «Плуг и Молот» № 81(338) за 1927 г.
[7] Т. В. Попков. Комсомол Мордовии за 40 лет. Саранск, 1958, стр. 13.
[8] Там же, стр. 12—21.

ных вопросов укомы РКП(б) Мордовии считали организацию деревенской молодежи в коммунистические союзы. Например, в городе Рузаевке союз коммунистической молодежи организовался в мае 1919 года. «Начало организации было положено четырьмя партийными товарищами, — говорится в докладе Рузаевского союза коммунистической молодежи, — которые в своем лице выделили организационное бюро и начали вести пропаганду среди молодежи[1]. Вскоре в организацию вступило около 12 человек. В июле был избран комитет, при котором были созданы отделы политический, культурно-просветительный, экономически-правовая комиссия и президиум.

Рузаевский комитет провел большую работу среди деревенской молодежи, где так же стали возникать ячейки.

Комсомольские ячейки оказывали большую помощь партийным организациям и местным Советам в агитационно-массовой и культурно-просветительной работе, в проведении продразверстки, борьбе со спекуляцией, с оружием в руках подавляли кулацкие мятежи, посылали своих лучших представителей в ряды Красной Армии.

Укреплению связей партийных и советских органов, повышению активности трудящихся крестьян способствовали еженедельные поездки ответственных советских работников в деревню, во время которых делались отчеты о работе уездных исполкомов, давались инструкции членам волостных и сельских Советов, разъяснялись вопросы текущего момента.

Одной из важнейших форм вовлечения трудящихся масс в советское, военное, хозяйственное и культурное строительство было проведение открытых ячейковых партийных собраний.

Исключительно большое значение в идейно-организационном укреплении советских и партийных органов Мордовии имела поездка Председателя ВЦИК М. И. Калинина и представителей многих наркоматов в составе агитпоезда «Октябрьская революция» весной 1919 года. То, что первый свой рейс агитпоезд под руководством главы Советского государства совершил по ближайшим тылам Восточного фронта, говорит об исключительно важном значении, придававшемся партией и правительством этим районам, идейно-организационному сплочению в них местных советских и партийных организаций, мобилизации всех имеющихся сил для разгрома врага, сплочению трудящихся масс городов и деревень Поволжья вокруг Коммунистической партии и Советского правительства.

Этот своеобразный партийно-государственный контроль, сочетавшийся с агитационно-пропагандистской работой оказывал сильное влияние на созидательную деятельность советских и партийных органов, на устранение недостатков и ошибок, на их идейно-организационное укрепление.

---

[1] ЦПА ИМЛ. ф. 17, оп. 6, 218, л. 91.

Укреплению низовых звеньев советско-партийного аппарата Мордовии, налаживанию их связей с широкими массами трудящихся большую помощь оказали различные указания, советы, разъяснения, непосредственно исходящие от ЦК партии. Центральный Комитет оказывал действенную помощь местным партийным организациям, заботливо относился к их нуждам и запросам, вовремя поправлял их ошибки.

Из переписки ЦК с местными партийными организациями видно, что к апрелю 1919 года устанавливается постоянная связь со всеми уездными комитетами РКП(б) Мордовии. Письма ЦК местным партийным организациям, хранящиеся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, свидетельствуют о том, что ленинский ЦК постоянно следил за всеми важными событиями, происходящими в уездных Советах и комитетах.

В письме Рузаевскому комитету РКП(б) ЦК интересуется, как налажена работа, как осуществляется связь с массами, как организованы кооперативы и участвуют ли в них коммунисты. «Немедленно приступайте,— указывалось в письме,— к живой и исчерпывающей информации ЦК о всех сторонах партийной жизни»[1]. Такое же письмо было направлено Краснослободскому укому[2].

В письмах ЦК особо подчеркивается важность бережного отношения к коммунистам и строгого соблюдения партийной дисциплины, как отдельными ее членами, так и партийными организациями. «... Вы выражаете протест против отмены губкомом мобилизации тов. Машитова,— говорится в письме Инсарскому укому РКП(б),— и решаете отправить его обратно в Пензу. ЦК просит сообщить, чем закончилась эта история с тов. Машитовым и чем, по Вашему мнению, была вызвана отмена мобилизации Машитова губкомом. Причем ЦК считает необходимым указать, что не только «уком знает, кого нужно мобилизовать», но и губком как организация ответственная за общую постановку работы в губернии, будучи точно информированный укомом о ходе работы, обязан делать Вам указания, как проводить мобилизацию и пр., и эти указания губкома для Вас обязательны»[3].

Местные партийные и советские организации Мордовии за короткий срок после VIII съезда партии и на основе его решений проделали огромную работу по укреплению своих рядов и очищению их от примазавшихся элементов. В корне перестроив свою работу в деревне, особенно по отношению середняков, ведя при этом беспощадную борьбу по изжитию недостатков в работе, они добились немалых успехов в укреплении связей с трудящимися массами крестьянства, которые ясно видели заботу о себе. Повышалась трудовая

---

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 24, л. 134.
[2] Там же, д. 39, л. 114.
[3] ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 24, л. 113.

активность крестьян, поднимался авторитет партийных организаций среди широких слоев крестьянства.

К концу лета 1919 года сельские и волостные партийные организации Мордовии возглавлялись коммунистами, многие из которых прошли курсы политического обучения при уездных и губернских комитетах РКП(б) и зарекомендовали себя стойкими и преданными работниками. Актив коммунистов Ардатовского уезда насчитывал 160 членов партии, занимавших посты в партийных ячейках и местных Советах[1]. Например, в Козловской организации было 12 активистов из коренной мордовской национальности. Среди них А. П. Узоркин, 24 лет, член партии с сентября 1918 года, председатель волостного Совета; И. Д. Плеханов — товарищ председателя и казначей ячейки; Р. Л. Фомин, П. А. Майоров, А. И. Кучаев и другие.

Среди партийного актива Ардатовского уезда было немало и женщин[2].

В своей деятельности партийные организации Мордовии руководствовались программными требованиями партии и указаниями В. И. Ленина о том, что для правильного выражения интересов и воли трудящихся «...передовой отряд, организация, должна всю свою деятельность вести в массе, привлекая из нее все без исключения лучшие силы, проверяя на каждом шагу, тщательно и объективно, поддерживается ли связь с массами, жива ли она. Так, и *только* так, передовой отряд воспитывает и просвещает массу, выражая *ее* интересы, уча ее организации, направляя *всю* деятельность массы по пути сознательной классовой политики»[3].

Работа по укреплению местных партийных и советских организаций Мордовии, проходившая в условиях общего наступления внутренней контрреволюции и международного империализма, когда территория Мордовии, как и в 1918 году, являлась ближайшим тыловым районом Восточного фронта, имела большое значение в усиленном проведении мобилизации людских и материальных ресурсов для Красной Армии.

Подчиняя всю жизнь задачам обороны, партийные организации опирались прежде всего на Советы, как на органы государственной власти, как на наиболее всеобъемлющие массовые организации трудящихся, от четкой работы которых во многом зависела успешная борьба с внутренней и внешней контрреволюцией.

Одновременно с укреплением местных партийных и советских организаций и большой разъяснительной работой среди трудящихся масс Коммунистическая партия и Советское правительство, выполняя решения VIII съезда партии, в условиях гражданской войны, разрухи делали все возможное, чтобы улучшить жизнь середняка крестьянина.

[1] ПАУОК КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 117, лл. 4—11.
[2] В. П. Ежова и др. Женщины Советской Мордовии. Саранск, 1964, стр. 20.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 37.

К весне 1919 года середняк составлял большинство крестьянского населения страны, и победа над объединенными силами интервентов и белогвардейцев в значительной мере зависела от того, на чьей стороне окажется среднее крестьянство. Середняк был основным поставщиком продовольствия, важнейшим источником пополнения рядов Красной Армии, боеспособность которой во многом зависела от настроения среднего крестьянства. «Мы вошли в такую стадию социалистического строительства,— говорил на VIII съезде В. И. Ленин,— когда надо выработать конкретно, детально, проверенные на опыте работы в деревне основные правила и указания, которыми мы должны руководиться для того, чтобы по отношению к среднему крестьянину *стать на почву прочного союза...*»[1].

VIII съезд утвердил эту политику, приняв написанную В. И. Лениным «Резолюцию об отношении к среднему крестьянству»[2].

На основании решений VIII съезда партии ВЦИК и Советское правительство принимают ряд важных декретов, направленных прежде всего на упрочение «соглашения с средним крестьянством».

9 апреля 1919 года ВЦИК принял декрет «О льготах крестьянам-середнякам в отношении взыскания единовременного чрезвычайного революционного налога», запретившего его взыскание с крестьян, если сумма обложения не превышала для Симбирской, Пензенской губерний 2000 рублей, Московской и др.—3000 рублей и т. д[3]. Невнесенные суммы налога, превышающие установленный размер не более чем в 3 раза, снижались наполовину, а не более чем в 5 раз, на $^1/_4$ часть. Эти льготы относились к среднему крестьянству, так как бедняки налогом не облагались. В целом по Пензенской губернии сокращение налога составляло 25 млн. рублей[4]. О его сокращении по уездам говорит таблица 2[5].

Таблица 2

Название уездов	Чрезвыч. рев. налог по декрету от 2/XI 1918 г. (руб.)	Сокращение налога согласно декрету от 9/IV 1919 г. (руб.)	% сокращения налога
Саранский	12000000	2800000	23,3
Инсарский	8700000	1800000	20,7
Краснослободский	9500000	2500000	26,3
Наровчатский	7500000	2000000	26,6
Рузаевский	6300000	2000000	31,7
Итого:	44000000	11100000	25,2

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 129.
[2] Там же, стр. 207—210.
[3] «Известия ВЦИК», 1919, 10 апр.
[4] «Клич», 1919, 10 апр.
[5] Подсчитано на основании данных, ГАПО, ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 67; «Клич», 1919, 10 апр.

26 апреля 1919 года ВЦИК специальным декретом освободил средних крестьян от выплаты натурального налога, если сумма его не превышала по разным губерниям 40—60 пудов зерна. В то же самое время кулакам, в случае несвоевременной выплаты налога, размер его увеличивался в 2 раза[1].

Декретом ВЦИК, принятым в апреле 1919 года, в целях улучшения снабжения населения продукцией кустарной промышленности была введена на них свободная торговля и предусматривалось оказание помощи кустарям-ремесленникам в налаживании производства[2].

Этот декрет оказался очень выгодным для крестьян Мордовии, где кустарным промыслом было занято 35565 хозяйств[3].

Одним из важнейших мероприятий Советского правительства являлась организация и помощь крестьянам в своевременном и успешном проведении весенне-полевой кампании.

Учитывая опыт 1918 года, Советское правительство принимает меры к засеву пустующих земель. В постановлении СНК от 28 января 1919 года «Об организации хозяйственного посева хлеба» указывалось местным властям, чтобы все крестьянские земли, отведенные под яровой урожай 1919 года, были засеянными, а засев пустующих земель организуется государством[4].

При губернских и уездных Советах создавались специальные комиссии (оргасевы), которые производили учет земли хозяйств семей красноармейцев, нуждавшихся в помощи, и разрабатывали посевные планы и т. д. К активной работе в этих комиссиях привлекалось трудовое крестьянство. Из государственных семенных фондов выдавались семена для засева личных участков. На приобретение их оказывалась денежная помощь.

Еще с осени 1918 года при уземотделах Мордовии начинают свою деятельность агрономические совещания и агрономические участки, занимающиеся вопросами снабжения населения сортовыми семенами, сельскохозяйственными машинами[5]. Так, в Темниковском уезде было создано 8 агрономических участков, в штате каждого из которых состояли 1 агроном и 1 инспектор. Для улучшения состояния луговодства (луга занимали в уезде 50 тыс. десятин) была введена должность инструктора по лугам[6].

В целях рационального использования и правильной эксплуатации сельскохозяйственных машин и орудий все прокатные пункты, находившиеся ранее в распоряжении волостных Советов, были переданы агрономическим участкам.

Большую агрокультурную работу среди крестьян развернули

[1] «Известия ВЦИК», 1919, 26 апр.
[2] Там же.
[3] Посуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Труды ЦСУ, т. V, вып. 2. М., 1923.
[4] «Известия ВЦИК», 1919, 30 янв.
[5] ЦГА МАССР, ф. 310, оп. 1, д. 10, л. 105.
[6] Там же, ф. 62, оп. 1, д. 42, лл. 20—24.

агрономические совещания и агрономические участки Ардатовского уезда. В начале 1919 года близ села Ш. Байдан был выделен под семенное хозяйство один из лучших земельных участков площадью около 400 десятин, где было организовано Покровское опытное поле. Для всех агрономических участков отводилось по 30 десятин земли и возводились необходимые постройки. Основной целью всех этих участков была разработка научно-практических рекомендаций для крестьянских и коллективных хозяйств.

Большое внимание уделялось развитию племенного животноводства, улучшению пород скота, находившегося в собственности крестьян. Проводилось обследование скота и по деревням. Взятый на учет племенной скот не подлежал реквизиции, продаже и убою. В уезде был создан ряд случных пунктов.

При политехнической учительской сельскохозяйственной семинарии, открытой в 1918 году при бывшей экономии Пашкова, была образована показательная ферма-коммуна. Агрономические пункты систематически устраивали курсы, чтение лекций по сельскому хозяйству. С 15 января по 15 марта на всех агрономических участках были проведены двухнедельные курсы для крестьян[1].

Широкая агрономическая помощь трудовому крестьянству осуществлялась и в других уездах Мордовии.

Несмотря на все трудности, вызванные гражданской войной, Коммунистическая партия и Советское правительство оказывали большую помощь в снабжении крестьян предметами первой необходимости, промышленными изделиями. Для справедливого распределения этой продукции среди населения в марте 1919 года была проведена реорганизация всех потребительских кооперативных объединений в единую систему потребительской коммуны[2].

Кооперации Мордовии, особенно потребительские, были очищены от враждебных Советской власти элементов и пополнены рабочими и трудовым крестьянством. Помимо снабженческих и производственно-сбытовых задач кооперативы Мордовии проводили большую культурно-просветительную работу среди крестьян и рабочих, организовав обучение рациональным методам ведения хозяйства, курсы по маслоделию, травосеянию и т. д.

Наряду с работой по оказанию помощи крестьянским хозяйствам, Коммунистическая партия и Советское правительство большое внимание уделяли созданию совхозов, коммун и товариществ по совместной обработке земли.

В связи с организацией коммун и артелей в ноябре 1918 года при уисполкомах ряда уездов Мордовии создаются бюро сельскохозяйственных коммун[3].

В своей деятельности местные органы власти Мордовии

[1] ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, д. 10, л. 126.
[2] «Сборник указаний...» 1919, № 17, стр. 191.
[3] ЦГА МАССР, ф. 310, оп. 1, д. 2, л. 126—127.

руководствовались указаниями В. И. Ленина о том, что только общая обработка земли является для крестьян «...выходом, действительно прочным и приближающим массу крестьян к культурной жизни, действительно ставящим их на положение равное с другими гражданами...»[1].

Перспективы развития кооперативного движения в деревне были определены в «Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому землепользованию», принятом ВЦИК 14 февраля 1919 года[2].

Задачи кооперативного движения были определены в аграрной части Программы партии, принятой на VIII съезде РКП(б).

Первые коммуны и артели в Мордовии возникают еще в 1918 году. Так, осенью того же года в Саранском уезде работало 5 коммун и 3 артели, в Рузаевском —7 коммун, в Инсарском —3 коммуны и 1 артель[3]. К концу 1918 года в уездах Мордовии насчитывалось уже более 30 коммун и артелей[4].

Одной из первых (23 апреля 1918 г.) в Темниковском уезде образовалась Спасско-Раменская земледельческая трудовая артель. Особенно широкий размах строительство сельскохозяйственных коллективов получает в уезде в начале 1919 года[5].

За январь 1919 года в Инсарском уезде было зарегистрировано 8 коммун[6]. К концу марта 1919 года в Ардатовском уезде имелось 13 коммун с земельной площадью в 3 тыс. десятин с общей численностью коммунаров и их семей 2600 человек[7].

Как показывают многочисленные документы, коммуны и артели являлись предметом постоянной заботы местных органов Советской власти. Им оказывали помощь деньгами, семенами, продовольствием, орудиями труда, устройством всевозможных курсов и т. д.[8].

Коммунистическая партия и Советское правительство, придавая большое значение коллективным формам ведения хозяйства, как наиболее отвечающим интересам беднейшего и среднего крестьянства, отнюдь не стремились искусственно ускорить этот процесс. Основывая идею кооперирования крестьянских хозяйств, В. И. Ленин опирался на положения К. Маркса и Ф. Энгельса об отношении к мелкому крестьянству. В работе «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Ф. Энгельс, обобщая опыт предшествующих революций, писал, что «наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное произ-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 362.
[2] «Полное собрание узаконений и распоряжений...» 1919, № 4, стр. 43.
[3] ЦГА МАССР, ф. 310, оп. 1, л. 1, и 190.
[4] ЦГА МАССР, ф. 310, оп. 1, д. 1, л. 180; ф. 62, оп. 1, д. 116, л. 145; д. 7, л. 172; ф. 55, оп. 1, д. 10, л. 456; ПАУОК КПСС, ф. 36, оп. 1, л. 11, 67; РФ МНИИЯЛИЭ. 179/1 с, л. 47. Возникновение и деятельность коммунист. партийн. организ. Мордовии, док. 56.
[5] ЦГА МАССР, ф. 62, оп. 1, д. 116, л. 145.
[6] ПАПОК КПСС, ф. 36, оп. 1, д. 67, л. 11.
[7] ЦГА МАССР, ф. 55, оп. 1, д. 10, л. 457.
[8] Там же, ф. 62, оп. 1, д. 42, лл. 60, 103; РФ МНИИЯЛИЭ, д. 179/1 с, л. 47.

водство, их собственность перевести в товарищеское, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели. И тогда у нас, конечно, будет достаточно средств, чтобы показать мелкому крестьянину выгоды, которые ему должны бы быть ясны уже и теперь»[1].

Именно эту необычайно важную с точки зрения укрепления союза с середняком сторону коллективизации постоянно подчеркивал и В. И. Ленин. На I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун, состоявшемся 11—20 декабря 1918 года, В. И. Ленин отмечал, что переход к коллективной форме земледелия, «к общественной обработке земли, к советским хозяйствам, к коммунам невозможен сразу; тут требуется упорное и настойчивое воздействие Советской власти, которая ассигновала один миллиард рублей на улучшение сельского хозяйства, под условием перехода к общественной обработке земли. Этот закон показывает, что мы хотим больше всего силой примера, силой привлечения к улучшению хозяйства действовать на массу средних крестьян и рассчитываем лишь на постепенное действие такого рода мер для этого глубокого и важнейшего переворота в хозяйстве земледельческой России»[2].

Вопреки указаниям ЦК партии и Советского правительства некоторыми местными органами Мордовии при организации коллективных хозяйств допускались нарушения принципа добровольности. Например, Темниковский уземотдел весной 1919 года принудительным способом решил организовать советское хозяйство в с. Жигалове. Крестьяне села выгнали представителей уземотдела, пытавшихся насильственно отрезать земельный участок для советского хозяйства. Они заявили, что «никаким бумажкам, исходящим от уземотдела, не верят, а верят только декрету за подписью товарища Ленина»[3].

Подобные действия допускались и в уездах Симбирской губернии[4].

Имелись и другие недостатки в этом деле. Во многих коммунах и артелях отсутствовала необходимая материально-техническая база, низка была агрокультура, нарушался принцип материальной заинтересованности и т. д. В ряде уездов Мордовии коммуны создавались за пределами населенных пунктов, зачастую на пустырях, без всяких хозяйственных и жилых построек. Чувствовалось отсутствие опыта в их организации. Показательно в этом отношении высказывание специалиста и организатора обобществления сельского хозяйства Темниковского уземотдела С. А. Добронравова. В докладе в уисполком в марте 1919 года он писал: «Необходимо уземотделу оказать всемерное содействие в скорейшей

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные соч., т. 22, стр. 518.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 362—363.
[3] ЦГА ИМЛ, ф. 17, оп. 6, д. 332, л. 12.
[4] «Известия Симбирского губсовета», 1919, 15 апр.

отстройке жилых помещений в необходимом количестве, чтобы их члены могли все переселиться в коллективы и окончательно порвать связи с селом»[1].

В докладе в уисполком заведующий Ардатовским уземотделом (апрель 1919 г.) сообщал, что в ближайшее время предстоит «грандиозное строительство». Земотделом организовано 13 коммун, и «почти все коммуны будут выселяться на те участки земли, которые им отведены». Далее указывалось, что намечено строить для каждой коммуны один большой дом, например, на 30—35 семейств, в котором они должны жить вместе[2].

В уставе 1-й Веденяпинской коммуны Темниковского уезда, организованной в сентябре 1918 года, говорилось, что в жизни коммуны неукоснительно проводятся следующие начала: все принадлежит всем. Каждый в коммуне трудится по своим силам и получает по своим нуждам. Работа ведется коллективно. Денежного вознаграждения за свой труд никто не получает. В уставе Малоазясской коммуны было записано, что они объединяются для совместной жизни на основе полного равенства. Основное положение коммуны — все за одного и один за всех[3].

Безусловно, к таким принципам ведения коллективного хозяйства крестьяне не были подготовлены. Необходимо было изыскать наиболее простые и доходчивые формы объединения.

Во многих уездах Мордовии, особенно в Краснослободском, Саранском, Инсарском, Темниковском, создавались карликовые коммуны. Например, 31 января 1919 года крестьяне мордовской деревни Мельцанские Выселки Краснослободского уезда решили перейти к общественной обработке земли в составе 13 человек, членов 3 семей — Пиксаевых и Первойкиных[4]. Коммуны «Заря Луткоса», «Крутцовский поселок», «Свободный пахарь» Темниковского уезда состояли из 6 семей каждая. Поэтому выход из коммуны «Крутцовский поселок» 3 семей привел к тому, что оставшиеся 3 семьи при 2 взрослых мужчинах не в состоянии были вести хозяйство коллектива[5].

Многие из коммун и артелей, возникших в уездах Мордовии в 1918—1919 гг., вскоре распались. Жизнь показала, что попытка местных органов власти Мордовии в широких масштабах и наикратчайшим путем осуществить социалистические преобразования с полным обобществлением имущества крестьян при отсутствии материально-технической базы, организационного опыта и других необходимых условий не увенчались успехом. В условиях Мордовии, где во всех уездах чувствовалось безземелье и аграрная перенаселенность, одним из крупных просчетов местных органов власти явилось то, что не проводилась достаточная и своевременная разъяснительная работа среди крестьян по организации советских хозяйств на базе экономий и имений бывших помещиков, которых насчитывалось около 1000.

[1] ЦГА МАССР, ф. 62, оп. 1, д. 68, л. 153.
[2] ЦГА МАССР, ф. 312, оп. 1, д. 28, л. 3.
[3] М. В. Агеев, указ. работа, стр. 88.
[4] ЦГА МАССР, ф. 312, оп. 1, д. 36, л. 2.
[5] ЦГА МАССР, ф. 62, оп. 1, д. 68, л. 155.

На основании решения Пензенского общегубернского съезда Советов (октябрь 1918 г.) губисполком принимал ряд постановлений об организации советских хозяйств при бывших имениях помещиков. Однако широкая разъяснительная работа с крестьянами не была проведена. Поэтому были случаи, когда крестьяне выступали против их организации. Так, крестьяне Рузаевской волости протестовали против организации такого хозяйства на базе имения Пайгармского монастыря.

В беседе с ними председатель ВЦИК М. И. Калинин, подчеркивая значение советских хозяйств, разъяснял: «Разве советское имение — это не ваше имение?. Ведь оно всегда будет в ваших руках... Вы говорите, что у вас мало земли и поэтому не надо советского хозяйства. А я говорю, что напротив, там, где мало земли, там-то и нужно советское хозяйство... Волостному же Совету я должен сказать, что он не только не должен был протестовать, а, напротив, говорить, чтобы таких имений было побольше. Ведь вы знаете, что правительство идет на убытки, устраивая эти имения... А если мы будем только заниматься дележкой, то через 5—7 лет мы останемся у разбитого корыта»[1]. М. И. Калинин в простой и допустимой форме разъяснял крестьянам о выгодности советских хозяйств, организация которых приведет к «улучшению всей жизни крестьян».

Надо было жизненными примерами убедить крестьян в преимуществе крупного общественного хозяйства, показать им, что советские хозяйства — это не просто переименование помещичьего имения, а что это совершенно иной тип хозяйства, призванный помочь трудовому крестьянству в строительстве новой жизни.

Несмотря на колоссальные трудности социалистических преобразований в деревне, коллективные формы ведения хозяйства проникали в самые глухие уголки мордовской деревни. Те коммуны, артели и советские хозяйства, где была правильно поставлена организация труда, опытное руководство и т. д., сыграли большую роль не только в продовольственном вопросе, но и в пропаганде преимуществ крупного общественного хозяйства в земледелии. Возникновение первых коллективных хозяйств имело большое политическое и практическое значение.

Это были первые социалистические ростки в деревне. Богатый опыт, полученный партийными и советскими органами в деле создания коммун в 1918—1919 гг., был использован для того, чтобы потом, несколько позже, совершить социалистический переворот в деревне, закончившийся полной победой колхозного строя.

В. И. Ленин в декабре 1919 года отмечал, что начинается

[1] Мордовия в период упрочения Советской власти и гражданской войны, док. № 218.

новый поворот крестьянства к Советской власти и что «в последнем счете именно эти колебания крестьянства, как главного представителя мелкобуржуазной массы трудящихся, решали судьбу Советской власти и власти Колчака — Деникина»[1].

Итак, решения VIII съезда партии по аграрному вопросу и последовавшие ряд важных экономических мероприятий, принятых Коммунистической партией и Советским правительством в этой области, значительно укрепили союз рабочего класса с трудовым крестьянством. Среднее крестьянство Мордовии стало надежным союзником рабочего класса в борьбе с внешней и внутренней контрреволюцией, в строительстве социализма.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 17.

Х. И. МУРАТОВ

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

50 лет прошло с тех пор, как 3 июня 1917 года в обширных палатах бывшего дворца князя Меньшикова в Петрограде начал свою работу Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

На съезд явилось более 1000 делегатов, из них 105 делегатов-большевиков. Из Пензенской губернии прибыли два делегата: председатель Пензенского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов эсер М. Ф. Рогов и один из организаторов Пензенского Совета рабочих и солдатских депутатов большевик Василий Владимирович Кураев.

Объявляя заседание съезда открытым, председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов меньшевик Н. С. Чхеидзе заявил, что съезд должен сказать свое решающее слово по всем важнейшим вопросам. Он считал, выход из трагического момента, переживаемого революцией, рожденной мировой войной, может быть найден только в объединении всех революционных сил.

Съезд избрал Чхеидзе председателем. В президиум были избраны от эсеров Крушицкий, Саакиян, Алексеев, Лазурский, Лордкипанидзе; от меньшевиков — Хинчук, Никольский, Орловский, Печерский, Захватаев; от исполнительного комитета Петроградского Совета — Ф. И. Дан, Б. О. Богданов, Л. Б. Гоц, Каменев, Брамсон, Завадье; от большевиков — В. П. Ногин, Н. В. Крыленко, Г. Е. Зиновьев и Б. З. Шумяцкий; от «межрайонцев» — А. В. Луначарский; от народных социалистов и трудовиков — Державин и Гегечкори.

В порядок дня съезда были включены 14 вопросов, из них главные: о революционной демократии и правительственной власти, отношение к войне, аграрные вопросы и др. Большевики и объединенцы предлагали пополнить порядок дня вопросом о наступлении на фронте, но это предложение не было принято съездом. Однако ни один выступающий не мог обходить этот важный вопрос молчанием.

Об отношении к Временному правительству с докладом от имени исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов выступил член исполкома меньшевик М. И. Либер (Гольман), который, говоря о Временном правительстве до мая 1917 года, то есть до создания коалиционного министерства, подчеркивал: «Правительству и его органам на местах никто не верил, и по существу не было крепкой и сильной власти. Во время апрельских событий, когда буржуазия увидела, что она не обладает фактической силой, так как воинские части подчинялись Петроградскому Совету, а не приказу командующего округом, она увидела, что ей делать в правительстве нечего, и наиболее решительная группа буржуазии отошла от власти. Перед Советом было три выхода: создать чисто буржуазное правительство и продолжать старую линию. Второй путь — взять всю полноту власти в руки Советов и, наконец, третий путь — коалиционное правительство.

Доверить буржуазии всю власть не позволили бы рабочие и солдаты, среди которых она не пользовалась бы никаким авторитетом. Взять власть в руки Советов мы не могли, так как ее было очень легко взять, но удержать было бы немыслимо, ибо большинство населения стало бы против этого. Остался третий путь — соглашения с буржуазией, не отошедшей еще от революции. На этот путь и встал исполнительный комитет и считает, что единственно возможным выходом было образование коалиционного правительства»[1].

Выступивший с отчетом в качестве представителя «революционной» демократии в коалиционном Временном правительстве член исполкома Петроградского Совета, министр почт и телеграфов И. Г. Церетели говорил, главным образом, о внешней политике, доказывая гибельность сепаратного мира, который вообще невозможен. Защищая от упреков деятельность военного министра Керенского, Церетели заявил: «То бездействие, которое до настоящего времени наблюдалось на нашем фронте, не укрепляло, а ослабляло и дезорганизовало нашу русскую революцию и армию, стоящую на позиции русской революции. Нужно вести армию в наступление, если опасность для фронта в стоянии армии на месте»[2].

По сути дела Церетели ратовал за продолжение кровопролитной войны в интересах буржуазии и помещиков.

Говоря о необходимости создания крепкой власти, Церетели заявил: «Мы знаем, что в настоящий момент в России происходит упорная, ожесточенная борьба за власть. В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы:

[1] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет, т. I, Центрархив, 1930, стр. 46—53.
[2] Там же, стр. 54—67.

дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место. Такой партии в России нет».

«Есть такая партия!»[1] — послышалось из зала. Автор реплики быстро поднялся с места и направился к трибуне: человек средних лет, среднего роста, плотного телосложения, с бледно-смугловатым оттенком лица, с огромным лбом и небольшими глубоко сидящими темно-карими глазами. Это вождь российского и мирового пролетариата Владимир Ильич Ленин. Он начал свою речь с выяснения значения роли Советов, а также понятия революционной демократии, отмечая при этом, что обычные сравнения в данном случае неприемлемы, ибо «Советы, это — учреждение, которое ни в одном обычного типа буржуазно-парламентарном государстве не существует и рядом с буржуазным правительством существовать не может. Это — тот новый, более демократический тип государства, который мы назвали в наших партийных резолюциях крестьянски-пролетарской демократической республикой, в которой единственная власть принадлежала бы Советам рабочих и солдатских депутатов»[2].

Ленин подверг резкой критике доклад Либера. «Нам говорят, как говорил докладчик и другие ораторы, что вот первое Временное правительство было плохо! А тогда, когда большевики, злосчастные большевики, говорили: «никакой поддержки, никакого доверия этому правительству», сколько тогда сыпалось на нас обвинений в «анархизме»! Теперь все говорят, что прежнее правительство было плохо, а что же коалиционное правительство с почти социалистическими министрами, чем оно отличается от прежнего?».

Ленин спрашивает, не довольно ли разговоров о программах, о проектах, не довольно ли их, не пора ли перейти к делу? Вот уже прошел месяц с тех пор, когда образовалось коалиционное правительство, а разруха, вызываемая хищническим хозяйствованием капиталистов, растет. Коалиционное правительство против этой действительной анархии ничего не предпринимает. Если говорят, что в России нельзя сразу совершить коренное преобразование, то все это пустые слова. Основоположники научного социализма Маркс и Энгельс говорили: «Наше учение не догма, а руководство к деятельности».

«Чистого капитализма, переходящего в чистый социализм,— говорил Ленин,— нигде в мире нет и быть не может во время войны, а есть что-то среднее, что-то новое, неслыханное, потому что гибнут сотни миллионов людей, втянутые в преступную войну между капиталистами. Вопрос идет не об обещании реформ — это пустые слова, вопрос в том, чтобы сделать тот шаг, который нам сейчас нужен»[3].

[1] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет, т. I, Центрархив, 1930, стр. 65.
[2] В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 32, стр. 264.
[3] Там же, стр. 265, 266.

Далее Ленин отвечает Церетели на его слова, что в России нет политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя:

«Я отвечаю: «есть!» Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком»[1].

И далее В. И. Ленин говорил, что экономическая программа большевистской партии состоит в том, чтобы немедленно потребовать опубликования неслыханных прибылей, достигающих 500—800%, которые забираются капиталистами по военным поставкам. «Вот, действительно, где рабочий контроль необходим и возможен... Это не социализм,— продолжает Ленин.— Это — открытие глаз народу на ту настоящую анархию и ту настоящую игру с империализмом, игру с достоянием народа, с сотнями тысяч жизней, которые завтра погибнут из-за того, что мы продолжаем душить Грецию.— Опубликуйте прибыли господ капиталистов, арестуйте 50 или 100 крупнейших миллионеров,— требует Ленин от Временного правительства.— Достаточно продержать их несколько недель, хотя бы на таких же льготных условиях, на каких содержится Николай Романов, с простой целью заставить вскрыть нити, обманные проделки, грязь, корысть, которые и при новом правительстве тысяч и миллионов ежедневно стоят нашей стране. Вот основная причина анархии и разрухи, вот почему мы говорим: у нас осталось все по-старому, коалиционное министерство не изменило ничего, оно прибавило только кучку деклараций, пышных заявлений. Как бы искренни ни были люди, как бы искренне они ни желали добра трудящимся, дело не изменилось — *тот же класс* остался у власти. Та политика, которая ведется, не есть политика демократическая»[2].

Говоря о лозунге мира, без аннексий и контрибуций, Ленин указывает, что Временное правительство в отношении Финляндии и Украины не соблюдает простой азбуки демократии. «Мира без аннексий и контрибуций нельзя заключить, пока вы не откажетесь от собственных аннексий. Ведь это же смешно, это игра, над этим смеется в Европе каждый рабочий,— он говорит: на словах они красноречивы, призывают народы свергать банкиров, а сами отечественных банкиров посылают в министерство»[3].

В. И. Ленин заканчивает свое выступление словами: «Переход власти к революционному пролетариату при поддержке беднейшего крестьянства есть переход к революционной борьбе за мир в самых обеспеченных, в самых безболезненных, какие только знает человечество, формах, переход к тому, что власть и победа за революционными рабочими будут обеспечены и в России и во всем мире»[4].

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 267.
[2] Там же, стр. 267—268.
[3] Там же, стр. 270.
[4] Там же, стр. 275—276.

После Ленина выступил А. Ф. Керенский, который, с одной стороны, защищал свою позицию в военном вопросе, а с другой — полемизировал с Лениным, называя его метод борьбы с капиталистами не марксистским[1].

Делегат Луначарский защищал Ленина и зло высмеял «любителя» Маркса Керенского, называя его выступление «почти спектаклем». «Министр-оратор сделал свои упреки и свои указания относительно ортодоксальности марксизма товарища Ленина, обратившись к нему с таким эффективным изображением его позиции: «Ваши мероприятия — арестовать, разрушить, убрать». Да, товарищи, Николай II арестован, «кресты» разрушены, старый порядок убран. И, быть может, впоследствии те товарищи, которые являются представителями этой самой революции и продолжают утверждать те самые мероприятия, также заслужат название держиморд... Я не сомневаюсь в том, что люди, которых судьба поместила сейчас на горбу этого пламенного коня революции,— люди прекрасные, но мне хочется думать, что им удастся все-таки объездить и усмирить этого коня так, чтобы он согласился возить воду повседневщины. Товарищи, от этого, будет ли развиваться наша революция дальше со всей пламенной энергией, будет зависеть не только спасение России, не только будут не даром павшими не одни жертвы петроградской революции, но и жертвы всей великой войны, которая эту революцию породила, но от этого зависит, быть может, судьба всего мира, и вот почему мы являемся сторонниками энергичного продвижения революции вперед».

Луначарский вносит предложение о роспуске Государственной думы IV созыва и Государственного Совета. Свое предложение он обосновывает многочисленными убедительными примерами.

Предложение Луначарского также подлило масло в огонь, так как портило соглашателям деловые отношения с буржуазией.

По вопросу о Временном правительстве выступило чрезвычайно много ораторов, и прения продолжались в течение нескольких дней.

Член Временного правительства, министр земледелия эсер В. М. Чернов, также полемизировал с Лениным и пытался доказать, что уже начался творческий процесс работы в виде подготовки к выборам в Учредительное собрание, создания на местах органов народовластия, подготовки земельной реформы. Министр труда меньшевик М. И. Скобелев больше говорил о предполагаемых мероприятиях своего ведомства, причем конкретного у него пока еще ничего не было.

Делегат от 11-й армии, председатель солдатского комитета этой армии большевик Н. В. Крыленко говорил, главным

[1] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет, т. 1, Центрархив, 1930, стр. 77—82.

образом, о положении на фронтах, о демократизации армии. Он отметил, что военным министром не было сказано ни слова, об «исполнении возложенной на него задачи — организации демократической армии».

«По вопросу организации и демократизации революционной вооруженной армии, вооруженного народа,— говорил Н. В. Крыленко,— за месяц, когда военный министр, гражданин Керенский, стоит у власти военного министерства, ... не сделано абсолютно ничего».

Далее оратор говорил об организации военного суда, о введении дисциплинарных судов, председателями которых, по существу, являлись ротные командиры.

Далее Крыленко говорил о снабжении армии. Ему приходилось в целом ряде комиссий выезжать на конфликты, и были случаи, когда из 900 солдат 700 оказывались бессапожными, из 200 солдат в роте только 55 могли ходить в наряд.

К моменту созыва I съезда Советов буржуазное Временное правительство во главе с эсером Керенским попало в неразрешимые противоречия. Министр земледелия В. М. Чернов в своем выступлении на съезде пытался дать ответ на вопрос: в чем заключается вся сущность того трагического положения, той исторической драмы, той исторической трагедии, которую переживает Временное правительство? Но из этой попытки Чернова ничего не получилось. Временное правительство не разрешило и не пыталось решить земельный вопрос до Учредительного собрания, созыв которого каждый раз откладывался на неопределенный срок. Веками угнетенные царизмом народы России, в том числе и мордва, с нетерпением ждали решения национального вопроса, но и в этом отношении ничего не было предпринято.

В ходе революционной борьбы крестьян против помещиков и монастырей создавались новые органы крестьянского самоуправления — советы крестьянских депутатов под различными названиями: советы, исполнительные комитеты, крестьянские комитеты и т. д. Задача этих органов состояла в том, чтобы организовать силы крестьян для борьбы за решение земельного вопроса. В ряде сел, где крестьяне находились под влиянием большевистской агитации, в состав органов сельской власти входили представители бедняцко-середняцких слоев. Они выступали обычно инициаторами и организаторами борьбы за конфискацию помещичьей земли, инвентаря, семян.

Буржуазное Временное правительство попыталось ликвидировать сельское самоуправление. Но революционная жизнь смела эти попытки. Новые органы власти в селениях — Советы существовали некоторое время параллельно со старыми органами власти — земствами.

Несмотря на то, что в некоторых Советах первого созыва было эсеро-меньшевистское засилье, тем не менее Советы в Мордовии уж тогда были единственной авторитетной властью среди

трудящихся. Характерно, что почти все жалобы и требования помещиков, промышленников, торговцев, монастырей, кулаков шли в адрес уездных исполнительных комитетов и уездных комиссаров Временного правительства, а жалобы и требования рабочих, солдат и крестьян шли в адрес Советов.

Растущее революционное движение в стране, захват крестьянами помещичьих земель и недовольство политикой Временного правительства приводило в целом ряде мест к отказу повиноваться постановлениям Временного правительства. Крестьяне многих сел не признавали законов и распоряжений Временного правительства, если они не были подписаны Советами. Так, крестьяне села Крабовки Саранского уезда, разгромившие имение помещика Борисова, уполномоченному уездного исполнительного комитета, прочитавшему закон о мерах, применяемых правительством за «самовольство», ответили, что «этот закон ... не действителен, так как он не подписан Советом рабочих и солдатских депутатов»[1].

По вопросу о Временном правительстве съезду Советов было предложено четыре резолюции. Социал-демократы-объединенцы, осудив Временное правительство «за кошмар войны и надвигавшейся разрухи», предлагали съезду высказаться за передачу власти «в руки трудовых классов народа в лице исполнительного комитета Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов при контроле Временного революционного парламента»[2].

Представитель фракции большевиков Каменев огласил резолюцию большевиков: «Первое правительство помещиков и капиталистов очень быстро обнаружило полную неспособность удовлетворить интересы масс населения, спасти страну от разрухи, направить дело к заключению демократического мира. Образованное Петроградским Советом второе коалиционное правительство заслонило контрреволюционную буржуазию от народа «социалистическими» министрами, которые оказались самым удобным для эксплуатирующих классов орудием, чтобы оттянуть разрешение коренных вопросов внутренней и внешней политики. Пользуясь прикрытием министров-социалистов, буржуазия явно перешла к борьбе с революцией и открыто от имени третьиюньских контрреволюционеров провозгласила лозунг «немедленного наступления». Такое наступление означало бы не только переход к активной империалистической политике, но и решительный поворот к контрреволюции во всей внутренней политике. Правительство в то же время не было способно предпринять решительных шагов в проведении мероприятий, необходимых для борьбы с растущей разрухой, вызываемой анархическим хозяйничаньем

---

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. 1, Саранск, 1955, стр. 521—522.

[2] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет, т. 1, Центрархив, 1930, стр. 283—284.

капиталистов, продолжавших наживать неслыханные прибыли на поставках.

В национальном вопросе политика Временного правительства дошла, без всяких к тому оснований, до конфликтов угнетавшимися царизмом нациями внутри России (Финляндия и Украина).

Политика коалиционного правительства создала также конфликты и с местными учреждениями из-за антидемократической претензии назначать или утверждать местные власти».

Констатируя полный провал политики соглашения с буржуазией, революция предлагает съезду признать «единственным выходом переход всей государственной власти в руки Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[1].

После большевиков свою резолюцию огласили меньшевики-интернационалисты. Они не пожалели сильных слов и по адресу Временного правительства, и по адресу министров-социалистов, которые не могли сделать правительство «действительным органом революции», и за подготовку наступления на фронте. По их мнению, в данных условиях наступление будет означать «величайшую военную авантюру, чреватую роковыми последствиями для России, и могучее орудие обуздания революционных сил в армии». Они предлагали съезду констатировать, что «участие представителей Советов рабочих и солдатских депутатов в составе Временного правительства привело лишь к тому, что связало руки революционной демократии и пролетариата в деле давления на буржуазию России и союзных стран, ослабив значение Советов как самостоятельно действующей на центральную власть политической силы».

Во избежание катастрофы меньшевики-интернационалисты предлагали потребовать от Временного правительства, чтобы оно было действительным орудием революционных масс и обязалось провести следующие мероприятия: «созвать всенародное Учредительное собрание не позже 1 сентября и немедленно упразднить Государственную думу и Государственный совет; предложить союзникам незамедлительный созыв в Петрограде конференции для пересмотра целей войны и для соглашения о заключении общего перемирия на всех фронтах, для приступа переговоров о мире и несколько предложений по внутренней политике, направленных на расширение демократии»[2].

Меньшевики-оборонцы объединились с эсерами и внесли общую резолюцию. В своей резолюции соглашательский блок отмечает, что «передача всей власти только буржуазным элементам нанесла бы удар делу революции». С другой стороны, «переход всей власти Советам рабочих и солдатских депутатов в переживаемый период русской революции значительно ослабил бы

[1] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет, т. 1, Центрархив, 1930, стр. 284—285.

[2] Там же, стр. 285—286.

ее силы, преждевременно оттолкнув от нее элементы, способные еще ей служить, и грозил бы крушением революции». Потому соглашательский блок предложил съезду одобрить действие Петроградского Совета, «нашедшего выход из кризиса 20—21 апреля в создании коалиционного правительства на основе решительной и последовательной демократической программы в области внешней и внутренней политики».

Кроме того, соглашатели предложили съезду признать необходимым создание единого полномочного органа революционной демократии, «в который должны войти как представители съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, так и представители Всероссийского съезда крестьянских депутатов... Временное правительство должно обладать полной властью и пользоваться полным доверием и всемерной поддержкой со стороны революционной демократии»[1].

Таким образом, резолюция меньшевиков и эсеров имела половинчатый характер, она отражала колебания их и боязнь разрыва с буржуазией. Однако, имея большинство на съезде, им удалось протащить ее при голосовании.

Боязнь порвать с буржуазией проявилась у эсеро-меньшевистского блока и в резолюции по отношению к Государственной думе и Государственному совету. Резолюция, принятая на съезде, заявила лишь об упразднении их законодательных функций.

Так, съезд подавляющим большинством одобрил политику соглашателей, выразив министрам-социалистам полное доверие. Мелкобуржуазные партии торжествовали победу.

По вопросу об отношении к войне с докладом выступил меньшевик Дан[2]. Он начал свой доклад с обоснования необходимости скорейшего окончания войны, чтобы спасти Россию от гибели. Однако он был против сепаратного мира и сепаратной войны против англо-французских империалистов.

Остальную часть своей речи меньшевик Дан целиком посвятил защите деятельности буржуазного Временного правительства. «Мы не должны,— заявил он,— требовать от нашего правительства ведения политики, которая может повести нас к разрыву с нашими союзниками».

Буржуазное Временное правительство совершенно не было заинтересовано дать народам мир. Под влиянием изнурительной империалистической войны страна переживала период всеобщей хозяйственной разрухи и голода. Народное хозяйство Мордовии, как и всей страны, было доведено до истощения и полного упадка. В крайне тяжелом положении находилась промышленность. Работала лишь часть предприятий. Количество цензовых предприятий сократилось вдвое, число занятых в них рабочих также сократилось более чем в два раза, а выпуск валовой продукции—

[1] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет, т. 1, Центрархив, 1930, стр. 286—288.

[2] Ф. И. Дан (Гуревич) — один из лидеров партии меньшевиков.

в 7 раз. Почти все предприятия работали на войну (Ширингушская суконная фабрика, маслозавод Овечкина, табачная фабрика Никитина и др.). Положение рабочих резко ухудшилось. Они получали низкую зарплату, жили в тяжелых жилищных условиях. На многих предприятиях вместо мужского стал применяться женский и детский труд. В армию было мобилизовано из Мордовского края 161348 человек.

Но эсеро-меньшевистских делегатов Первого съезда Советов это не интересовало.

После докладчика первым взял слово Владимир Ильич Ленин. Свою речь он начал напоминанием двух мест из воззвания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «к народам всего мира» от 14 марта 1917 года, в котором говорится: «Наступила пора ...начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран, наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире» и призыв к пролетариям австро-германской коалиции: «Откажитесь служить орудием захвата и насилия в руках королей, помещиков и банкиров».

«Эти два места, по моему убеждению,— говорил В. И. Ленин,— показывают лучше всего то противоречивое, неудержимо запутанное положение, в которое благодаря теперешней политике меньшевиков и народников революционные рабочие и крестьяне попали. С одной стороны, они за поддержку войны, с другой стороны, они принадлежат к представителям классов, которые не заинтересованы в захватных стремлениях правительств всех стран, и они не могут этого не сказать»[1].

Ленин обратил внимание соглашателей, что они приходят в противоречие с теми массами, которые представляют, потому что эти массы никогда не станут на точку зрения капиталистов.

В. И. Ленин отметил сущность империализма и указал на империалистический характер войны. «Борьба с империалистической войной невозможна иначе,— говорил он,— как борьба революционных классов против господствующих классов... Война есть продолжение буржуазной политики и ничего больше. Класс, который господствует, определяет политику и в войне. Война насквозь есть политика, продолжение осуществления этими классами тех же целей другим путем... Сотни миллионов людей, сотни миллиардов капитала запутала эта война. Из нее нет иного способа выйти, как переходом власти к революционному классу...»[2].

Далее В. И. Ленин говорил, что большевики не пацифисты, они не против всякой войны, они против империалистической, захватнической войны. «Ни один революционный класс зарекаться от революционной войны не может, потому что иначе он осуждает себя на смешной пацифизм. Мы не толстовцы. Если революционный класс возьмет власть, если в его государстве не

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 277.
[2] Там же, стр. 280, 281, 287.

останется аннексий, если не будет власти у банков и у крупного капитала, что не легко в России, то такой класс будет вести революционную войну не на словах, а на деле»[1].

Владимир Ильич протестовал против сепаратного мира с русскими империалистами.

Свою речь Ленин закончил выдержкой из письма крестьянина, помещенного в московской газете большевиков «Социал-демократ» (№59) и перепечатанного в «Правде» (№ 68), в котором крестьянин излагает точку зрения большевиков по вопросу о войне: «Нужно побольше напирать на буржуазию, чтобы она лопалась по всем швам. Тогда война кончится. Но если не так сильно будем напирать на буржуазию, то скверно будет»[2].

После Ленина выступил А. Ф. Керенский. Полемизируя с большевиками, он оправдывал свою работу в военном ведомстве, выступал против «статус кво».

Л. Мартов в своем выступлении, критикуя Дана, заявил, что мирные переговоры должны вестись на принципах, выставленных русской революцией. «Если союзники на это не пойдут,— сказал он,— у нас будут развязаны руки не для сепаратного мира, а, может быть, для сепаратной войны, если от указанной платформы откажется Германия»[3].

Л. Д. Троцкий обратил внимание съезда на усиленные разговоры о разложении армии. Он тянул старую свою песню: «Если в Европе не разразится революция, то мы будем задушены европейским капитализмом и распяты на кресте мирового империализма»[4].

Чем больше выступало ораторов, тем борьба принимала более ожесточенный характер.

Церетели свою речь посвятил тактике большевиков и объединенцев, обвиняя их в том, что они своими действиями расшатывают единство революционной демократии. По его мнению, самым слабым звеном в единой цепи русской революции является звено, которое представлено большевиками, а так как сила всей цепи измеряется крепостью наиболее слабого звена, то, может быть, во имя сохранения революции, демократии придется подумать об удалении этого звена за пределы демократии[5].

Николай Васильевич Крыленко от имени фракции большевиков выступил с большой и обстоятельной речью по вопросу об отношении к войне. Он говорил об антивоенных настроениях солдат на фронте.

Крыленко достал из папки какие-то бумаги и поднял их высоко над головой, чтобы все делегаты съезда могли их видеть.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 288.
[2] Там же, стр. 291.
[3] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет, т. 1, Центрархив, 1930, стр. 334—339.
[4] Там же, стр. 352—357.
[5] Там же, стр. 357—361.

«Только вчера-позавчера ко мне приехали два делегата от частей,— говорил он,— остающихся на позициях, привезли мне резолюции полков для того, чтобы здесь, на Всероссийском съезде, я мог их огласить. Эти резолюции как раз затрагивают тот вопрос, которого касался в последнем пункте своей речи предыдущий оратор—вопрос о духе, вопрос о настроении, вопрос о наличности или отсутствии в войсках той внутренней спайки, которая дает возможность совершать, с точки зрения технико-военной, те подвиги, которые совершали русские солдаты в прошлом. Эта резолюция говорит о вопросе нам всем известном — о наступлении, она гласит: «Мы не хотим умирать, когда в душу закрадывается сомнение, что снова вовлечены в бойню капиталистов. Нет сил с легкой душой двигаться вперед,— нужна уверенность перед смертью, что умираем за дело народа, а для этого требуется, чтобы вся власть была в руках Советов рабочих и солдатских депутатов, и, если нужно тушить пожар, если для скорейшего достижения мира нужна война, если для этого нужно наступление, мы пойдем, но чтобы пойти вперед необходимо, чтобы Совет взял власть в свои руки».

Этих резолюций у меня пять... Как бы вы ни относились к данным резолюциям, как бы вы ни относились к точке зрения, которая в них выражена,— с фактами нужно считаться. Эти факты таковы, что если был момент, который мы переживали в первые дни революции там, на фронте, в окопах,— момент, который я лично никогда не забуду, момент революционного энтузиазма, когда вопросы о сапогах и пополнениях совершенно не ставились, когда ставился вопрос о том, что сейчас, в момент свержения старого режима, судьба вопроса войны и мира передается в руки революционного народа и будет решена в его интересах, всеобщее настроение было настроением энтузиазма. Этот момент сейчас отсутствует, сейчас его нет, а без него нет того, что необходимо для того, чтобы военное действие было бы успешно»[1].

В это время, как бы в подтверждение сказанного председателем армейского комитета, слышатся голоса с улицы: «Долой войну!», «Не хотим ехать на фронт!», «Пусть буржуи сами воюют!» Это раздаются голоса сорокалетних, устроивших довольно внушительную демонстрацию перед зданием Кадетского корпуса, где проходит съезд. Они пришли выразить свой протест против приказа Керенского, требующего возвращения к 15 июня на фронт, откуда они были отпущены домой для полевых работ. В Петроград прибыло до четырех тысяч сорокалетних, и они устроили шумную демонстрацию.

Крыленко подвергает критике речь военного министра Керенского за то, что он дает уроки из истории французской революции. Крыленко противопоставляет его урокам тоже урок из той же истории, как «организатор победы» Карно[1] сумел влить военный дух в массы, когда голодные, босые французские солдаты сумели встать против всей коалиции Европы и ее победить. Два момента было тогда, которых у Временного правительства не было. Первым моментом было то, что за «организатором победы» Карно в тылу стоял революционный Конвент[2], стояла власть, которая опиралась на революционный народ, на демократию Парижа, и который твёрдую революционную власть осуществлял прежде всего не по отношению к своему крайнему левому крылу, а по отношению ко всем своим врагам и противникам справа.

Второй момент был следующий: около каждого генерала стоял эмиссар, и знали генералы, и знал генералитет, что за каждый свой шаг, за каждое свое действие они отвечают головой перед революционным народом.

Еще до Февральской революции В. И. Ленин в статье «Несколько тезисов», опубликованной в центральном органе большевиков «Социал-демократ» в № 47 от 13 октября 1915 года, писал: «На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир *всем* воюющим на условии освобождения колоний и *всех* зависимых, угнетенных и неполноправных народов»[3].

Этот путь меньшевистско-эсеровский съезд считал утопическим, и он был отвергнут, отброшен. Военный министр Керенский сказал, что для убеждения наших союзников в решении вопроса войны и заключении мира у нас есть три пути: моральное влияние русской революции — это одно; обаяние сил русской демократии — это второе; дипломатические условия — третье. Что касается морального обаяния и морального влияния, то большевики к ним относились скептически в том смысле, чтобы эти два фактора могли оказать определенное, желательное с их стороны влияние на тех, которые эту войну хотят вести, ведут и будут вести.

Из этого напрашивался прямой вывод о том, что нужно принять какие-либо иные шаги, кроме обаяния силы и морального влияния русской революции, чтобы прекратить кровопролитие на фронтах империалистической войны.

В первый период Февральской революции армейские большевики ставили вопрос так: необходимо работать над тем, чтобы революционный энтузиазм армии развить до максимума, поддер-

---

[1] «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», № 92, 15 июня 1917 года.

[1] Карно Огюстен Жозеф (1774—1822), полковник Наполеоновской армии. После реставрации Бурбонов примкнул к республиканской организации. В 1822 г. при попытке организовать освобождение арестованных товарищей был арестован и расстрелян по приговору военно-полевого суда.

[2] Конвент — представительное собрание во Франции, высшее законодательное учреждение в период французской буржуазной революции конца XVIII в., созванный после низложения короля Людовика XVI. Конвент 22 сентября 1792 г. провозгласил Францию республикой.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 50.

жать его. Они боролись тогда со всякими эксцессами, которые нарушали нормальную революционную военную жизнь. Но позже, когда перед ними политически определились две линии подведения, когда стал вопрос практически о наступлении и когда этот вопрос пытались завуалировать стратегическими фразами, но так, как раньше, революционеры в армии ставить его не могли. Когда представители демократии, сидящие на съезде Советов, отдали этот вопрос на разрешение отдельных лиц или министров Временного правительства, когда появилась опасность поставить на карту все завоевания русской революции и снова двинуть революционные массы в наступление, приложить свою руку к такому решению этих вопросов большевики не могли.

Большевистская резолюция о войне, оглашенная Преображенским, констатирует провал внешней политики коалиционного правительства и рассматривает его обещание созвать в «ближайшее время», «когда будут тому благоприятные условия», конференцию союзных держав как попытку «отвлечь внимание народных масс от уже совершающихся на деле аннексий и насилий... Произведенной аннексией Албании и насилием над Грецией сорван покров с усвоенного коалиционным правительством лозунга — «наступление». В настоящее время проповедь наступления со стороны России связана с фактической поддержкой империалистических целей войны. Политика наступления становится тем более губительной, что она, ставя на карту миллионы жизней русских граждан, ведется во имя чуждых им целей. Эта политика наступления уже привела к возрождению политики насилия в армии... внесла в ее среду раздор, усилила контрреволюционные элементы за счет революционных, создала почву для бонапартизма и фактически свелась к борьбе всеми мерами против наиболее революционных интернационалистических элементов армии».

Признавая гибельность политики соглашателей и считая еще более гибельной политику наступления, резолюция предлагала съезду пересмотреть эту политику и обратиться к рабочим и солдатам всех воюющих стран с воззванием, в котором должно было быть указано, что съезд отвергает захватные цели капиталистов всех стран и стоит за самоопределение народа не только тех областей, которые были захвачены во время этой войны, но также за самоопределение всех народов, насильно втиснутых в границы того или иного государства.

«Для осуществления указанных задач,— сказано далее в резолюции,— съезд должен взять власть в свои руки и немедленно обратиться ко всем воюющим правительствам и отдельно ко всем трудящимся классам этих стран с полным изложением условий мира и предложением немедленного открытия мирных переговоров».

Наряду с этим съезд должен был отменить все распоряжения, направленные против интернационалистов, и принять решительные меры к обузданию капиталистов, лишив их прибылей.

Кроме того, съезд должен был «взять их предприятия под действительный рабочий контроль, ввести всеобщую трудовую повинность и обеспечить, таким образом, доставку в армию всего необходимого ей количества продуктов потребления»[1].

Съезду пришлось выслушать еще одну резолюцию большевиков по вопросу о мире. С чтением этой резолюции выступил С. Г. Шаумян.

«Эта резолюция о мире без аннексий»,— решил заявить Шаумян, прежде чем начать читать ее.

«С первых дней революции,— читал Степан Георгиевич,— Совет рабочих и солдатских депутатов поставил целью внешней политики России — скорейшее достижение всеобщего мира без аннексий и контрибуций, на основе права наций на самоопределение. Эта платформа с тех пор подвергалась обсуждению как парламентов, так и социалистических партий и групп всего мира. Можно считать установленным, что осуществление задач русской революционной демократии и социалистического пролетариата требует ныне более точного и самого ясного определения содержания формулы «мир без аннексий и контрибуций» на основе права наций на самоопределение». Только такие не поддающиеся перетолкованию определения задач мира со стороны съезда Советов рабочих и солдатских депутатов положат конец всяким двусмысленностям и проведут ясную разграничительную черту между врагами и друзьями революционных сил России»[2].

Далее в резолюции сказано, что съезд самым решительным образом высказывается против сепаратного мира с германскими капиталистами, «ибо подобный мир подразумевает соглашение с империалистическим правительством Германии и подчинение его грабительским планам, с одной стороны, и, с другой, создал бы непреодолимые трудности в деле сближения и братского союза пролетарских масс России с пролетариатом Англии, Франции и других масс»[3].

В резолюции сказано, что «мир без аннексий и контрибуций и право наций на самоопределение» означает лишь такой мир, условием которого является общий вывод войск из всех занятых областей (из Бельгии, Польши, Сербии, Румынии, Персии и Месопотамии) и представление всем нациям, насильственно удерживаемым в составе крупнейших европейских держав, и колониям права свободно решить вопрос о своем государственном существовании.

«Поставив перед собой задачу добиться мира на таких основах,— сказано в резолюции,— Советы рабочих и солдатских депутатов отдают себе отчет, что подобный мир своей предпосылкой

---

[1] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет, т. II, Центрархив, 1931, стр. 14—15.

[2] Там же, стр. 15—16.

[3] Там же, стр. 16.

имеет решительную борьбу рабочего класса каждой страны против своего империалистического правительства — классов капиталистов в каждой стране»[1].

Резолюция заканчивается предложением, чтобы Россия первая осуществила этот лозунг и предоставила угнетенным самодержавием народам Украины и Финляндии полную свободу в выявлении своей формы правления.

Меньшевик Бер огласил резолюцию меньшевиков-интернационалистов. Они констатировали, что российская революция для своего укрепления нуждается в скорейшем прекращении мировой войны. Они внесли предложение о заключении мира без аннексий и контрибуций.

Меньшевики и эсеры выступили с единой резолюцией, которая была оглашена Даном. Они делали все, чтобы провалить две предыдущие резолюции. В особенности старались против резолюции большевиков. По их предложению председатель пытался за две резолюции большевиков голосовать вместе, Шаумян выступил с разъяснением, почему фракции большевиков приходится выставить две, а не одну резолюцию, и настаивал на голосовании по отдельности.

«Право каждой фракции,— говорил депутат Н. В. Крыленко,— вносить резолюции по данному вопросу, резолюции вносить так, в такой форме, чтобы если члены собрания, которые не согласны с одной половиной, то может быть, нашлись бы другие, которые согласились бы с другой ее частью. Это есть формальное право фракции при решении вопроса, который предлагается на разрешение собрания. Я нахожу совершенно неправильным со стороны товарища председателя как предложение соединить эти резолюции, тем более допущение с его стороны характеристики этих резолюций»[2].

Такие веские и юридически обоснованные аргументы члена президиума Крыленко не могли подействовать на председателя съезда Гегечкори, и съезд решил голосовать за резолюции большевиков по отдельности.

Как резолюции большевиков, так и меньшевиков-интернационалистов были отвергнуты съездом, который большинством голосов принял резолюцию меньшевиков и эсеров. В принятом постановлении, констатируя империалистический характер войны, съезд считал необходимым скорейшее окончание войны, мира без аннексий и контрибуций и отверг сепаратный мир. Он признал, что «Временное революционное правительство в основу своей международной политики положило выдвинутую русской демократией программу мира», и считал «необходимым, чтобы правительство в кратчайший срок приняло все зависящие от него меры для присоединения союзных России стран к этой программе». Вместе

[1] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет, т. II, Центрархив, 1931, стр. 17.
[2] Там же, стр. 18.

с тем съезд нашел необходимым, чтобы правительство теперь же приняло все меры для ускорения пересмотра договоров с союзными правительствами в направлении решительного отказа от захватной политики». Однако до тех пор, пока ведется война, «русская революционная демократия обязана всемерно содействовать усилению боевой мощи нашей армии и способности ее к оборонительным и наступательным действиям, ибо крушение русского фронта было бы поражением русской революции и тяжким ударом делу всей международной демократии».

Что же касается вопроса о наступлении, то съезд полагал, что «вопрос о наступлении должен быть решением исключительно с точки зрения чисто стратегической»[1].

Таким образом, съезд не принял никаких действительных мер к прекращению войны. Соглашательские партии, меньшевики и эсеры, на словах признавая войну империалистической, на деле всеми силами стремились отдать русскую революцию на службу союзному капиталу.

19 июня съезд собрался на внеочередное заседание. На повестке дня был только один вопрос—о наступлении, в которое перешли русские войска. По этому вопросу Церетели, захлебываясь от восторга и приятного волнения, говорил: «Наша революционная армия перешла в наступление. Она показала всему миру, что демократические начала, укрепленные русской революцией, не ослабили, а укрепили мощь армии. Она показала всему миру, что демократические идеалы во внутренней и внешней политике не только не деморализовали армию, как это пытались утвердить враги революции, но что это воодушевление усилило боеспособность армии. Настал поворотный момент в русской революции, когда она должна обнаружить все силы, всю крепость новых демократических идеалов, осуществляемых ею в тылу и на фронте»[2].

Знай, что случится на фронте через две-три недели, никогда бы таких слов не говорил убеленный сединами Церетели. После поражения 6 июля даже те слои армии, которые колебались в правдивости слов большевиков, подозревая их, под влиянием пропаганды буржуазии, немецкими агентами, даже они поняли, что единственными людьми, которые говорили правду,— были большевики.

Съезд решил послать приветственную телеграмму русским солдатам, перешедшим в наступление. Большевистская фракция съезда присоединилась к приветствию, но депутату съезда большевику Борису Павловичу Позерну поручили огласить следующее заявление: «В первый же день Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов мы внесли заявление,—

[1] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет, т. II, Центрархив, 1931, стр. 12, 11.
[2] Там же, стр. 82.

читал Позерн,— в котором указали, что политика, направленная на разжигание империалистической войны, на основе возбуждения шовинистических страстей, политика немедленного наступления выгодна только контрреволюции, что эта политика продиктована русскому Временному правительству англо-французскими, американскими и русскими империалистами, что политика наступления ставит под вопрос все завоевания революции.

Мы заявляем, что вся ответственность за эту политику падает на Временное правительство и поддерживающие его партии меньшевиков и эсеров. Мы подтверждаем свое заявление, внесенное в первый день съезда. Вместе с громадным большинством петроградских рабочих и солдат мы выражаем свое глубокое убеждение в том, что конец войне может быть положен не наступлением на фронте, а единственно лишь революционными усилиями трудящихся масс всех народов»[1].

Но голос большевиков тонул в море меньшевистско-эсеровских шовинистических речей. Всей этой шумихой буржуазная пропаганда хотела окончательно поразить большевиков.

Не успел съезд закончить работу, как с фронта стали поступать тревожные вести об огромных потерях в русских войсках, перешедших в наступление,— оправдались слова большевиков, ставшие уже к этому времени пророческими. Даже некоторые депутаты съезда успели сложить свои головы на алтарь буржуазного отечества. На вечернем заседании 22 июня председатель военной секции прапорщик Печерский огласил телеграмму Керенского о гибели на поле брани депутата съезда, члена армейского комитета XI армии Гандлера.

Следующим основным вопросом, рассмотренным на съезде, был земельный вопрос. Разрешение этой проблемы для аграрной России имело первостепенное значение. Вся трудовая крестьянская масса России с нетерпением ждала решения земельного вопроса. В числе их были и крестьяне Пензенской губернии, куда входила большая часть территории теперешней Мордовии.

7—10 апреля 1917 года в Пензе состоялся крестьянский учредительный съезд. В организации и проведении съезда большевики принимали деятельное участие. Основным пунктом повестки дня съезда был вопрос о временных земельных мерах.

Крестьяне Мордовии, как и всей Пензенской губернии, ясно и определенно заявили, какие задачи они ставят совершавшейся революции и как намерены их решить.

Намечая как конечную цель революции национализацию земли, они всю земельную политику решали, исходя из этой задачи. Они требовали, чтобы все земли, не засеянные помещиками и арендаторами, поступали в распоряжение волостных земельных комитетов.

[1] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет, т. II, Центрархив, 1931, стр. 96.

Ни солдатских команд, ни военнопленных помещики согласно постановлениям съезда получить в свое распоряжение не имели права.

Арендная плата должна была быть отменена, и, таким образом, единственным вычетом из урожая должны были быть только налоги. Арендная плата, внесенная ранее, может быть взыскана через волостные комитеты.

Решением съезда была отменена также испольная система. Испольщики должны были оплатить по твердым ценам стоимость только семян, если они были взяты заранее.

Из других решений съезда следует отметить еще запрещение продавать, закладывать и вообще заключать какие бы то ни было сделки на землю, а также запрещение прорубки лесов без особого на то каждый раз разрешения волостных комитетов.

Все эти постановления рассматривались крестьянами не как пожелания, которые в зависимости от условий могли или не могли быть проведены в жизнь, а как закон, который до окончательного разрешения земельного вопроса должен функционировать по всей губернии.

Согласно этим постановлениям съезда, часть земель крупных землевладельцев должна была перейти к крестьянам, организованным в сельские и волостные комитеты.

Крупные землевладельцы при создавшихся тогда условиях, не имея ни рабочих, солдатских дружин, ни военнопленных, которых они до этого эксплуатировали, не могли обрабатывать свои земли.

Таким образом, двумя первыми пунктами резолюции (об отобрании не засеянных помещиками земель и об отмене наемного труда) съезд, вопреки всем распоряжениям Временного буржуазного правительства, фактически передал земли губернии в руки крестьянства.

Такое последовательное и кардинальное разрешение вопроса о передаче земель определило собой характер всех дальнейших мер, которые съезд счел нужным принять для временного урегулирования земельных отношений.

Все вопли эсеров и меньшевиков о том, что подобная тактика нарушает внутренний мир, который-де в настоящее время так необходим нашей родине и порождает анархию и прочее и прочее, не имели под собой никаких оснований.

Враги земельных реформ пророчили и «красных петухов», и убийства, и погромы, и насилия, но ничего подобного на самом деле не случилось. Переход земель в руки крестьянства совершился весьма спокойно и организованно, без всяких эксцессов и недоразумений.

Правда, после обнародования решений учредительного крестьянского съезда крестьяне Саранского уезда прекратили в экономиях посев, сняли рабочих и военнопленных, решили поделить землю и запасы помещиков.

15 мая 1917 года состоялся Второй крестьянский съезд Пензенской губернии. Работа съезда проходила под руководством большевиков. Съезд принял ряд важных решений об использовании паровых земель, живого и мертвого инвентаря и по другим вопросам.

В частности, в постановлении съезда об использовании паровых земель говорилось, что все государственные, удельные, кабинетные, помещичьи и вообще частновладельческие, банковские, монастырские, церковные и городские — мещанские земли переходили на учет волостных исполнительных или земельных комитетов и распределялись между трудовой, не наемной силой волости.

За вышеуказанные земли арендная плата не должна была вноситься, а выплачивались только налоги государственные, земские и волостные.

Урожай с засеянных раньше исполу земель поступал в распоряжение испольщиков с уплатой вышеупомянутых налогов и с возвращением семян, если они были взяты испольщиком у помещиков.

Волостные исполнительные комитеты обязаны были брать на учет весь мертвый и живой инвентарь у помещиков и запретить продажу их без разрешения волостных исполнительных комитетов. Волостные исполнительные комитеты должны были распределить этот инвентарь между гражданами волости, действительно нуждающимися, и устанавливать за использование и прокат цену. За порчу и утрату инвентаря платило лицо, взявшее сельскохозяйственное орудие напрокат.

Все служащие помещичьих имений во главе с управляющим должны были оставаться на своих местах, кроме тех, которых волостной исполнительный комитет найдет нужным устранить.

Военнопленные отпускались помещикам или оставлялись у уже имеющихся только по усмотрению волостных исполнительных комитетов.

Ввиду острой нужды в денежных средствах на строительство новой жизни съезд постановил: принять на местах энергичные меры к скорейшему взысканию недоимок по частновладельческим (помещичьим) и крестьянским землям. Предоставить волостным комитетам войти в соглашение с местными кредитными учреждениями о выдаче ссуд на уборку хлеба в текущем году. Взыскание числящихся за помещичьими и частновладельческими землями недоимок произвести в срочном порядке. В случае отказа помещика от добровольной уплаты взыскание производилось по постановлению уездного Исполнительного комитета в административном порядке.

Необходимо было принять самые энергичные меры к немедленному взысканию всех государственных и земских сборов.

Следует отметить, что все решения Второго крестьянского съезда были пронизаны требованием организованности при проведении конфискации. Съезд предлагал распределять землю, покосы и пастбища через земельные комитеты. «Необходимо предоставить волисполкомам разумное распределение как сенокосов, так и пастбищ бесплатно и независимо от хозяев»,— сказано в резолюции съезда.

Таким образом, если на Первом крестьянском съезде Пензенской губернии большевики добились решения частичной конфискации помещичьих земель, то на Втором — конфискации всех помещичьих, казенных и прочих земель. Это была значительная победа большевиков среди крестьянства в период революционной мобилизации масс для перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической[1].

Временное правительство объявило постановление Второго Пензенского губернского крестьянского съезда вне закона. Министр — председатель Временного правительства кадет князь Г. Е. Львов в своей телеграмме на имя комиссара Временного правительства по Пензенской губернии сообщил о том, что постановления Пензенского губернского крестьянского съезда, установившие переход частновладельческого сельскохозяйственного инвентаря в распоряжение волостных исполнительных комитетов для распределения между трудовой силой волости и вмешательство последних в управление хозяйствами, противоречат постановлениям Временного правительства и являются противозаконными. Он просил комиссара принять решительные меры к недопущению исполнения этих постановлений на местах.

Выполняя решения губернских крестьянских съездов, крестьяне стали отбирать землю у помещиков. Так, в начале мая 1917 года крестьянами села Пятины и деревни Лыковщины Саранского уезда произведены в имении помещиц Е. Деконской и О. Маковой самоуправства. Под угрозой насилия крестьяне заставили Деконскую подписать бумагу о передаче им бесплатно всей земли. Саранский исполнительный комитет был вынужден предложить Деконской в месячный срок выехать из имения. Совет назначил арендную плату в имении по 5 рублей за десятину[2].

11 мая вооруженные крестьяне напали на имение коннозаводчика М. Лилиенфельда при Евлашеве Саранского уезда: дом был сожжен, деньги и ценные бумаги похищены, служащие выгнаны. Почти вся пахотная земля была отобрана и передана крестьянам[3].

Крестьяне села Стародевичьего Рукава Краснослободского уезда в имении Конадковой отобрали земли, луга и фруктовые сады, сняли некоторых рабочих[4].

Помещики понимали, что пришел их последний час. Они стали усиленно продавать и истреблять леса. Многие помещики пытались уничтожать сельскохозяйственные машины, ликвидиро-

[1] Очерки истории Мордовской АССР, т. I, Саранск, 1955, стр. 523.
[2] Крестьянское движение в 1917 г. Сб. док. Госиздат. 1927, стр. 50.
[3] Там же, стр. 51.
[4] Там же.

вать рабочий скот, чтобы они не доставались крестьянам. Некоторые из них даже добивались от местных органов Временного правительства — от Комиссариата — официального разрешения на уничтожение ценностей. Так, помещица из Инсарского уезда Павлова обратилась к властям с просьбой «предоставить ей возможность свободно ликвидировать имеющийся у нее при имении живой инвентарь, так как крестьяне самовольно все отнимают» (из телеграммы помещицы Павловой от 23 мая 1917 года)[1].

Но нарождавшиеся местные органы народной власти — волостные, уездные комитеты — совместно с представителями крестьянства не допускали уничтожения народного добра.

Крестьянское движение в Пензенской, Симбирской, Тамбовской и Нижегородской губерниях, в том числе в тех уездах и волостях, которые позже вошли в состав Мордовской АССР, в июне 1917 года в период посевной кампании еще больше усилилось. Отбирание помещичьих земель, как и по всей России, здесь приобрело всеобщий характер. Крестьяне оставляли помещикам только незначительную часть земли, принадлежащую ему, отбирали инвентарь, отказывались от уплаты за арендованные земли, забирали сенокосные луга, снимали с работ военнопленных, запрещали служащим ходить на поденную работу. Так, крестьяне Саранского уезда, как мы уже видели, в мае сожгли дом и отобрали почти всю пахотную землю у коннозаводчика М. Лилиенфельда, «в июне они сожгли у него все постройки, отобрали имущество, все посессионные земли[2] и луга[3]. Крестьяне 3-го общества села Бутурлина Инсарского уезда захватили у помещика Авксентьева паровую землю, а в имении Н. Столыпина, при селе Столыпине и деревне Усовек Маисской волости Городищенского уезда, крестьяне захватили экономические поля, произвели порубку леса, установили сборы[4].

Крестьяне отбирали не только помещичьи земли, но захватывали и участки, принадлежащие отрубникам — этим детищам столыпинской аграрной реформы. Так, Лесновьясское сельское общество Больше-Вьясской волости Саранского уезда 4 июня 1917 года отобрало и разделило между общинниками всю паровую землю, принадлежащую отрубникам[5].

Таким образом, крестьяне по своему умению и разуму решали аграрные вопросы, те, которые не торопилось решать Временное правительство до Учредительного собрания. Но он настолько назрел, что Первый Всероссийский съезд Советов не мог его обойти.

---

[1] Крестьянское движение в 1917 г. Сб. док., Госиздат, 1927 г., стр. 51.
[2] Посессионные земли — земли, отводившиеся государством владельцам фабрик и заводов для надела ими крестьян, работающих только за земельные наделы на этих фабриках и заводах.
[3] Крестьянское движение в 1917 г. Сб. док., Госиздат, 1927, стр. 97.
[4] Там же, стр. 98.
[5] Там же, стр. 95.

23 июня 1917 года на Первом Всероссийском съезде Советов с докладом по аграрному вопросу выступил министр земледелия Временного правительства В. М. Чернов. Он заявил: «Аграрный вопрос, земельный вопрос так долго служил камнем преткновения для всех социалистических партий и так долго служил яблоком раздора для этих партий»[1].

Чернов говорил так, как будто бы все вопросы, касающиеся земельных отношений в России, уже решены. Он приглашал делегатов съезда — представителей различных партий и течений «найти единогласие там, где оно не вытекает из всей прошлой идейной истории борющихся школ и направлений»[2]. Все выдвинутые им практические вопросы Чернов оговаривал как временные, до рассмотрения их в Учредительном собрании.

Чернов призывал съезд не обижать помещиков, не отнимать уделыные земли, не выгонять церковников с крестьянских земель. Он заявил: «Органы самоуправления не в праве рассматривать отдельных пользователей, как индивидуальных, так и коллективных, как лиц неправомочных, по отношению к которым руки у органов самоуправления вполне развязаны и с которыми они могут поступать совершенно произвольно»[3].

Иными словами, если крестьяне отберут землю у помещика, то последний, по мнению Чернова, имеет право возбудить судебное дело. Чернов призывал установить «общегражданское равенство» между эксплуататорами и эксплуатируемыми гражданами.

Поэтому, естественно, как доклад, так и резолюция, предложенная Черновым, не могли не вызвать резкой критики со стороны большевиков — делегатов съезда. В своем выступлении делегат Н. И. Муралов[4] говорил о том, что фракция социал-демократов большевиков не согласна в тех пунктах, которые предлагают не категорические действия, а только полумеры, как, например, запрещение сделок на землю. Революционный народ заслужил больше достоинства, чтобы накладывать запрещение сделок на землю. Большевики требовали, чтобы частная собственность на землю была совершенно уничтожена. Как известно, крупное землевладение являлось всегда оплотом, базой для контрреволюционных сил. Из таких крупных землевладений всегда черпались контрреволюционные силы.

Вот почему большевики говорили и настаивали, что до тех пор, пока крупное землевладение находится в частных руках, до тех пор контрреволюция будет всегда грозить революции. Большевики требовали, чтобы немедленно голос революционной демократии, которая собралась на съезд Советов, сказал не только

---

[1] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет, т. II, Центрархив, 1931, стр. 297.
[2] Там же, стр. 298.
[3] Там же, стр. 302.
[4] Н. И. Муралов — впоследствии примкнул к троцкистской оппозиции.

о запрещении сделок на землю, но категорически и определенно высказался за то, что частная собственность на землю вообще должна быть уничтожена. Это было бы таким великим ударом для всего буржуазного строя, который расчистил бы дорогу для завоевания социалистического строя[1].

Фракция большевиков огласила свою резолюцию по аграрному вопросу[2].

Во вводной части этой резолюции говорится о том, что существование помещичьего землевладения в России есть материальный оплот власти крепостников-помещиков и залог возможного восстановления монархии. Это землевладение неизбежно осуждает подавляющую массу населения России, крестьянство, на нищету, кабалу и забитость, а всю страну — на отсталость во всех областях жизни. Крестьянское землевладение в России спутано старыми, полукрепостническими связями и отношениями, делением крестьян на разряды, унаследованные от времен крепостного права. Необходимость сломать все эти устаревшие и вредные пережитки, необходимость перестроить все отношения землевладения и земледелия заново, применительно к новым условиям всероссийского и всемирного хозяйства, составляет материальную основу стремлений к национализации всех земель в государстве.

«Национализация земли, будучи буржуазной мерой,— сказано в резолюции,— означает наибольшую возможность и мыслимую в капиталистическом обществе свободу классовой борьбы и свободу землепользования от всех небуржуазных придатков. Кроме того национализация земли, как отмена частной собственности на землю, означала бы на практике такой могучий удар частной собственности на все средства производства вообще, что партия пролетариата должна оказать всякое содействие подобному преобразованию...

Чем решительнее и последовательнее будет буржуазно-демократическое аграрное преобразование в России вообще, тем с большей силой и быстротой будет развиваться классовая борьба сельскохозяйственного пролетариата против зажиточного крестьянства (крестьянской буржуазии)»[3].

В постановляющей части резолюции сказано:

«1. Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов объявляет помещичью собственность на землю уничтоженной. Впредь до окончательного установления новых земельных порядков Учредительным собранием бывшие помещичьи земли берутся в аренду крестьянами по постановлениям местных демократических учреждений и по ценам, ими назначенными, с тем, чтобы арендная плата шла в распоряжение местных демократических учреждений на нужды крестьян и солдат.

2. Съезд решительно выступает за немедленный переход всех земель в руки крестьянства, организованного в Советы крестьянских депутатов или в другие действительно вполне демократически выбранные и вполне независимые от помещиков и чиновников органы местного самоуправления.

3. Съезд советует крестьянам брать землю организованно, отнюдь не допуская ни малейшей порчи имущества, а заботясь об увеличении производства.

4. Съезд требует национализации всех земель в государстве, означая передачу права собственности на все земли в руки государства, национализация передает право распределения землей в руки местных демократических учреждений.

5. Съезд решительно борется как против Временного правительства, которое навязывает крестьянам «добровольное соглашение с помещиками», т. е. на деле помещичий характер реформы, и грозит крестьянам карами за «самоуправство», т. е. переходом к насилию со стороны меньшинства населения (помещиков и капиталистов) против большинства, так и против мелкобуржуазных колебаний большинства народников и меньшевиков социал-демократов, советующих крестьянам не брать всей земли до Учредительного собрания»[1].

Далее в резолюции говорится, что аграрные преобразования могут быть успешны и прочны лишь при полной демократизации всего государства, т. е., с одной стороны, при уничтожении полиции, постоянной армии и фактически привилегированного чиновничества, а с другой стороны, при самом широком, вполне свободном от надзора и опеки сверху, местном самоуправлении.

В резолюции рекомендовалось немедленно и повсеместно приступить к отдельной и самостоятельной организации сельскохозяйственного пролетариата, как в виде Советов депутатов от сельскохозяйственных рабочих (а также особых Советов депутатов от полупролетарского крестьянства), так и в виде организации пролетарских групп или фракции в общих Советах крестьянских депутатов, во всех органах местного и общегородского управления.

Съезд должен был поддержать почин тех крестьянских комитетов, которые в ряде местностей России передают помещичий живой и мертвый инвентарь в руки организованного в эти комитеты крестьянства для общественного регулирования и использования по обработке всех земель.

Съезд должен был советовать пролетариям и полупролетариям деревни, чтобы они добивались образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства,

[1] Первый Всероссийский съезд... Стеногр. отчет, т. II, 1931, стр. 311.

[2] Оглашенная на съезде Советов резолюция по аграрному вопросу была еще принята на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) в 1917 году.

[3] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, 1898—1924, изд. 7-е, Госполитиздат, 1954, стр. 340; Первый Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет, т. II, Центрархив, 1931, стр. 312.

[1] Первый Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет, т. II, Центрархив, 1931, стр. 312—313.

которое бы велось на общественный счет Советами депутатов от сельскохозяйственных рабочих под руководством агрономов и с применением наилучших технических средств.

Такова была резолюция, оглашенная на съезде большевиками. Принятие этой резолюции съездом показало бы, что революционная демократия в лице своих представителей в Петрограде является действительно революционной и была защитницей трудового крестьянства. Однако в результате голосования меньшевистско-эсеровское большинство съезда отвергло эту резолюцию и приняло резолюцию, предложенную Черновым. Она гласит:

«1. Земля с ее недрами, водами и лесами должна быть изъята из товарного обращения.

2. Верховное право распоряжения ею должно принадлежать всему народу, заведывающему ею через демократические органы своего самоуправления, начиная от волостных земств и кончая центральной народной властью.

3. Пользование землею должно быть обеспечено за трудовым земледельческим населением, при условиях, гарантирующих рост производительных сил и развитие кооперативного и общественного хозяйства.

4. Права пользователей, как индивидуальных, так и коллективных, должны быть гарантированы специальными юридическими нормами на началах общегражданского равенства.

5. Местные нормы, сроки и условия пользования вырабатываются и периодически пересматриваются ближайшими к народу органами самоуправления под контролем высших.

6. Передача участков одними пользователями другим, равно как порядок вознаграждения за неиспользованные улучшения и т. п. регулируются специальными выборными органами.

7. Характер переходных мер, необходимых в местностях с наиболее запутанными поземельными отношениями, равно как сроки действия этих переходных мер, определяются специальными законоположениями, предварительно разработанными на местах»[1].

Даже простое сопоставление этих двух резолюций говорит о классовом подходе к решению аграрного вопроса большевиками и меньшевиками, эсерами.

Несмотря на это, принятие съездом половинчатой резолюции было прогрессивным явлением в решении аграрного вопроса в России. Не случайно в резолюции VII (Апрельской) Всероссийской конференции большевиков по аграрному вопросу записано: «Каковы бы ни были мелкобуржуазные утопии, которыми все народнические партии и группы облекают борьбу крестьянских масс против крепостнического помещичьего землевладения и против всех крепостнических пут всего землевладения и землепользования в России вообще,— сама эта борьба выражает собой вполне буржуазно-демократическое, безусловно прогрессивное и экономически необходимое стремление к решительной ломке всех этих пут»[1].

Прямым следствием борьбы трудового крестьянства за земельную реформу явилось обсуждение на Первом Всероссийском съезде Советов аграрного вопроса. В этой борьбе, как мы уже видели, есть значительная доля крестьян Поволжья, в том числе и крестьян Мордовии.

[1] Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет, т. II, Центрархив, 1931, стр. 304.

[1] КПСС в резолюциях... ч. I, изд. 7-е, 1954, стр. 340.

Н. В. ПОЛИН

ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Помещичьи хозяйства Мордовии зависели от рабочих рук в крестьянском хозяйстве. Однако до войны сельскохозяйственные «промыслы» крестьян полностью обеспечивали помещичьи хозяйства рабочей силой, а также тяглом. В годы войны положение в корне меняется. Мобилизация оставила без работников не только крестьянское хозяйство, но она сказалась и на помещичьем. Призыв в армию сократил отход крестьян, особенно отход на сельскохозяйственные работы, что поставило помещиков в весьма затруднительное положение. Например, в 1910 году из сел и деревень Наровчатского уезда по отчету уездного исправника уходило на отхожие заработки до 10500 человек[1], а в 1917 году — 7146 человек[2]. Отход из этого уезда уменьшился на 32%. Еще больше он сократился из Краснослободского уезда. В 1910 году из этого уезда в отхожие промыслы уходили 9900 человек[3], а в 1917 году только 4170 человек[4]. Это на 57,9% меньше. Снижение отходников происходило на сельскохозяйственные работы. Отход же в промышленность, особенно работающую на оборону, напротив стал привлекать более высокими заработками, главным образом, возможностью избежать мобилизации. Например, по Наровчатскому уезду в осень и зиму 1912—1913 годов 41,4% отходников уходили в приволжские губернии на сельскохозяйственные работы, а на Кавказ, в Баку и Грозный на нефтеразработки только 7%[5].

Иное мы видим во время войны. Так, по данным 1917 года уже 46,8% отходников выбывало на нефтеразработки в Баку и Грозный, а на сельскохозяйственные работы в Самарскую и Саратовскую губернии — только 6,7% отходников[6].

[1] ГАПО, ф. 158, оп. 3, д. 5502, л. 3.
[2] Там же, ф. 9, оп. 2, д. 769, л. 26.
[3] Там же, ф. 158, оп. 3, д. 5504, л. 7.
[4] Там же, ф. 9, оп. 2, д. 769, л. 27.
[5] Подсчитано по данным «Вестника Пензенского земства», 1913, № 10, стр. 369.
[6] ГАПО, ф. 9, оп. 2, д. 769, лл. 25, 26. Подсчет автора.

Во время войны уменьшается и найм работников поденно и на срок.

Частые мобилизации крестьян обостряли проблему рабочих рук. К лету 1915 года в Тамбовской губернии и его уездах частновладельческие хозяйства при уборке хлебов и посева озимых, по данным чиновников Тамбовского отделения Крестьянского Поземельного банка, испытывали «громадные затруднения»[1].

Убыль рабочей силы затруднила ведение помещичьего хозяйства. Особенно пострадали те из них, которые практиковали отработочную систему. Возможности для отработок и испольщины сократились, а переход к капиталистической системе был весьма затруднен.

О наличии рабочих рук в помещичьих хозяйствах во время войны мы можем судить по данным переписи 1917 года[2].

Таблица 1

Уезды	Хозяйств всего	Число рабочих		
		всего	на 1 хозяйство	на 100 дес. посева
Инсарский	166	2571	15 6	86
Краснослободский	20	266	13,3	60,7
Наровчатский	64	271	4,2	80,1
Саранский	160	1524	9 5	58,2
Ардатовский	76	1259	16,5	76
Спасский	91	1251	13,7	81
Темниковский	213	1593	7,5	31 8
по Мордовии	790	8737	11	67,7

Таблица показывает, что в среднем по Мордовии на 1 частновладельческое хозяйство приходилось 11 рабочих и на 100 десятин посева — 67.7 рабочего. В это количество вошли местные крестьяне, военнопленные и беженцы. В Темниковском уезде процент мобилизованных в армию достигал 52,8, больше чем в других уездах. В этом же уезде мы видим, что помещики ощущали большую нехватку рабочей силы. У них приходилось на 100 десятин посева только 31,8 рабочего. Из этого уезда раздавалось наибольшее количество голосов с требованием присылки военнопленных.

С продолжением войны проблема рабочей силы для помещичьих хозяйств становилась все острее и острее. Помещики требовали присылки новых контингентов военнопленных. Краснослободский уездный предводитель дворянства в прошении Пензенскому губернатору от 9 марта 1916 года писал, что из-за отсутствия ра-

[1] ГАПО, ф. 169, оп. 1, д. 5226, л. 169.
[2] Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям. Труды ЦСУ, т. V, вып. 2, М., 1923, стр. 82—84, 86—88, 106—108, 114—116, 118—120.

бочих рук могут остаться незасеянными яровые земли помещиков и просил прислать 200 военнопленных[1]. Доверенный помещика Н. Н. Столыпина Л. Х. Логинов после мобилизации 15 мая 1916 года в своем прошении от 18 мая 1916 года ссылался на крайнюю нужду в рабочих руках, сообщал, что площадь ярового клина в 1915 году сократилась на 25% и также просил военнопленных на уборку трав и хлебов[2]. Наровчатская уездная земская управа 25 февраля 1917 года настоятельно просила Пензенского губернатора ходатайствовать об отпуске 1500 человек военнопленных[3].

Как видим убыль рабочих рук помещики старались возместить силой военнопленных. В целом по стране с начала войны по 1 сентября 1916 года Министерство земледелия получало по распределительным ведомостям Особого совещания по обороне государства 57,4% всех военнопленных, тогда как Министерства путей сообщения, торговли и промышленности вместе — только 30,5%[4].

В уездах Мордовии были размещены большие контингенты военнопленных. Только в двух уездных городах, Саранске и Ардатове, по данным на 20 января 1916 года, содержалось 1657 человек пленных[5]. В Наровчате на 8 сентября 1916 года их было 3660[6], в Спасске и Темникове на это же число 1916 года было размещено 790 военнопленных[7].

Размещение большого количества пленных в уездах Мордовии объясняется тем, что эти уезды входили в состав Московского военного округа[8] и Казанского округа[9]. Эти округа, особенно Казанский, были местом формирования запасных полков и батальонов. Ближе к ним и располагались лагери военнопленных.

Распределением военнопленных на сельскохозяйственные работы в уездах занимались уездные земства, которые получали их большими партиями из лагерей. Местные земцы же устанавливали и нормы отпуска военнопленных, прямо рассчитанные на то, чтобы ими воспользовались только помещики и крупные кулаки. Так, Темниковское уездное земство эту норму определяло в 10 человек[10]. Охрана военнопленных входила в обязанность хозяина. Охрану же могли нанять только помещики и разбогатевшие деревенские предприниматели.

В какие хозяйства прежде всего выделялись пленные, показывают следующие примеры: в июне 1916 года крестьянки Е. Модаева, К. Панкина, Д. Листарева из поселка Краснослободское Костыляйской волости Инсарского уезда обращались к Пензенскому губернатору с прошением о выделении для сельскохозяйственных работ военнопленных. Им было отказано, более того, у них были отобраны и те пленные, которые были отпущены раньше[1]. Помещице же при селе Знаменской Пестровке того же уезда по распоряжению губернатора Инсарская земская управа выделила 5 военнопленных[2].

Количество военнопленных, используемых на работах в помещичьих хозяйствах, зависело от размера площади владения. Так, по данным Инсарской уездной управы, на 21 мая 1916 года в имении Ненюкова работало 10 пленных, у Бакулина — 23[3], а в латифундии действительного статского советника в звании камергера Н. Н. Столыпина, где только пахотная земля равнялась 2800 десятинам, работало 100 военнопленных из 352, занятых на сельскохозяйственных работах в уезде в 1915 году[4].

Труд военнопленных в помещичьих хозяйствах применялся в большом количестве. Так, на 1 июля 1916 года в Ардатовском, Инсарском, Краснослободском, Наровчатском и Саранском уездах в помещичьих экономиях эксплуатировалось 1936 военнопленных[5]. Основная их масса была сосредоточена в имениях помещиков. Например, число пленных, занятых работой в имениях помещиков в Алатырском, Корсунском, Ардатовском уездах, в зависимости от площади имения распределялось следующим образом.

Таблица 2

Данные на 1 сентября 1915 года[6]

	Человек	В % к итогу
Военнопленных всего	1640	100
Работало у крестьян	229	14
—»— у помещиков	1411	86 (100)
В том числе у помещиков:		
до 200 десятин	197	10
от 200—1000 десятин	471	33.4
свыше 1000 десятин	798	56.6

Цифры показывают, что у зажиточных крестьян работало только 14% военнопленных. Из 1411 военнопленных, работающих в хозяйствах помещиков, более половины (56,6%) привлекались к труду в имениях, имевших более 1000 десятин земли. У мелких помещиков трудилось только 10% всего числа военнопленных.

[1] ГАПО ф. 11, оп. 1, д. 1805, л. 249.
[2] Там же, л. 296—297.
[3] Там же, л. 24.
[4] А. М. Анфимов. Российская деревня в годы первой мировой войны. Москва, 1962, стр. 95.
[5] ЦГВИА, ф. 1720, оп. 15, д. 662, лл. 2, 3.
[6] Там же, ф. 1606, оп. 2, д. 1068, л. 97.
[7] Там же.
[8] Спасский, Инсарский, Саранский, Наровчатский уезды.
[9] Ардатовский, Инсарский, Саранский и Краснослободский уезды.
[10] Журнал Темниковского уездного земского собрания. Темников, 1916, стр. 21.

[1] ГАПО, ф. 11, оп. 1, д. 1805, л. 432.
[2] Там же, л. 195.
[3] Там же, л. 392.
[4] Там же, лл. 296, 122.
[5] ГАУО, ф. 83, оп. 28, д. 170, л. 16; ГАПО, ф. 11, д. 1805, лл. 359, 372, 374.
[6] ГАУО, ф. 83, оп. 27, д. 296, л. 5, 7, 26.

Применение труда военнопленных приводило к понижению заработной платы вольнонаемных рабочих. Это привело к образованию большой разницы между оплатой труда пленного и работника по вольному найму. В марте 1915 года Темниковским уездным собранием была установлена выдача заработка пленным в размере 4 рубля в месяц[1], или 24 рубля за полгода на руки. Стоимость «харчей» одного пленного составляло 8 рублей[2], посредническая деятельность Земства оценивалась в 4 рубля в месяц[3]. Таким образом, стоимость труда военнопленного определялось в 16 рублей в месяц.

Заработная плата работника на лето при вольном найме в этом уезде в 1914 году равнялась 57 рублям[4] в полгода, или 9,5 рубля в месяц. Учитывая стоимость «харчей» плата рабочего в месяц составляла 17,5 рубля. Следовательно, труд военнопленного оплачивался на 1,5 рубля ниже, чем труд крестьянина.

Помещики стремились уравнять не только оплату труда батрака с пленным, но и стоимость «харчей». Суточное содержание военнопленных в Краснослободском уезде в 1915 году было установлено в 15,32 копейки[5], в Наровчатском — в 14,9 копейки[6], и в Саранском — в 14,3 копейки[7] на одного человека. Этих цен помещики придерживались при выделении продуктов работникам по вольному найму.

Таким образом, труд военнопленных, понижая заработки работников по вольному найму, усиливал и без того нехватку рабочей силы в помещичьих хозяйствах.

Принудительным был труд не только военнопленных, но и труд беженцев. Война вызвала поток беженцев из западных губерний в центральные и приволжские. Царские власти не сумели организовать этот поток, поэтому в пути беженцы испытывали лишения, голод, поборы. Тяжелым было положение беженцев в местах их временного поселения. В Ардатовском уезде по данным на август 1916 года проживало 1340 человек[8], в Инсарском, Наровчатском, Краснослободском и в Саранском уездах на 1 января 1916 года — 21427 беженцев[9] из западных губерний. На их содержание был установлен паек в размере 6 рублей на взрослого и 3 рубля на каждого, не достигшего трудоспособного возраста[10].

Эти пайки настолько были мизерны, что едва хватало на пропитание, к тому же выдавались они нерегулярно. Беженцы, размещенные в селе Ерополовка Саранского уезда в количестве 89 человек, в своем прошении в Комитет по призрению беженцев Саранского уезда от 2 декабря 1915 года писали, что они с 27 октября этого года не получали пайки и, «не имея средств к существованию, кормились лишь одним подаянием»[1].

Власти насильно принуждали беженцев работать на сельскохозяйственных работах у помещиков и кулаков за ничтожную плату. В июле 1916 года в Ардатовском уезде добровольно приступило к работам только 157 беженцев из 717 человек. Симбирское губернское совещание по устройству беженцев в мае 1916 года строго потребовало, чтобы все беженцы, как мужчины так и женщины в возрасте от 14 до 55 лет, нанялись на работу, в противном случае угрожало лишением всех видов помощи от казны[2]. Только по Ардатовскому уезду в августе, 1916 года за уклонение от работы были сняты с пайков 327 беженцев[3], или 31,3%. Таким образом, всевозможные угрозы, насилия, лишение ничтожного пайка заставляло их работать впроголодь и почти бесплатно.

Помещики и кулаки до минимума снижали заработную плату беженцам. Например, в Саранском уезде в 1916 году беженец за работу у помещика мог получить только 10—12 рублей[4] в месяц, тогда как поденщик в Темниковском уезде мог заработать 60—70 рублей. Как видно, труд беженца оплачивался в 3—6 раз ниже.

Широкое распространение принудительного труда военнопленных и беженцев приводило к снижению заработной платы сельскохозяйственных рабочих, ухудшению положения деревенской бедноты. Хотя во время войны номинальная плата несколько повысилась. В Темниковском уезде поденщикам-косцам в мирное время платили до 1 рубля 50 копеек, а в 1915 году — до 2 рублей, женщинам-поденщикам соответственно — 40 копеек и 60 копеек и рабочему с лошадью — 2 рубля и 2 рубля 50 копеек[5]. За год войны номинальная плата в этом уезде увеличилась у косцов — на 33%, у женщин — на 50% и у рабочих с лошадью — на 25%. Но это не могло сколько-нибудь повлиять на улучшение жизненного уровня трудящихся масс деревни, так как реальная плата, вызванная ростом дороговизны и спекуляции, падала быстрее роста номинальной. Например, в этом же уезде с начала войны по 1916 год цена пуда ржаной муки поднялась на 80—100%[6]. Цена муки здесь росла в 2—4 раза быстрее, чем рост заработной платы у поденщиков.

На усиление эксплуатации тружеников деревни указывал постоянный рост неравенства в оплате труда женщин и подрост-

---

[1] Журналы Темниковского уездного земского собрания. Темников, 1916 г., стр. 21.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, стр. 24.
[5] ГАПО, ф. 11, оп. 1, д. 1805, л. 40.
[6] Там же, л. 39.
[7] Там же, л. 48.
[8] ЦГА МАССР, ф. 52, оп. 1, д. 10, л. 90.
[9] «Вестник Пензенского земства». 1916, № 2, стр. 23.
[10] ЦГА МАССР, ф. 56, оп. 1, д. 2, л. 138.

[1] ЦГА МАССР, ф. 56, оп. 1, д. 2, л. 138.
[2] Там же, ф. 52, оп. 1, д. 10, л. 2.
[3] ГАУО, ф. 83, оп. 29, д. 126, лл. 53—56.
[4] ЦГА МАССР, ф. 56, оп. 1, д. 3, л. 26.
[5] ГАТО, ф. 169, оп. 1, д. 5341, л. 181.
[6] Там же, проценты выведены автором.

ков. Если до войны в Темниковском уезде работницы-поденщицы получали на 26,6% ниже платы мужчин, то в 1915 году — уже на 30%[1]. То же самое было и в других уездах. Например, в Спасском уезде в 1915 году плата поденщицы в страдную пору составляла 67% платы мужчин, а в остальное время — 50%[2]. Только за счет этого поденщики получали немалую прибыль, так как во время войны основную массу наемных сельскохозяйственных рабочих составляли женщины и подростки. Таким образом, изменение полового и возрастного состава работников приносило помещикам большие выгоды.

Наряду со снижением уровня оплаты труда помещики ухудшали питание работников на «харчах хозяина». Они бесконтрольно увеличивали цены на продукты, а норму расхода на питание оставляли прежней. Поэтому количественно и качественно питание значительно ухудшилось. Но, несмотря на это, наем рабочих на «харчах хозяина» во время войны получил большее распространение, чем до войны. Это можно объяснить усилением продовольственного кризиса, безудержным ростом цен на продовольственные товары.

В годы войны перед помещичьим хозяйством остро встал вопрос о тягловой силе. В довоенное время помещики широко практиковали наем на сезонные работы работников с лошадью, то есть использовали тягло крестьян. Мобилизация крестьянских лошадей на войну, следовательно, поставила помещиков в затруднительное положение. Мобилизация тягла происходила и из помещичьих хозяйств, хотя и меньше, чем из крестьянских. Помещики, используя свое господствующее положение, перекладывали всю тяжесть военно-конской повинности на крестьян. По правилам военно-конской повинности у крестьян отбиралась последняя лошадь, а помещики отдавали половину, если лошадей было четное число, и меньшую, если поголовье лошадей нечетное. Поэтому в годы войны помещики находились в лучшем положении, чем крестьяне.

Обеспечение рабочим скотом крестьянского и помещичьего хозяйства Мордовии показывают следующие данные за 1917 год[3].

Таблица 3

	Хозяйства	
	крестьянские	частновладельческие
Лошадей в рабочем возрасте	176727	5357
Посевная площадь	802630	34970
Лошадей на 100 дес. посева	21,9	15,3

[1] ГАТО, ф. 169, оп. 1, д. 5341, л. 181, проценты подсчитаны автором.
[2] Там же, ф. 168, оп. 32, д. л. 19 проценты подсчитаны автором
[3] Поуездные итоги переписи 1917 г., стр. 82—84, 106—108, 114—120.

Табличка показывает, что у крестьян было в 1,4 раза больше лошадей, чем у помещиков. Но если иметь в виду их качество, то помещики находились в лучшем положении. К тому же в помещичьих имениях в большем количестве использовали волов[1]. Убыль рабочих рук и сокращение поголовья лошадей привели к сокращению найма не только пеших рабочих, но и рабочих с лошадьми. Если недостаток рабочих рук помещики возмещали трудом военнопленных и беженцев, то для пополнения же тягловой силы подобного резерва не было. Следовательно война особенно отразилась на таких помещичьих хозяйствах, которые вели свои хозяйства полукрепостнически, ориентировались на крестьянские отработки.

Во время войны помещичьи хозяйства России в целом и Мордовии в частности значительно хуже снабжались сельхозинвентарем. Однако царское правительство, проводя политику сохранения помещичьих хозяйств, поставило их в лучшее положение по сравнению с крестьянами. Тот инвентарь, который производился в России, в первую очередь продавался помещикам[2]. Им отпускались необходимые материалы для ремонта машин. В силу этого помещичьи хозяйства не испытывали острой нужды в сельхозмашинах. Тогда как 96,9% крестьянских дворов по данным переписи 1917 года в Спасском и Темниковском уездах не имели их[3]. Концентрация машин на единицу посевной площади в этих уездах выглядит так[4]:

Таблица 4

(На одну машину в десятинах)

	У помещиков	У крестьян	Во сколько раз
На 1 плуг	19,1	78,4	4,1
На 1 сеялку	83	2872	37
На 1 косилку	195,6	7043 6	3
На 1 жнейку	119	1408 7	11
На 1 молотилку	124	799,6	6

Несмотря на такое превосходство новых орудий в помещичьем хозяйстве, все же было их мало. Такого количества машин было

[1] По данным переписи 1917 года в составе рабочего скота в частновладельческих хозяйствах Мордовии было 4,1% волов, а крестьянских — 0,0!%. (Поуездные итоги... стр. 83, 87, 107, 115, 119).
[2] А. М. Анфимов Российская деревня в годы первой мировой войны (1914—февраль 1917). М., 1962. стр. 136.
[3] Подсчитано по данным поуездных итогов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи в 1917 году. Труды ЦСУ т. V, вып. II, М., 1923 г., стр. 116—121.
[4] Подсчет автора по данным поуездных итогов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи в 1917 году. Труды ЦСУ, т. V, вып. II, М., 1923 г., стр. 116—121.

явно недостаточно для рационального ведения хозяйства, особенно мало было сеялок, косилок, жнеек.

Мы не располагаем данными о купле-продаже минеральных удобрений в Пензенской, Симбирской, Тамбовской губерниях. Помещичьи хозяйства испытывали нужду и в органических, что вызвано было сокращением количества скота. В годы войны в помещичьем хозяйстве произошли глубокие изменения, которые требовали перестройки помещичьего земледелия и всего хозяйства в целом. Это диктовалось также экономическими и политическими условиями военного времени. Однако перестроить хозяйство, приспособить его к новым условиям помещики в массе своей не смогли. Помещичье земледелие, несмотря на значительную поддержку царского правительства, приходило к расстройству. Посевные площади резко сократились.

Если в 1914 году посевная площадь частновладельческих хозяйств Темниковского и Спасского уездов равнялась 22746 десятинам[1], то в 1916 году она сокращается до 12746 десятин[2], или составляла 52,9% к посеву 1914 года.

Изменения посевной площади по различным культурам в 1914—1916 гг. показывает таблица 5[3].

Таблица 5

Культуры	Посевная площадь, дес		Уменьшение или увеличение	
	1914	1916	дес.	%
Продовольственные	10563	4795	— 5768	— 59,3
Крупяные	1322	242	— 1080	— 81,7
Бобовые	607	51	— 556	— 91,6
Овес	7209	4117	— 3092	— 42,9
Картофель	3455	1315	— 2140	— 61,9
Свекла	3	—	— 3	—100
Бахчевые	—	7	+ 7	+100
Волокнистые	—	22	+ 22	+100
Кормовые травы	—	1923	+ 1923	+100
Итого:	22746	12746	—10694	— 47,1

Как видим из таблицы 5, посевные площади особенно резко сократились под посевами бобовых и крупяных культур. В таблице ярко выражены изменения в структуре посевов. Если до войны вообще отсутствовали посевы трав, бахчевых и волокнистых культур (лен, конопля), то в годы войны они занимали большие

[1] ГАТО, ф. 26, оп. 4, д. 1919, лл. 4, 7—10.

[2] Тамбовское губернское земство. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года. Тамбов, 1916, стр. 15—21.

[3] ГАТО, ф. 26, оп. 4, д. 1919, лл. 4, 7—10 и Всероссийская перепись 1916 года. Тамбов, 1916, стр. 15—21. Взяты Спасский и Темниковский уезды.

площади. В 1916 году в Спасском и Темниковском уездах ими было занято 15,1% посевной площади.

Рассматривая изменения структуры посевов в годы войны, прежде всего видно уменьшение площадей под продовольственными культурами в основном за счет озимой ржи, гречихи, проса и картофеля. В целом по Мордовии в частновладельческих хозяйствах в 1913 —1915 гг. площади ржи уменьшились с 123774[1] до 56723 десятин[2], или на 45,8%. В годы войны посевы овса претерпели незначительное сокращение. Это объясняется тем, что его возделывание привлекало внимание помещиков небольшой трудоемкостью и неприхотливостью. Немаловажное значение имело и то, что во время войны царское правительство подняло цены на овес и этим обеспечило помещикам выгодный сбыт его для нужд армии. Постановлением министра земледелия от 9 сентября 1916 года твердая цена пуда овса в Пензенской губернии была установлена в 158 копеек[3], или на 202,6% выше цены 1913 года, тогда она равнялась 52,2 копейки. Цена же ржи за эти годы поднялась с 68,9 копейки[4] до 152 копеек[5], или на 120,6%. Расчеты показывают, что цена на рожь поднялась в 2,2 раза, а на овес в 3,2 раза. Завышение цен на овес сравнительно с ценами на рожь и пшеницу было одним из многих причин возникшего продовольственного кризиса в стране, в том числе и в Мордовии.

Структура посевных площадей в помещичьих хозяйствах Мордовии как до, так и во время войны главным образом отражала стремление помещиков получить максимальные прибыли при наименьших затратах труда и капитала и за счет постоянного усиления эксплуатации тружеников деревни.

В 1915 и 1916 годах такое сокращение посевной площади компенсировалось хорошими урожаями. В 1915 году урожай был высок во всех помещичьих хозяйствах Мордовии. Так, урожай ржи в среднем у всех помещиков по Мордовии в 1913 году был равен 60,1 пуда[6] с десятины, а в 1915 году —76,6 пуда[7]. Для показа движения урожайности в годы войны в помещичьих хозяйствах Мордовии мы приводим пример по Темниковскому уезду[8].

Рост урожайности объясняется исключительно благоприятными погодными условиями. Он позволил помещикам увеличить вало-

[1] Урожай 1913 года Европейской и Азиатской России, вып. 1, изд. ЦСК МВД, СПб., 1913, стр. 8, 9, 28, 29, 44, 45.

[2] Там же, СПб., 1916, стр. 8—9, 22—23, 38—39.

[3] ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 2020, лл. 19—24.

[4] «Вестник Пензенского земства», 1913, № 2, стр. 924—925.

[5] ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 2020, лл. 19—24.

[6] Урожай 1913 года в Европейской и Азиатской России, вып. 1, изд. ЦСК МВД, СПб, 1913, стр. 8, 9, 28, 29, 44, 45.

[7] Урожай 1915 года... стр. 8, 9, 22, 23, 38, 39. Средний урожай ржи в помещичьих хозяйствах выведен по Инсарскому, Саранскому, Ардатовскому, Краснослободскому, Наровчатскому, Темниковскому и Спасскому уездам.

[8] Краткий сельскохозяйственный обзор Тамбовской губернии в 1914 году. Тамбов, 1918, стр. 25; Краткий обзор... в 1915 году Тамбов, 1916, стр. 21; Краткий обзор... в 1916 году. Тамбов, 1917, стр. 25.

Таблица 6

Урожайность Темниковского уезда

Годы	Урожай важнейших культур в пудах с десятины			
	рожь	овес	просо	картофель
1914	46,1	25,5	20,2	345
1915	59	54,5	49,3	749
1916	64,4	44,7	67	390

вые сборы хлебов. Мы приводим эти данные по Краснослободскому уезду в пудах[1].

Таблица 7

Годы	Ржи	Пшеницы	Гречихи	Овса	Проса	Чечевицы	Гороха	Картофеля	Всего
1914	97650	170	468	52920	9023	87	370	127625	288313
1916	426049	890	2180	80084	32635	—	1230	141333	684401
				в процентах					
1914	100	100	100	100	100	100	100	100	100
1916	436	523	466	113	362	—	332	111	207

Мы должны оговориться, что в 1914 году во всех уездах Мордовии был неурожай. Данных о посевах и урожайности в 1913 году у авторов не имеется. Однако, судя по урожайности ржи, можно утверждать, что валовой сбор хлебов в 1916 году был ниже чем в 1913. В уездах Мордовии в 1913 году валовой сбор ржи равнялся 8829492 пудам[2], а в 1915 году — 4299065 пудам[3], или составил 47,8% сбора 1913 года. До войны помещичье хозяйство большое количество хлеба расходовало на потребление и во внутридеревенском обороте. Во время войны помещики сократили внутрихозяйственные расходы хлеба в связи с уменьшением количества скота, прекращением винокурения, до минимума свели продажу зерна местным крестьянам, предпочитая продавать хлеб крупными партиями городам, монастырям и военному ведомству, получая при этом большие прибыли.

Царское правительство устанавливало закупочные цены, исходя из интересов помещиков, однако даже таким образом установленные цены не удовлетворяли последних. Помещики стремились к дальнейшему повышению цен. Они воздерживались от продажи хлеба и добивались того, что царские чиновники, удовлетворяя их, вновь поднимали закупочные цены. Темниковский уездный

[1] ГАПО, ф. 11, оп. 1, д. 1758, л. 78; ф. 9, оп. 2, д. 763, л. 92.

[2] Урожай 1913 года в Европейской и Азиатской России, вып. I, изд. ЦСК МВД, СПб., 1913, стр. 8, 9, 28—39, 44—45.

[3] То же за 1915 год, стр. 8, 9, 22—23, 38—39.

исправник в своем отчете о настроении населения в октябре 1916 года писал Тамбовскому губернатору, что «крупные землевладельцы установленные твердые цены на хлеб находят низкими и поэтому воздерживаются от продажи хлеба»[1] на нужды армии.

У нас не имеется подробных данных о продаже хлеба помещиками во время войны, чтобы определить его товарность. Мы ограничиваемся лишь неполными сведениями о поступлении зерна в хранилища на территории Мордовии. Из урожая 1914 года на элеваторы в Саранске и Торбееве поступило 911989 пудов ржи. Из всего количества хлеба землевладельцы поставили 7288 пудов, или 0,8%; крестьяне — 3459 пудов, или 0,5%; торговцы — 181727 пудов, или 19,9%; остальные — 719515 пудов, или 78,8%[2]. Как видно из этих данных, помещики поставили незначительную часть своего хлеба в государственные хранилища.

Многочисленный фактический материал говорит о том, что помещики в Мордовии продавали хлеб на свободном рынке по спекулятивным ценам. Управляющий имением Русенова в Темниковском уезде 5 июня 1916 года продал Саровскому монастырю ржи 2042 пуда и овса 4996 пудов[3], а дворянка А. Д. Травина 8 февраля 1916 года продала этому же монастырю 100 пудов пшена по 3 рубля 20 копеек за пуд[4], тогда как такса на пшено была равна 2 рублям и 80 копейкам за пуд[5]. Факты эти можно было продолжить. Но и приведенные красноречиво говорят о том, что большую часть своего хлеба помещики предпочитали сбывать по спекулятивным каналам, минуя закупки по твердым ценам.

Анализируя помещичье хозяйство в годы первой мировой войны, необходимо дать характеристику состояния животноводства. Помещики были поставлены правительством в льготное положение при реквизиции скота и мобилизации лошадей. По правилам поставки скота на нужды армии, выработанным 20 марта 1916 года Совещанием председателей уездных земских управ Симбирской губернии, говорилось, что каждое частное владение, имеющее более 7 голов скота по реквизиции 1916 года, должно поставить не более 14% налично взрослого скота[6]. Несмотря на это, в помещичьих хозяйствах Мордовии было мало скота. В 1916 году на одно частновладельческое хозяйство приходилось в среднем 7,2 коровы, 23,7 овцы и 7,8 свиньи[7]. По переписи

[1] ГАТО, ф. 4, оп. 123, д. 289, л. 15.

[2] Статистический обзор деятельности зернохранилищ за хлебную кампанию 1914—1915 гг., ч. II, Пг., 1917, стр. 11.

[3] ЦГА МАССР, ф. 1, оп. 1, д. 1371, л. 336.

[4] Там же, л. 69.

[5] ГАУО, ф. 76, оп. 2, д. 2020, л. 24.

[6] «Симбирский хозяин», 1916, № 4, стр. 2—3.

[7] Выведены по данным предварительных итогов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1916 года. Вып. 1, Европейская Россия. Поуездные, погубернские и порайонные итоги. Пг., 1917 г., стр. 52, 58, 70, 88, 94, 55, 73, 91, 97.

1917 года на территории современной Мордовии 202 частновладельческих хозяйства не имели совершенно скота, 217 хозяйств были без коров[1].

Однако средние цифры скрывают большие различия в обеспеченности скотом разных по размерам хозяйств. У княгини Н. М. Гагариной только в имении при селе Такмак было 700 овец и 100 голов крупного рогатого скота[2]. В имении Новосильцевой М. А. и Новосильцева Ю. Ю. на июнь 1917 года насчитывалось 229 голов крупного скота, 60 овец и 24 свиньи[3]. Следовательно, война затрагивала главным образом мелких и средних помещиков.

Говоря об арендных отношениях, укажем, что до войны основными арендаторами частновладельческих земель была малоземельная беднота. Она арендовала землю небольшими участками. Мобилизация прежде всего отразилась на аренде этой части крестьянства, что повлекло за собой снижение арендной платы.

Арендная плата снижалась повсеместно, но более всего там, где преобладала денежная плата. В годы войны растет дороговизна хлебов, что приводило к падению реальной цены аренды. Здесь следует иметь в виду то, что и в войну не все платежи вносились деньгами. И в это время сохранялись испольщина, отработки, «верхи», которые компенсировали потери помещиков от денежной арендной платы. Например, и во время войны население Усть-Пырцы Спасского уезда за аренду 211 десятин пашни помещика Хохлова вносило ежегодно по 2640 рублей деньгами, по 225 пудов ржи, 150 пудов овса, 25 телег ржаной соломы и 30 телег овсяной соломы натурой[4]. Поэтому, даже в результате инфляционного обесценения фиксированного в договоре денежной арендной суммы, Хохлов не терпел убытка из-за роста дороговизны ржи, овса, соломы.

Во время войны помещики возмещали убытки от сокращения аренды и арендных платежей залогами и перезалогами своих имений. Они, являясь плательщиками взносов земельным банкам, были заинтересованы в понижении курса рубля, который к их выгоде упал к началу 1917 года на 398%[5]. Следовательно, падение реальной ценности арендных платежей не приносило убытков помещикам. А их долги банкам снизились в четыре раза.

Залог земли получил широкое распространение еще до первой мировой войны. В этом сказывалась трогательная забота царского правительства, принимавшего разнообразные меры для поддержания рушившегося помещичьего землевладения. Крупными учреждениями ипотечного кредита, которые выдавали помещикам Мордовии ссуды, были Московский, Азовский, Нижегородско-Самарский земельные банки. Но особую заботу о дворянском землевладении России в целом и Мордовии в частности проявлял Государственный дворянский земельный банк.

О распространении залога земли в Государственном дворянском банке помещиками Мордовии говорят данные по Ардатовскому уезду. В этом уезде на 1 января 1914 года было 43 залога с общей площадью земли в 7915 десятин. Сумма ссуды под залог этой земли равнялась 217684 рублям[1].

Во время войны залоги земель приняли массовый характер. В 1915 году в 4 губерниях[2], части которых составили современную Мордовию, было заложено 97 имений с площадью в 190084 десятины пашни, лугов и лесов[3]. Обычным явлением стали перезалоги имений в Дворянском банке. Так, если в вышеназванных губерниях по первоначальному залогу в 1915 году было заложено 12 имений с площадью в 5877 десятин[4], то по перезалогу — 33 имения с 76832 десятинами земли[5], т. е. перезалог более чем в 13 раз превышает залог земли. Как видим, Дворянский банк из ипотечного учреждения превратился в благотворительное учреждение, готовое в любую минуту прийти на помощь помещикам.

О залоге имений помещиков на 1 января 1916 года в Государственном дворянском банке говорят цифры таблицы 8[6].

Таблица 8

Уезды	Количество имений	Площадь земли в десятинах
Ардатовский	43	7791
Инсарский	59	23539
Краснослободский	15	2513
Наровчатский	37	10706
Саранский	54	14617
Спасский	25	6335
Темниковский	24	16146
Итого:	257	81647

Заложенные помещиками земли составляли огромную площадь. В некоторых уездах, например в Темниковском, где по данным 1914 года числилось 28752 десятины[7], было заложено более

[1] Подсчитано по поуездным и порайонным итогам Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Труды ЦСУ т. 5, вып. II, М., 1923, стр. 86—89, 106—109, 114—121.
[2] ГАПО, ф. 6, оп. 1, д. 10389, л. 71.
[3] ГАПО, ф. 168, оп. 32, д. 75, л. 6.
[4] ГАПО, ф. 168, оп. 32, д. 39, л. 7, 8.
[5] А. М. Анфимов. Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962, стр. 156.

[1] ГАУО, ф. 125, оп. 1, д. 1219, л. 3.
[2] Нижегородская, Симбирская, Тамбовская и Пензенская.
[3] ГАПО, ф. 14, оп. 1, д. 1674, лл. 6, 10, 16, 40, 41, 44.
[4] Там же, лл. 6, 10, 16.
[5] Там же.
[6] ГАУО, ф. 125, оп. 1, д. 1219, л. 37 и ГАПО, ф. 14, оп. 1, д. 1674, лл. 9, 14, 23, 24.
[7] ГАТО, ф. 161, оп. 141, д. 5, л. 40.

половины (56%) дворянских земель. Отдельные заемщики накапливали недоимки в десятки и даже сотни тысяч рублей. По сведениям, относящимся к годам войны, недоимки имели: Андроновы (Инсарский уезд) —43800 рублей[1], Глебовы (село Ключерево, Саранский уезд) —50077 рублей[2], дворянка Бакулина —52745 рублей[3], Г. С. Унковский —72673 рубля[4], Аранов А. А., имевший в залоге Донского земельного банка 5269 десятин, был должен 563679 рублей[5]. Случаи описи и продажи с молотка имений должников банкам были весьма редки. Дворянский поземельный банк тормозил мобилизацию дворянской земли, способствовал сохранению крупных латифундий. Мы не имеем данных перехода дворянских земель в другие руки по уездам Мордовии, поэтому ссылаемся на факты из губерний, куда они входили. Так, по данным на 1 января 1915 года, из 69036 десятин[6], заложенных в Дворянском банке по Пензенской губернии, перешло в другие руки только 4713 десятин[7], или 6,8% всей заложенной земли.

Во время войны случаи продажи имений еще больше сокращаются. Несмотря на войну, требующую огромных расходов, и крайнюю нужду в деньгах Министерство финансов находило средства для продления долгов дворян банкам. Министр финансов П. Л. Барк сообщал некоторым заемщикам банка, что «преподаны соответствующие указания Государственному дворянскому земельному банку, который по ходатайствам отдельных заемщиков всецело пойдет им навстречу представлением в настоящих случаях нужных отсрочек»[8]. Некоторые помещики домогались о причислении срочных платежей к капитальному долгу. Ненужность этой операции следующим образом разъяснил управляющий Дворянским и Крестьянским банком А. Карцов. Он писал, что заемщики, уплатившие ноябрьский взнос 1913 года, могут получить рассрочку майского и ноябрьского платежей в 1914 году. Платеж наступит только 1 мая 1915 года, но заемщик имеет льготный срок до 1 ноября 1915 года. За неуплату взносов и в этот срок имение может назначено в продажу только в апреле 1916 года. Владельцы имений, которые имеют большие долги, должны иметь в виду, что «названный банк, относясь с обычной отзывчивостью к нуждам своих заемщиков, не остановится и при настоящих условиях перед испрошением в уважительных случаях особых разрешений к отмене продажи таких имений»[9]. Такими льготами широко пользовались и дворяне Мордовии. Об этом говорят такие данные. Объявления о продаже

[1] ГАТО, ф. 169, оп. 1, д. 5081, л. 240.
[2] Пензенские ведомости» от 14 октября 1914 года.
[3] Там же.
[4] Там же, от 15 октября 1914 года.
[5] «Симбирские губернские ведомости» от 28 сентября 1916 года.
[6] ГАПО, ф. 14, оп. 1, д. 1674, лл. 16, 44.
[7] Там же.
[8] А. М. Анфимов. Указ. соч., стр. 171.
[9] Там же стр. 172.

имений с молотка обычно освещались в официальных губернских газетах. В октябре 1914 года был опубликован список имений неисправных заемщиков Московского и Дворянского земельных банков по Пензенской губернии, подлежащих продажи с молотка[1]. После этого объявления вплоть до Февральской революции подобных публикаций не было. Помещики, пользуясь льготами, могли не бояться потери своих имений.

Залог земли — наиболее яркое экономическое проявление и следствие паразитизма помещиков, чему во многом способствовала политика царского самодержавия.

Во время войны росли недоимки помещиков не только банкам, но и по частной дворянской повинности и земским сборам. В Симбирской губернии, куда входил Ардатовский уезд, в ноябре 1912 года недоимки дворян по частной дворянской повинности составляли 73084 рубля, а к 1 декабря 1915 года они составили 101254 рубля[2]. Дворяне Тамбовской губернии в ноябре 1915 года имели сумму недоимок по дворянским сборам в 160 тысяч рублей[3]. Часть этой суммы числилась в недоимках на дворян Темниковского и Спасского уездов Мордовии. Губернский предводитель дворянства ввиду слабого поступления недоимок и сборов даже обращался 21 декабря 1915 года к губернатору с просьбой «о принятии возможных мер к понуждению неисправных плательщиков»[4].

Росли задолжности помещиков Мордовии и по земским сборам. В Темниковском уезде в феврале 1915 года недоимки земского сбора с помещичьих хозяйств составляли 57433 рубля[5], сбора с земли —13543 рубля[6], в Спасском уезде недоимки помещиков по земскому сбору с недвижимого имущества достигали к февралю 1915 года 18449 рублей[7]. Недоимки помещиков по земским сборам тяжким бременем ложились на плечи крестьян. Земцы нуждались в средствах, увеличивали земские сборы с крестьянской земли. Таким образом, недоимки частных владельцев перекладывались и взыскивались с крестьян, с которыми можно было меньше считаться при взыскивании сборов.

В помещичьем хозяйстве Мордовии в годы первой мировой войны произошли те же изменения, что и в помещичьем хозяйстве всей России. Война остро поставила перед помещиками проблему рабочих рук и тягла. Военнопленные и беженцы не могли возместить их убыль. Сокращение рабочих рук, уменьшение тягла повлекли за собой снижение посевных площадей. Во время войны процесс мобилизации дворянского землевладения был затормо-

[1] «Пензенские губернские ведомости» от 14 и 15 октября 1915 года.
[2] Газета «Симбирянин», 1916, 17 января.
[3] ГАТО, ф. 2, оп. 137, д. 105, л. 39.
[4] Там же.
[5] Там же, д. 108, лл. 76—85.
[6] Там же, лл. 87, 88.
[7] К. Воробьев. Аграрный вопрос в Симбирской губернии. Симбирск, 1917, стр. 31.

жен деятельностью Дворянского банка. Однако все меры поддержки дворянского землевладения не могли полностью его остановить. Некоторые сокращения дворянского землевладения все-таки имели место. Например, по Ардатовскому уезду, по данным раскладок земского сбора, земли помещиков-дворян в 1916 году по сравнению с 1915 годом сократились с 31659 десятин[1] до 27536 десятин, или на 13%.

[1] Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1915 год. Симбирск, 1917, стр. 139.

Л. Г. ФИЛАТОВ

К ИСТОРИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ПЕРВЫХ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ РОССИИ (1903—1907 гг.)

История большевистских организаций железнодорожников России еще не получила должного освещения в исследованиях советских историков. Более того, так определенно и непосредственно даже не ставился этот интересный и многогранный вопрос, хотя некоторые его аспекты рассматривались в отдельных работах и обобщающих монографиях[1]. Между тем правомерность и актуальность такой специальной постановки вопроса обуславливается целым рядом объективных факторов и специфических условий возникновения и деятельности большевистских организаций среди железнодорожников, некоторые важнейшие сюжеты которых и являются предметом данного сообщения в свете методологических положений В. И. Ленина.

В ленинской теории социалистической революции одно из важнейших положений занимают вопросы развития транспорта и особенно железнодорожного. Развивая дальше учение К. Маркса и Ф. Энгельса в условиях новой исторической эпохи, создавая свое учение об империализме, В. И. Ленин определил решающее место транспорта в сложном историческом процессе, раскрыл его огромное революционизирующее значение в развитии общественного производства и человеческого общества в целом. Без использования средств транспорта, подчеркивал В. И. Ленин, не может развиваться ни промышленность, ни сельское хозяйство; трудовая революционная и культурная деятельность людей также немыслима без пространственного перемещения, ибо средства транспорта являются общим условием всякого общественного прогресса: «транспорт, в особенности железнодорожный транспорт,— указы-

[1] М. В. Наумов. Из истории Омской организации РСДРП 1898—1903 гг. Омск, 1963; М. Бурабаев. Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Казахстане, Алма-Ата, 1965; В. А. Титок. Формирование и революционная борьба железнодорожного пролетариата Белоруссии во второй половине XIX — начале XX века. Минск, 1966; История коммунистических организаций Средней Азии, Ташкент 1967 г. и др.

вал В. И. Ленин,— самое крупное выражение капиталистического механизма, наиболее централизованно построенное на основе крупной материальной техники и наиболее необходимое для государства»[1]. «Желдороги,— делает вывод В. И. Ленин,— это итоги самых главных отраслей капиталистической промышленности, каменноугольной и железноделательной, итоги и наиболее наглядные показатели развития мировой торговли и буржуазно-демократической цивилизации»[2].

В свете этих ленинских методологических положений об особой специфической роли железнодорожного транспорта особо важное значение приобретает изучение истории большевистских организаций железнодорожников, возглавлявших борьбу большого отряда трудящихся России против царизма и империалистической буржуазии не только на одном из главнейших, но и связующих рубежей российского империализма.

Вследствие чего от уровня и организованности революционного движения железнодорожников, от их активности и решительности нередко, указывает В. И. Ленин, зависит развитие революционной борьбы пролетариата других профессий, весь ход событий на данном этапе. Особенно это четко проявляется, отмечал В. И. Ленин, в период назревания всеобщих стачек и вооруженных восстаний[3].

В силу вышеназванных обстоятельств на железных дорогах России и революционное движение развивалось более динамично и остро, когда даже забастовка «неизбежно будет означать в большинстве случаев — прямое и непосредственое столкновение с вооруженной силой»[4]. В условиях нарастания революционного движения в стране, заключает В. И. Ленин, «железнодорожная забастовка *есть* восстание, это неоспоримо после декабря»[5]. Имеется в виду декабрь 1905 года.

Такова первая группа объектных условий, в значительной степени влияющая на многогранный процесс возникновения и становления первых большевистских организаций среди железнодорожников России.

Вместе с тем транспорт выступает в качестве самостоятельной страсли общественного производства. «Кроме добывающей промышленности, земледелия и обрабатывающей промышленности,— писал К. Маркс,— существует еще четвертая сфера материального производства... Это — *транспортная промышленность*, все равно, перевозит ли она людей или товары»[6]. В условиях царской России эпохи империализма среди всех видов транспорта, указывал В. И. Ленин, решающее значение принадлежало

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 140.
[2] Там же, т. 27, стр. 304.
[3] Там же, т. 13, стр. 316—317.
[4] Там же, стр. 317.
[5] Там же.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. I, стр. 422.

железным дорогам. На их долю в 1913 году приходилось 74% всех грузов, перевозимых в стране. Железные дороги представляют собой одну из командных высот в экономике царской России, они являлись сферой приложения громадных капиталов и были впечатляющим показателем быстро развивающегося российского империализма. Накануне первой мировой войны в железные дороги страны ежегодно вкладывалось 200—300 млн. руб., они поглощали капитала почти в тех же размерах, что и промышленность. Так, с 1903 по 1913 год в железнодорожный транспорт было вложено 2002 млн. руб., в промышленность — 2230 млн. руб.[1].

Анализ этой стороны развивающегося железнодорожного транспорта России убедительно говорит об огромной важности **непосредственного объёма атаки** революционной борьбы железнодорожников под руководством партии Ленина.

О целесообразности специальной постановки и изучения вопроса о возникновении и деятельности большевистских организаций железнодорожников говорят особенности роста и формирования значительной армии работников железнодорожного транспорта России. Определим наиболее существенные из них.

В России эпохи империализма стремительно увеличивалось число железнодорожников. Подобного прироста рабочей силы не знала тогда ни одна другая отрасль экономики: с 1860 по 1913 год численность рабочих фабрично-заводской и горно-заводской промышленности выросла с 800 тыс. до 3,1 млн., или почти в 4 раза, а число железнодорожников — с 11 тыс. до 815 тыс., или в 74 раза[2].

Необходимо подчеркнуть, что особенно бурный рост количества железнодорожников падает на предреволюционный период — 1895—1904 гг. В 1895 году в России было 344 тыс. железнодорожников, а в 1905—751,2 тыс.[3], т. е. более чем в два раза. Наиболее высокие темпы прироста в рассматриваемые годы приходилось на железные дороги Сибири, Казахстана и Средней Азии или, как говорили в дореволюционное время, в Азиатской России, где в 1898 году было всего 24,6 тыс. железнодорожников, а в 1907 — уже 103,5 тыс.[4], т. е. больше чем в 4 раза.

Следовательно, в период возникновения большевизма в России быстро вырос большой отряд железнодорожников и повысился, по нашим подсчетам, примерно в 2 раза его удельный вес в общей массе рабочего класса страны, что значительно

[1] С. Г. Струмилин. Статистико-экономические очерки. М., 1958, стр. 622—623.
[2] А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. М., 1958, стр. 172.
[3] Там же, стр. 120—122
[4] Там же, стр. 123.

расширило базу зреющей революции и увеличило число её передовых борцов, объединявшихся в первые большевистские организации железнодорожников.

Но необходимо учитывать, что в то время это был еще молодой незрелый в классовом отношении отряд трудящихся России, находившийся в стадии формирования, что существенным образом осложняло и замедляло процесс возникновения и становления большевистской организации на транспорте.

В этом же направлении действовало и то немаловажное обстоятельство, что на железных дорогах царской России, особенно в начале 900-х годов, наблюдалась небывалая текучесть рабочей силы, когда ежегодно с железных дорог уходило в поисках лучшей работы в среднем 30—50% железнодорожников[3], а иногда даже 70—90%[4].

Пытаясь затормозить рост революционного движения на железнодорожном транспорте, царское правительство и империалистическая буржуазия интенсивно внедряли в среду железнодорожников бывших солдат и унтер-офицеров царской армии, вербуя, разумеется, наиболее реакционную часть, как тогда говорили, «старых служак». В рассматриваемое время прослойка этой явно инородной массы на железных дорогах России достигала примерно 20—30%, нередко поднимаясь и выше: на Северо-Донецкой дороге солдат было 33%, Средне-Азиатской — 34, Закавказской — 34,5, Сибирской — 34, Николаевской — около 40% и т. д.

Такого значительного процента бывших солдат не было среди рабочих других отраслей экономики России[5], что, естественно, усложняло возникновение большевизма на транспорте.

Наконец, нельзя не учитывать в этом отношении и того фактора, что огромная армия железнодорожников представляла собой весьма разнообразный и отчасти разнородный в социальном разрезе контингент работников, что В. И. Ленин в целом характеризовал его как полупролетариат[6], выделяя среди него пролетарский костяк железнодорожных мастерских и депо. Не имея возможности в рамках данного небольшого сообщения проанализировать эту сторону вопроса, все же отметим, что все железнодорожники России делились, во-первых, на постоянных, временных и поденных; во-вторых, на рабочих и служащих; в-третьих, на железных дорогах России была очень велика прослойка служащих, высокооплачиваемая часть которых вербовалась за счет мелкой и средней буржуазии и дворянства, хотя подавляющую часть всех железнодорожников составляли вчерашние крестьяне.

[1] «Железнодорожная неделя», 1900, № 10, стр. 147—151; «Железнодорожник», 1905, № 84, стр. 12; Центральный государственный архив Октябрьской революции (далее ЦГАОР), ф. 6865, оп. 1, д. 282, лл. 1—2.

[2] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (далее ЦГИА), ф. 229, оп. 5, д. 15, лл. 3, 6, 10.

[3] ЦГИА, ф. 229, оп. 5, д. 16, лл. 19 об.—20, 29, 30, 39—40 об., 53—54; 93—94.

[4] А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 128, 180, 216.

[5] Материалы по рабочему движению на железных дорогах до 1905 г. М.—Л., 1925 г., стр. 31, 39.

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 76.

Все это многообразие состава железнодорожников преднамеренно закреплялось еще большим разнообразием в социально-экономическом и правовом положении рабочих и служащих. Ни в одной отрасли народного хозяйства России не было в этом отношении такой обширной градации и разобщенности, как на транспорте, где самый низкий оклад рабочего железнодорожника равнялся в месяц 3 руб., а высший — 120 руб., где низшие категории служащих зарабатывали 18—22 руб., а высшие — 400—600 руб.[1].

Но действовали в период возникновения большевизма на железнодорожном транспорте и противоположные по своему влиянию и значению обстоятельства — факторы, способствующие и ускоряющие этот процесс.

Так, быстрое развитие железнодорожного строительства привело к появлению нового типа населенных пунктов — железнодорожных станций. Динамика роста их была просто стремительной: в 1895 году на железных дорогах России (без Финляндии и Закаспия) было 2694 станций, а в конце 1913 — уже 11683[2], т. е. в 4 раза больше. Обычно железнодорожные станции возникали в черте городов, около промышленных местечек, сел и деревень. Но многие из них строились на незаселенных местах, создавая новые очаги жизни, труда и революционной борьбы. По нашим подсчетам, такие станции составляли около 36% всех железнодорожных станций России[3]. Особенно много их появилось в Сибири, Средней Азии и Казахстане: на Сибирской железной дороге в 1913 году было 453 пассажирские и грузовые станции, Средне-Азиатской — 126, Ташкентской — 265 и т. д.[4].

В этих слаборазвитых в экономическом отношении огромных районах России с очень незначительным числом небольших городов железнодорожные станции начинали играть ведущую экономическую, культурную и политическую роль. Особенно велико в этом отношении было значение крупных узловых станций, где действовали депо и мастерские: на Средне-Азиатской железной дороге — Черняево, Горчаково, Джебел; Ташкентской железной дороге — Арысь, Берказан, Богатое, Дарбаза; на Сибирской железной дороге — Курган, Инокентьевская, Тайга, Зима, Иланская и др. Большое значение играли

[1] Материалы по рабочему движению на железных дорогах до 1905 г. М.—Л., 1915 г., стр. 41—42; ЦГАОР, ф. 6865, оп. 1, д. 219, лл. 6—7, 14, 16.

[2] Статистический сборник МПС, вып. 46, СПб., 1896, стр. 2; вып. 141, таблица 1-А, стр. 37, 57.

[3] Список станций Российских железных дорог в алфавитном и географическом порядке их расположения. СПб., 1908, стр. 1—186.

[4] Статистический сборник МПС, вып. 141, таблица 1-А, стр. 33, 37, 57.

железнодорожные станции в экономической и политической жизни Белоруссии, Украины, Среднего Поволжья.

Такое растущее значение железнодорожных станций в целом по стране объясняется также спецификой их положения: они имели постоянную связь с крупными городами, промышленными, культурными и революционными центрами, что повышало ритм их трудовой и революционной жизни, быстро ставило их население в курс современных событий, повышало возможность для политического воспитания трудящихся. Постоянная связь между станциями способствовала росту идей сплочения и единства, а в национальных и многонациональных районах — пролетарского интернационализма. А в итоге все это способствовало росту революционного движения и возникновению большевизма.

В этом же направлении действовало и то обстоятельство, что среди железнодорожников, особенно отдаленных и окраинных районов России, было много высланных за революционную деятельность из Петербурга, Москвы, Н. Новгорода и других крупнейших революционных центров России, политических ссыльных. Так, в Сибири в 1905 году насчитывалось 300 тыс. ссыльных[1], многие из них работали на железнодорожном транспорте[2], являясь авангардом растущего здесь революционного движения, составляя костяк первых большевистских организаций. Аналогичная обстановка в этом отношении была в Средней Азии и Казахстане[3]. Большую роль политические ссыльные, работавшие на железных дорогах, играли и в жизни Среднего Поволжья, в промышленно отсталых районах Центра, где именно они явились основателями первых марксистских организаций, которые обычно вначале возникали в железнодорожных мастерских и депо[4].

В. И. Ленин, определяя объективные факторы развития революционного движения, указывал, что размах и динамика его роста зависит от величины предприятия[5]. Безусловна правомерность такого подхода и при изучении вопроса о возникновении первых большевистских организаций. В этой связи следует учесть, что во многих районах царской России железнодорожные мастерские и депо являлись наиболее крупными и современными промышленными предприятиями среди заводов и фабрик других отраслей промышленности.

Следует указать, что каждая железная дорога разделялась на участки длиной от 180 до 250—500 верст, в середине которых

[1] П. М. Головачев. Сибирь. М., 1905, стр. 221.
[2] ЦГИА. ф. 273, оп. 1, д. 149, лл. 10, 14, 16.
[3] Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1955, стр. 26, 27.
[4] Листовки тамбовских большевиков 1904—1907 годов. Сборник документов. Тамбов, 1949, стр. 4.
[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 400.

находились главные, а по концам оборотные депо для паровозов, насчитывающие, как правило, более 500 рабочих. Вдоль дороги располагались мелкие ремонтные депо, где концентрировались обычно до 100—150 рабочих[1]. Кроме того, на дорогах имелись крупные мастерские заводского типа, число которых также зависело от протяженности магистрали. Чтобы лучше представить значение этого фактора, напомним, что железнодорожная сеть России составляла в 1913 году 66082 версты (без Финляндии)[2].

Особенно велико было значение железнодорожных мастерских, бывших, по-существу, крупными заводами: в главных железнодорожных мастерских и депо г. Читы было свыше 3 тыс. рабочих; в Красноярске — 3,1 тыс., Омске — 3 тыс., свыше 2,5 тыс. рабочих было в мастерских г. Екатеринослава Екатерининской дороги и в г. Тифлисе Закавказской дороги; более 2 тыс. — в мастерских г. Уфы Самаро-Златоустовской дороги, г. Харькова Курско-Харьковско-Севастопольской дороги, г. Конотопа Московско-Киево-Воронежской дороги; около 2 тыс. было в г. Ростове Владикавказской дороги; свыше 1,5 тыс. в г. Коврове Нижегородской дороги, г. Киеве и г. Одессе Юго-Западной дороги; более 1 тыс. рабочих находилось в г. Гомеле Либаво-Роменской дороги, в г. Минске и г. Туле Курской дороги, в г. Пинске Полесской дороги, в г. Калуге Сызрано-Вяземской дороги, в г. Тамбове и г. Козлове Рязано-Уральской дороги, в г. Борисоглебске Юго-Восточных дорог. Большинство остальных железнодорожных мастерских имело обычно более 500 рабочих[3].

Анализируя эту сторону вопроса, для сравнения напомним, что на обширной территории царской России число рабочих на фабрично-заводских предприятиях было значительно меньшим: в Тамбовской губернии, например, в 1905 году на подавляющем большинстве заводов и фабрик было занято от 1 до 50 рабочих[4]. Еще больше впечатляющим было это различие в многонациональном Среднем Поволжье. Так, на территории современной Мордовии в 900-е годы имелось всего 40 промышленных предприятий полукустарного типа, на каждом из которых работало в среднем 15—35 человек[5]. Почти такая же картина наблюдалась и в Белоруссии: в 1900 году в г. Минске на одно предприятие приходилось 30, а в 1913 году — 38 рабочих; в этом крупнейшем городе Белоруссии было всего 69 небольших заводов и фабрик[6]. Слабо была развита промышленность и концентрация

[1] ЦГАОР. ф. 6865, оп. 1, д. 119, л. 16.
[2] Статистический сборник МПС, вып. 141, Петроград, 1916, стр. IX, X.
[3] ЦГИА. ф. 273, оп. 2, 1905, д. 527, лл. 8—10 об.; Революционное движение в Забайкалье 1905—1907 гг. Сборник документов. Чита, 1955, стр. 9 и др.
[4] Листовки тамбовских большевиков 1904—1905 гг., стр. 3.
[5] Н. И. Куприянкин. Революция 1905—1907 гг. на территории Мордовии. Саранск, 1942, стр. 31.
[6] История Минска. Минск, 1957, стр. 130.

рабочей силы и в целом по всей Белоруссии[1]. Средняя Азия, Казахстан и Сибирь дают в этом отношении еще более контрастные данные.

Всё это говорит о том, что во многих районах царской России, вступившей в эпоху развития империализма, железнодорожные мастерские и депо превосходили по своим размерам и концентрации рабочей силы местные заводы и фабрики, вследствие чего железнодорожные рабочие стали нередко выходить на авангардные позиции в растущем революционном движении, а мастерские и депо стали первыми опорными пунктами возникающих большевистских организаций среди железнодорожников России.

Естественно, что в различных районах огромной страны на этот сложный и многогранный процесс влияли в немалой степени и уровень социально-экономического и политического развития, местные и национальные особенности. Это также нами учитывается. К тому же берется во внимание удельчый вес железнодорожников в экономической и политической жизни каждого района, что нередко выпадало из поля зрения некоторых исследователей.

С учетом всех этих факторов делается попытка определить наиболее типичные районы России, где возникновение и становление большевизма среди железнодорожников носило ряд характерных черт и отличительных моментов.

Этот раздел данного сообщения необходимо начать с анализа условий в обеих столицах страны, игравших ведущее положение в революционном движении России, в возникновении и развитии большевизма в нашей стране.

Быстро развивалась первая столица Российской империи в период капитализма. Её рост еще более ускорился, когда она стала не только важнейшим промышленным центром, но и крупным железнодорожным узлом, связанным со всей страной четырьмя железными дорогами: Николаевской, Варшавской, Северной и Финляндской[2]. В 1900—1913 годы в Петербург по железным дорогам доставлялось от 30 до 40% и вывозилось от 21 до 42% всех грузов[3]. К 1913 году пригородные районы Петербурга обслуживались еще тремя дорогами местного значения: Царскосельской, Приморско-Сестрорецкой и Ириновской[4]. С ростом влияния железнодорожного транспорта в экономической жизни города увеличивалось и значение железнодорожников среди трудящихся. Так, по переписи 15 декабря 1900 года, в Петербурге насчитывалось 1418 тыс. жителей, из них 442358

[1] И. И. Салодков. Социально-экономическое положение в Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции (конец XIX— начало XX вв.) Минск, 1957, стр. 17.
[2] Очерки истории Ленинграда, т. 3, Ленинград, 1959, стр. 62.
[3] Там же.
[4] Там же.

человек было рабочих, из которых 18% составляли металлисты, 10,2%— рабочие по производству обуви и одежды, 9,9%— транспортные рабочие, в том числе и железнодорожники[1].

Железнодорожники Петербурга начали борьбу против царизма и империалистической буржуазии почти вместе с передовыми отрядами пролетариата столицы. Ленинский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» положил основание социал-демократии среди этой категории трудящихся Петербурга[2], что, к сожалению, не получило еще должного освещения в нашей исторической литературе.

В последующие годы железнодорожники сделали еще один шаг вперед в своем политическом развитии[3]. После того, как на II съезде РСДРП В. И. Ленин создал марксистскую партию в России, возникшие большевистские организации железнодорожников Петербурга энергично развернули свою деятельность в условиях стремительного нарастания революционного кризиса в стране.

В начале первой русской революции в связи с расширением сети большевистских кружков и ростом числа их членов ЦК РСДРП провел разукрупнение районных большевистских организаций. В марте 1905 года в наиболее крупных районах снова были созданы подрайоны. Городской район был разбит на 4 подрайона, Невский — на 3, в Васильеостровском районе был создан 1 подрайон.

Среди новых большевистских организаций появился и Александровский подрайон[4]. Её костяк составляли железнодорожники Александровского завода, бывшего главными мастерскими Николаевской железной дороги. Руководящим органом подрайона являлся подрайонный комитет, состоявший из организатора, секретаря и 8—12 представителей от кружков. Организаторами подрайона были в основном рабочие. В Александровском подрайоне им был И. И. Кондратьев[5]. Вся деятельность большевистских организаций железнодорожников направлялась ЦК РСДРП, возглавившем революционную борьбу трудящихся столицы, в авангарде которой шли металлисты.

Более заметную роль в революционном и социал-демократическом движении играли железнодорожники Москвы. И это было вполне закономерно, ибо здесь их удельный вес был гораздо больше. В Москве со всех концов страны сходились 9 крупнейших железнодорожных магистралей, превративших вторую столицу в самый большой железнодорожный узел страны. В 1903 году в

[1] Очерки истории Ленинграда, т. 3, Ленинград, 1959, стр. 113.
[2] Обзор важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях за 1895 и 1896 гг. СПб., стр. 53, 102, 115—116 и др.
[3] ЦГИА, ф. 273, оп. 12, д. 45, лл. 324—326.
[4] Очерки истории ленинградской организации КПСС, ч. 1, 1883 — октябрь 1917 гг. Л., 1962, стр. 137.
[5] Там же, стр. 137.

Москве железнодорожников насчитывалось уже около 200 тыс.[1], что составляло почти пятую часть всего её трудового населения. В растущем городе появились целые районы, например, Привокзальный, заселенный только железнодорожниками[2]. Железнодорожные мастерские входили в число крупных промышленных предприятий Москвы.

Первые большевистские организации железнодорожников возникли в Москве в 1903 году на базе социал-демократических кружков, история которых берет своё начало еще с времен «Московского рабочего союза». Одной из первых наиболее крупных и боевых в Москве являлась большевистская организация рабочих железнодорожников Московско-Казанской железной дороги, ядро которой составляли старые кадровые рабочие во главе с С. С. Белоруссовым. Осенью 1904 года в её состав влилась группа рабочей молодежи, среди которой заметно выделялся своей энергией и смелостью слесарь А. И. Горчилин[3].

Особо следует отметить, что вскоре на Московско-Казанской дороге образовалась большевистская ячейка железнодорожных служащих, работу которой возглавил Д. М. Котляренко[4]. Это была одна из первых большевистских организаций среди многочисленной части работников железнодорожного транспорта России. Объединение революционных усилий рабочих и служащих Московско-Казанской дороги в рамках одной сплоченной большевистской организации во многом предопределило успех её работы. Здесь часто проходили нелегальные сходки и собрания, в цехах мастерской работали кружки, велась решительная борьба с эсерами, которые вербовали себе сторонников среди машинистов[5].

К 1905 году большевистские организации действовали и на других магистралях Москвы. Уверенно налаживали свои связи с массами большевики Московско-Ярославской, Московско-Курской и Московско-Брестской железных дорог[6]. Крепла согласованность в работе всех большевистских организаций Московского узла.

Новый этап в развитии большевистских организаций железнодорожников Москвы открылся с началом первой русской революции. Он характеризовался значительным ростом большевистских рядов, расширением и активизацией всей работы. Если же говорить о качественных изменениях этого периода, то в первую очередь следует отметить образование весной 1905 года

[1] «Железнодорожная неделя». СПб., 1903, № 4, стр. 46—47.
[2] А. С. Нифонтов. Москва во второй половине XIX столетия. М., 1947, стр. 16—17.
[3] Архив Московско-Рязанской железной дороги (далее АМРЖД), д. 2896, лл. 3—5.
[4] АМРЖД, д. 2896, л. 11.
[5] АМРЖД, д. 3291, л. 6.
[6] Там же, лл. 19—20.

специального железнодорожного райкома большевистской партии, который должен был руководить борьбой рабочих и служащих всего Московского узла. Его представитель входил в состав МК РСДРП и Московский Совет рабочих депутатов.

По мере нарастания революции в стране крепло влияние большевистской партии среди железнодорожников Москвы. Повышалась их роль в общенародной борьбе против царизма и империалистической буржуазии. Большевики Московско-Казанской железной дороги под руководством МК РСДРП выступили 7 октября 1905 года застрельщиками всеобщей железнодорожной забастовки, которая переросла затем во Всероссийскую октябрьскую политическую стачку.

В период декабрьского вооруженного восстания в Москве большевистские организации железнодорожников решительно подняли на борьбу работников железнодорожного транспорта, создали одну из крупнейших боевых групп в Москве, превратили район Московско-Казанской железной дороги наряду с Пресней, Рогожско-Симоновским районом и Замоскворечьем в главный центр московского вооруженного восстания. Больше того, большевикам Московско-Казанской дороги удалось отчасти преодолеть локальность восстания и перенести вооруженную борьбу в Подмосковье[1]. В. И. Ленин тщательно изучил уроки декабрьского вооруженного восстания железнодорожников и высоко оценил их мужество и героизм[2].

Несколько в иных условиях развертывались события в Белоруссии, или, как тогда говорили, в Северо-Западном крае. В системе российского империализма Белоруссия развивалась преимущественно как аграрно-сырьевой район. Её промышленность занималась главным образом переработкой сельскохозяйственного сырья и обработкой дерева. Небольшие размеры предприятий, их разбросанность по городам, многочисленным местечкам и помещичьим имениям делали рабочий класс Белоруссии распыленным, что влияло на уровень его политической сознательности и организованности. Велика в этом национальном районе была и прослойка ремесленников[3].

В этих условиях в Белоруссии значительно возрастало значение железнодорожников как передового отряда трудящихся. Дело в том, что в этом крае страны проходило 7 железных дорог, по насыщенности стальными магистралями Белоруссии в 1,8 раза превышала Европейскую часть России[4] и стояла на одном из первых мест в стране. В начале XX века в ней было около 25,5

[1] АМРЖД, д. 3291, лл. 41—43.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 317.
[3] История Белорусской ССР, т. 1. Минск, 1961, стр. 399.
[4] Экономика Белоруссии в эпоху империализма 1900—1917 гг. Минск, 1965, стр. 195.

тыс. железнодорожников, входивших в ядро рабочего класса Белоруссии[1]. Выше, чем в целом по стране, был здесь удельный вес железнодорожников: в 1913 году в России они составляли 9,1% от всех трудящихся, а в Белоруссии — 11,4%[2].

Такая структура рабочего класса во многом предопределила возникновение большевизма в Белоруссии, где целый ряд первых большевистских организаций возник среди железнодорожников или они играли ведущую роль в объединенных организациях. Этот сложный и многогранный процесс начался, как показывают документы, в конце 1903 года[3]. В 1904 году в рядах организаций Белоруссии насчитывалось уже около 1 тыс. бойцов. Наиболее крупными группами являлись: Минская — 150 членов партии, Витебская 180, Виленская — 120, Бобруйская — 75 и т. д.[4].

С ростом социал-демократических организаций возник вопрос об их объединении, о создании на территории Белоруссии партийных центров, которые могли бы руководить местными партийными группами. В январе 1904 года ЦК по инициативе В. И. Ленина создал Полесский; а в марте этого же года Северо-Западный комитеты РСДРП[5].

Необходимо иметь в виду, что в комитетах и группах Белоруссии между большевиками и меньшевиками шла непрерывная борьба по идейным и организационным вопросам, которая обострялась по мере развития революционного движения. Однако до организационного разрыва дело, как правило, не доходило. Это объясняется сравнительно незначительным контингентом в Белоруссии кадрового фабрично-заводского пролетариата, преобладанием здесь ремесленных рабочих, являвшихся социальной базой соглашательства. Кроме того, организационное размежевание между большевиками и меньшевиками тормозилось наличием в Северо-Западном крае разного рода националистических организаций, на борьбу с которыми группам РСДРП приходилось тратить много сил и энергии.

Но постепенно под непосредственным воздействием В. И. Ленина партийные организации Белоруссии выправляли положение: все решительнее преодолевались колебания, обострялась борьба с меньшевиками, отступал национализм. В. И. Ленин указывал: «После II съезда наш Центральный Комитет повел не националистическую политику, а заботился об образовании таких комитетов (Полесский, Северо-Западный), которые объединили бы в одно целое всех местных рабочих...»[6]. Дело значительно

[1] История Белорусской ССР. Минск, 1965, стр. 400.
[2] Экономика Белоруссии в эпоху империализма, стр. 374.
[3] Е. Бугаев. Возникновение большевистских организаций и образование компартии Белоруссии. Москва, 1959, стр. 25.
[4] Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Минск, 1961, стр. 68.
[5] Там же, стр. 70—71.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 268.

шагнуло вперед с началом первой русской революции. Рос авторитет и влияние партийных организаций, а главное начался процесс размежевания большевиков с меньшевиками. Причем наиболее быстро и последовательно это происходило в организациях железнодорожников Бобруйска, Гомеля, Минска, Пинска, которые стали целиком большевистскими[1]. Но так развивались события далеко не везде. Нужно было еще время, годы упорной борьбы и целеустремленной работы. Но начало было уже положено и это — главное в процессе становления большевизма в Белоруссии в рассматриваемый период.

Несколько иная была структура рабочего класса центрального района России, где сильнее, чем в Северо-Западном крае, была развита промышленность и заметно слабее, о чем уже говорилось выше, прослеживалась роль железнодорожников. Первые социал-демократические организации в этом обширном районе возникли в 1903 году. Процесс консолидации начинался обычно на крупных промышленных предприятиях, социал-демократические организации объединяли рабочих и железнодорожников. В авангарде борьбы шел промышленный пролетариат.

Начало первой русской революции и в этом районе совпало с размежеванием большевиков и меньшевиков. Наиболее четко и решительно это произошло в г. Пензе, г. Тамбове и т. д. Но не это тогда отличало развитие большевизма среди железнодорожников центрального района России. В 1905—1906 годы здесь выросло много новых большевистских организаций на крупных и средних железнодорожных станциях. Именно так произошло в 1905 году в Егорьевске, Коломне, Арзамасе, Лукоянове, в 1906 году в Рузаевке (теперь это крупный центр Мордовской АССР) и т. д.[2]. Такова первая характерная черта развития большевистских организаций железнодорожников Центра в рассматриваемые годы.

Вторая черта состоит в том, что здесь в некоторых районах так окрепли и выросли большевистские организации, что начался процесс объединения их сил по крупнейшим железнодорожным магистралям страны. Так, в июле 1906 года состоялся в районе г. Саратова учредительный съезд представителей социал-демократических организаций Рязано-Уральской дороги, на котором присутствовали делегаты от 18 районных комитетов партии таких городов, как Москва, Саратов, Смоленск, Пенза, Тамбов, Козлов и крупных железнодорожных станций—Уральск, Князевка, Аткарск, Ртищево, Ершово и т. д.[3].

Кроме организационного вопроса съезд заслушал отчеты о состоянии и задачах революционной и партийной работы на местах, выработал мероприятия по подготовке к дальнейшей борьбе

[1] Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии, стр. 70, 111, 112.
[2] АМРЖД, д. 3269, лл. 3—4.
[3] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее ЦПА ИМЛ), ф. 70, оп. 3, д. 338, лл. 4—5. Е. Бугаев. Указ. соч., стр. 29.

против царизма и империалистической буржуазии в свете решений ЦК и В. И. Ленина о всеобщей политической стачке и вооруженном восстании[1].

Однако съезду железнодорожных социал-демократических организаций Рязано-Уральской дороги не удалось полностью завершить работу: провокатор выдал его участников, и все они, кроме двоих, были арестованы царской охранкой[2]. Но рано торжествовали свою победу растущие силы контрреволюции. Борьба продолжалась. В октябре 1906 года большевики провели конференцию социал-демократических организаций Рязано-Уральской магистрали. Она успешно завершилась: была разработана программа революционной работы, создан единый центр, налажена типография[3].

Следует подчеркнуть, что подобные съезды и конференции проводились большевиками и на других железных дорогах, например, на Николаевской магистрали, где также в октябре 1906 года объединили свои усилия социал-демократические организации этой дороги[4].

Эти новые формы организации были продиктованы практикой революционной борьбы, они прошли испытание жизни и позже использовались в победоносной борьбе против царизма и капитализма. Но в рассматриваемое время, когда революция неуклонно отступала под ударами крепнущей реакции, эти партийные организации тоже были вскоре разбиты царской охранкой.

Анализ документов и материалов о возникновении и становлении большевистских организаций железнодорожников Средней Азии, Казахстана и Сибири позволяет определить свои особенности и то общее, что связывало эти обширные многонациональные районы царской России. Выше уже приводились конкретные данные о том, что с вступлением нашей страны в эпоху империализма здесь началось стремительное развитие железнодорожного строительства, в результате которого сформировался главный ведущий отряд трудящихся в здешних местных условиях — железнодорожники.

Это подтверждается и партийными документами. Так, ленинская газета «Пролетарий», освещая вопрос возникновения социал-демократии в Туркестане, прямо отвечала, что только с проведением железных дорог в этом отсталом краю появились предпосылки для зарождения большевизма[5]. Почти аналогичную характеристику подобной ситуации даёт ленинская «Искра» и для Сибири: «Волна рабочего движения,— сообщала газета,— перекинулась вместе с железной дорогой через Урал и разлилась по необъятной Сибири.

[1] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 338, л. 9.
[2] Там же, л. 10.
[3] Там же, л. 22.
[4] ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 338, л. 22.
[5] «Пролетарий», 1906, 23 ноября, № 8.

Изучение истории возникновения большевистских организаций железнодорожников в названных районах необходимо еще и потому, что оно позволяет отклонить ошибочные утверждения некоторых исследователей о том, что якобы народы Средней Азии и Казахстана не были охвачены влиянием ленинской «Искры», не были вовлечены в революционное движение[1].

Как же в действительности обстояло дело?

Первыми пропагандистами марксизма в Туркестанском крае были социал-демократы, высланные сюда в административном порядке или отбывающие здесь военную службу. В 1895 году за участие в социал-демократических кружках из Казани в Ташкент были высланы рабочие В. Д. Корнюшин, А. Р. Бахарев и др. В 1898 году в Туркестанский военный округ были направлены рядовые С. Иванов и М. Леонов, ранее принадлежавшие к ленинскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» в Петербурге[2]. С выходом ленинской «Искры» отдельные её номера и другая марксистская литература стали поступать в Среднюю Азию. В 1902—1903 годах «Искру» распространяли в Ташкенте и Ашхабаде. В 1903 году во время обыска у одного ссыльного социал-демократа в Ташкенте был обнаружен журнал «Заря» со статьёй В. И. Ленина «Гонители земства и аннибалы либерализма»[3].

Однако первая социал-демократическая организация в Средней Азии возникла в 1904 году в железнодорожных мастерских станции Кизыл-Арват, а затем в Ашхабаде и Мерве (ныне Мары). В Ашхабаде социал-демократическая группа состояла из рабочих депо, её возглавлял большевик В. Т. Бакрадзе: в 1902 году он работал вместе с В. Кецховели в знаменитой подпольной типографии «Нина» в Баку, а затем, после ареста и суда, был выслан в Туркестанский край и с 1904 года служил в Ашхабаде машинистом[4]. В то время в Ташкенте было уже несколько социал-демократических кружков, наиболее крупные и энергичные из них действовали в железнодорожных мастерских под руководством вышеупомянутого В. Д. Корнюшина[5].

Но не следует значительно преувеличивать, как это делают некоторые авторы, состояние социал-демократического движения в Средней Азии в рассматриваемое время, когда революционная работа здесь носила разрозненный характер, не имела единого местного центра; социал-демократы лишены были постоянных связей

[1] См., например, Т. Ю. Бурмистрова. Ленинская политика пролетарского интернационализма в период образования РСДРП (1884—1903 гг.). Л., 1962.
[2] Начало революционного движения в Туркмении в 1900—1905 гг. Сб. документов. Ашхабад — Москва, 1946, стр. 19—20.
[3] История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967, стр. 37.
[4] Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 гг. Документы и материалы. Ашхабад, 1962, стр. 10.
[5] Там же, стр. 215.

с общепартийными органами и страдали порою отсутствием строгого идейного руководства[1]. Следует также помнить, что наряду с социал-демократическими организациями существовали и эсеровские группы, например в Ашхабаде[2], которые осложняли и тормозили работу социал-демократов.

Необходимо четко определить, что только в начале первой русской революции в Средней Азии начинается процесс организационного оформления и становления социал-демократии. Только в середине марта 1905 года в Ашхабаде был создан комитет РСДРП[3]. Первая попытка как-то объединить деятельность социал-демократов Средней Азии была предпринята в середине 1905 года, когда в Ташкенте встретились представители из Кизыл-Арвата, Ашхабада и Чарджуя. Но задача не была решена. В марте 1906 года прошла Туркестанская партийная конференция, которая значительно подвинула дело вперед. В начале февраля 1907 года состоялась первая областная конференция социал-демократических организаций Закаспия, которая завершила здесь процесс становления социал-демократии[4].

В 1905 году в ходе революционной борьбы трудящиеся Казахстана на базе существовавших ранее марксистских кружков возникли социал-демократические организации в Перовске и Уральске, а в 1906 году они уже действовали в Кустанае, Семипалатинске, Казалинске, Актюбинске, Верном. Но это были еще слабые и неокрепшие организации[5], делавшие первые шаги по объединению революционной борьбы трудящихся Казахстана.

Вся их работа в основном развертывалась под руководством большевистских организаций Западной Сибири, Оренбургского края и Туркестана. Так, социал-демократическим движением Акмолинской и Семипалатинской областей руководил Омский комитет РСДРП, в Тургайской и Уральской областях — Оренбургский комитет РСДРП, в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях — Ташкентский комитет РСДРП[6].

Важно отметить, что первые большевистские организации Средней Азии и Казахстана вели революционную работу среди местного национального населения, все смелее и шире подключая его к общенародной борьбе против социального и колониального гнета царизма и империалистической буржуазии. При этом они умело использовали большевиков, знающих казахский, узбекский и туркменский языки; делались попытки печатать листовки на местных языках[1], что значительно усиливало влияние идей большевистской партии в Казахстане и Средней Азии.

Рассматривая историю большевистских организаций железнодорожников Сибири, необходимо отметить, что первые из них возникли в конце 1903—начале 1904 года, а процесс становления и организационного оформления произошел в годы первой русской революции.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в городах и крупных станциях большевистские группы обычно являлись объединенными, т. е. состояли из фабрично-заводских рабочих и железнодорожников. Причем в отличие от других районов России тон здесь задавали железнодорожники. Так было, например, в г. Омске, где действовал крупнейший социал-демократический комитет в Сибири. Он делился на два подкомитета — городской и железнодорожный. И если в 1905 году в городском районе революционная работа была запущена, то железнодорожники решительно вели трудящихся по пути дальнейшего развития революции[2]. Так же обстояло дело и в Челябинске, где правильная организация и регистрация членов партии началась лишь в июне 1906 года. Показательны в этом плане и количественные данные: в городской части организации г. Челябинска было 64 человека, а в железнодорожной —104[3].

В небольших городах, средних и мелких железнодорожных станциях большевистские организации состояли только из железнодорожников. Так, в Кургане она возникла в 1905 году из рабочих железнодорожного депо[4]. На станции Петропавловская были вначале городская и станционные ячейки, но вскоре первая распалась[5]. Только железнодорожники вели революционную работу в Канске (ныне г. Куйбышев Новосибирской обл.) и т. д.[6].

Характеризуя в целом ведущую роль большевистских организаций железнодорожников Сибири, не следует переоценивать масштабы их деятельности. Нужно помнить, что железнодорожников в Сибири было в 1905 году 70 тыс., а всего в России более 751 тыс.[7].

Таковы некоторые важнейшие аспекты в истории возникновения и становления большевистских организаций железнодорожников России.

---

[1] Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 годы. Документы и материалы. Ашхабад, 1962, стр. 10, 11.

[2] Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Ашхабад, 1961, стр. 22.

[3] Там же.

[4] Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881—1907 годы, стр. 265—267, 379—380.

[5] Революционное движение в Казахстане в 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1955, стр. 3.

[6] Там же, стр. 4.

[1] М. Бурабаев. Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Казахстане. Алма-Ата, 1956, стр. 62.

[2] Революционное движение в Омске в годы первой русской революции 1905—1907 гг. Сборник документов и материалов. Омск, 1951, стр. 142—143.

[3] Там же, стр. 141.

[4] ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 70, оп. 3, д. 393, лл. 13—15.

[5] Там же, лл. 1—5.

[6] Революционное движение в Омске в годы первой русской революции. Сборник документов и материалов. Омск, 1951, стр. 141.

[7] Статистический сборник МПС, вып. 89, СПб., 1905, стр. 11.

А. Е. КИЛЬМЯШКИН

ПОДГОТОВКА КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ В ГУБЕРНСКИХ КОМИТЕТАХ
(Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерний)

К середине XIX века кризис феодально-крепостнической системы достиг такого предела, при котором дальнейшее развитие производительных сил становилось невозможным. К тому времени производительные силы и производственные отношения пришли в полное несоответствие. Кризис выражался в непрерывном ухудшении экономического и политического положения основной массы непосредственного производителя материальных благ — крепостных крестьян. Усиление эксплуатации и политическое бесправие способствовали обострению классовых противоречий, борьбе крестьян с помещиками. Крестьянское движение в стране свидетельствовало о том, что крестьянство требовало решительных перемен, полного освобождения от крепостного гнета и бесправия, стремилось получить землю.

Именно в то время, когда в стране создалась обстановка, представлявшая один из исторических примеров революционной ситуации, дворянство приступило к обсуждению вопроса об отмене крепостного права. Правительство вынуждено было признать, что лучше освободить крестьян сверху, нежели они сами освободятся снизу. В марте 1856 года Александр II, беседуя с предводителями Московского дворянства, сказал: «... господа, сами Вы знаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу»[1].

Для того чтобы выйти из создавшегося положения, правительство приступило к подготовке реформы. Для этой цели был создан секретный комитет по крестьянскому делу. В состав комитета вошли: председатель Государственного Совета князь Орлов, министры — Ланской, Брок, Муравьев, Адлерберг, главный управляющий путями сообщения Чевкин, шеф жандармов князь Долгоруков

[1] И. Иванюков. Падение крепостного права в России. СПб., 1903, стр. 10.

и члены Государственного Совета князь Гагарин, барон Корф, Ростовцев и Государственный секретарь Бутков[1].

Секретный комитет в большинстве своем состоял из ярых крепостников, которые выступали за сохранение существующих порядков. Опасаясь крестьянских волнений, с одной стороны, боясь возбудить недовольство широких слоев дворянства, с другой, они способствовали тому, что члены комитета не проявили решительных действий в разработке плана освобождения крестьян. Только 20 ноября 1857 года последовал подписанный Александром II рескрипт на имя генерал-губернатора Назимова, который затем был разослан губернаторам всех губерний[2]. Этим шагом Александр II хотел добиться от российского дворянства отмены крепостного права. Однако в большинстве своем российское дворянство неодобрительно встретило решение правительства провести «освобождение» крестьян. А. А. Корнилов в статье «Губернские дворянские комитеты 1858—1859 гг.» пишет: «...дворянство повсеместно нашло себя вынужденным приступить к реформе...»[3].

Отрицательно отнеслось к идее правительства и дворянство Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерний. Так, один из Тамбовских помещиков писал: «... нигде крестьянин так не успокоен и обеспечен, как наш помещичьий, разумеется, у доброго господина... Разрушить этот порядок, значит, приготовить гибель государству». Далее из его письма видно, что он боялся за крестьян, ибо они, «не имея истинного понятия о сущности свободы, превратятся в разбойников и пьяниц и непременно восстанут против всех властей»[4].

В своем мнении об освобождении крестьян помещица села Бородского (Жмакино) Саранского уезда Ермолова писала: «...крестьяне, большей частью понимая свободу в духе безначалия при совершенно грубых нравах, могут владельцу приносить беспрерывные убытки... что уже в настоящее время в некоторых случаях дознано на опыте»[5].

Вышеприведенные примеры говорят о боязни помещиков потерпеть большие убытки в результате освобождения крестьян. В декабре 1857 года как в Пензенской, так и в Тамбовской и Симбирской губерниях стало известно о первых правительственных предписаниях относительно улучшения быта помещичьих крестьян. Однако дворянство не торопилось с открытием в этих губерниях комитетов для составления положения об улучшении быта помещичьих крестьян. Пензенский предводитель дворянства

[1] П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. М., 1960, стр. 71.

[2] И. Иванюков. Падение крепостного права в России. СПб., 1903, стр. 22.

[3] А. Корнилов. Губернские дворянские комитеты 1858—1859 гг. (см. в книге «Великая реформа»). М., 1911, т. IV, стр. 147.

[4] К. Ф. Максимова. Крестьянская реформа 1861 года в Тамбовской губернии (кандидатская диссертация). М., 1951, стр. 214.

[5] Государственный архив Пензенской обл. (в дальнейшем ГАПО), ф. 198, оп. 1, д. 1, л. 175—176 об.

18 декабря сообщал Ланскому, что «... дворяне Пензенской губернии опасаются изменения существующего устройства крестьянского быта». Далее Арапов писал, что дворянство Пензенской губернии не может следовать примеру литовского и петербургского дворянства потому, что «Литовские и Петербургские губернии находятся во всем в другом положении»[1]. Аналогичное сообщение было послано 19 декабря из Тамбова[2].

В январе 1858 года пензенский предводитель дворянства писал Ланскому, «что крестьяне не подготовлены еще к изменению настоящего устройства, а дворяне от этого много потеряют. Все они более или менее ожидают неблагополучного исхода дела»[3].

Министр внутренних дел Ланской был вынужден вмешаться в дело подготовки реформы в вышеуказанных губерниях. В циркулярах 7 и 10 января 1858 года он предупреждал губернских предводителей дворянства, что «при настойчивом стремлении к сохранению прежнего устройства сельского сословия...» могут возникнуть беспорядки. Ланской требовал от дворян выполнения воли императора, чтобы сделать первый шаг к устройству быта крестьян самим дворянством[4].

Отрицательное отношение дворян Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерний к освобождению крестьян можно объяснить рядом причин. Одной из них была та, что в этих губерниях имелось большое количество мелкопоместных дворян типа гоголевских старосветских помещиков, хозяйство которых носило натуральный, потребительский характер. Оно было очень слабо связано с рынком. Для этого слоя дворян возможность перехода к капиталистическому хозяйству была почти исключена, так как и размеры землевладения его были незначительны, и та сумма, которую они могли получить за выкуп крепостных душ, была слишком мала, чтобы можно было говорить о какой-нибудь коренной перестройке хозяйства. Мелкопоместным дворянам реформа могла только причинить разорение, и поэтому они были самыми последовательными ее противниками.

Кроме того, в Пензенской, Симбирской и Тамбовской губерниях преобладала барщинная система эксплуатации. Помещики боялись, что с уничтожением крепостного права произойдет расстройство хозяйства, которое базировалось на крепостном труде.

Препятствием к заведению капиталистического хозяйства была также огромная задолженность помещиков различным государственным учреждениям.

Дворянство Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерний не подхватило инициативу правительства в деле освобождения крестьян. Не на высоте оказалось и губернское начальство. Ни

[1] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 4, лл. 1—1 об.
[2] К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 215.
[3] Центральный государственный Исторический Архив СССР (далее ЦГИА), ф. 1284, оп. 241, д. 24, л. 15 об.
[4] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 4, л. 1 об.

губернаторы, ни губернские предводители дворянства не проявили достаточной инициативы в подготовке реформы. Губернаторы вышеуказанных губерний не последовали примеру Нижегородского губернатора Муравьева и не произносили патриотические речи, с какими выступал перед Нижегородским дворянством Муравьев[1].

Только после того, когда стало известно, что дворянство других губерний приступило к подготовке реформы, в Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерниях несколько активизировались действия по подготовке реформы. Дворянство стало убеждаться в том, что дальнейшее сопротивление делу освобождения крестьян бесполезно. Поэтому они вынуждены были обратиться к царю с просьбой открыть комитеты для составления положения об улучшении быта помещичьих крестьян. В губерниях прошения были составлены в различные сроки. Например, в Тамбовской губернии первыми направили прошение об открытии губернского дворянского комитета дворяне Темниковского уезда (16 февраля 1858 года)[2].

В Пензенской губернии дворяне Краснослободского уезда написали его 26 февраля 1858 года, Саранского уезда — 27 февраля, Инсарского и Наровчатского уездов — 1 марта. Первыми в Пензенской губернии с прошением об открытии губернского комитета обратились дворяне Городищенского уезда (22 марта 1858 года)[3]. Многие дворяне, не присутствовавшие по каким-либо причинам на уездных совещаниях, обратились к губернскому и уездным предводителям дворянства с письмами, в которых излагали свое согласие с решениями уездных совещаний об открытии губернских дворянских комитетов[4].

Всеподданнейшие адреса об открытии губернских дворянских комитетов в Пензе, Тамбове и Симбирске последовали 12 февраля от дворянства Симбирской губернии[5], 7 марта — от дворянства Тамбовской губернии[6] и 19 марта — от дворянства Пензенской губернии[7].

Получив верноподданнейшие адреса, правительство поспешило удовлетворить просьбу дворян Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерний, разрешив открыть губернские дворянские комитеты 9 марта 1858 года в Симбирске, 5 апреля — в Пензе и Тамбове[8].

[1] И. Н. Кунтиков. Крестьянская реформа 1861 года в Нижегородской губернии. Кандидатская диссертация. М., 1951, стр. 204.
[2] Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО), ф. 161, оп. 84, д. 20, лл. 35—35 об.
[3] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 4, лл. 9, 14, 23, 31, 35, 41, 45, 68, 86, 87, 128.
Прошение подписали: в Пензенском уезде — 56 чел.; Краснослободском — 24; Саранском — 30; Инсарском — 29; Наровчатском — 35; Городищенском — 23 человека.
[4] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 4, л. 48.
[5] ЦГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 24 (1857—1859 гг.), л. 29 об.
[6] К. Ф. Максимова. Указ раб., стр. 221.
[7] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3507, л. 6.
[8] ЦГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 25, лл. 39 об., 40 об.; ГАПО ф. 198, оп. 1, д. 5, лл. 10—11.

В рескриптах указывалось, что комитеты, приступая к составлению проекта положения об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян в вышеуказанных губерниях, имели в виду следующие основания: помещикам сохраняется право собственности на всю землю; крестьянам оставляется их усадебная оседлость, которую они в течение определенного времени приобретают в свою собственность посредством выкупа. Сверх того, крестьянам предоставляется для обеспечения быта и для выполнения обязанностей перед правительством и помещиком надлежащее количество земли, за которое они или платят оброк, или отрабатывают работу помещику. По рескриптам крестьяне должны были быть распределены на сельские общества, в которых вотчинная полиция предоставлялась помещикам[1]. Из анализа положений рескриптов видно, что правительство, готовясь к проведению реформы, всячески защищало интересы помещиков.

Помещики стремились провести в комитеты верных людей и через них добиться обеспечения максимальных выгод. Поэтому выборам членов и кандидатов в члены комитета придавали исключительно важное значение. Говоря о выборах в Тамбовский губернский комитет, Терпигорев писал о стремлении помещиков провести туда «людей, во-первых, несомненно преданных дворянским интересам, то есть самых ... мрачных и упорных крепостников, и потом людей со средствами и со связями, так как предполагались поездки... в Петербург...»[2]

Однако следует отметить, что дворянство Симбирской и особенно Пензенской и Тамбовской губерний, не спешило с выборами членов комитета. Это видно из донесения предводителя дворянства Городищенского уезда, который 15 апреля 1858 года писал Пензенскому губернскому предводителю, что одной из причин медлительности «было желание ближе рассмотреть все дело, которое оказалось сложнее и важнее в губерниях исключительно земледельческих»[3].

14 мая 1858 года в Пензе состоялось собрание уездных предводителей дворянства, на котором был заслушан рескрипт. Собрание решило учредить в Пензе комитет для составления проекта положения об улучшении быта помещичьих крестьян. Было назначено время для проведения собрания дворян по уездам: в Инсарском уезде —24, Саранском —26 июля, Наровчатском —7 и Краснослободском —9 августа[4].

Дворянство Пензенской губернии всячески задерживало проведение выборов в члены комитета. Если в Симбирской губернии 25 июля[5] 1858 года комитет по улучшению быта помещичьих крестьян был уже открыт, а в Тамбове 5 июля 1858 года был созван съезд

[1] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 5, л. 10 об.
[2] С. Н. Терпигорев. Избранные произведения, т. 3, СПб., 1884, стр. 706.
[3] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 4, л. 33—33 об.
[4] Там же, д. 3, лл. 2—4.
[5] ЦГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 24, л. 105.

для выбора членов и кандидатов губернского дворянского комитета, то пензенские дворяне решили закончить выборы только в начале августа.

Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел вынужден был 28 июля 1858 года потребовать назначить время открытия комитета в городе Пензе[1]. Как проходили выборы в губернский комитет в Тамбове, ярко описал Терпигорев в очерке «Праздник Венеры». Он писал: «Вопрос был важный и большой для всех, и потому съезд дворян был огромный. Можно сказать, что почти все дворяне губернии съехались в губернский город. Приехали даже те, которые не ездили никогда ни на какие выборы и съезды и безвыездно сидели уже лет по двадцати и по тридцати в своих деревнях, все самые дряхлые старики, давным-давно устранившие себя от управления своими имениями...— и те даже захотели быть на этом собрании и приехали, чтобы сказать свое веское слово о рановременности и непригодности предстоящей реформы»[2]. Можно с уверенностью сказать, что дворянство Пензенской губернии ни в чем не уступило своим коллегам из тамбовщины при выборе членов и кандидатов в губернские комитеты.

В состав Пензенского комитета вошло 20 членов, 10 кандидатов и 2 члена от правительства. Председателем комитета был назначен губернский предводитель дворянства А. Н. Арапов. За председателя был избран депутат от Инсарского уезда М. А. Литвинов.

Нам удалось установить имущественное положение 22 членов и кандидатов[3]. Распределение членов комитета и кандидатов по числу крепостных было следующее: 3 члена относились к мелкопоместным (до 100 душ), 15 членов и кандидатов — к среднепоместным (от 100 до 500 душ), в том числе 10 из них имели имения от 100 до 300 душ. 5 членов принадлежали к крупнопоместным владельцам (свыше 500 душ), в том числе один член комитета имел более 1000 душ.

В состав Пензенского комитета от Инсарского уезда вошли: М. А. Литвинов (1806 душ, 12878 дес.) и В. А. Юшков — члены, и А. Н. Хрущов — кандидат; от Саранского уезда — Н. К. Кузьмин (244 души, 1087 дес.) и А. И. Карачаров (73 души) — члены, и А. П. Борисов—кандидат; от Краснослободского уезда— Н. Н. Давлеткильдеев (486 душ, 1829 дес.) и Д. А. Макулов (129 душ, 555 дес.) — члены и П. Г. Енгалычев (73 души) — кандидат; от Наровчатского уезда — И. Т. Шишкин и Н. Г. Горн (64 души) — члены и Я. Е. Кутыев — кандидат[4]. Таким образом, члены и

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3507, л. 48.
[2] С. Н. Терпигорев. Избранные произведения, т. 3, СПб., 1884, стр. 706—707.
[3] Имущественное положение членов и кандидатов выявлено нами по сборнику документов Приложения к трудам редакционных комиссий, т. 2, СПб., 1860, стр. 4—25; ГАПО, ф. 60, оп. 1, д. 1721, л. 228; д. 1728, л. 57; д. 1918, л. 205.
[4] Приложения к трудам редакционных комиссий, т. 2, СПб., 1860, стр. 14—25; ГАПО, ф. 60, оп. 1, д. 1721, л. 228; д. 728, л. 57; д. 1918, л. 205; А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 1, Бонн на Рейне, 1862, стр. 897.

кандидаты Пензенского комитета от уездов Мордовии относились в основном к группе владельцев мелко- и среднепоместных.

Тамбовский комитет состоял из 24 членов, 12 кандидатов и 2 членов от правительства[1].

Нам известно имущественное положение 18 членов, в том числе и 2 членов от правительства[2]. По числу крепостных половина (13 чел.) членов комитета принадлежала к группе среднепоместных владельцев (от 100 до 500 душ), в том числе 11 членов имели от 100 до 300 душ, 5 членов относилось к крупнопоместным (свыше 500 душ), в том числе 2 члена имели более 1000 душ (Петрово-Соловово — 3042 души и Н. И. Енгалычев — 1627 душ). Членам от правительства Трофимову и Лихареву принадлежало соответственно 581 и 262 души. 9 членов, видимо, относились к группе мелкопоместных.

От Темниковского уезда в Тамбовский комитет были избраны членами Н. И. Енгалычев (1627 душ, 12386 дес.) и Н. А. Никифоров (323 души, 1642 дес.), кандидатом — А. И. Стрешнев (121 душа, 540 дес.); от Спасского уезда членами были И. И. Жуков (240 душ, 1564 дес.), П. К. Крюковский (139 душ, 862 дес.) и кандидатом — А. И. Енгалычев (138 душ, 581 дес.). Таким образом, Тамбовский комитет в основной своей массе, как и Пензенский, состоял из мелкопоместных и среднепоместных, что сказалось на работе комитета, выработавшего реакционный проект освобождения крестьян. Семенов-Тянь-Шанский, характеризуя членов Тамбовского губернского комитета, отмечал, что из лиц более или менее сочувствующих освобождению крестьян «только немногие... попали в Тамбовский губернский комитет, так как крепостническое большинство дворянства клеймило их названием «красных» и не выбрало в члены комитета»[3].

В Симбирский комитет вошло 16 членов, 8 кандидатов и 2 члена от правительства[4]. От Ардатовского уезда в комитет были выбраны: Н. А. Соловьев (505 душ), А. А. Толстой — члены и И. С. Чарыков (149 душ, 789 дес.) кандидат[5].

О Симбирском комитете Семенов-Тянь-Шанский писал, что в составе Симбирского дворянства было очень много просвещенных людей, несомненно сочувствующих земельному освобождению крестьян, но в губернском комитете эти лица оказались все-таки в меньшинстве[6].

2 сентября 1858 года состоялось торжественное открытие губернских комитетов в г. Пензе и Тамбове. Губернаторы выступили с речами. Пензенский губернатор закончил свою речь словами: «За труды ваши предстоит вам, милостивейшие государи, великая награда: это оправдать высокое доверие дворянству государя императора, отца своего народа, и заслужить благодарность соотечественников ваших до позднейшего потомства»[1]. Губернаторы предложили комитетам работать не менее двух раз в неделю. Комитеты избрали редакционные комиссии. В редакционную комиссию Пензенского комитета вошли И. В. Сабуров, И. Н. Горсткин, А. И. Карачаров[2], в Тамбовскую — Жихарев, Сумароков, Сальков, Жемчужников[3]. Работа комитетов была прервана из-за неполноты собранных материалов о помещичьих имениях. На заседании Пензенского комитета 3 сентября 1858 года было решено его членам и кандидатам отправиться по уездам для быстрейшего сбора сведений о помещичьих имениях и доставить их в «комитет к 1 ноября сего года[4]. Однако членам комитета не удалось собрать нужные сведения о помещичьих имениях, поэтому Пензенский комитет был вынужден на заседании 1 ноября 1858 года принять решение «просить Пензенскую казенную палату доставить комитету по каждому помещичьему имению сведения о количестве душ и количестве земли[5]. Это свидетельствует о том, что дворянство вышеуказанных губерний всячески затягивало дело освобождения крестьян.

4 ноября Пензенский комитет приступил к обсуждению правительственной программы, состоящей из 10 пунктов:

1) переход крестьян из крепостного состояния в срочно-обязанное; 2) сущность срочно-обязанного положения; 3) поземельные права помещиков; 4) усадебное устройство крестьян; 5) наделение крестьян землей; 6) повинности крестьян; 7) устройство дворовых людей; 8) образование сельских обществ; 9) права и отношения помещиков; 10) порядок и способы исполнения.

С первых же дней обсуждения правительственной программы комитеты разделились на «большинство» и «меньшинство». Особенно ярко проявилось это в Тамбовском и Симбирском комитетах. Так, председатель Тамбовского дворянского комитета Лион писал о членах комитета: «В самом начале заседаний заметно было, что... некоторые из членов... принялись за работу — одни — с сомнением в полезности реформы, другие — хотя с затаенным, но страстным убеждением в пользу старого порядка»[6].

«Большинство» Тамбовского комитета возглавлялось Бланком I, Бланком II и помещиком Темниковского уезда князем Енгалычевым. «Большинство» — это ярые реакционеры-крепостники,

---

[1] ЦГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 25, лл. 148—150; ГАТО, ф. 161, оп. 84, д. 40, л. 264; А. Скребицкий. Указ. работа, т. 1, Бонн на Рейне, 1862, стр. 903.

[2] Приложения к трудам редакционных комиссий, т. 3, СПб., 1860.

[3] П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Начало эпохи освобождения крестьян.— «Вестник Европы», 1911, № 2, стр. 42.

[4] ЦГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 24, лл. 119—120; А. Скребицкий. Указ. работа, т. 1, Бонн на Рейне, 1862, стр. 901.

[5] Приложения к трудам редакционных комиссий, т. 3, СПб., 1860, стр. 30; ЦГИА, ф. 1180, оп. 1, 1858—1859, д. 155, л. 138.

[6] П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Т. 3. Пг., 1915, стр. 380.

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 19.

[2] Там же, л. 22.

[3] К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 230 (на 67 заседании комитета в сост. редакцион. комиссии избраны Сельков, Жемчужников, Кугушев, Никифоров).

[4] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 26.

[5] Там же, л. 31.

[6] К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 231.

которые всячески старались сохранить крепостное право. По мнению Лиона, члены «большинства» — люди, убежденные в несвоевременности реформы[1].

В состав «меньшинства» входили крупнопоместные помещики. Так, Комсин имел 332 души крестьян, Лион —531, Андреевский — 879, Петрово-Соловово —3042 души[2]. В «меньшинстве» был и Хвощинский[3].

Сумароков, характеризуя экономическое положение «меньшинства», отмечал исключительную обеспеченность его в будущем, независимо от решения земельного вопроса.

Из этой характеристики видно, что «меньшинство» Тамбовского комитета относилось к более обеспеченной группе дворянства губернии.

«Меньшинство» в комитете не играло значительной роли и, как видно из высказывания князя Енгалычева, «без поддержки г. начальника губернии не могло бы удержаться ни на один день».

«Большинство» всячески стремилось уйти от решения поставленных перед комитетом вопросов, мотивируя тем, что они не имеют полномочий от дворян своего уезда по тем или иным вопросам. Например, член Тамбовского комитета от Спасского уезда Крюковский при решении вопроса о строениях заявил, что «он не имеет полномочий от своих дворян на безвозмездную уступку строений»[4].

Губернатор Данзас вынужден был вмешаться в работу комитета и присутствовать на заседаниях последнего, чтобы направить его на решение поставленных вопросов. Однако, как видно из его сообщения от 1/II—1859 года Ланскому, достичь этого он не сумел. Данзас писал: «Не мог... дать надлежащее направление делу... потому, что в большинстве членов комитета встретил сначала скрытое, а ныне явно выражаемое нежелание подчиниться всем правительственным распоряжениям». Данзас далее отмечает роль в комитете братьев Бланк, Прибыткова и князя Енгалычева, которые выступали против права вмешиваться в работу комитета со стороны губернатора и Министерства внутренних дел[5].

Разногласия между «большинством», с одной стороны, «меньшинством» и губернатором, с другой, достигли такой остроты, что одна сторона на другую стала писать жалобы в Главный комитет.

Князь Енгалычев стал просить членов комитета, чтобы его направили в Главный комитет для объяснения своего мнения. Из «мнения», которое он представил, виден необычайно самоуверенный и раздражительный тон барина-крепостника, взбешенного ограничениями со стороны «бюрократии», с которой он не желает считаться. Енгалычев желал изъясняться о своих претензиях непо-

[1] К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 231.
[2] Приложения к трудам редакционных комиссий, т. 3, СПб., 1860.
[3] Данные о наличии крепостных душ у Хвощинского нами не установлены.
[4] К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 233.
[5] Там же, стр. 235.

средственно с главой российского престола. Он крайне возмущался тем, что «меньшинство» во главе с председателем комитета не подчинялось «большинству» и принимало отдельные постановления. Этот помещик выступает против председателя и губернатора, обвиняя их в том, что первый вместо того, чтобы добиваться согласия в комитете, отделился с «меньшинством», а второй «преследовал только одни действия «большинства», которое по воле Государя должно решать дела»[1].

«Большинство» направило в Главный комитет «Извет», в котором стремилось свалить вину за медлительность в работе комитета на губернатора. По мнению «большинства», вмешательство последнего в дела комитета тормозило его работу. Однако из слов Лиона видно, что предложения губернатора были «неприятны большинству членов, как единственная помеха делать то, что хотят»[2].

Главный комитет вынужден был вмешаться в работу Тамбовского комитета. Для ликвидации «беспорядка» в комитете губернатору были даны указания: занятия комитета отсрочить со 2 марта на 10 апреля, Бланку I и II объявить выговор; уволить из комитета члена от Темниковского уезда князя Енгалычева, который в своих мнениях оспаривал право давать предложения комитету не только губернатором, но и министром внутренних дел, и в то же время позволил себе назвать члена от правительства агентом тайной полиции[3].

Губернатору также предписывалось «внушить комитету, чтобы он обратил особое внимание на исполнение прямых своих обязанностей и в своих действиях руководствоваться установленными правилами и предложениями начальника губернии»[4].

Вмешательство Главного комитета способствовало некоторому ускорению деятельности Тамбовского комитета, который завершил свою работу 9 апреля 1859 года выработкой двух проектов («большинства» и «меньшинства») положения об улучшении быта помещичьих крестьян данной губернии.

Разногласия в комитете можно объяснить различием условий между северными и южными уездами губернии[5], а также различием в системе ведения хозяйства.

Небольшие разногласия между консерваторами и либералами были и в Пензенском комитете. Однако здесь не произошел раскол на «большинство» и «меньшинство».

С наиболее консервативным мнением о подготовке и проведении реформы выступил помещик Мокшанского уезда Волчков, который был приглашен для участия в работе комитета. Указывая на необходимость реформы, он предлагал «... из земли, обрабаты-

[1] К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 237.
[2] Там же, стр. 236.
[3] ЦГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 35, 1858—1859 гг., л. 184.
[4] Там же.
[5] «Меньшинство» комитета были представителями южных уездов.

ваемой крепостными людьми, они должны получить такое количество земли, которого бы по местным обстоятельствам было достаточно при среднем урожае озимого хлеба прокормить по расчету $1\frac{1}{2}$ пуда муки в месяц на одну душу, по числу душ, которым это количество земли идет в надел...»[1].

Волчков предлагал назначить на каждую мужскую душу 1 д. 1680 саж. земли[2]. Такой надел он обосновывает тем, что для прокормления мужской и при нем женской души необходимо 3 пуда муки в месяц, или 36 пудов в год. При среднем урожае сам — пять в Пензенской губернии с такого надела, по его мнению, можно получить 36 пудов.

Из мнения этого крепостника-помещика видно, что он стремится приспособить свое хозяйство к буржуазному способу производства. Для чего нужны были большие денежные капиталы. По мнению Волчкова их можно взыскать с крестьян за землю, выделенную им в надел, за труд, за земледельческие орудия и скот. Он оценивает десятину усадебной земли в 70 руб. и в 35 руб. серебром пашню и выгон. По его подсчетам, на 262 тыс. душ крепостных крестьян Пензенской губернии потребуется для надела их землей 445 тыс. десятин, из них 34933 дес. усадебной. За эти 445 тыс. дес. крестьяне должны были уплатить 16797666 руб. 66 коп. серебром[3].

«За капитал труда», т. е. за выкуп личности, он назначил 60 руб. По расчетам Волчкова умеренная наемная цена 1 тягла ($2\frac{1}{2}$ души) составляла 30 руб. серебром в год. Следовательно, на душу приходилось 12 руб. Волчков предлагал эти 12 руб. взять как 10%. Таким образом, получается 120 руб. серебром с души. Но так как по законам помещик пользуется $\frac{1}{2}$ тягла, следовательно, и выйдет 60 рублей серебром с души. А потому с 262 тыс. душ — 15 720 тыс. руб. серебром[4].

Капитал с земледельческих орудий и скота Волчков расценивал в 10 руб. серебром с души. Самая умеренная цена лошади, саней, бороны, телеги, сбруи, косы, серпа и т. д., писал он, должна быть 50 руб. серебром на тягло, или 20 руб. серебром с души. Но поскольку помещик пользовался только половиной тягла, то на душу должны считать по 10 руб.[5]. С 262 тыс. душ приходилось 2 620 000 руб. серебром[6]. По подсчетам Волчкова сумма вышеуказанных капиталов составила 35 137 666 руб. 66 коп., или около 134 руб. серебром с души[7].

Получив за каждую мужскую душу 134 руб. серебром, помещик будет иметь возможность, указывал Волчков, успешно вести

[1] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 7, л. 130.
[2] Там же, л. 136.
[3] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 7, лл. 136 об.—137.
[4] Там же, лл. 137—137 об.
[5] Там же, л. 137 об.
[6] Там же.
[7] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 7, л. 137 об.

свое хозяйство с помощью вольнонаемного труда и собственных земледельческих орудий[1].

С либеральным мнением выступил член комитета от Саранского уезда Кузьмин. Он предлагал оставить у крестьян на время переходного периода то количество земли, которым они пользовались. Кузьмин предлагал надел в 6 десятин на тягло. Если же крестьянский надел был более 6 десятин на тягло, то помещику предоставлялось право обращать излишки в свое хозяйство[2]. Либерал Кузьмин отражал интересы дворян Саранского уезда, стремившихся приспособить свои хозяйства к буржуазному способу производства.

Сравнивая мнение консерватора Волчкова и либерала Кузьмина, становится ясно, что консерваторы и либералы стремились оградить интересы помещика. Борьба в комитетах между консерваторами и либералами была борьбой внутри господствующего класса. «Пресловутая борьба крепостников и либералов,— писал В. И. Ленин,— была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*. Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, *о полном свержении* этой власти»[3].

4 ноября 1858 года Пензенский комитет приступил к обсуждению правительственной программы улучшения быта помещичьих крестьян.

Рассматривая первый пункт программы о «Переходе крестьян из крепостного состояния в срочно-обязанное», члены комитета единогласно постановили: «Личное крепостное право на деле и во всех актах прекратить, наименование крестьян крепостными повсюду отстранить и отменить продажу людей без земли и с землей»[4]. Помещичьим крестьянам даровались права, которыми пользовались другие податные сословия в государстве, т. е. вступать в брак по своему усмотрению; приобретать в собственность движимое и недвижимое имущество, объявлять свои капиталы и торговать в городах и селениях[5]. За предоставление крестьянам личных прав голосовало 18 членов, против — 1.

Изъявляя готовность на уничтожение личного крепостного права, дворянство требовало за это вознаграждение. Так, помещик Чарыков в своем мнении прямо говорит: «Господа члены комитета должны просить Его (государя императора.— *К. А.*) приказать выдать нам, помещикам, за свободу крестьян деньгами, и самое меньшее по 60 руб. серебром за душу...»[6]

[1] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 7, л. 138.
[2] Там же, д. 1, л. 207.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 174.
[4] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 34.
[5] Там же.
[6] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 1, л. 212 об.

За выкуп личности крепостного крестьянина выступает и помещик Инсарского уезда Бологовский.. Он предлагает освободить крестьян «от крепостной зависимости, с нарезкою земли, обеспечивающей их будущность, и с выкупом у владельца труда обязательного, так и самой земли уступаемой»[1].

Следует отметить, что в проекте, составленном Пензенским комитетом, это требование не нашло отражения. Если же взять проекты «большинства» Тамбовского и «большинства» Симбирского комитетов[2], то в них, несмотря на уведомление министра внутренних дел о недопустимости обсуждения вопроса о выкупе личности крепостного крестьянина, требование помещиков о вознаграждении за потерянный труд нашло самое яркое выражение. В «Обзоре оснований» к I главе «большинство» разъясняло, что «это предупреждение к нему не относится, так как оно настаивает на вознаграждении за ущерб, который заключался в потерях труда, и за него должны вознаграждаться помещики»[3].

Таким образом, помещики, освобождая крестьян, не прочь были получить выкуп и за личность.

Губернские комитеты, приняв решение освободить крестьян от крепостной зависимости, оставили их временно «крепкими к земле» с присвоением им названия срочно-обязанные. Обсуждению II главы («Сущность срочно-обязанного положения») правительственной программы было посвящено два заседания комитета.

Комитеты Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерний предлагали установить переходный период в продолжении 12 лет. Помещики вышеуказанных губерний считали этот срок достаточным для приспособления своих хозяйств к новым условиям. Пензенский комитет единогласно постановил: «До истечения переходного периода помещичьи крестьяне остаются крепкими к земле, на которой населены»[4].

Как в проекте Пензенского комитета, так и в проектах «большинства» и «меньшинства» Тамбовского комитета в продолжении всего переходного периода ограничивалась личная свобода крестьян[5]. Так, Пензенский комитет единогласно постановил: «Помещичьим крестьянам воспретить в продолжении 12 лет безусловный переход целыми обществами и селениями». Крестьяне могли перейти в другое сословие или общество только с разрешения помещика или начальника общества[6].

Член Тамбовского комитета Петрово-Соловово так ограничивал разрешение на переход крестьянам различными стеснениями, вследствие чего переходы доступны были лишь «богатейшим» крестьянам[1]. Темниковское дворянство во главе с членом комитета Никифоровым рекомендовало следовать остзейскому образцу постепенного представления крестьянам прав. Предлагалось крепостное население разделить на 8 частей и ежегодно освобождать (переводить на новое положение) $^1/_8$ часть[2].

Симбирский комитет представлял право перехода только отдельному лицу, но с согласия его и того общества, куда переходит. Кроме того, он должен получить письменное разрешение как от своего прежнего помещика, так и от нового землевладельца. В обществах, где «заключено круговое поручательство в отправлении крестьянами их повинностей, согласия помещика не требуется, если только мир принимает на себя за увольняемого все повинности...»[3].

Комитеты, приняв решение о продолжительности переходного состояния (12 лет), сделали оговорку, по которой дворянству предоставлялось право сокращать этот срок[4]. Эта оговорка была сделана потому, что не всех помещиков устраивал 12-летний срок переходного периода. Так, Пензенский помещик Яшев считал, что 12-летний срок «...слишком продолжителен, можно ограничиться 6 годами»[5]. Необходимость сокращения переходного периода он доказывает тем, что как крестьяне, так и помещики будут томиться неизвестностью и неопределенностью. Этот помещик боялся того, что крестьяне «предадутся беспечности в исполнении работ, а помещик через то будет в затруднительном положении»[6].

Большинством голосов (19 против одного) комитет постановил, что крестьяне обязаны за отведенную им помещичью землю ежегодно платить определенный оброк или выполнять помещику определенные работы (§ 7). Этот параграф заставлял крестьян выполнять по отношению к помещикам те же повинности, какие они несли до реформы.

Таким образом, сущность срочно-обязанного положения сводилась к исполнению крестьянами по отношению к помещику определенных повинностей с временным ограничением их прав.

В главе III «Поземельные права помещиков» первым пунктом стоял вопрос «О неприкосновенности помещиков на всю землю». Он особенно интересовал помещиков Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерний. Члены всех комитетов, независимо от того, к какой группе они относились, высказывались за сохранение права помещика на всю землю. Пензенский комитет по этому вопросу постановил: «Помещики сохраняют неприкосновенное право полной собственности на всю землю и воду всех владений.

---

[1] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 1, л. 185.
[2] А. Скребицкий. Указ. раб., т. 1, Бонн на Рейне, 1862, стр. 6.
[3] К. Ф. Максимова. Указ. раб., М., 1951, стр. 241.
[4] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 35.
[5] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 1, Бонн на Рейне, 1862, стр. 86.
[6] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 35.

[1] К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 242.
[2] ГАТО, ф. 161, оп. 64, д. 20, лл. 113—114: «Журнал землевладельцев», № 7, отд. IV, стр. 40.
[3] ЦГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 155, л. 96.
[4] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 39; ЦГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 155, л. 97.
[5] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 1, л. 190.
[6] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 1, л. 190.

Усадебная оседлость до выкупа и земля, отведенная крестьянам в пользование, остается в их распоряжении во все время срочно-обязанного положения» (§ 9)[1]. За помещиком сохранялось также право на минеральные богатства, леса и воды во всех землях, кроме выкупленной усадьбы (§ 11). Помещики этих трех земледельческих губерний, в имении которых в основном практиковалась барщинная система эксплуатации, лишь под нажимом правительства решились на представление крестьянам за определенную оплату незначительного надела.

Крепостническая сущность комитетов особенно ярко проявилась при обсуждении главы IV «Усадебное устройство крестьян». Этот вопрос вызвал большие споры во всех трех комитетах. Именно по этому вопросу были составлены два проекта, как в Пензенском (основной и выкупной), так и в Тамбовском («большинства» и «меньшинства») и в Симбирском комитетах.

Споры разгорелись еще при обсуждении первого пункта главы IV «В чем заключается усадьба». Большинство Тамбовского комитета под усадьбою понимало жилые и хозяйственные строения, землю, находящуюся под ними, конопляниками, огородами, гумениками, расположенными при усадьбах, составляющих с ними один сплошной участок (§ 24)[2]. В Пензенском комитете этот пункт был принят большинством голосов (19 против одного). «Под крестьянскою усадьбой должно разуметь: жилые и хозяйственные строения крестьян, с землею под теми строениями, с огородами, конопляником и гуменником, собственно при усадьбе, составляющей один сплошной участок» (§ 13), улицы и площади к усадьбам не относились. Право пользоваться площадями принадлежало помещикам[3].

Сравнивая § 24 проекта «большинства» у самого консервативного в Тамбовском комитете и § 13 Пензенского комитета, мы видим, что они ничем не отличаются. Следовательно, по этому вопросу Пензенский комитет в большинстве своем стоял на позициях ярых сторонников консерватизма. Следует отметить, что как § 24 Тамбовского комитета «большинства», так и § 13 Пензенского комитета не отвечали требованиям правительства. Мало чем отличался этот пункт и в проекте «меньшинства» Тамбовского комитета, ибо здесь было пропущено только выражение «составляющих с ним один сплошной участок». Проект последнего более отвечал требованиям правительства.

Некоторые помещики Пензенской губернии в своих «мнениях», представленных в комитет, требовали включить в проект пункт, который разрешал бы помещикам продажу усадебных мест по их усмотрению. Так, помещик Наровчатского уезда Кутылев писал: «...спросить у государя императора разрешение не продавать

[1] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 43.
[2] К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 244.
[3] Там же.

усадебных мест крестьянам, кроме случаев, когда пожелает сам помещик»[1].

Против продажи усадеб крестьянам выступает и помещик этого же уезда Соколов. Он объясняет это тем, что у него остается мало свободного места. Этот помещик писал, что «при переходном состоянии крестьян, если они не захотят у меня остаться, с усадеб я их не смогу согнать, а вновь желающих поступить ко мне поселить негде, нет ни усадеб, ни водопоя, ни прогона»[2]. Соколов боялся, что его земля может остаться необработанной или же придется отдать в наем за такую цену, которую дадут крестьяне. Свое «мнение» против продажи усадеб крестьянам он объясняет и тем, что, выкупив усадьбу, крестьяне могут завести какие-нибудь заведения, «где беспрестанно огонь может находиться и от неосторожности все сжечь, да и моему господскому заведению достанется...»[3]. Соколов так же, как и Кутылев, выступает за продажу усадеб только в том случае, если «...у кого есть возможность, надобность продавать усадьбу, пусть продает по своей воле, а не по принуждению, и не была бы она обязательною»[4].

В Тамбовском комитете против обязательного выкупа усадебной земли выступали Ярцев, Бланк I (Усман. у.), Бланк II (Липецк. у.), Енгалычев и Никифоров (Темниковский у.). Енгалычев считал, что крестьяне могут приобрести усадебные земли в полную собственность на правах купеческих[5], т. е. он за выкуп, который основан на добровольных началах помещика с крестьянами. Ярцев, Бланк I и Бланк II обязательный выкуп усадеб считали нарушением прав собственности помещиков.

Помещики Темниковского уезда выступали против включения в усадьбу конопляных земель. Они объясняли свое требование тем, что в Темниковском уезде довольно сильно развита пеньковая промышленность. Каждый крестьянин, как бы мал ни был его участок, имел возле своего двора конопляник, на котором выращивал пеньку. Поэтому конопляники в Темниковском уезде ценились очень дорого. «Конопляник составляет собою бесспорно 4-е поле и никак не может быть причислен к усадьбам; во-первых, потому, что безмерно возвысит их цену и сделает выкуп еще невозможнее»[6].

Темниковские помещики, учитывая плохие качества почвы, боялись, что крестьяне, владея конопляниками, будут на него «валить весь навоз, как на землю собственно ему принадлежащую или имеющую принадлежность, и через это истощат поле и тем сделают убыток помещику...»[7].

[1] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 4, л. 116.
[2] Там же, д. 1, л. 68.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] «Журнал землевладельцев», № 8, отд. IV, стр. 173.
[6] ГАТО, ф. 161, оп. 84, д. 20, л. 117; «Журнал землевладельцев», № 6, отд. VII, стр. 15—16.
[7] ГАПО, ф. 161, оп. 84, д. 20, л. 117 об.

Выступление помещиков Темниковского уезда против включения конопляников в усадебные земли можно объяснить стремлением помещиков как можно меньше потерять земель, а также ценность усадеб в северных уездах Тамбовской губернии, которая обуславливалась близостью судоходных рек, промышленных предприятий и наличием промыслов.

Комитетами были назначены следующие размеры усадеб: Пензенским существующий (840 кв. саж. на двор);[1] «большинством» Тамбовского — 840 кв. саж. в крупнопоместных и 550 кв. саж. в мелкопоместных[2]. В 5 северных уездах, в т. ч. Темниковском и Спасском,—550 кв. саж. в крупнопоместных и 340 кв. саж. в мелкопоместных имениях[3]. «Меньшинство» же Тамбовского комитета назначало для всей губернии 550 кв. саж. в крупнопоместных и 300 кв. саж. в мелкопоместных[4]. Эти нормы оказались менее существующих размеров усадеб почти в 2 раза. Помещикам было дано право излишки усадебных земель отрезать в свою пользу.

Много времени заняло обсуждение вопроса «Об оценке усадеб». Спор развернулся о том, как оценивать усадебные земли: отдельно по уездам или в целом по губернии. Большинством голосов (11 против 9) было принято решение «принять за основание цену, которая определится средним общим выбором, особо по каждому уезду[5]. На заседании комитета 20 ноября было единогласно принято постановление, по которому крестьянские усадьбы делились на 4 разряда. К первому разряду относились усадьбы, приносящие доходы от конопляников: ко 2-му — от садов, огородов, ценных растений, от пристаней, базаров, ярмарок, постоялых дворов и торговых сообщений; к 3-му разряду — усадьбы промысловых малоземельных имений, где главный доход извлекался из усадеб; 4-й разряд — это усадебные земли, которые крестьяне получают в обмен при переселении[6].

Комитет принял решение оценивать в первых трех разрядах квадратную сажень усадебной земли в 10 коп. серебром, а в 4 разряде — наравне с полевыми землями[7]. В обзоре оснований комитет объясняет, что такая цена усадебной земли основана на капитализации дохода с конопляника[8]. Таким образом, за десяти-

[1] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 3, Бонн на Рейне, 1865/6, стр. 683.

[2] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 2, ч. 2. Бонн на Рейне, 1865, стр. 727—728.

[3] Там же, стр. 728.

[4] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 2, ч. 2. Бонн на Рейне. 1865, стр. 728. До реформы в уездах, вошедших в Мордовию, было селений, в которых приходилось на душу усадебной земли: до 120 саж., 2,1%, до 240 саж.— 24,6%, до 360 саж.— 33%, до 480 саж.—21,3%, до 840 саж.—15,4%, до 1200 саж.—3,6% (высчитан нами на основании данных Скребицкого, Крестьянское дело, т. 2, ч. 2. Бонн на Рейне, 1865, стр. 1469, 1471—1472).

[5] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 43.

[6] Там же, л. 68.

[7] Там же.

[8] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 7, л. 2 об.

ну усадебной земли вместе со строениями крестьяне вынуждены были по проекту Пензенского комитета платить 240 руб. Такая цена была установлена для всей губернии.

Симбирский комитет назначил за квадратную сажень усадебной земли 20 коп., как самую низкую норму[1].

Тамбовский комитет при оценке усадеб рекомендовал исходить из ценности: 1) усадебных земель; 2) усадебных строений; 3) местных и промысловых выгод, а также «ценить хозяйственные неудобства», происходящие от вырезки усадебного участка, если усадебное устройство крестьян отличалось центральностью по отношению к дачам владельца[2]. «Большинство» вообще отказалось дать оценку усадебной земли. По мнению «большинства», она должна производиться по добровольному согласию между крестьянами и помещиками, или же устанавливается специальной комиссией. По мнению губернатора Тамбовской губернии, цены на усадьбы, показанные в сведениях о помещичьих имениях самими владельцами, имевшими в виду выкуп усадеб, не смогли служить основанием для их оценки. Особенно стремились к повышению цен на усадебные земли помещики северных уездов. Губернатор считал, что в таких уездах, как Елатомский, Темниковский и в северных частях Шацкого и Спасского уездов, цена усадебной земли должна превышать цену полевой земли в 4 раза (конопляники обеспечивали в основном доход имения). В южных частях Шацкого и Спасского уездов, в Козловском, Тамбовском и Моршанском уездах — в 3 раза, а в остальных — в 2 раза. Губернатор был склонен даже в одном имении установить различные оценки усадьбам[3].

«Меньшинство» предлагало десятину усадебной земли на старых местах ценить не выше двойной цены десятины полевой земли[4].

Симбирский комитет так же, как и Тамбовский, предложил три способа оценки усадебной земли.

Против этого выступил член комитета от Ардатовского уезда Соловьев. Он предложил усадебную десятину оценить вдвое против полевой. Это предложение соответствовало требованиям правительства. По мнению Соловьева, десятина усадебной земли в Ардатовском уезде стоит 90 руб., а стоимость строения 80 руб. серебром[5]. Доказывая свое несогласие с решением комитета от 10 октября 1858 года, он говорил, что его предложение имеет преимущество: «во-первых, по несложности его, во-вторых, показывает, за что именно крестьянин платит, в-третьих, не заключает в себе никакой скрытой мысли, именно: а) ни желания преградить

[1] И. М. Корсаков. Крестьянская реформа 1861 года в Мордовии. Записки МНИИЯЛИЭ, № 15, Саранск, 1952, стр. 142.

[2] К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 245.

[3] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 2, ч. 2. Бонн на Рейне, 1865, стр. 805.

[4] Там же.

[5] ЦГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 155, 1858—1859 гг., л. 135.

крестьянам возможность выкупа; б) ни мнимой уступки безвозмездно строений; в) ни выкупа личного труда крестьян»[1]. Он предлагает доход с цены десятины 8%.

Симбирский комитет постановил, что рента за пользование усадебной землей должна равняться двойному чистому доходу с равного количества земли, засеянного рожью, а чистый доход был выведен в 56 пудов ржи. За пользование местными выгодами оседлости с каждого домохозяина был определен ежегодный оброк, равный стоимости 20 пудов ржи. При выкупе усадеб определялся выкупной капитал при 5% капитализации с увеличением годовой ренты в 20 раз[2]. Соловьев выступил против этого решения комитета. Он берет среднюю цену пуда ржи за 6 лет—25 коп. серебром. Следовательно, пользование усадебной десятиной составит 14 руб. серебром (стоимость 56 пудов ржи) и пользование оседлостью — 5 руб. серебром (стоимость 20 пудов ржи). Он говорит, что если на десятине будет 3 двора, то за оседлость плата составит уже 15 руб. серебром. Соловьев делает вывод: «Вся годовая сумма за пользование, которую должны платить крестьяне с усадебной десятины и оседлости помещику, определится в 29 руб. серебром, а капитал за выкуп по 5-процентному расчету в 580 руб. серебром»[3].

Грабительский характер постановления комитета Соловьев показывает на примере своего имения. В его имении 505 душ, под поселением их 91 дес. 78 саж., дворов 143. По определению комитета крестьяне должны будут платить за 91 дес. 25 480 руб., а со 143 дворов — 14 300 руб., всего 39 780 руб. На эту сумму в Ардатовском уезде можно купить лучшего качества пахотной земли, по 40 руб. серебром за десятину, без малого тысячу десятин[4].

Стремление губернских комитетов к обезземеливанию крестьян после реформы проявилось и при обсуждении вопроса «О праве крестьян на приобретение усадеб в собственность через выкуп». Пензенский комитет единогласно постановил: «Крестьянам предоставляется право выкупать усадьбу в собственность по утвержденной комитетом оценке целым составом общества, а не отдельно кем-либо из его членов»[5]. Если сравнить это постановление с проектом «большинства» Тамбовского комитета, то увидим, что они ничем не отличаются.

Комитеты ограничивали право выкупа усадеб крестьянами срочно-обязанным периодом. Пензенский комитет и «большинство» Тамбовского комитета допускали выкуп усадеб только в том случае, если сразу вносилась вся сумма. Пока эта сумма не будет собрана, крестьяне должны платить за пользование усадьбой 6% в год (проект Пензенского комитета) с оценочной суммы. По проекту «большинства» Тамбовского комитета — 5 руб. за десятину, если крестьяне пользуются своими прежними усадьбами[1]. Эти деньги должны были войти в выкупную сумму. Несколько отличается от этих проектов проект «меньшинства» Тамбовского комитета. «Меньшинство» допускало выкуп крестьянских усадеб и после срочно-обязанного периода. С крестьян за пользование усадебной землей до выкупа взималось 4% оценочной суммы[2], что было ниже по сравнению с оценкой в вышеуказанных проектах.

Расхождения между этими проектами объясняются тем, что в южных уездах Тамбовской губернии (именно из этих уездов были члены «меньшинства») усадьбы не составляли такую ценность, как в северных уездах Тамбовской и Пензенской губерний. Как уже говорилось выше, члены «меньшинства» относились к крупнопоместным владельцам. Поэтому, чтобы сохранить рабочую силу, они шли на некоторые уступки, которые выразились в том, что не ограничивали срок выкупа переходным периодом и несколько снизили цену за пользование усадьбой.

Получив право на выкуп усадебной земли, крестьянин, однако не всегда мог выкупить тот участок, которым он ранее пользовался. Комитеты лишили их этой возможности, предоставив помещикам право переселять крестьян в продолжении срочно-обязанного периода на другое место. Помещик мог переселять крестьян «в другие имения того же или другого уезда одной губернии... если при этом крестьянин переселялся далее 15 верст, то издержки переселения во всех подробностях падали на помещика»[3].

В проекте «большинства» Тамбовского комитета переселение крестьян на новые места рассматривали как самый удобный способ выкупа усадеб, ибо цены на усадебную землю в том случае будут ниже, чем за старые, а «надельная земля окажется недалеко от села»[4].

При переселении крестьян ближе 15 верст крестьянские строения перевозились миром, а помещик выделял пособия (материалами или деньгами) в сумме 15 руб. серебром на двор[5]. Следует указать, что «большинство» Тамбовского комитета в исключительных случаях допускало повышение пособия до 30 руб. серебром[6]. При переселении крестьяне в течение 3 лет имели право безвозмездно пользоваться старыми конопляниками[7].

Некоторым ограничением переселения крестьян служило то

---

[1] ЦГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 155, 1858—1859, гг. л. 135.
[2] ЦГИА, ф. 1180, оп. XV, 1858—1859 гг., д. 155, л. 137.
[3] Там же, оп. 1, л. 137.
[4] Там же, л. 138.
[5] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 45.

[1] Рукописный фонд Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров МАССР (в дальнейшем МНИИЯЛИЭ), д. и-423, л. 10; А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 3. Бонн на Рейне, 1865/6, стр. 674.
[2] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 3. Бонн на Рейне, 1865/6, стр. 675.
[3] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 9.
[4] К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 249.
[5] МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 10; К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 251.
[6] К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 251.
[7] Там же, стр. 250; рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 10.

положение, что помещик под новое поселение обязан был выделить усадьбы недалеко от полевых земель и в таком же количестве, какое они имели на старом месте[1]. В этом проект Пензенского комитета сходен с проектом «большинства» Тамбовского комитета. «Меньшинство» также дало помещикам право переселять крестьян. Однако по сравнению с проектами Пензенского комитета и «большинства» Тамбовского комитета здесь была оговорка, чтобы переселение совершалось «по очевидной в том хозяйственной надобности как для помещика, так и для крестьянина»[2].

Губернатор признавал проект «меньшинства» более удовлетворительным. В нем представлялись крестьянам на выкуп те усадьбы, на которых они проживали, а также были подробно определены случаи необходимого переселения с отстранением произвола помещиков[3]. По мнению Данзаса, «полезно было бы, при переселении усадеб, ни по каким причинам не возвышать цены новых усадебных участков против цены полевой земли»[4].

Пензенский комитет объясняет причины переселения тем, что помещиков «смущает в новом деле одна непременная обязанность вечно тесниться в соседстве с лицами, принимающими совершенно другой характер быта, могущими подчас обратиться в невыносимых соседей»[5].

27 ноября 1858 года Пензенский комитет перешел к рассмотрению пятого пункта правительственной программы «О наделе в пользование крестьян землею пахотною и другими угодьями»[6]. По решению комитета срочно-обязанным крестьянам для обеспечения их быта и «доставления средств» отводилась земля по числу наличных тягол. Было постановлено считать в тягле $2^1/_2$ души мужского пола[7]. В имениях, где на душу приходилось пахотной и сенокосной земли не менее 4 десятин на тягло, отводилось $4^1/_2$ десятины пахотной и $^1/_2$ десятины сенокоса. Всего на тягло отводилось в таких имениях Пензенским комитетом 5 десятин[8].

В среднеземельных барщинных имениях, в которых определенного количества земли в надел крестьянам произвести было невозможно, проект допускал представлять в пользование последних половину всей пашни и сенокоса, другая половина оставалась в распоряжении помещика[9]. К среднепоместным Пензенский комитет отнес имения, в которых на душу приходилось пашни и сенокоса от 3 до 4 десятин[1].

В малоземельных оброчных имениях крестьянам представлялось то самое количество земли, с которого они платили оброк. Следует отметить, что проект давал владельцам таких имений право оставлять за собой $^1/_3$ земли, с соразмерным уменьшением оброка[2].

Отвод земель срочно-обязанным крестьянам представлялся помещикам[3]. Пользуясь этим правом, они могли отводить крестьянам земли плохого качества.

Увеличение поземельного надела, по мере роста населения, зависело от обоюдного договора крестьян с помещиком, но для помещика это было необязательно[4].

Помещикам было представлено право перемены отведенных крестьянам участков, если на этих участках были открыты минеральные богатства; при изменении системы сельского хозяйства, требующей нового распределения полей; когда прокладывались новые дороги или каналы для судоходства или ирригации[5].

Из вышеизложенного видно, что проект Пензенского комитета был направлен на обезземеливание крестьян. Если до реформы крестьяне Пензенской губернии имели на мужскую душу всех угодий по 2,8 десятины, то по срочно-обязанному проекту им отводилось по 2 десятины, а по выкупному—2,3 десятины на душу мужского пола[6].

Еще дальше пошли в сокращении земельных наделов Тамбовский и Симбирский комитеты. Дорожа плодородной землей, они стремились наделить крестьян как можно меньшим наделом. Но и этот надел отводился только на время переходного периода. Тамбовский комитет сделал все необходимое для обезземеливания крестьян. Именно к этому стремились помещики губернии. Н. Ф. Берг в письме к Погодину писал: «В Тамбовской губернии помещики находили для себя безусловно выгодным безземельное освобождение крестьян и признавались, что они очень рады освободиться от крепостных крестьян, лишь бы осталась при них вся земля, которая в Тамбовской губернии... все равно, что черное золото»[7]. Чтобы сохранить «черное золото» у помещиков, «большинство» решило, что для обеспечения существования крестьян достаточно отвести надел в 1 десятину на ревизскую душу, что было в 3 с лишним раза меньше дореформенного надела крестьян (3,1 дес.)[8].

---

[1] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 10.
[2] К. Ф. Максимова. Крестьянская реформа 1861 года в Тамбовской губернии. М., 1961, стр. 251.
[3] А. Скребицкий. Указ. раб., т. 2, ч. 2. Бонн на Рейне, 1865, стр. 903.
[4] Там же, стр. 903.
[5] Там же, стр. 901—902.
[6] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, стр. 73.
[7] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 73 или рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 11.
[8] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 73.
[9] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 73 или рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 11.

[1] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 12.
[2] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 73—74 или рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 11.
[3] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 11.
[4] Там же, л. 12.
[5] Там же.
[6] А. Скребицкий. Указ. раб., т. 2, ч. 2, стр. 1517.
[7] А. А. Корнилов. Крестьянская реформа. СПб., 1905, стр. 38.
[8] А. Скребицкий. Указ. раб., т. 2, ч. 2, стр. 1509.

Однако, считаясь с правительственной программой, «большинство» вынуждено было дать наделы в многоземельных имениях 1,5 дес., в среднеземельных — 1,25 дес. и в малоземельных имениях — 1 дес. на душу мужского пола[1]. Причем «большинство» делало исключение для северных уездов: Елатомского, Темниковского, Спасского, Шацкого и Моршанского[2]. Помещики этих уездов могли предоставлять крестьянам землю сверх установленного надела, однако чтобы общее количество надельной земли не превышало дореформенный надел и чтобы повинности не занимали более $^1/_2$ рабочего времени с тягла в год[3].

Соглашаясь с нормами надела «большинства», «меньшинство» Тамбовского комитета считало возможным предоставить сверх этой нормы дополнительный надел по «справедливой цене» по желанию крестьян. Нормы дополнительного надела были следующие: в многоземельных — 1,2 дес., в среднеземельных — 0,8 дес. и в малоземельных — 0,4 дес. на душу[4]. По выкупному проекту Тамбовского комитета назначался надел 2 дес. на душу[5].

Симбирский комитет (большинство) предложил надел в многоземельных и среднеземельных имениях 1,5 дес. на душу, а в малоземельных — $^1/_2$ всей пахотной и луговой земли имения[6]. 5 членов комитета предложили выделить надел ценностью на 100 руб.[7], 2 члена — нынешний надел — 2,9 дес. на душу[8].

Сравнение наделов, запроектированных комитетами, с наделами, бывшими в пользовании крестьян до реформы, в уездах Мордовии выявляет следующую картину (см. табл. 1).

Из приведенной таблицы видно, что крестьяне, проживающие на территории уездов, вошедших в состав современной Мордовии, как и все крестьянство Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерний, должны были лишиться большого количества земли.

Начальники губернии вынуждены были признать, что нормы наделов, принятые комитетами, были недостаточными. Извеков (губернатор Симбирской губернии) признавал «необходимость сохранения существующих наделов», в противном случае он предвидел «неминуемый ропот среди крестьян»[9].

4 декабря 1858 года[10] Пензенский комитет начал работу над разработкой VI главы проекта, который был посвящен повинностям крестьян. Было решено повинности срочно-обязанных крестьян разделить на две категории — казенные и помещичьи[11].

[1] А. Скребицкий. Указ. раб., т. 2, ч. 1. Бонн на Рейне, 1863, стр. 9.
[2] А. Скребицкий. Указ. раб., т. 2, ч. 2, стр. 728.
[3] К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 254.
[4] А. Скребицкий. Указ. раб., т. 2, ч. 2, стр. 1509.
[5] Там же, стр. 1509.
[6] Там же, ч. 1, стр. 9.
[7] Там же, ч. 2, стр. 1495.
[8] Там же, стр. 1495.
[9] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 2, ч. 1, Бонн на Рейне, 1863, стр. 8.
[10] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 92.
[11] Там же, л. 94.

Таблица 1[1]

Уезды	На душу мужского пола приходилось (десятин)				
	до реформы		по проекту		
	по данным описания помещичьих имений	по данным уставных грамот	большинства	меньшинства	выкупн.
Ардатовский	2,3	3,1	1,5	5 членов на 100 руб. 2 члена — 2,9	—
Инсарский	2,8	2,9	2,0	—	2,3
Краснослободский	2,4	2,4	2,0	—	2,3
Наровчатский	2,4	3,0	2,0	—	2,3
Саранский	2,4	2,7	2,0	—	2,3
Спасский	3,0	3,2	1,2	2,5	2,0
Темниковский	2,4	2,6	1,2	2,5	2,0
Итого средний по 7 уездам	2,5	2,9	1,7	2,6	2,2

Срочно-обязанные крестьяне должны были отбывать казенные повинности, как денежные, так и натуральные. К последним относились: рекрутская, земская, полицейская служба, квартальная, подводная и дорожная.

Проект давал помещикам право отдавать в рекруты в первую очередь тех крестьян, которые по их утверждению были «буйными, ослушниками, грубиянами и нерачительными хозяевами»[2].

Как было сказано выше, при анализе V главы проекта улучшения быта помещичьих крестьян помещики Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерний сделали все для того, чтобы сохранить в своих руках землю. Но перед комитетами стал вопрос об обеспечении помещичьих имений после реформы рабочей силой. Помещики, проживающие на территории современной Мордовии, так же, как и все дворянство вышеуказанных губерний и России, были заинтересованы в сохранении дешевой рабочей силы вокруг своих имений. Однако многие из них высказывали опасения, что крестьяне, получив свободу, могут переехать на юг России, где плотность населения была значительно меньше, чем в центральных губерниях. Такое опасение, в частности, высказывал помещик Темниковского уезда Никифоров. Он писал, что в южной полосе России «работа дороже, а хлеб родится обильнее, где за ту же работу владелец многоземельного имения может дать им более земли, чем малоземельный: весьма не мудрено, что многие северные и даже центральные местности опустеют и останутся без обработки»[3].

[1] Составлена на основании данных А. Скребицкого. (см. указ. раб., т. 2, ч. 2, стр. 1494—1495, 1508—1509, 1516—1517) и источников ЦГИА, ф. 577.
[2] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 13.
[3] «Журнал землевладельцев», № 3, отд. VII, стр. 27.

Никифоров предлагает установить между хлебородными и нехлебородными губерниями запретительную черту, переход за которую можно совершить только с разрешения владельца, который за это получал вознаграждение[1].

Комитеты в проектах предусматривали, что помещик в течение срочно-обязанного периода мог применять все формы эксплуатации, которые существовали до реформы. Помещик при желании мог получить за землю, отведенную срочно-обязанному крестьянину, доход деньгами. В этом случае он мог наложить оброк с каждого тягла соразмерно оценке земли, определенной комитетом, считая по 6% оценочной суммы в 66 руб. серебром за десятину[2]. Если помещик мог выбрать формы эксплуатации выгодные для своего хозяйства, то крестьяне не могли перейти с барщины на оброк.

Пензенский и Тамбовский проекты представляли дворянству через каждые три года делать переоценку чистого поземельного дохода[3]. Против этого выступил тамбовский губернатор Данзас, который считал, что переоценка повинностей через каждые 3 года может привести к спорам и враждебным столкновениям[4].

Пензенский комитет определил норму натуральной повинности при 2-дневной барщине за надел в 5 десятин 100 дней с тягла в год или 20 дней за 1 десятину удобной земли. Если же помещик хотел получить доход деньгами, определен был за этот надел оброк по 20 руб. с тягла. Такой размер оброка допускался и при меньшем количестве земли. В этом случае за десятину пашни и сенокоса тягло должно было платить 4 руб. деньгами или 14 пудов 16 фунт. рожью[5].

«Большинство» Тамбовского комитета определило норму натуральной повинности при 3-дневной барщине в 140—150 тягловых рабочих дней за надел, который до реформы в среднем на тягло составлял от 6 до 7 десятин. По подсчетам «большинства» тягло за 1 десятину должно отрабатывать 40 дней: 20 конных и 20 пеших. Однако оно признало справедливым назначить в пользу помещика 20 конных дней[6]. «Большинство» Тамбовского комитета представляло помещикам право требовать выполнения $^3/_4$ натуральной повинности летом, а $^1/_4$ зимой[7].

Губернатор Данзас не был согласен с таким отношением летних и зимних дней. Он предлагал летом использовать $^2/_3$, а зимой $^1/_3$ тягловых дней[8].

---

[1] «Журнал землевладельцев» № 3, отд. VII, стр. 27.
[2] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, стр. 103.
[3] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 14. А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 3. Бонн на Рейне. 1865/6, стр. 43.
[4] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 3, Бонн на Рейне, 1865/6, стр. 43.
[5] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 15.
[6] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 3. Бонн на Рейне, 1865/6, стр. 646.
[7] Там же, стр. 232.
[8] Там же.

Проекты определили возраст работников: от 18 до 50 лет для крестьянина и от 16 до 45 лет для крестьянки[1]. Следует отметить, что «большинство» Тамбовского комитета разрешало помещику применять на легких пеших работах труд мальчиков с 14 до 18 лет, засчитывая 3 дня их работы за 1 день взрослого работника[2]. «Меньшинство» выступило против применения детского труда[3].

Независимо от числа рабочих дней, выполняемых срочно-обязанными крестьянами, Пензенский и проект Тамбовского «большинства» представляли помещику право требовать вспомогательные сгонные дни без платы. Первый определил 8 сгонных дней, которые должны быть выполнены с 20 апреля по 15 августа, а последний —3 дня[4]. Кроме того, крестьяне обязаны были нести ночные караулы у господского имения с ответственностью мира за неисправность и убыток[5].

Крестьяне были обязаны выполнять барщину согласно урочному положению, которое было выработано в комитетах.

Кроме натуральной повинности, крестьяне должны были нести и денежную повинность в пользу помещика. За пользование усадьбами по проекту Пензенского комитета полагалась плата 6% с оценочной суммы, что составляло при наделе в 840 кв. саж. на участок на прежних местах всего 5 руб. 04 коп. серебром, или с тягла 3 руб., 15 коп., и с души 1 руб. 26 коп. При переселении на новые места крестьяне платили с участка 1 руб. 38 коп., с тягла— 87 коп., с души —34 коп.[6].

Тамбовское «большинство» за пользование отведенными усадьбами определило 5 руб. за десятину[7].

«Большинство» Симбирского комитета оценило десятину усадебной земли в 480 руб. За 840 кв. сажен на участок оценочная сумма составляла 5 руб. 4 коп., на тягло —3 руб. 15 коп., на душу —1 руб. 26 коп.[8], т. е. приняла одинаковую оценку усадебного участка с Пензенским комитетом. Против назначения комитетами особой денежной платы за усадебную оседлость вынуждены были выступить губернаторы, в частности Извеков (Симбирск. губ.). Он отмечал, что «назначенная комитетами особая денежная повинность за пользование усадебной оседлостью примется крестьянами за обременительный налог, так как крестьяне во время действия крепостного права за усадьбу ничего не платили и никакой повинности не отбывали»[9].

---

[1] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 15.
[2] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 3. Бонн на Рейне, 1865/6, стр. 243.
[3] Там же.
[4] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 16; А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 3. Бонн на Рейне, 1865/6, стр. 646.
[5] Там же.
[6] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 3, Бонн на Рейне, 1865/6, стр. 683.
[7] Там же, стр. 674—675.
[8] Там же, стр. 661.
[9] Там же, стр. 46.

Так выглядело «улучшение» положения барщинных крестьян.

В оброчных имениях Пензенским комитетом оброк был определен в 4 руб. серебром с десятины, Тамбовским (большинством комитета),— в 5 руб. серебром. До реформы средний оброк в Мордовии был равен 20 руб. 79 коп.[1] с тягла. Средний тягловый надел оброчных крестьян на территории Мордовии был равен 6,4 десятины[2]. Следовательно, на 1 десятину угодий приходилось 3 руб. 12 коп. серебром.

Согласно данным проектов Пензенского, «большинства» Тамбовского и «большинства» Симбирского комитетов в крупнопомещичьих имениях Мордовии оброчные крестьяне получали в среднем 4,6 десятины на тягло[3]. За эту землю крестьяне обязаны были платить по определению Пензенского комитета 21 руб. 19 коп. оброка, в т. ч. и за усадьбу (оброк за 1 надел 18 руб. 4 коп.+ 3 руб. 15 коп. за усад). При крепостном праве за такой надел пришлось бы заплатить крестьянам всего 14 руб. 35 коп.

Как за отбывание барщины, так и за уплату оброка должно было отвечать все общество, т. е. сохранялась круговая порука.

При неисправном платеже обществом оброка помещик имел право требовать с оброчных крестьян выполнения нужных ему работ.

В случае, если недоимка возрастала до полугодового сбора, помещик мог перевести всех крестьян на барщину[4].

Седьмая глава проекта Пензенского комитета была посвящена «Устройству дворовых людей». Из проекта видно, что дворовые, как и крепостные крестьяне, в течение 12 лет должны были оставаться на срочно-обязанном положении. Такое же решение было принято Симбирским и Тамбовским комитетами[5]. Исключение составляли дворовые, родившиеся после X ревизии. Они освобождались сразу.

Вышеуказанные комитеты освобождали дворовых без земли. Наделение землей допускалось Пензенским и «большинством» Тамбовского комитетов в том случае, если дворовые по усмотрению помещика и с согласия сельского общества причислялись в последнее[6]. «Меньшинство» Тамбовского комитета в случае желания дворовых получить надел соглашалось дать его, но без пособия от помещика. Такой крестьянин сразу же по освобождении попадал в кабалу опять-таки к тому же помещику.

---

[1] Средний оброк по уездам Мордовии выведен на основании ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 2, лл. 387, 389, 393, 407; А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 3. Бонн на Рейне, 1865/6, стр. 1288—1291.

[2] Средний тягловый надел выведен на основании ЦГИА, ф. 577.

[3] Средний тягловый надел, выделенный комитетом, выведен на основании данных А. Скребицкого. Крестьянское дело, т. 2, ч. 2. Бонн на Рейне, 1865, стр. 1494—1495, 1508—1509, 1516—1517.

[4] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 17.

[5] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 17. А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 4. Бонн на Рейне, 1868, стр. 9.

[6] Там же, л. 20, стр. 45.

Комитеты дали помещикам право по своему усмотрению увольнять дворовых на оброк. Тамбовский губернатор Данзас по этому поводу писал: «Предположенное Тамбовским комитетом обязательное увольнение на оброк может возродить постоянные с обеих сторон жалобы по взносу оброка»[1].

Пензенский комитет допускал переход дворовых на оброк и без согласия помещика. В этом случае дворовые мужского пола от 16 до 50 лет должны были уплачивать бывшему владельцу в год не свыше 19 руб. серебром, а дворовые женского пола от 16 до 45 лет—8 руб.[2]. Губернатор Панчулидзев выступал против назначения платы с 16-летнего возраста, т. к. по положению о крестьянах было определено считать тягловым от 18 лет. «Следовало бы и здесь назначить те же лета»[3].

Тамбовское «большинство» при определении размера оброка разделило дворовых на различные категории. В зависимости от категории находился размер оброка. Так, домашняя прислуга и дворовые, обученные мастерству за счет помещика, в возрасте от 18 до 50 лет должны были платить оброк 28 руб. в год, а дворовые-чернорабочие—18 руб. Женщины платили половину мужского оброка. По мнению «меньшинства» этого комитета, установленные «большинством» нормы оброка равнялись сумме, которую выплачивали до реформы оброчные крестьяне, пользующиеся наделом. Учитывая неизбежность огромных недоимок, «меньшинство» снизило оброк с 28 руб. до 20 и с 18 руб. до 12 руб. серебром[4].

Дворовые могли получить освобождение, не дожидаясь окончания срочно-обязанного периода. В таком случае они должны были уплатить выкупную сумму помещику. Как Пензенский, так Тамбовский и Симбирский комитеты определили разный размер выкупной суммы с дворовых. По проекту первого с дворовых, не обученных ремеслам и хозяйственным должностям и не состоящих в домашней прислуге, взималась выкупная сумма в 150 руб. с мужчин и 30 руб. с женщин[5]. Тамбовское «большинство» на таких дворовых назначило выкуп в 125 руб. с мужчины и 40 руб. с женщины[6]. «Меньшинство» Тамбовского комитета с необученной женщины-дворовой требовал брать 30 руб.[7]

Более высокие размеры выкупа были определены с обученных ремеслам и состоящих в домашней прислуге и должностях при домашнем хозяйстве. Комитетами были назначены такие размеры выкупа:

---

[1] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 4. Бонн на Рейне, 1868, стр. 19.

[2] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 18.

[3] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 7, л. 173 об.

[4] К. Ф. Максимова. Указ. раб., стр. 272.

[5] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 4. Бонн на Рейне, 1868, стр. 59.

[6] Там же, стр. 62.

[7] Там же, стр. 63.

	С мужчин	С женщин
Пензенским	300 руб.	60 руб.[1]
	С мужчин	**С женщин**
Тамбовским «большинст.»	250 руб.	80 руб.[2]
Тамбовским «меньшинств.»	200 руб.	60 руб.[3]

Пензенский комитет объяснял, что увеличение выкупа за обученных допущен в виде вознаграждения владельца за понесенные им расходы на обучение[4]. Комитеты решили, что дворовые должны выкупать и членов своей семьи. По проекту Пензенского комитета подростки от 14 до 16 лет при выкупе должны были внести половину суммы против совершеннолетних[5]. По решению «большинства» Симбирского комитета за малолетних от 14 до 18 лет назначалась $^1/_4$ выкупной суммы совершеннолетних[6].

За каждый выслуженный год переходного состояния дворовые удерживали за собой 12 часть выкупной суммы[7].

Помещику предоставлялось право уволить в любое время безвозмездно дворового с семейством, т. е. выбросить на улицу. Исключение составляли старики, вдовы и сироты из дворовых людей, которых помещик должен был содержать до окончания переходного состояния.

22 января 1859 года Пензенский комитет приступил к обсуждению последних глав своего проекта (глава VII — «Образование сельских обществ», глава IX — «Права и отношения помещика» и X глава — «Порядок и способ исполнения нового положения»). Было решено, что каждое имение владельца составляет отдельное общество. Помещик получил право соединять два и более своих имений в одно общество. «Нормою для образования отдельного крестьянского общества полагается 21 душа мужского пола»[8]. Сохранялась община, отвечающая интересам помещика и казны.

В. И. Ленин об этом писал: «Крепостники-помещики, будучи господствующим классом в дореформенной России, будучи политически главенствующим классом в течение всего XIX века, вели в общем и целом политику *охранения* старых общинных порядков крестьянского землевладения»[9].

Распределение земельных угодий и повинностей должно было производиться миром и по тяглам[10].

---

[1] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 4, Бонн на Рейне, 1868, стр. 59.
[2] Там же, стр. 62.
[3] Там же, стр. 63.
[4] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 5.
[5] Там же, л. 20.
[6] А. Скребицкий. Крестьянское дело, т. 4. Бонн на Рейне, 1868, стр. 64.
[7] ГАПО, ф. 198, оп. 1, д. 7, л. 173.
[8] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ. д. и-423, л. 21.
[9] В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 16, стр. 423.
[10] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 21.

Для решения общих дел должен был собираться мирской сход. Приговор мирского схода имел силу лишь при утверждении его помещиком. Мирской сход собирался только по разрешению помещика[1]. Помещик сохранял в своих руках полицейскую и административную власть. Особенно ярко это выражено в статье темниковского помещика Никифорова «Общественное устройство и естественная производительность России». Он считал, что надзор за крестьянским населением должен принадлежать дворянству и после реформы, иначе оно потеряет свое значение. «Дворянство должно оставаться той же свободной властью,— писал Никифоров,— какою была доселе, только среди свободного населения»[2].

Обсудив все пункты правительственной программы, Пензенский комитет 3 марта 1859 года закончил свою работу над составлением проектов (обязательного и выкупного) улучшения быта помещичьих крестьян.

Из анализа проектов Пензенского, Тамбовского и Симбирского комитетов видно, что они имели грабительский характер для крестьян. Комитеты постарались как можно больше оградить интересы помещиков во время и после проведения реформы. Комитеты, «улучшая» быт помещичьих крестьян, прежде всего стремились улучшить свой быт. Так, член Симбирского комитета от Ардатовского уезда давал вышеуказанному комитету следующую характеристику: «Симбирский комитет мог быть назван комитетом улучшения быта помещиков»[3]. Такую же характеристику можно дать Пензенскому и Тамбовскому комитетам.

Для представления проектов в Главный комитет и обоснования их там от Пензенского комитета были выбраны М. А. Литвинов и Горсткин[4], от Симбирского — Орлов-Давыдов («меньшинство») и Шидловский («большинство»)[5]. В Тамбовском комитете и по этому вопросу разгорелись большие споры. Несмотря на правительственное предписание выбирать по одному депутату от «большинства» и «меньшинства», Тамбовское «большинство» добивалось выбрать двух депутатов из своей среды. Однако был выбран депутат как от «большинства» (Петрово-Соловов), так и от «меньшинства» (Сальков). Из-за болезни Салькова (вместо него) в главный комитет поехал член «большинства» Никифоров.

Семенов-Тянь-Шанский дает следующую характеристику депутатам от губерний. Так, о Горсткине он писал, что это «один из типичных, но при этом наиболее просвещенных и лучших по своим нравственным качествам представителей отживающих крепостнических порядков»[6]. Говоря о тамбовских депутатах, Семенов-Тянь-

---

[1] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. и-423, л. 22.
[2] «Журнал землевладельцев», № 22, отд. VII, стр. 41.
[3] П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. М., 1960, стр. 93.
[4] ГАПО, ф. 5, оп. 1, д. 3508, л. 409.
[5] ЦГИА, ф. 1180, оп. т. XV, д. 27, л. 197 об.
[6] Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары, т. IV, Пг., 1916, стр. 92—93.

Шанский отмечал, что «оба они принадлежат к родовитому дворянству губернии, получили прекрасное воспитание и развились в среде столичной интеллигенции, вращаясь в петербургских салонах, но в то же время часто заглядывали в свои богатые поместья и, несомненно имея глубокие корни в родной земле, были достаточно знакомы с местными экономическими условиями»[1].

Депутата симбирского «большинства» Семенов-Тянь-Шанский характеризовал так: «Шидловский принадлежал к числу тех дворян-помещиков, которых называли в то время упорными крепостниками...»[2]

Депутаты вышеуказанных губерний яростно защищали свои проекты, но успеха не имели, несмотря на то, что в редакционной комиссии были такие же крепостники, как депутаты Пензенской, Тамбовской и Симбирской губерний. Это было вызвано усилившимся крестьянским движением в стране за волю и землю. Однако при составлении окончательного общероссийского проекта положения об улучшении быта помещичьих крестьян многие предложения вышеуказанных губернских комитетов были учтены. Доказательством служит то, что редакционные комиссии снизили первоначально предложенные высшие нормы наделов. Это видно из таблицы 2.

Таблица 2[3]

Уезды	Наделы	
	по первоначальным предложениям ред. ком.	по высочайше утвержденному мнению госуд. сов.
Ардатовский	3½	3 д. 600 кв. саж.
Инсарский	3	3
Краснослободский	3½	3
Наровчатский	3½	3
Саранский	3	2 д. 1800 кв. саж.
Спасский	4	3
Темниковский	4	3

Из таблицы 2 видно, что высшие наделы были сокращены по 6 уездам. Таким образом, господствующие классы пришли «к взаимному соглашению» за счет угнетенных масс.

[1] Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары, т. 3, Пг., 1915, стр. 324.
[2] Там же, стр. 380.
[3] Таблица составлена на основании данных А. Скребицкого (Крестьянское дело, т. 3. Бонн на Рейне, 1865/6, стр. 1288—1291) и Высочайше утвержденного Его Императорским Величеством 19 февраля 1861 года Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, СПб., 1861. Приложение, стр. 1, 5, 6.

А. Е. КИЛЬМЯШКИН

КРЕСТЬЯНСКИЕ НАДЕЛЫ ПО УСТАВНЫМ ГРАМОТАМ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ

За последнее время советская историческая наука уделяет большое внимание изучению вопроса реализации «Положений 19 февраля» 1861 года в различных районах страны. Одним из важнейших источников для изучения этого вопроса являются уставные грамоты. Их первостепенное значение как исторического источника состоит в том, что они являлись основными документами, фиксировавшими изменения в хозяйственном положении бывших помещичьих крестьян в результате реформы и определявшими их взаимоотношение с помещиками на весь период до заключения выкупных сделок. Уставные грамоты содержат точный и полный материал в отношении крестьянского землепользования в пореформенное время. Цель настоящей статьи — проследить изменения в крестьянском землепользовании в результате введения уставных грамот как в целом по Мордовии, так и у крестьян-мордвы.

«Положения 19 февраля» признали за помещиками право собственности на все принадлежащие им земли. Однако в соответствии с «Положениями» помещики должны были предоставить крестьянам за определенную повинность в постоянное пользование «усадебную оседлость» и полевой надел.

«Местное положение» для губерний великорусских, новороссийских и белорусских установило высший и низший размеры наделов. Размеры наделов в уездах Мордовии были неодинаковы. Низший (минимальный) размер надела в Мордовии составлял одну треть высшего (максимального). В Ардатовском уезде максимальная норма надела была равна 3 дес. 600 саж., а минимальная — 1 дес. 200 саж. на душу мужского пола[1]. В Инсарском, Краснослободском, Наровчатском, Спасском, Темниковском уездах максимальная норма надела была равна 3 дес., а минимальная 1 дес. Самые низкие нормы надела были установлены для Саранского уезда, где высший надел был равен 2 дес. 1800 саж., а низший — 200 саж. на душу.

Получение наделов для крестьян было обязательным. «Положе-

[1] Душ мужского пола (далее душ—м. п.).

ния» лишали крестьян возможности в течение 9 лет после объявления «Манифеста» отказаться от надела. Но и по истечении этого срока крестьяне могли отказаться от наделов лишь в том случае, если они не успели перейти в разряд крестьян-собственников. Перевод же крестьян в разряд собственников зависел только от помещика. Поэтому право крестьян отказаться от надела по истечении девяти лет оказалось ничем иным, как простой фикцией.

Согласно ст. 53 и 54 «Местного положения» крестьянам отводились те же угодья, которыми они пользовались до реформы. Законом предоставлялось помещикам право отрезать от крестьянских наделов излишек земли сверх высшей нормы. В «Местном положении» говорилось, что отрезка производится «из тех ненавозных пашен, непоемных покосов, кустарных зарослей и вообще лесных пространств... которые отделены от селения и расположены среди помещичьих угодий»[1]. Несмотря на это, ст. 55 и 56 предоставляли помещику право производить отрезки и из пойменных лугов и навозных пашен.

Если после наделения крестьян землей у помещика оставалось менее одной третьей части всей земли, он мог произвести отрезки, чем уменьшал и так мизерные крестьянские наделы. Таким образом, «Положения 19 февраля» дали «законное право» для сокращения дореформенного крестьянского землепользования.

Как известно, основу феодально-крепостнической системы хозяйства составляла полная собственность феодала на землю и неполная — на работника. Крестьянская реформа 1861 года подрывала эту основу, ибо определение размеров изменения землепользования является главным в истории отмены крепостного права. Сущность перемен в крестьянском землепользовании, вызванных реформой, раскрывается не только при определении числа душ, у которых произведены те или иные перемены, а главным образом при выявлении количества земли, прирезанной к наделам или отрезанной от них, а также наделов, оставленных без изменений. Необходимо также выяснить общее обеспечение крестьян землёй, полученной по уставным грамотам, т. е. определить, какое количество душ получили низший, высший и более высшей нормы наделы.

Для выявления происшедших изменений в землепользовании бывших помещичьих крестьян Мордовии перейдём к анализу уставных грамот.

Нами изучены материалы 974 уставных грамот[2], по которым получили надел 103355 душ, что составляло 97,6% от общего числа крепостных крестьян м. п. Мордовии. 296 душ м. п., или 0,28%

[1] Высочайше утвержденные Его Императорским Величеством 19 февраля 1861 года Положения. Местное положение, СПб., 1861, стр. 11.

[2] ЦГИА, фонд Главного выкупного учреждения (далее только номер фонда, ф. 577), оп. 27, дд. 131—260, 391—495, 649—720, 994—1113; оп. 36, дд. 64—215; оп. 40, дд. 1439—1503, 1721—2013 (все таблицы данной статьи составлены на основании этих источников).

крепостных крестьян, были отпущены на волю после десятой ревизии, 991 душа м. п., или 0,93% крепостных крестьян, отказались от надела, 12 душ м. п., или 0,01% крестьян, были лишены права на получение надела и 1188 душ крестьян м. п. после десятой ревизии были выселены за пределы Мордовии. Кроме указанного выше числа крестьян в результате введения уставных грамот было наделено землей 801 душа м. п. дворовых. Особенно большое число дворовых было наделено землей в Краснослободском, Наровчатском, Спасском уездах (соответственно 227, 184, 126 душ м. п.). Таким образом, в результате введения уставных грамот наделы получили 104156 душ м. п. Однако общее число крестьян, получивших надел по уставным грамотам, было меньше, чем крестьян, которые владели наделами до реформы. Изменения произошли во всех уездах.

Теперь проследим, какие изменения произошли в динамике размера наделов в результате реформы. Для этого необходимо выяснить, сколько наделов осталось без изменения, а также подверглось отрезке и прирезке.

Анализ уставных грамот показывает, что в Мордовии подверглись сокращению 39921 надел, что составляет 38,3% их числа. У 6192 душ м. п., или у 6%, надел увеличился, без изменения остался надел у 58043 душ м. п. (55,7%) общего количества крестьян, получивших надел по уставным грамотам.

Таким образом, более половины крестьян получили существующий надел. Несмотря на это, на территории Мордовии, как и в целом по стране, наблюдается проявление захвата крестьянских земель помещиками. Обратимся к анализу изменений в наделах крестьян по каждому уезду (табл. 1).

Таблица 1

Уезды	Количество наделов					
	с отрезкой		с прирезкой		без изменения	
	абсолютное число душ	%	абсолютное число душ	%	абсолютное число душ	%
Ардатовский	7281	45,3	803	5,0	7991	49,7
Инсарский	7455	30,5	737	3,0	16234	66,5
Краснослободский	3973	34,2	491	4,2	7144	61,6
Наровчатский	3846	51,3	31	0,4	3619	48,3
Саранский	10088	48,0	2237	10,7	8672	41,3
Спасский	3618	52,1	692	9,9	2644	38,0
Темниковский	3660	22,1	1201	7,2	11739	70,7
Итого по 7 уездам	39921	38,3	6192	6,0	58043	55,7

Из таблицы видно, что самый высокий процент наделов, по которым была произведена отрезка, был в Спасском уезде (52,1%),

самый низкий в Темниковском уезде (22,1%). Он меньше среднего процента по Мордовии на 16,2%. Зато Темниковский уезд даёт высший процент наделов, которые были оставлены без изменения. Наиболее благоприятное положение было у крестьян Инсарского уезда, 66,5% которых остались на прежних наделах и 3% получили небольшое приращение, ибо земли в этом уезде были гораздо лучшего качества, чем в Темниковском уезде.

Рассмотрим изменения наделов в зависимости от форм эксплуатации. Это позволит выявить, у какой категории крестьян какое количество наделов подверглось сокращению, увеличению или осталось без изменения (табл. 2).

Таблица 2

Уезды	% наделов у крестьян								
	на оброке			на барщине			на смешанной[1]		
	с отрезкой	с прирезкой	без изменения	с отрезкой	с прирезкой	без изменения	с отрезкой	с прирезкой	без изменения
Ардатовский	80,1	0,6	19,3	35,0	5,0	60,0	38,0	—	62,0
Инсарский	31,3	0,9	67,8	34,1	6,5	59,4	23,7	1,0	75,3
Краснослободский	13,2	—	86,8	17,7	7,5	74,8	71,8	1,2	27,0
Наровчатский	58,4	—	41,6	47,1	0,9	52,0	52,6	—	47,4
Саранский	56,0	1,3	42,7	60,6	10,5	28,9	35,4	17,4	47,2
Спасский	38,0	5,0	57,0	59,1	10,0	30,9	9,0	—	91,0
Темниковский	25,2	1,4	73,4	12,0	12,7	75,3	37,7	2,9	59,4
Всего наделов по 7 уездам	9805	219	11131	16362	3582	25542	11964	1776	18039[2]
	46,4	1,0	52,6	36,0	7,9	56,1	37,6	5,6	56,8

Таблица 2 показывает, что в целом по Мордовии в наиболее благоприятном положении оказались крестьяне, находившиеся на барщине, а также проживавшие в имениях со смешанной формой повинности. У 56,1% барщинных крестьян сохранился дореформенный надел. Дореформенные наделы сохранились также у 56,8% крестьян, проживавших в имениях со смешанной повинностью. Это можно объяснить тем, что в группе «смешанные» преобладали барщинные крестьяне. Из общего количества крестьян 31779 душ м. п., проживавших в имениях со смешанной формой эксплуатации, 20182 души (63,6%) выполняли барщину, 5413 душ (17%) были на оброке и 6184 души (19,4%) — на смешанной повинности. Несколько в худшем положении оказались оброчные крестьяне. Здесь дореформенный надел сохранился у 52,6% крестьян.

[1] Так как в уставных грамотах земля в имениях, где применялась смешанная форма эксплуатации, не разделена по формам эксплуатации, мы включили в группу смешанных всех крестьян, проживавших в имениях со смешанной формой эксплуатации.

[2] В таблицу не включены 5736 наделов, так как неизвестно, какую повинность крестьяне выполняли.

Если в целом по Мордовии у различных категорий крестьян разница между наибольшей и наименьшей сохранившейся долей дореформенного надела составила всего лишь 4,2%, то при поуездном обзоре она намного увеличивается. Выше было сказано, что крестьяне, проживавшие в имениях со смешанной формой эксплуатации, оказались в лучшем положении, так как они сохранили 56,8% дореформенных наделов. Поуездный обзор даёт возможность сделать вывод, что повышению процента наделов, оставленных без изменения, способствовали имения со смешанной формой эксплуатации Спасского, Инсарского и Ардатовского уездов, в которых удельный вес сохраненных дореформенных наделов был равен соответственно 91, 75,3 и 62% (табл. 2). В остальных же уездах, кроме Темниковского, процент крестьян, сохранивших дореформенный надел, был намного ниже, чем в целом по Мордовии (в Краснослободском — 27%, Саранском — 47,2, Наровчатском — 47,4%).

У крестьян, находившихся на барщине, только в трёх уездах процент наделов, оставленных без изменения, был ниже, чем в целом по Мордовии (в Саранском — 28,9%, Спасском — 30,9 и в Наровчатском — 52%). В остальных уездах этот процент был гораздо выше, чем процент наделов, оставленных без изменения у крестьян, проживавших в имениях со смешанной формой эксплуатации в целом по Мордовии.

В оброчных имениях также наблюдаются большие колебания. Если в Ардатовском уезде только 19,3% оброчных крестьян получили дореформенные наделы, то в Краснослободском — 86,8%, а в Темниковском — 73,4%. Следовательно, если в целом по Мордовии крестьяне, жившие в имениях со смешанной формой эксплуатации, и барщинные оказались несколько в лучшем положении, чем оброчные, то поуездный анализ показывает, что в некоторых уездах в лучшем положении оказались оброчные крестьяне, как, например, в Краснослободском, где у 86,8% оброчных крестьян сохранились дореформенные наделы.

У крестьян оброчной формы эксплуатации отрезкам подверглись 46,4% наделов, барщинной — 36% и у крестьян смешанных имений — 37,6% наделов. При сравнении этих данных с данными наделов, оставленных без изменения, видно: чем выше процент наделов, подвергнутых отрезке, тем ниже процент наделов, оставленных без изменения, и, наоборот, чем меньше наделов было подвергнуто отрезке, тем большее количество наделов осталось без изменения. Такая закономерность наблюдается во всех уездах.

В Мордовии наибольший процент наделов с прирезкой (7,9%) был у барщинных крестьян, несколько ниже (5,6%) — у крестьян смешанных имений. У оброчных крестьян доля наделов с прирезкой составила лишь 1%. Крестьяне, выполнявшие барщину, получили прирезки во всех уездах, чего мы не можем сказать относительно крестьян, находившихся на оброке.

Таблица 3

Уезды / Группы имений, душ м. п.	Оброчные					Барщинные				
	от 21 до 100	от 101 до 250	от 251 до 500	от 501 до 1000	свыше 1000	от 21 до 100	от 101 до 250	от 251 до 500	от 501 до 1000	свыше 1000
Ардатовский										
отрезка	35,9	19,4	12,7	—	—	11,9	28,1	5,4	21,7	—
прирезка	35,3	—	—	—	—	28,6	22,8	—	—	—
Инсарский										
отрезка	36,0	24,7	19,2	—	—	17,6	16,1	—	11,4	—
прирезка	4,7	—	—	—	—	5,0	4,1	—	—	—
Краснослободский										
отрезка	31,0	33,2	—	—	—	13,7	15,1	—	—	—
прирезка	—	—	—	—	—	50,0	28,9	—	—	—
Наровчатский										
отрезка	16,3	33,2	—	—	—	12,6	4,7	31,0	—	—
прирезка	—	—	—	—	—	10,7	—	—	—	—
Саранский										
отрезка	27,3	32,8	34,7	24,7	—	22,4	16,5	6,8	14,3	—
прирезка	2,3	—	—	—	—	3,9	0,3	—	—	—
Спасский										
отрезка	33,6	9,2	—	—	—	21,0	29,1	0,6	—	30,4
прирезка	26,8	—	—	—	—	21,2	21,9	—	—	—
Темниковский										
отрезка	40,9	26,8	—	—	—	28,6	19,8	8,4	—	—
прирезка	5,9	—	—	—	—	12,3	7,3	—	—	—
По Мордовии										
отрезка	32,8	26,9	19,0	24,7	—	17,7	19,7	9,1	16,5	30,4
прирезка	8,8	—	—	—	—	14,6	12,3	—	—	—

Продолжение таблицы 3

Уезды / Группы имений, душ м. п.	Смешанные					Помещик не указан					Средний
	от 21 до 100	от 101 до 250	от 251 до 500	от 501 до 1000	свыше 1000	от 21 до 100	от 101 до 250	от 251 до 500	от 501 до 1000	свыше 1000	по уезду
Ардатовский											
отрезка	15,8	—	15,4	—	—	49,8	0,04	16,4	—	—	18,9
прирезка	—	—	—	—	—	7,5	1,0	—	—	—	15,0
Инсарский											
отрезка	5,9	23,1	12,3	—	—	26,4	24,6	19,8	—	—	18,3
прирезка	5,0	—	—	—	—	50,0	—	—	—	—	6,5
Краснослободский											
отрезка	45,0	26,1	21,2	18,9	11,1	33,3	—	—	—	—	21,5
прирезка	110,9	—	—	—	—	—	—	—	355,5	—	52,7
Наровчатский											
отрезка	20,8	22,4	11,5	—	—	36,3	—	—	—	—	18,8
прирезка	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10,7
Саранский											
отрезка	23,3	11,0	18,5	—	—	12,9	—	—	—	—	20,8
прирезка	0,7	2,2	—	—	—	—	10,3	—	—	—	2,0
Спасский											
отрезка	28,9	29,1	0,6	—	30,4	27,2	—	—	—	—	27,9
прирезка	—	—	—	—	—	43,2	—	—	—	—	22,1
Темниковский											
отрезка	25,9	—	12,4	5,2	—	18,5	18,8	—	—	—	18,7
прирезка	47,5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9,5
По Мордовии											
отрезка	25,8	19,6	15,4	11,4	11,1	31,6	16,7	18,2	—	—	20,4
прирезка	16,8	2,2	—	—	—	16,2	5,2	—	355,5	—	12,1

При сравнении уездов видно, что самый большой процент наделов с прирезкой (17,4%) падает на долю крестьян Саранского уезда, проживавших в имениях со смешанной формой эксплуатации. Это объясняется тем, что в этом уезде в имениях со смешанной формой эксплуатации проживало 49,8% всех крестьян данной группы. У барщинных крестьян наибольшее количество наделов с прирезкой было в Темниковском уезде (12,7%), у оброчных — в Спасском (5,0%).

В целом по Мордовии 9805 наделов оброчных крестьян были подвергнуты отрезке, что составляет 46,4% всех наделов, неизменными остались наделы у 11131 крестьянина (52,6%) и только у одного процента оброчных крестьян наделы увеличились.

У барщинных крестьян отрезке подверглись 16362 надела, или 36%, без изменений остались наделы у 25542 крестьян (56,1%), у 3582 (7,9%) крестьян наделы увеличились.

У крестьян, находившихся на смешанной повинности, существующие наделы получили 18039 крестьян (56,8%), у 11964 крестьян наделы сократились и у 1776 — увеличились.

Рассмотрим, как и в каких пределах происходило сокращение и увеличение крестьянских наделов. На основании анализа уставных грамот выясним действительный размер отрезки и прирезки крестьянских наделов. Выясним, на сколько сократился надел у 39921 крестьянина и на сколько он увеличился у 6192 крестьян. Для этого приведем таблицу 3, которая показывает процент произведенной отрезки и прирезки в уездах Мордовии по группам имений.

Из таблицы 3 видно, что процент отрезанной земли у оброчных крестьян в группе до 100 душ (за исключением Наровчатского, Саранского и Краснослободского уездов) был гораздо выше, чем в группе свыше 100 душ. Средний процент отрезки у оброчных крестьян в группе до 100 душ составлял 32,8%. Ниже этого был процент отрезки в Наровчатском уезде (16,3%), Саранском (27,3%) и в Краснослободском (31%) уездах. Особенно большой процент отрезков наблюдается в Темниковском (40,9%), Инсарском (36,0%) и Ардатовском (35,9%) уездах. В крупнопоместных имениях средний процент отрезки у оброчных крестьян составлял 23,5%, что на 9,3% ниже среднего процента в группе до 100 душ. Следовательно, основная масса земли была отрезана в группе до 100 душ. Однако, если группу свыше 100 душ расчленить на несколько групп, как это мы сделали в приведенной таблице, то станет видно, что во всех уездах наибольший процент отрезки падает на группу до 250 душ.

Что касается барщинных крестьян, то в 5 уездах из 7 в группе имений до 100 душ процент отрезки меньше, чем в крупнопоместных имениях. Но и у барщинных крестьян при расчленении группы крупнопоместных имений на более мелкие выясняется, что основная масса земли была отрезана у крестьян, проживающих в имениях до 250 душ.

У крестьян, проживавших в имениях со смешанной повинностью, основная масса отрезанной земли также падает на группу до 100 душ.

Анализ процента отрезанной земли в зависимости от видов повинности подтверждает ранее сделанный вывод о том, что в результате реформы оброчные крестьяне оказались в худшем положении по сравнению с крестьянами, выполнявшими другие виды повинностей. Так, с учетом прирезанной земли оброчные крестьяне потеряли от дореформенного надела 24,9%, в то время как крестьяне, находившиеся в имениях со смешанной повинностью, потеряли 15,6, а барщинные крестьяне — 15,1% дореформенного надела.

Прирезка была произведена в основном у барщинных крестьян и у крестьян, проживавших в имениях со смешанной повинностью, а также у крестьян, повинность которых по уставным грамотам не указана. В целом по Мордовии, а также и по большинству уездов, выявляется такая закономерность, что с увеличением размера имений процент прирезки сокращается. Особенно большой процент прирезанной земли падает на Краснослободский уезд (52,7%), что на 40,6% был выше среднего процента прирезки в целом по Мордовии. Высокий процент прирезки в Краснослободском уезде объясняется тем, что до реформы крестьяне имели очень мало земли. Так, крепостные крестьяне Рябкинского чугуноплавильного завода на 80 душ имели только 45 дес. земли, т. е. по 1350 кв. сажен на душу. Их надел был увеличен до 3-х десятин[1].

В отдельных группах крестьян в поуездном разрезе произошли следующие изменения (табл. 4).

Таблица 4

Уезды	Число наделов			
	с отрезкой	% отрезки	с прирезкой	% прирезки
Ардатовский	7281	18,9	803	15,0
Инсарский	7455	18,3	737	6,5
Краснослободский	3973	21,5	491	52,7
Наровчатский	3846	18,8	31	10,7
Саранский	10088	20,8	2237	2,0
Спасский	3618	27,9	692	22,1
Темниковский	3660	18,7	1201	9,5
Итого по 7 уездам	39921	20,4	6192	12,1

Из таблицы 4 видно, что меньше всего подверглись отрезке наделы у крестьян Инсарского уезда (18,3%). В целом по Мордовии у 26,8% крестьян надел сократился до 10%, у 34,4% крестьян — до 20, у 14,3% крестьян — до 30, у 19,5% крестьян — до 40, у 3,1% крестьян — до 50 и у 1,9% крестьян — более чем на 50%[2].

[1] ЦГИА, ф. 577, оп. 27, д. 458, лл. 9—11.

[2] Подсчеты сделаны нами на основании источников ЦГИА, ф. 577, оп. 27, 36, 40.

Прирезка до 10% была осуществлена в 66,5% наделов, до 20%— в 16,8% наделов, до 30%—в 5,9% наделов, до 40%—в 2,7% наделов, до 50%—в 4,0% наделов и свыше 50%—в 4,1% наделов[1].

До этого мы стремились выяснить общие закономерности отрезки и прирезки в связи с социально-экономическими условиями, не учитывая географические условия, которые также влияли на степень отрезков и прирезок. Это можно выяснить при сравнении среднеуездных процентов отрезки и прирезки по уездам с различными качествами земли. По качеству земли территорию Мордовии мы делим на три категории. К первой категории относятся Ардатовский, Инсарский, Саранский уезды, ко второй — Краснослободский, Наровчатский и Спасский уезды и к третьей категории — Темниковский уезд. Отрезки и прирезки по уездам с различными качествами почвы выглядели так (табл. 5).

Таблица 5

Разряды уездов					
Первый		Второй		Третий	
% отрезки	% прирезки	% отрезки	% прирезки	% отрезки	% прирезки
19,4	6,4	22,8	32,6	18,7	9,5

Из таблицы 5 видно, что самый большой процент отрезков падает на уезды с землями второй категории (22,8%), меньше всего отрезков в Темниковском уезде—9,5%, земли которого нами отнесены к третьей категории. Следовательно, вывод Б. Г. Литвака о том, что «рост процента отрезки прямо пропорционально падению качества земли»[2], на примере Мордовии не подтверждается. Не подтверждается и вывод о том, что процент прирезки больше там, где земли лучшего качества. Правда, если сравнить земли уездов второй и третьей категорий, то этот вывод приемлем и для Мордовии.

* * *

Теперь рассмотрим вопрос о сокращении крестьянского землепользования, а также выведем среднюю (расчетную) отрезку. Для этого проведем анализ сокращения крестьянского землепользования поуездно (табл. 6.).

Таким образом, средняя (расчетная) отрезка в Мордовии по данным уставных грамот на 3,9% ниже, чем в Тамбовской губернии. По подсчетам Б. Г. Литвака, средняя (расчетная) отрезка в

[1] Подсчеты сделаны нами на основании источников ЦГИА, ф. 577, оп. 27, 36, 40.

[2] Б. Г. Литвак. Проведение крестьянской реформы в русском черноземном центре (1861—1895 гг.), докторская диссертация, М., 1968, т. 2, стр. 294.

Таблица 6

Уезды	Количество земли у помещичьих крестьян (в десятинах)				Уменьшение крестьянского землепользования	
	было в пользовании	прирезано	отрезано	предоставлено в надел	дес.	%
Ардатовский	51164	318	5423	46059	5105	9,9
Инсарский	71640	131	4908	66863	4777	6,6
Краснослободский	29567	501	2961	27107	2460	8,3
Наровчатский	22903	9	2627	20285	2618	11,4
Саранский	58603	257	7051	51809	6794	11,1
Спасский	22533	364	4121	18776	3757	16,6
Темниковский	43777	308	2565	41520	2257	5,1
Итого по Мордовии	300187	1888	29656	272419	27768	9,2

Тамбовской губернии была равна 13,1%[1]. Однако мы не можем настаивать на том, что расчетная отрезка в Мордовии была действительно равна 9,2%, она могла быть выше или ниже. Это сомнение объясняется тем, что по уставным грамотам, находившимся в нашем распоряжении, земельный надел получили 104156 душ м. п., и 18804 души м. п. получили дарственный надел[2]. Таким образом, в результате реализации крестьянской реформы наделом были наделены 122960 душ м. п. Имеющимися в нашем распоряжении документами не охвачено 4222 души м. п.

Самый низкий процент отрезки наблюдается в Темниковском (5,1%) и в Инсарском уездах (6,6%). Самый высокий процент средней отрезки в Мордовии был в Спасском уезде (16,6%). Колебание процента отрезки между уездами весьма ощутимо. При сравнении уездов с различными категориями почвы получаем следующие показатели. В уездах с почвой первой категории (Ардатовский, Инсарский, Саранский) средняя отрезка равна 9,2%, в уездах с почвой второго разряда (Краснослободский, Наровчатский, Спасский) —11,8% и в Темниковском уезде, где почва третьей категории, 5,1%. Таким образом, выявление средней отрезки лишний раз показывает, что вывод, сделанный Б. Г. Литваком для районов черноземного центра, на примере Мордовии не подтверждается.

Сокращение крестьянского землепользования по формам эксплуатации выглядит так (табл. 7).

В результате введения уставных грамот крестьяне Мордовии потеряли 27768 дес. 20 саж. (9,2%) земли, которая перешла в непосредственное пользование помещиков. Из этой земли 5908 дес.

[1] Б. Г. Литвак. Указ. раб., т. 2, стр. 537.

[2] Подсчитано нами на основании статистического сборника «Дарственное надельное крестьянское землепользование». СПб., 1908, стр. 51—52, 61, 73—76 (при выявлении средней (расчетной) отрезки брались во внимание только крестьяне, получившие надел по уставным грамотам).

Таблица 7

Группы имений, душ. М. П.		Оброчные				Барщинные			
		до 100	от 101 до 250	от 251 до 500	свыше 500	до 100	от 101 до 250	от 251 до 500	свыше 500
Дореформенный	дес.	15286	18768	14474	12100	39628	54751	17969	19831
надел	саж.	347	2104	1995	1947	2030	633	676	1810
Пореформенный	дес.	12875	15322	12663	10410	37957	50604	17088	16328
надел	саж.	696	292	830	2270	431	2113	1873	143
Отрезка	дес.	2410	3446	1811	1689	1671	4146	880	3503
	саж.	2051	1812	1165	2077	1599	920	1203	1667
% отрезки по всем группам		15,8	18,3	12,5	14,0	4,2	7,6	4,4	17,6
% отрезки по форме эксплуатации		15,4					7,7		

15 Заказ № 2382

Продолжение таблицы 7

Группы имений, душ. М. П.		Смешанные				Повинность не указана				Итого
		до 100	от 101 до 250	от 251 до 500	свыше 500	до 100	от 101 до 250	от 251 до 500	свыше 500	
Дореформенный	дес.	13846	25932	28185	23353	6710	5189	4111	45	300187
надел	саж.	1395	665	2393	1311	2390	639	1284	—	19
Пореформенный	дес.	12927	24078	25194	22191	5805	5001	3775	195	272418
надел	саж.	156	487	1531	1311	13	1469	784	—	2399
Отрезка	дес.	919	1854	2991	1162	905	187	336	—	27768
	саж.	1239	178	862	—	2377	1570	500	—	20
% отрезки по всем группам		6,6	7,1	10,6	5,0	13,5	3,6	8,2	—	9,2
% отрезки по форме эксплуатации				7,6			7,9			9,2

66 саж. (21,3%) достались помещикам — владельцам до 100 душ, а остальные 21859 дес. 2354 саж.— владельцам крупных имений.

В оброчных имениях крупные владельцы получили 6948 дес. 254 саж. (25,0%), в барщинных —8530 дес. 1390 саж. (30,7%), в смешанных —6007 дес. 1040 саж. (21,6%), остальная земля в количестве 373 дес. 2070 саж. (1,4%) досталась помещикам, в имениях которых по уставным грамотам повинность не указана.

Попытаемся выяснить, что же послужило основанием для отрезки земли от дерформенного крестьянского надела. В этом нам поможет таблица 8.

Таблица 8

Основания для отрезки	Число душ, у которых произвели отрезку		Было в пользовании земли	Предоставлено в надел	Отрезано по уставной грамоте		% отрезанной земли
	абсол.	%	десятин		абсол.	%	
Ст. 18 М. П.	35608	89,2	132857	106535	26322	19,8	88,8
Ст. 20 М. П.	3995	10,0	11096	8107	2989	26,9	10,1
Добровольн. соглашение	318	0,8	931	586	345	37,0	1,1
Всего по Мордовии	39921	100	144884	115228	29656	20,4	100

Таким образом, основная масса земли (88,8%) была отрезана на основании ст. 18 «Местного положения» (М. П.) для великорусских губерний, т. е. отрезка была произведена потому, что дореформенные наделы крестьян превышали высший размер надела, установленный для данной местности. 10,1% земли было отрезано на основании ст. 20 М. П., которая позволяла помещикам малоземельных имений удерживать $^1/_3$ всех удобных земель.

Исходя из вышеизложенного, мы приходим к выводу, что экономической, материальной основой отрезки в некоторых имениях Мордовии являлось наличие у крестьян наделов, превышающих установленные правительством нормы.

6192 крестьянина, проживающих на территории Мордовии, получили надел, который превышал дореформенный, то есть получили прирезку (табл. 4) в количестве 1888 дес.[1] (табл. 6).

Законом предусматривалось совершать прирезки только в том случае, когда дореформенный надел был ниже минимального, то есть составлял менее одной трети высшей нормы, установленной «Положением 19 февраля». При анализе уставных грамот нами обнаружено только два случая (у 64 крестьян), когда

[1] В число прирезки нами включены 151 дес., которые были подарены крестьянам во время введения уставных грамот.

прирезка осуществлялась на основании закона. Однако не всегда наделы крестьян достигали высшей нормы и после прирезки. Об этом говорит таблица 9.

Таблица 9

Уезды	Число душ, получивших в результате прирезки наделы		
	низший	более низшего, но менее высшего	высший
Ардатовский	22	183	598
Инсарский	—	177	560
Краснослободский	—	179	312
Наровчатский	—	—	31
Саранский	—	297	1940
Спасский	42	129	521
Темниковский	—	462	739
Итого по 7 уездам	64	1427	4701

Таким образом, даже в результате совершенной прирезки 1491 крестьянский надел не достигал высшего размера. Особенно много таких наделов было в Темниковском уезде (462). Основной причиной прирезки на территории Мордовии, на наш взгляд, является стремление помещиков получать с крестьян повинности в высшем размере. Об этом свидетельствует тот факт, что прирезка осуществлялась главным образом у крестьян, несущих барщинную повинность. Из общего числа душ, получивших прирезки, 3592 души м. п. (58%) были на барщине. В прирезках, как и в отрезках, прослеживается грабительский характер крестьянской реформы.

Перейдём к выявлению фактического размера наделов крестьян, полученных по уставным грамотам.

Как уже говорилось, «Местным положением» Мордовия была разделена на три зоны по уровню высшего надела от 2 дес. 1800 саж. до 3 дес. 600 саж. Рассмотрение фактического распределения наделов начнем с Саранского уезда, где высшая норма равнялась 2 дес. 1800 саж. (табл 10.).

Из таблицы 10 видно, что 2885 душ м. п. Саранского уезда получили наделы до 2 дес., 17821—от 2 дес. до высшего надела (в том числе 12105 душ получили высший надел, т. е. по 2 дес. 1800 саж.) и 291 душа, или 1,4% от общего числа крестьян, получила наделы более высшей нормы.

Анализируя данные таблицы по формам эксплуатации, мы видим, что наделами до 2 дес. было наделено 1592 души м. п. (21,9%) оброчных крестьян, 1147, или 11,5%, барщинных крестьян и 46, или 1,5%, крестьян, находившихся на смешанной повинности. Если среди оброчных было наделено наделами до 2-х дес. большее число душ, то высший надел получили 4015 душ, или

Таблица 10

Группы наделов	До 1 дес.		До 2 дес.		От 2 до высшего		В т. ч. высший		Более высшего	
	душ	%	душ	%	душ	%	душ	%	душ	%
С отрезкой	263	2,6	657	6,5	8996	89,2	8591	88,4	172	1,7
С прирезкой	—	—	—	—	2237	100	1940	86,9	—	—
Существующий	225	2,6	1740	20,0	6588	76,0	1574	18,1	119	1,4
Итого	488	2,3	2397	11,4	17821	84,9	12105	57,7	291	1,4
В том числе:										
Оброчных	315	4,34	1277	17,58	5671	78,04	4015	55,3	3	0,04
% к итогу	64,5		53,3		31,8		33,2		1,0	
Барщинных	173	1,7	974	9,8	8699	87,4	6301	63,4	116	1,1
% к итогу	35,5		40,6		48,9		52,1		39,9	
Смешанных	—	—	46	1,5	2947	98,5	1483	49,6	—	—
% к итогу	—	—	1,9		16,5		12,2			
Повинность не указана	—	—	100	12,9	504	65,0	306	39,4	172	22,1
% к итогу			4,2		2,8		2,5		59,1	

55,3%, в то время как среди барщинных высшим наделом была наделена 6301 душа м. п. (63,4%) и 116 крестьян получили наделы, превышающие высшую норму.

Если прибавим к оброчным крестьянам, получившим высший надел, крестьян, вновь переведенных на оброк (крестьяне, выполнявшие смешанную повинность, после введения уставных грамот были переведены на оброк) и наделенных высшей нормой надела, то получим 5498 высших надела, что составляет от общего числа оброчных и вновь переведенных на оброк крестьян 53,6%. Таким образом, число оброчных крестьян, наделенных высшим наделом, было меньше, чем барщинных (из общего числа барщинных 9962 души м. п. высший надел получили 64,8%) на 11,2%.

Если же анализ таблицы 10 провести по группам наделов, то отчетливо видно, что оброчным крестьянам принадлежала основная масса наделов как до 1 дес. (64,5%), так и до 2-х дес. (53,3%), тогда как удельный вес таких наделов у барщинных крестьян соответственно составлял 35,5 и 40,6%. В высшей группе наделов, от 2 дес. до высшего, наблюдается преобладание барщинных крестьян, которым принадлежало 48,9% наделов данной группы, оброчным крестьянам — 31,8, крестьянам смешанной повинности — 16,5%. Оброчным и вновь переведенным на оброк крестьянам приходилось 48,3% наделов от 2 до 3 дес. Что касается высшего надела, то оброчным крестьянам принадлежало 33,2%, барщинным — 52,1 и смешанным — 12,2%. Таким образом, высшие наделы были сосредоточены в основной своей массе у барщинных крестьян. Кроме этого, барщинным крестьянам принадлежало 116 (39,9%) наделов, превышающих высшую норму, тогда как у оброчных таких наделов было всего три (1,0%).

Анализ таблицы 10 показывает, что в Саранском уезде в целом выиграли барщинные крестьяне.

Рассмотрим, какие изменения произошли в размере наделов в группе уездов с высшим наделом в 3 дес. (табл. 11).

Анализ итоговых данных по этой группе уездов показывает, что 6,6% оброчных крестьян получили наделы до 1 дес. и 16,2% — до 2 дес., в то время среди барщинных крестьян такими наделами были наделены соответственно 0,6 и 11,5%. Наделы до 3 дес. и выше получили 74,7% оброчных крестьян, а из барщинных — 87,6%. От общего числа оброчных крестьян высшую норму надела получили 5166 душ м. п. (33,9%), барщинных — 24469, или 53,6%, и смешанных — 1767 (56,4%) душ мужского пола. Более высшего надела получили 380 (2,5%) оброчных, 148 (0,3%) барщинных крестьян и 90 (2,9%) крестьян, выполнивших смешанную повинность. Анализ итоговых данных 11 таблицы по группам наделов показывает, что в уездах с высшим наделом в 3 дес., как и в Саранском уезде основная масса наделов до 1 дес. 1012

Таблица 11

	До 1 дес.		До 2 дес.		До 3 дес.		В т. ч. 3 дес.		Более 3 дес.	
	душ	%	душ	%	душ	%	душ	%	душ	%
С отрезкой	109	0,5	1133	5,0	20979	93,0	20291	89,9	331	1,5
С прирезкой	42	1,3	300	9,5	2810	89,2	2163	68,6	—	—
Существующий	1443	3,5	7913	19,1	31563	76,3	10513	25,4	461	1,1
Итого	1594	2,4	9346	13,9	55352	82,5	32967	48,5	792	1,2
В том числе:										
Оброчные	1012	6,6	2457	16,2	11369	74,7	5166	33,9	380	2,5
% к итогу	63,5		26,3		20,5		15,6		48,0	
Барщинные	260	0,6	5232	11,5	39811	87,6	24469	53,6	148	0,3
% к итогу	16,3		56,0		72,0		74,2		18,7	
Смешанные	—	—	683	21,8	2360	75,3	1767	56,4	90	2,9
% к итогу	—	—	7,3		4,2		5,4		11,3	
Повинность не указана	322	9,8	974	29,7	1812	55,2	1565	47,6	174	5,3
% к итогу	20,2	—	10,4		3,3		4,8		22,0	

(63,5%) из 1594 наделов принадлежала оброчным крестьянам, а на долю барщинных приходилось лишь 260 (16,3%) и 20,2% наделов до 1 дес. были у крестьян с неизвестной повинностью.

Если наделами до 1 дес. в основном были наделены оброчные крестьяне, то совсем иная картина наблюдается в группе наделов до 2 и 3 дес. Оброчным крестьянам принадлежало лишь 26,3% наделов до 2 дес., а наделов до 3 дес. было еще меньше—20,5%. Из наделов высшей нормы на долю оброчных приходилось только 15,6%. Следует отметить, что в группе уездов с высшим наделом в 3 дес. оброчным крестьянам принадлежал не только самый большой процент наделов до 1 дес., но и процент наделов, превышавших высшую норму (48%). Если объединить оброчных с вновь переведенными на оброк, то получим по размерам наделов такие данные: оброчные крестьяне получили наделов до 1 дес.—63,5, до 2 дес.—33,6, от 2 до 3 дес.—24,7 (в т. ч. в 3 дес.—21%), более 3 дес.—59,3% всех наделов по группам. Наблюдается такая закономерность: у оброчных крестьян с увеличением размера наделов сокращается процент, падающий на них. У барщинных же, наоборот, чем больше размер надела (имеется в виду до высшего), тем больший процент им принадлежал. Так если наделами до 1 дес. были наделены всего 16,3%, то наделами до 3 дес.—72,0%. Из общего числа наделов в 3 дес. (32967) барщинные получили 74,2%. Таким образом, в группе уездов с высшим наделом в 3 дес. проявилась та же закономерность, что и в Сарайском уезде. Исключением является то, что здесь оброчным крестьянам принадлежал не только самый большой процент наделов до 1 дес. (63,5%), но и самый высокий процент наделов, превышавших высшую норму (48%).

Сосредоточение большого процента высших наделов у барщинных крестьян можно объяснить тем, что в целях интенсивного ограбления крестьян помещики, наделяя их высшей нормой надела, стремились получить большую сумму выкупа, а также и тем, что из общего числа 67084 душ м. п. барщинных было 45451, или 67,75%, тогда как оброчных с вновь переведенными на оброк была 18351 душа м. п. (27,35%).

Рассмотрим распределение наделов по размерам в Ардатовском уезде, где высшая норма надела была равна 3 дес. 600 саж. Как видно, в Ардатовском уезде у оброчных крестьян вообще не было наделов до 1 дес. и им же принадлежат 1308 наделов, превышавших высшую норму (табл. 12).

Однако и здесь наблюдается та же закономерность, что и в уездах ранее анализируемых. Из общего количества наделов до 2 дес. оброчные крестьяне получили 39,5%, а из высших — всего 9,0%, в то же время у барщинных крестьян наблюдается постепенное увеличение количества наделов с увеличением их размера. Так, из наделов до 2 дес. барщинным принадлежало 50,5%, а из высших —79,6%.

Таблица 12

	До 1 дес.		До 2 дес.		До 3 дес.		От 3 дес. до высшего		В т. ч. высший		Более высшего	
	душ	%	душ	%	душ	%	душ	%	душ	%	душ	%
С отрезкой	—	—	290	4,0	1168	16,0	4550	62,5	4367	60,0	1273	17,5
С прирезкой	—	—	22	2,7	183	22,8	598	74,5	598	74,5	—	—
Существующие	232	2,9	799	10,0	5300	66,4	1625	20,3	357	4,5	35	0,4
Итого:	232	1,4	1111	7,0	6651	41,4	6773	42,1	5322	33,1	1308	8,1
В том числе:												
Оброчные	—	—	439	10,8	1496	36,6	841	20,6	480	11,8	1308	32,0
% к итогу	—	—	39,6	—	22,5	—	12,4	—	9,0	—	100	—
Барщинные	211	2,0	561	5,5	4409	43,0	5074	49,5	4232	41,3	—	—
% к итогу	91,0	—	50,5	—	66,2	—	74,9	—	79,6	—	—	—
Смешанные	—	—	—	—	25	43,1	33	56,9	33	56,9	—	—
% к итогу	—	—	—	—	0,4	—	0,5	—	0,6	—	—	—
Полиность не указана	21	1,3	111	6,6	721	43,0	825	49,1	577	34,4	—	—
% к итогу	9,0	—	9,9	—	10,9	—	12,2	—	10,8	—	—	—

По формам эксплуатации наделы по размерам распределялись так: до 2 дес. были наделены 10,8%, до 3 дес.—36,6%, от 3 дес до высшего—20,6% (в т. ч. 11,8% высший) и 32% оброчных крестьян получили наделы сверх высшей нормы. Оброчные крестьяне Ардатовского уезда с вновь переведенными на оброк по уставным грамотам получили наделы до 2 дес. 439 (10,5%), до 3 дес.—1521 (36,8%), от 3 дес. до высшего — 874 (21,1%, в т. ч. 12,4% или 513, высших наделов) и 1308 (36,8%) более высшего.

У барщинных крестьян соответственно наделы распределялись так: до 1 дес.—2,3%, до 2 дес.—6,0% от 2 до 3 дес.—41%, от 3 дес. до высшего —50,7% (в т. ч. 41,7% высший).

Таким образом, и в Ардатовском уезде барщинные крестьяне оказались в лучшем положении, чем оброчные.

Ранее мы дали общую характеристику изменения крестьянского землепользования в целом по Мордовии. Рассмотрим, какие изменения произошли в землепользовании крестьян мордвы в результате введения уставных грамот. У крестьян мордвы отрезке было подвергнуто 1175 наделов, прирезке—149 наделов и 1385 наделов остались без изменения. Только у 103 крестьян мордвы наделы были отрезаны на основании ст. 20 «Местного положения». В остальных же случаях отрезка была произведена потому, что земли у крестьян было больше, чем предусматривалось законом.

Наделами до 1 дес. были наделены 212, до 2 дес.—230, до 3 дес.—1877, более 3 дес.—390 крестьян мордвы. 1690 душ м. п. получили высшую норму надела. Однако, несмотря на то, что крестьяне (мордва) в основном получили высшую норму надела, после введения уставных грамот они потеряли 507 дес. земли.

Подведем итоги. В целом по Мордовии из общего числа оброчных крестьян (с вновь переведенными на оброк) —32752 души м. п. в результате введения уставных грамот наделы до 1 дес. получили 4,0%, до 2 дес.—15,0%, до 3 дес.—72,9%, от 3 и выше—8,1%

Из общего числа барщинных (65668) крестьян наделы до 1 дес. получили 1%, до 2 дес.—10,1%, до 3 дес.—80,6% и от 3 дес. и выше—8,1%.

В целом по Мордовии наделы до 1 дес. получили 2,2% крестьян, до 2 дес.—12,4%, до 3 дес.—76,6% и от 3 дес. и выше—8,8%. Если сравнить общие данные по Мордовии с наделами барщинных и оброчных крестьян, то становится очевидным, что в результате введения уставных грамот в несколько лучшем положении оказались барщинные крестьяне. У них очень мало было наделов до 1 дес. Процент наделов, равный 3 дес., у барщинных крестьян превышает средний процент таких наделов в целом по Мордовии.

Н. Ф. ТЮГАЕВ

ЗЕРНОВОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЕГО ТОВАРНОСТЬ В ПОМЕЩИЧЬИХ ИМЕНИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ МОРДОВИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Основной отраслью помещичьего хозяйства в первой половине XIX в. было земледелие. Помещичьи запашки в течение изучаемого периода неуклонно расширялись. Об этом свидетельствуют «Экономические примечания» периода генерального межевания 80-х годов XVIII века[1] и данные посевных площадей помещиков в 50-е годы XIX века[2]. Так, в Саранском уезде в 80-е годы XVIII века доля помещичьей запашки в трех полях составляла 14% всей пашни, в 50-е годы — около 54%. В Инсарском уезде она выросла с 26,5 до 36%. Расширение барской запашки происходит и в других уездах. В целом по Мордовии с конца XVIII до 50-х годов XIX века она увеличивается примерно в два раза.

На расширение владельческих запашек в первой половине XIX века указывают и данные отдельных помещичьих хозяйств. Примером могут служить имения Полянских, находившиеся в Саранском уезде Пензенской губернии. Кроме Пензенской губернии, вотчины Полянских располагались во многих других губерниях, в частности Симбирской, Нижегородской, Псковской, Московской и Петербургской[3]. Но земельные владения, находившиеся в Мордовии, т. е. в Саранском уезде, были основными.

В Саранском уезде крупнейшим имением Полянских было село Богословское (Макаровка) с деревней Солдацкой (Михайловкой), сельцом Куликовкой (Ангельской). К ним же относились село Александровское и деревни Горяевка и Свербеевка, а также Чуфаровка и Луховка. Почти вся эта группа селений

[1] Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. Военно-ученого архива (ВУА), отд. 5, д. 19023 (камеральное экономическое примечание Симбирской губернии и ее уездов), лл. 106—153, 158—207 об.

[2] Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. 9, оп. 1, д. 104, лл. 62, 63.

[3] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Опись № 1 архива Полянских. Характеристика к описи поместновотчинного архива Полянских, стр. 2.

располагалась по речке Тавле, в 5—12 верстах от уездного г. Саранска[1]. Вторая группа владений располагалась в 33 верстах от г. Саранска, в северо-восточном направлении от него. К ней относилось село Пушкино (Воскресенское), которое стояло на реке Инсаре. К селу примыкали деревни Отдельное Лукино, Отдельное Мерлино и Ефимовка[2]. Третье крупное село Мачкасы с деревней Калиновкой располагалось в Ардатовском уезде Симбирской губернии. Кроме этих имений, у Полянских было владение и в Пензенском уезде (с. Ивановское или Боровая Полянщина). Во второй половине XVIII — начале XIX века владельцем всех этих имений был Александр Иванович Полянский (1721—1818 годы)[3].

При межевании в начале 80-х годов XVIII века у Полянских в Саранском и Шишкеевском уездах всей удобной и неудобной земли было 8049 дес., в том числе 4919 дес. пахотной. В этих же двух уездах по 4-й ревизии в имениях числилось крестьян 1075 душ мужского и 1085 душ женского пола. К концу XVIII века во всех вотчинах Пензенской губернии у них состояло уже более 13 тыс. дес. земли, и в 1795 году насчитывалось 1896 душ мужского и 1807 душ женского пола крестьян[4].

Расширение земельных владений Полянских продолжалось и в первой половине XIX века. За статским советником А. И. Полянским по 5-ой ревизии (1795 год) в с. Ивановском Сердобского округа оказалось 1905 дес. казенной земли. Крестьяне платили казне по 2 руб. за десятину. Поверенный Полянского Акинфий Константинов в прошении, поданном в казенную палату, требовал о «выключении онной земли из казенного ведомства и из оброка». После Манифеста 1797 года о размежевании земель, они, как отмечает Саратовская казенная палата, впредь до выключения их из казенного ведомства находились во владении А. И. Полянского «из платежа оброка по 105 руб. на год». Далее казенная палата удостоверяла, что споров со стороны казенных крестьян на эту землю не имелось, и она утверждалась за А. И. Полянским[5].

В 1808 году некий А. Горлов продавал крестьян и землю.

Продаже подлежало 50 душ мужского пола и 47 душ женского пола. Вместе с крестьянами продавался земельный участок в 388 дес. О конечном результате торга между А. Горловым и А. И. Полянским сведений, к сожалению, не имеется[6].

[1] Списки населенных мест. Пензенская губерния, т. 30, СПб., 1869, стр. 88; ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 905, лл. 38—43 об.

[2] Списки населенных мест. Пензенская губерния, т. 30, СПб., 1869, стр. 85, 86.

[3] И. А. Булыгин. Положение крестьян и товарное производство в России, М., 1966, стр. 84, 94.

[4] И. А. Булыгин. Положение крестьян и товарное производство в России. М., 1966, стр. 92, 93.

[5] ЦГАДА, ф. 1276 (фонд личного архива помещиков Полянских, в дальнейшем будет обозначаться только номер фонда), оп. 1, д. 681, лл. 1—1 об.

[6] Там же, оп. 1, д. 670, л. 1.

Полянские свои земельные владения расширяли не только путем покупки земель, но и путем различных земельных тяжб, в частности с казенными крестьянами. Об этом свидетельствует копия указа Пензенской палаты гражданского суда за 1814 год о спорной земле Полянского с татарами в д. Свербеевке[1].

Расширение земельных владений Полянские продолжали и в XIX веке. Так, в 1858 году генералом Александром Александровичем Полянским была куплена дача, именуемая Агафоновской. Всей удобной и неудобной земли в ней состояло 127 дес. с саженями. Из них пашни насчитывалось 110 дес., остальная часть участка была занята сенными покосами (3 дес.), мелким кустарником (7 дес.) и неудобной землей (более 7 дес.)[2]. Вторая дача им была куплена у помещиц Никулиной и Ватьковской, в которой всей земли было 586,5 дес., в том числе пашни — 413, сенокосов — 21 и кустарника — 116 дес[3]. Кроме того, имелась дача в Сурском лесу на Белом ключе, где насчитывалось до 20 дес. кустарника[4]. Таким образом, во всех трех дачах состояло всего около 735 дес. земли, из них более 523 было под пашней, 24 — под покосами и около 144 дес. под мелким кустарником.

Наряду с расширением земельных владений, Полянские увеличивали и барскую запашку. Систематических данных в целом по имениям о ее размерах в архиве Полянских не имеется. Поэтому о размерах и степени роста запашки можно судить по посевным площадям в отдельных населенных пунктах вотчины. Так, в Богословском имении в двух селениях (с. Богословское и дер. Куликовка) под барской запашкой в 1821 году состояло 549 дес. К 1858 году она увеличивается до 623 дес.[5] Таким образом, в конце 50-х годов увеличение помещичьих посевных площадей по сравнению с двадцатыми годами составило примерно 14%, а по отношению к 80-м годам XVIII века они расширились более чем в два раза. В Пушкинском имении (с. Пушкино) посевные площади помещика выросли с 501 дес. в 1825 году до 648 дес. в 1827 году, но к 1832 году наблюдается некоторое их сокращение (471 дес.)[6]. Увеличение посевных площадей Полянских происходило и в других имениях, в частности в с. Мачкасы, в котором с 1828 по 1834 год площади под озимые и яровые расширились со 101 до 106 дес.[7]. Нет сомнения, что в этих имениях, как и в Богословском, увеличение барских запашек продолжалось до конца изучаемого периода. В с. Мачкасы доля посевных площадей Полянских была невысока.

[1] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 824-а, л. 1 об.
[2] Там же, оп. 1, д. 2185, лл. 2 об. —3.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же, оп. 1, д. 906, л. 37; д. 1171, лл. 13 об.—14; д. 1560, л. 1 об.
[6] ЦГАДА, ф. 1276, д. 1043, л. 6, об; д. 1076, л. 2, 4-а; д. 1225, л. 4 об.
[7] Там же, д. 1097, л. 113; д. 1225, л. 4 об.

Так, в 1830 году в трех полях она составляла примерно 16% пашенных угодий владельца в данном селении[1].

На помещичьих запашках Полянские производили в основном различные зерновые и технические культуры. Удельный вес каждой культуры в общей площади посевов и их динамика в конце XVIII — первой половине XIX века в с. Богословском и д. Куликовке показываются в таблице 1.

Таблица 1[2]

Динамика посевных площадей в Богословском имении (с. Богословское и д. Куликовка) **Полянских в конце XVIII—первой половине XIX века**

	Площадь посева культур в % по годам:					
	1781	1821	1831	1841	1853	1858
Всего посева, дес.	273	549	583	587	619	623,5
Из них в %:						
рожь	43,5	41,9	49,6	47,6	48,7	48,4
овес	30,0	15,3	22,4	6,8	25,7	38,4
гречиха	7,3	19,9	21,4	22,0	15,0	7,2
ячмень	0,4	1,8	1,0	11,8	0,8	—
пшеница	1,1	0,9	—	0,7	—	—
горох	2,5	4,7	1,2	6,8	3,9	2,4
просо	—	4,5	—	0,3	2,6	0,4
конопля	5,5	6,0	3,8	3,6	2,7	3,2
прочие	9,7	5,0	0,6	0,4	0,6	—

Как видно из таблицы 1, общая посевная площадь Полянских в с. Богословском и д. Куликовке с конца XVIII до середины XIX века более чем удвоилась. Но основное расширение помещичьих запашек происходило в конце XVIII — первой четверти XIX века, в течение которого они увеличились ровно в два раза, а с 1821 по 1858 год лишь 11,3%. В течение всего изучаемого периода преобладали посевы ржи, овса и гречихи. Посевы ржи к 30-м годам XIX века занимали почти половину всей площади (49,6%). Высокий удельный вес ржи в посевах сохраняется до конца 50-х годов (48,4%). Годовые отчеты Богословской вотчинной конторы с 1840 по 1843 год показывают попытку культивирования нового сорта ржи — «вазы», посевы которой выросли с 15 до 173 дес.[3]. В 1844 году на 15 дес. была высеяна «метлическая рожь»[4].

Среди яровых культур в конце XVIII — начале XIX века преобладали посевы овса. До начала 30-х годов его удельный вес

[1] ЦГАДА, ф. 1276, д. 1099, л. 1.
[2] Таблица 1 составлена на основании источников: ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 906, л. 37; д. 1142, лл. 13 об.—14; д. 1560, л. 1 об.; д. 2034, лл. 3 об.—4; д. 2191, л. 10—11 об.; Г. Г. Данилов. Из истории земледелия Мордовии, Саранск, 1964, стр. 54 (использованы данные за 1781 г.).
[3] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 1454, л. 2; д. 1560, л. 14 об; д. 1588, лл. 2 об. —3; д. 1620, л. 2 об.
[4] Там же, д. 1658, л. 2 об.

по сравнению с 80-ми годами XVIII века сократился почти на одну треть и составил немногим более пятой части всех посевов. Вообще в 20-е, частично в 30-е и 40-е годы XIX века посевные площади под овсом были немного меньше, чем под гречихой. В 50-е годы их удельный вес возрастает от одной четверти до двух пятых всей посевной площади. За всю первую половину XIX века в ведомостях о посевах и урожаях в с. Богословском только в 1839 и 1840 годах[1] указывается высев русского (на 57 дес.), многоплодного (на 7 и 23 дес.) и бульбинского (на 7 и 27 дес.) овса, в 1853 году[2] — овес одногривый (на 102 дес.). Доля гречихи в посевах возрастает до 40-х годов (22,6%), после чего постепенно уменьшается. В отдельные годы ее высев среди яровых занимал едва ли не первое место, особенно в 20-е, 30-е и первой половине 40-х годов XIX века. Доля других культур (ячменя, пшеницы, гороха, конопли и прочих) в посеве была незначительной. Посевы пшеницы в 50-е годы отсутствуют. В 1814 году и в первой половине 40-х годов XIX века документами отмечаются посевы гороха[3], проса (0,5—3 дес.)[4]. С 1842 года в имении Полянских в небольшом количестве стали сажаться свекловица и картофель[5].

Итак, анализ динамики посевных площадей в имениях Полянских показывает, что в хлебопашестве проявлялась тенденция к производству небольшого количества хлебов, в частности ржи, овса и гречихи, а в 50-е годы в основном ржи и овса. Таким образом, все больше выступало стремление к специализации помещичьего земледелия, и следовательно, приспособлении его к нуждам рынка.

Одним из важнейших показателей помещичьего земледелия, его производительности, является урожайность возделываемых культур в помещичьем хозяйстве. О высоте урожайности в одном из имений Полянских свидетельствует таблица 2, заимствованная нами у Г. Г. Данилова. Как видно из таблицы, в первой половине XIX века в Богословской вотчине Полянских урожайность по всем культурам была намного выше, чем во второй половине XVIII века.

Но следует отметить, что в таблице неудачно выделены периоды. Они намного превышают продолжительность циклов в колебаниях урожаев. Некоторые исследователи методами статистического анализа обосновали 8—10-летние циклы колебаний урожаев. В частности, Б. С. Ястремский показал, что в 1801—1860 годы в Европейской России продолжительность циклов в

[1] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 1454, л. 2; д. 1508, л. 1 об.
[2] Там же, д. 2034, лл. 3 об.—4.
[3] Там же, д. 1620, л. 2 об.; д. 1656, л. 2 об.; д. 1686, л. 1 об.; д. 1724, л. 5 об.; д. 1795, л. 1 об.
[4] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 1656, л. 2 об.; д. 1686, л. 1 об.
[5] Там же, д. 1560, л. 1 об.

Таблица 2[1]

Урожайность сельскохозяйственных культур (в «самах») в с. Богословском

За сколько лет учтен урожай по периодам	Урожайность по культурам						
	озимая рожь	овес	пшеница	ячмень	горох	гречиха	просо
1769—1800 (18 лет)	4,0	2,3	2,1	5,6	3,5	2,3	8,0
1811—1869 (31 год)	4,7	3,5	3,3	5,8	4,5	4,7	15,3

урожайности зерновых колебалась от 6 до 11 лет. В среднем она равнялась 8,5 годам[2].

Интересны данные об урожайности, выраженные в величине сбора с единицы площади (табл. 3.). В с. Богословском средняя урожайность озимой ржи в 20-е—первой половине 30-х годов составила 6,6 четверти с десятины. В конце 30-х — первой половине 40-х годов она снижается. Во второй половине 40-х — в 50-е годы урожайность ржи вновь вырастает (7,5 четверти) и оказывается несколько выше урожая 20-х годов XIX века. В 30-50-е годы незначительно повысились урожаи овса. Сборы гречихи увеличиваются до 40-х годов, в дальнейшем остаются без изменений. За это же время сокращение урожаев отмечается у ячменя и проса. Посевы пшеницы были не регулярны, а с половины 40-х до конца 50-х годов не высевалась совсем. Урожаи ее в 20—40-е годы не изменяются (4,8 и 4,9 четверти).

Средняя урожайность всех возделываемых культур в Богословске за анализируемый период остается постоянной (6,6 и 6,7 четверти). Определяющими в 20-е—первой половине 40-х годов являлись урожаи ржи, овса, и гречихи, площади которых занимали до четырех пятых всех посевов, а во второй половине 40-х — в 50-е годы урожаи только ржи и овса, под посевами которых было более четырех пятых всей господской пашни в Богословске.

В Куликовке в отличие от Богословского с 20-х до 50-х годов происходит повышение урожайности только у ржи. По остальным культурам за соответствующее время наблюдается падение урожая. За 10 лет (20-е — начало 30-х годов XIX века) средняя урожайность всех высеваемых культур в Куликовке составила

[1] Г. Г. Данилов. Указ. работа, стр. 54. Кроме с. Богословского в Богословское имение входило еще несколько деревень. Поэтому урожайность хлебов в данном случае отражает уровень земледелия лишь в части имения.
[2] И. Д. Ковальченко, Л. В. Милов. О принципах исследования процесса формирования всероссийского аграрного рынка (XVIII—XX вв.). «История СССР». 1969, № 1, стр. 50.

Таблица 3[1]

Движение урожайности в Богословском имении Полянских в первой половине XIX века

Урожай учтен за годы	Четвертей с одной десятины					
	рожь	овес	гречиха	ячмень	просо	всего
с. Богословское						
1821—1835 (за 9 лет)	6,6	9,6	5,5 (8 лет)	8,4	3,0 (6 лет)	6,6
1837—1845 (за 9 лет)	5,5	9,9	7,5	7,5	1,9 (4 года)	6,4
1846—1858 (за 8 лет)	7,5	10,3	7,4	7,6 (4 года)	0,7 (3 года)	6,7
д. Куликовка						
1821—1835 (за 10 лет)	5,4	9,2	8,0	10,0 (2 года)	—	8,1
1837—1845 (за 9 лет)	6,3	11,3	6,1	1,8 (3 года)	—	6,4
1846—1858 (за 8 лет)	7,2	9,0	6,2 (7 лет)	—	—	7,4

8,1 четверти, т. е. на 1,5 четверти больше, чем за это же время в Богословском. В последующий период (1837—1845 гг.) она была равна урожаю Богословского (6,4 четверти). В 50-е годы средний урожай в Куликовке на 0,7 четверти был выше уровня Богословского (7,4 четверти). Как видно, в Куликовке с 20-х до 50-х годов XIX века общая урожайность всех возделываемых культур сокращается. Как и в Богословском, наиболее высокие урожаи давали овес и гречиха. Устойчивы были урожаи ржи.

В целом по Богословскому и Куликовке по урожаям картина была следующая. Урожайность ржи несколько повышается (с 6,0 до 7,3 четверти с дес.). Урожайность овса и гречихи не изменилась (соответственно 9,4—9,5 и 6,7—6,8 четверти с дес.). По другим культурам урожаи упали. Всех возделываемых культур в

[1] Таблица 3 составлена на основании источников: ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 906, лл. 37—38; д. 998, л. 9, 13; д. 1061, л. 1—2 об.; д. 1142, л. 1 об.; д. 1171, лл. 13 об.—14; д. 1225, л. 4; д. 1280, лл. 3—3 об.; д. 1309, л. 2; д. 1374, л. 2; д. 1454, лл. 2—2 об.; 11 об., 14. об.; д. 1508, л. 1 об.; д. 1560, л. 1 об.; 16; д. 1588, л. 2 об.; 3; д. 1620, л. 2 об.; д. 1656, л. 2 об.; д. 1686, л. 1 об.; д. 1724, л. 5 об., 6; д. 1795, л. 1 об, 2; д. 2034, лл. 3 об.—4, 7 об.—8; д. 2118, л. 9 об.—10; д. 2159, л. 9 об.—10; д. 2191, л. 10 об.—11. Примечание. В четверти 8 мер.

обоих селениях снимали 7,3 четверти с десятины в 1821—1835 годы и 6,5 четверти с десятины в 1846—1858 годы. Таким образом, в Богословском имении Полянских в 50-е годы XIX века средняя урожайность всех возделываемых культур была на 11% ниже, чем в 20-е годы.

Постепенное падение урожаев в обоих селениях свидетельствовало о снижении уровня земледелия в предреформенные десятилетия в Богословском имении Полянских.

В Мордовии имелись помещичьи хозяйства, в которых в 50-е годы XIX века были довольно высокие урожаи хлебов. Например, Г. Г. Данилов, по данным Сталя за 1848—1858 годы, в имении Шувалова в Инсарском уезде (с. Богословское и д. Камышлейка) отмечал средний урожай ржи сам —7,16, овса —4,2, гречихи —4,7 и ячменя —4. В имении Литвинова в указанном же уезде (с. Пятина) рожь дала урожай сам —5,98, овес —3,18 и гречиха —3,97, в имении Кондакова в Краснослободском уезде (с. Девичий Рукав) урожай ржи составил сам —5,93, овса —4,29 и ячменя —4,8[1]. Несмотря на приличные урожаи в отмеченных имениях, в большинстве из них они были ниже, чем в Богословской вотчине Полянских в Саранском уезде.

Надо отметить, что урожай в целом по Мордовии в 50-е годы был ниже первого десятилетия XIX века. Следовательно, можно предположить, что урожайность в помещичьих имениях Мордовии в 30—50-е годы XIX века, вероятно, была до некоторой степени также ниже, чем в начале века.

Однако это не свидетельствовало о том, что вообще в помещичьих имениях Пензенской губернии в 50-е годы были низки урожаи. Сравнительно с другими губерниями урожайность в помещичьих имениях губернии в 50-е годы была гораздо выше (по Европейской России в 1851—1860 годы она стояла на 4-ом месте)[2].

* * *

За первую половину XIX века в источниках сохранились некоторые сведения о приспособлении земледелия к рынку, о товарности хозяйства в имениях Полянских. Об этом свидетельствуют данные приходо-расходных ведомостей и годовых отчетов Богословской вотчинной конторы о количестве ежегодно продаваемого хлеба. Так, в 1812 году в Пушкинском имении (с. Пушкино) было «назначено для продажи господского ржаного хлеба до 540 четвертей»[3], в 1820 году было продано

[1] Г. Г. Данилов. Указ. работа, стр. 60—61.
[2] И. Д. Ковальченко. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века, М., 1967, стр. 336.
[3] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 781, л. 1.

хлеба всех видов 763 четверти[1], в 1828 году одной только ржи — 1120 четвертей[2].

О высоте товарности сельскохозяйственных культур в помещичьих имениях можно судить по доле реализованного хлеба в его валовом сборе. В Богословском имении с деревнями данные о реализации хлеба с 1813 года до 1838 года отрывочны, а по 40-м годам XIX века сохранились более систематические сведения. Обработанные нами результаты показывают, что реализация хлеба Полянскими на рынке и винокуренных заводах в течение первой половины XIX века повышалась. Так, в 1813—1820 годы (данные за 5 лет) из Богословска с деревнями всего было продано хлеба 5.354 четверти[3], т. е. примерно 1070 четвертей в среднем за год. В 1821—1828 годы (данные за 4 года) на продажу было поставлено 8635 четвертей[4]. Таким образом, среднегодовая продажа в 20-е годы достигла 2160 четвертей, т. е. выросла в два раза. Из-за отсутствия данных по валовым сборам хлебов мы не можем судить о высоте товарности хлеба за второе десятилетие XIX века. Но в 20-е годы она составляла 58,5% всего сбора[5].

В 1834—1840 годы (данные за 4 года) Полянские продали 8812 четвертей хлеба, в среднем за год — 2203 четверти, т. е. почти столько же, как и в 20-е годы[6]. При снижении общей урожайности в 30-е годы (табл. 3) сравнительно с 20-ми абсолютная масса товарного хлеба сохраняется за счет расширения посевных площадей в имении (табл. 1). В результате роста посевных площадей валовой сбор хлебов увеличивается с 3700 четвертей в 20-е годы до 4040 четвертей в 30-е годы. Но несмотря на все усилия Полянских, доля продаваемого хлеба в общем сборе не повышается. Больше того, в 30-е годы она падает до 54,5%.

В 40-е годы XIX века (данные за 8 лет) общее количество проданного хлеба достигло 18130 четвертей, т. е. до 2265 четвертей ежегодно[7]. Верно, в этот период товарность хлеба поднимается до 60,7% валового сбора в Богословском имении. Однако с некоторым ростом абсолютной массы товарного хлеба его удельный вес повышается за счет сокращения в 40-е годы валового сбора хлебов (3725 четвертей).

В связи с увеличением сборов зерна (5132 четверти в год в

[1] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 906, л. 39 об., 40 об.
[2] Там же, д. 1122, л. 35 об.
[3] Там же, д. 819, лл. 1—3 об., 5; д. 906, л. 15 об., 20, 39—39 об.
[4] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 906, л. 37 об.; д. 1032, л. 1, 3; д. 1033, л. 4; д. 1061, лл. 1 об.—2; д. 1062, л. 1, 2; д. 1122, л. 35 об., 42 об.
[5] Данные по сборам хлебов в Богословском имении Полянских за 20—60-е годы получены по источникам табл. 3.
[6] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 1282, л. 3; д. 1404, лл. 2—3 об., 11 об.—12 об.; д. 1518, л. 1.
[7] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 1588, л. 1 об.—5 об.; д. 1604, лл. 1—2; д. 1620, лл. 3 об. —4 об.; д. 1656, лл. 2—5, 7; д. 1686, лл. 2—3 об., 5—7, 9; д. 1795, лл. 3 об. —4, 5 об. —7 об.; д. 1931, л. 1.

1853—1861 годы) в результате незначительного роста урожайности в 50-е годы сравнительно с 40-ми годами Полянским несколько удается расширить массу товарного зерна. Так, с 1855 по 1861 год (данные за 3 года) из Богословской вотчины владельцем ежегодно в среднем продавалось 2940 четвертей хлеба[1]. Но товарность его нисколько не повысилась, наоборот, она стала ниже как 40-х, так и 20-х годов (57,4% сбора хлебов). Таким образом, в движении товарности хлеба в Богословской вотчине Полянских отражалась высота урожайности и уровень земледелия в имении.

Анализ тех же источников показывает, что в общем количестве проданного хлеба рожь занимала первое место, за ней шел овес, затем гречиха. Так, в течение первой половины XIX века (данные за 24 года) доля ржи от всего проданного хлеба составила 57,5%, овса — 26,2%, гречихи с гречневой крупой — 8,6% (гречневой крупы 5,6% и гречихи 3%) и ячменя — 3,16%. Доля остальных культур в общем количестве проданного хлеба была незначительной (семени конопляного — 1,85%, гороха — 1,56%, проса и просяных круп — 0,6%, семени льняного — 0,17%, пшеницы — 0,13% и мака — 0,03%).

Удельный вес культур в товарной массе в отдельные периоды был неодинаковым. Например, во втором десятилетии XIX века доля ржи от всего реализованного хлеба составила 37,9%, овса — 35,4%, в 20-е годы соответственно — 89,2 и 4,4%, в 30-е годы — 53,6 и 27%, в 40-е годы — 42 и 35% и в 50-е годы — 76 и 23,1%. В годы наибольшего вывоза озимой ржи и ржаной муки овес продавался в меньшем количестве и, наоборот, в годы наименьшей отправки ржи, овса продавалось намного больше.

Общая масса хлебов, поступающих на рынок, зависела главным образом от размеров засеваемых площадей той или иной культурой. В частности, при анализе динамики посевных площадей Богословского имения Полянских было выяснено, что большая их часть была занята под посевами ржи, овса и гречихи (табл. 1). Соответственно больше и продавалось этих культур. Например, в 20—30-е годы XIX века в связи с частичным сокращением посевов овса уменьшается его поступление на рынок. В дальнейшем же с расширением посевных площадей под овес продажа его вновь увеличивается.

В имениях Полянских хлеб обычно продавался не из урожая одного года, а нескольких лет. Например, в отчете за 1839—1840 годы отмечалось, что «ржаной хлеб был продан от урожая 1837 года, часть — от 1838 года, часть овса — от урожая 1836 года, сверх того было продано своим крестьянам богословской ржи с лебедою урожая 1835 года»[2]. В 1844—1845 отчетном году овес и

[1] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 1588, л. 1 об.—5 об.; д. 2096, л. 1, 2; д. 2240, л. 1 об., 3, 6 об.
[2] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 1454, л. 2 об.

мелкий горох продавался от урожаев 1842—1843 и 1844 годов[1]. Подобные явления, когда хлеб продавался от урожаев 2—3 лет, имели место и в последующие годы[2]. Это свидетельствовало о том, что одним из основных направлений в зерновом хозяйстве Полянских являлось товарное производство хлеба. Реализация его из урожаев нескольких лет говорила об учете Полянскими хлебных цен на внутреннем и внешнем рынках. Поэтому они стремились сбыть свой хлеб при более благоприятных ценах на него.

При вывозе хлеба Полянские также учитывали издержки на транспорт. С этой целью хлеб ими продавался преимущественно в зимние месяцы, т. е. в декабре, но больше всего в январе и феврале, иногда в марте[3].

Полянские вывозили хлеб на крестьянских лошадях. Так, в январе 1825 года в д. Свербеевке «16 крестьянам было насыпано для продажи 35 возов, или 70 четвертей господской ржи»[4]. В том же году крестьянам дд. Луховки и Солдатской для продажи было роздано 20 четвертей проса и 34 четверти семян[5]. Подобные факты имели место и в последующие годы[6]. В отчете за 1838—1839 годы говорится, что для продажи «каждое тягло отправило три воза» господского хлеба. При этом в дорогу для крестьянской лошади давалось по 2 четверти овса. Неимущие крестьяне от подводной повинности освобождались[7].

Районами реализации хлеба служили Нижегородская (Лысково, Починки и др.), Симбирская (Ардатов, Промзино и др.), Пензенская (Саранский, Городищенский, Пензенский уезды) и Саратовская губернии. Но для сбыта каждой культуры постепенно складывались свои постоянные торговые пункты. Так, в 30-х—середине 40-х годов XIX века рожь Полянскими отвозилась в Лысково. Кроме того, в первой половине 40-х годов ее отправляли в Починки и Промзино. В начале 40-х, во второй половине 50-х годов XIX века она отправлялась на Столыпинский (Городищенский уезд) и Сосновский винокуренные заводы. На винокуренные заводы было вывезено примерно 26—30% всей реализованной ржи в первой половине XIX века[8].

Полянские овес вывозили преимущественно в Починки, который сбывали по цене от 7,8 до 9 руб. ассигнациями[9]. В Промзине он продавался значительно дешевле (от 3 до 9 руб. ассигнац.)[10].

[1] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 1656, л. 3 об, 4 об.
[2] Там же, д. 1686, л. 2—7, 9; д. 1795, лл. 3 об.—7 об.
[3] Там же, д. 906, л. 15 об., 20; д. 1032, л. 3; д. 1062, л. 1, 2; д. 1604, л. 1, 2, д. 2096, л. 1, 2.
[4] Там же, д. 1032, л. 1.
[5] Там, же, д. 1033, л. 4.
[6] Там же, д. 1122, л. 35 об., 42 об.
[7] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 1404, л. 2.
[8] Там же, д. 1454, л. 11 об., д. 1656, л. 2,2 об.; д. 1686, л. 2.
[9] Там же, д. 1454, л. 3,3 об.; д. 1588, л. 3.
[10] Там же, д. 1404, л. 12; д. 1588, л. 2.

Особенно низкие цены на него были в середине 40-х годов XIX века в Лыскове (3,9—7 руб. ассигнац.)[1]. Кроме отмеченных пунктов, овес продавался также в Саранске[2]. Гречиха и гречневая крупа продавались в тех же пунктах, что рожь и овес. Кроме того, они вывозились в Арзамас и в с. Суроватиху Нижегородской и Ардатов Симбирской губерний[3]. В Промзине и Починках гречневая крупа продавалась по более выгодным ценам, чем в Ардатове, Лыскове или на месте. Реализация конопляного семени происходила главным образом на месте[4]. Горох вывозился только в Починки Нижегородской губернии, некоторая часть его продавалась безвыездно. Между прочим, цены на него в Починках были выше, чем на месте[5].

Следовательно, отдельные торговые пункты специализировались на продаже одной какой-нибудь главной культуры или небольшого их числа. В нескольких торговых пунктах, в которых реализовалась одна и та же культура, цены были далеко не одинаковы. В связи с этим Полянские, по-видимому, заранее наводили справки и старались продать свой хлеб там, где цены на него складывались более высокие. Об этом свидетельствует сбыт ржи, овса и других культур, большая часть которых продавалась в местах с более выгодными ценами. Но условия не всегда благоприятно складывались для владельца. Выше отмечалось, что Полянские при низких ценах хлеб не реализовывали, и он у них сбывался из урожаев нескольких лет. Так могли поступать помещики более состоятельных имений. Но многие из них не могли выжидать и вынуждены были продавать свой хлеб по низким ценам. В Мордовии же почти по всем культурам хлебные цены к середине XIX столетия по сравнению с началом века понизились[6], и они вообще до некоторой степени были ниже, чем в соседних Нижегородской и Симбирской губерниях. Поэтому помещики пытались вывезти свой хлеб за пределы Мордовии. Об этом свидетельствовала хлебная торговля Полянских и многих других помещиков.

По вопросу торговли хлебом за пределами Мордовии значительный интерес представляют записки уездных предводителей дворянства, направленные в Пензенский губернский статистический комитет. Например, Саранский уездный предводитель дворянства в 1836 году сообщал, что многие помещики поставляют хлеб в другие губернии расстоянием от 80 до 250

[1] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 1656, л. 3 об.; д. 1686, лл. 3 об.—5.
[2] Там же, д.1795, л. 3 об.—4; д. 2240, л. 1 об.
[3] ЦГАДА, ф. 1276, оп. 1, д. 1454, л. 12; д. 1656, л. 5.
[4] Там же, д. 1454, л. 3 об.; д. 1588, л. 2,5 об.; д. 1656, л. 7; д. 1686, л. 9.
[5] Там же, д. 1588, л. 2,4; д. 1656, л. 4 об.; д. 1686, лл. 6—6 об.
[6] Н. Ф. Тюгаев. К вопросу землевладения и эксплуатации крестьянства на территории Мордовии в период разложения и кризиса феодализма (конец XVIII—первая половина XIX вв.). См.: Труды МНИИЯЛИЭ, серия историческая, вып. 38, Саранск, 1969, стр. 264.

верст и там отдают четверть ржи от 4 до 5 руб., овса — до 2,5 руб. (очевидно, в руб. сер.)[1]. При вычете затрат на содержание в пути лошадей и людей цена за хлеб получается ничтожная. Далее в записке отмечалось, что «на месте же продажа хлеба в уезде совсем почти не производится».

В том же году Инсарский уездный предводитель дворянства писал[2], что «хлебопашество в Инсарском уезде по случаю упадка цен на хлеб находится в самом стеснительном положении, из коего никакое искусственное улучшение в приемах возделывания полей вывести его не может». Но в результате капиталовложений в земледелие производство хлеба могло бы увеличиться, но вместе с этим, по его мнению, повысилась бы стоимость производства хлеба, а помещики ныне же «хлеб производят дешевыми патриархальными способами», на что владельцы никакие средства не тратят. Из признаний уездного предводителя дворянства можно заключить, что среди большинства помещиков не было даже никакого стимула к улучшению земледелия. Они довольствовались дешевым крепостническим характером труда своих крестьян.

Небезынтересным является их взгляд на причины низких хлебных цен в Инсарском уезде[3]. Они утверждают, что цены на хлеб низки потому, что его производится значительно больше, чем требует хлебная торговля в уезде. В то же время высокие цены на хлебное вино, которое продавалось откупом, сильно уменьшали потребление хлеба, т. к. вино населением покупалось мало. Следовательно, и винокуренные заводчики, главные потребители хлеба, не в состоянии были увеличить производство своих заводов, «действия коих в губернии вообще против 1819 года уменьшились». Далее они отмечают, что комиссионеры и купцы покупают хлеб в Моршанске и Казани, избегая «хотя незатруднительные, но дорогостоящие и медленные водяные сообщения сурских и мокшанских пристаней». В результате чего сбыт хлеба, особенно ржи, помещики и крестьяне вынуждены были производить на местных рынках. При урожаях избыток хлеба оставался непроданным. Подобное же явление происходило в Краснослободском и Наровчатском уездах[4]. «В числе же помещиков Инсарского уезда и крестьян-хлебопашцев очень мало было капиталистов» (по-видимому, имелось в виду состоятельных хозяйств).

Следовательно, не продавать свой хлеб год или два и выжидать на него более сходных цен, редкий из них был в состоянии, а поэтому большинство из них отдавали хлеб за ту цену, какую им предлагали.

[1] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 2, л. 4.
[2] Там же, л. 5.
[3] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 2, л. 6, 21.
[4] ГАПО, ф. 9, оп. 1, д. 2, л. 7.

Итак, ежегодно продаваемое количество хлеба свидетельствовало, что в 20—50-е годы XIX века Богословское имение Полянских было высокотоварным хозяйством. Почти две трети валовых сборов хлебов в имении шли на продажу. Быстрое втягивание помещичьего хозяйства в товарное производство происходило до конца 20-х годов, особенно со второго десятилетия XIX века, когда товарная масса хлеба к концу 20-х годов увеличивается вдвое. В 30—50-е годы дальнейший рост товарности в Богословском имении Полянских прекращается. За небольшими колебаниями товарность хлебов в это время была ниже товарности 20-х годов. Прекращение роста товарности в имении в предреформенные десятилетия и некоторое[1] даже ее уменьшение находилось в прямой зависимости от высоты урожайности хлебов, которая, как известно, в 50-е годы была ниже сравнительно с 20-ми годами. Падение урожайности и прекращение роста товарности хлебов говорило об исчезновении возможностей дальнейшего развития помещичьего хозяйства и снижении его уровня.

М. Ф. ЕФИМОВА

ОТРАЖЕНИЕ ХРИСТИАНИЗАЦИИ МОРДВЫ В НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

Христианская религия, освещавшая именем бога угнетение и эксплуатацию народа и «... превращавшая раба по принуждению в раба по убеждению»[1], наиболее соответствовала политике феодально-крепостнической России относительно угнетенных масс национальных меньшинств.

Обращение в христианскую веру инородцев, живущих в России, в том числе и мордвы, издавна составляло предмет особенной заботы царского правительства[2].

Предположение, что мордовские земли оглашены были «проповедью слова Божия еще при Владимире»[3], не имеет никакого документального основания в истории. Отсутствие документов приводит к заключению, что мордва при Владимире еще не имела понятия о христианской религии. Если бы Владимир действительно посылал миссионеров к мордве, то отсутствие документов, подтверждающих факт их крещения, является весьма странным. Равным образом нет никаких фактических данных, на основании которых можно было бы с достоверностью утверждать, что «христианское учение сделалось известным мордве если не при Владимире, то по крайней мере при ближайших его преемниках»[4].

П. И. Мельников-Печерский, говоря о вхождении мордвы в состав Русского государства, отмечал, что одновременно происходил и процесс её крещения[5].

В статье В. Покровского «Этнографические сведения о жителях северной и восточной части Арзамасского уезда Нижегородской губернии» указывается, что, когда арзамасскими лесами на

[1] С. Ф. Алмазов, П. Я. Пекарский. Праздники православной церкви. М., 1951, стр. 17.

[2] «Пензенские епархиальные ведомости», ч. неоф., 1865, № 27, стр. 19.

[3] Там же, стр. 20.

[4] Н. Смирнов. Обращение мордвы в христианскую веру.—«Пензенские епархиальные ведомости», ч. неоф., 1874, № 6, стр. 185.

[5] П. И. Мельников-Печерский. Русский вестник, кн. XIX, 1867, стр. 506.

Казань проходил в 1552 году Иван Грозный, он был в селе Васьят, «построил в оном первую деревянную церковь во имя Николая-чудотворца»[1]. Это сообщение этнографа Нижегородской губернии напоминает предание о строительстве церкви в селе Стародевичьем Ельниковского района. Предание также связывает это событие с именем первого русского царя[2].

Таким образом, материалы по истории мордовского народа и произведения фольклора подтверждают случаи крещения мордвы во времена Ивана IV, иначе незачем было бы строить церкви в мордовских селах.

Однако в исторических документах, подтверждающих факты крещения мордвы в XVI веке, говорится о крещении лишь незначительной ее части и, главным образом, феодальной верхушки[3]. Мордовскому народу в целом, создавшему, как и другие народы, «...во дни своего детства... религию, которая была его поэзией и заключала в себе всю сумму его знаний о силах природы, весь опыт, полученный им в столкновениях с враждебными энергиями вне его»[4], трудно было сразу отказаться от язычества и принять другую веру, христианскую, для него непонятную и чужую.

Первые более или менее ясные указания на частые случаи крещения мордовского народа относятся к XVII веку ко времени царя Алексея Михайловича и патриарха Никона[5]. Михаил, архиепископ Рязанский, возведенный в это звание в 1651 году, послан был патриархом Никоном обращать в «святую веру» мордву и татар в Шацком и Тамбовском уездах. В 1655 году он был убит мордвой. Попытки всеобщего обращения мордовского народа в «святую веру» делаются заметными только при Анне Иоанновне.

Частые крестьянские выступления вынудили царское правительство пойти на некоторое смягчение насильственной христианизации. В целях внедрения христианства среди «иноверцев» оно создало ряд приманок. Например, императрица Анна Иоанновна в изданном ею от 11 сентября 1740 года указе предписывала: «Всем новокрещеным указом объявить, чтоб они в церковь святую православную божию приходили неленостно и во дни великого поста у приходских своих священников исповедовались и приобщались святых тайн повсенародно и с некрещеными от общения сколько возможно удалялись, а которые от бесстрашия лености же и нерадения своего в церковь приходить не будут, на таковых вместо денежного штрафа налагать легкую церковную епитимию...

[1] Архив Русского географического общества, раздел XXIII, кор. 72, стр. 4—6.

[2] Предание записано студентами Мордовского госуниверситета в 1965 году.

[3] Документы и материалы по истории МАССР, т. 1, Саранск, 1940, стр. 133; А. Гераклитов. Материалы по истории мордвы. М.—Л., 1931, стр. 79.

[4] М. Горький. Разрушение личности. Соч., т. 25, М., 1953, стр. 26.

[5] Н. Смирнов. Обращение мордвы в христианскую веру.— «Пензенские епархиальные ведомости», 1874, № 6, ч. неоф., стр. 188.

и по приказному обычаю ничем их не завязывать и всякое снисхождение сколько возможно им показывать, дабы чрез такие ласковые коим поступки и наставления праведному и беспорочному житию прочим иноверцам к воспитанию христианского закона придать охоту»[1]. В третьем пункте указа о крещении инородцев говорилось: «При означенном же иноверцев в христианскую веру обращении, ежели которые из них святого крещения воспринять не пожелают, таковым принуждения ко крещению отнюдь не чинить и им за то ничем не угрожать, но поступать в том по образу апостольской проповеди, со всяким смирением, тихостию и кроткостию без всякого кичения, угрожения же и страха, дабы не подать им причины инако истолковать, а чтоб везде чинно было как им, так и посланным от них для обращения всякое вспоможение»[2].

Однако мордва и после этого указа «...не просила крещения»[3], хотя новокрещеным и представлялось ряд льгот. В указе предлагалось крестившимся давать по кресту медному, по одной рубахе со штанами, по сермяжному кафтану с шапкою, с рукавицами, обувь (сапоги или ботинки). Мужчинам старше 15 лет давали денег по 1 руб. 50 коп., от 10 до 15 лет — по 1 руб., а моложе 10 лет — по 50 коп., а женщинам от 12 лет и старше — по 1 руб., а всем остальным — по 50 коп. Крестившимся националам давали трехлетнюю льготу от разных налоговых, трудовых, рекрутских и других повинностей. Крестившимся выделяли хорошие земельные участки, куда они выселялись за счет государства[4].

Представляя ряд льгот и поощрений новокрещеным, царское правительство возмещало их за счет усиления налогового гнета с некрестившейся части населения. Например, «...при выселении некрестившихся не отпускались им деньги на возмещение расходов, связанных с переселением, отводились неудобные и малоудобные земли, с них же взимали в течение 3 лет суммы налогов, представленных новокрещеным в виде льгот»[5]. Все это ложилось тяжким бременем на некрестившуюся часть населения.

Ввиду тяжелого положения мордва Терюшевской волости в количестве 8 деревень вынуждена была подать челобитную на имя своего владельца грузинского царевича Арчила и его брата Бакара Вахтанговича. В этом прошении они писали: «А мы, нижепоименованные сироты ваши, христианской веры принять не можем, а желаем быть в своей старой мордовской вере по-прежнему... а молимся по своей старой мордовской вере в полях и лесах. А ежели паче чаяния нас, сирот ваших, будут принуждать

[1] Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ, д. 2/1, л. 293.
[2] Н. Смирнов. Указ. соч., стр. 278.
[3] Н. Е. В. Мордово-новокрещенский приход с. Акузова Сергачского уезда Нижегородской епархии.—«Нижегородские губернские ведомости», 1893, № 25, ч. неоф., стр. 2.
[4] К. А. Котков. Восстание мордвы в Терюшевской волости. Сборник «Очерки по истории мордвы XVIII века». Саранск, 1943, стр. 43.
[5] Там же, стр. 39.

к крещению неволею, то мы, сироты ваши, оставя домы свои, будем бегать и укрываться по лесам и другим местам, как напредь дедов и отцов и сродников наших к крещению приводили, отчего они, домы свои оставя, разбежались и поныне жительство имеют в дворцовых волостях, також и ныне, домы свои и пожитки зажигать будут, которые образцы и являются и крестившимся из-под неволи в Арзамасском уезде предали себя удавлению, також и в нас во многом находится будет, отчего мы, сироты ваши, во всеконечное разорение придем и её императорского величества подушных и вашего высочества оброчных денег и всяких сборов взыскивать будет не на ком... Просим, чтобы нас, сирот ваших, не повелено было из-под неволи крестить и прислать в. в. указ, чтобы к нам в Терюшевскую волость для крещения никого не впущать»[1].

В большинстве случаев миссионерская деятельность сопровождалась тем же насилием и грабежом, каким занимались местные чиновники. Отряды миссионеров приезжали в село с военной командой, ловили разбегавшихся в страхе некрещеных крестьян, приводили в приказную избу и там под угрозой жестокого наказания «обращали» в христианство. Несмотря на ряд правительственных мер и разных принудительных и насильственных приемов, все же к концу царствования императрицы Анны Иоанновны большая часть мордовского населения оставалась некрещеной. «Тогда правительство Анны Иоанновны, а затем Елизаветы Петровны взяло курс на более грубый вид насильственного крещения народов Поволжья, в том числе и мордвы»[2].

Процесс массового крещения мордвы начался в 40-е годы XVIII века при царствовании Елизаветы Петровны. Царским указом архимандрит Свияжского и Желтоводского монастырей Дмитрий Сеченов, показавший себя к этому времени как ревностный проповедник христианства, был назначен руководителем миссионерских отрядов по Нижегородской епархии, куда входила большая часть территории современной Мордовии. В период деятельности Сеченова была введена практика насильственного крещения целыми селами. В 1742 году крещение мордвы достигло кульминационной точки. В одной Шацкой провинции была крещена мордва 17 деревень. За этот год в Нижегородской епархии было крещено 50928 человек[3]. Со всех концов епархии Дмитрию Сеченову поступали донесения, что «...новокрещены не усердно исправляют священного писания, на молитвословие в церковь многие не приходят, а иные, отступив от благочестия, кресты с себя побросали, с женами невенчано живут, детей к крещению не приводят»[4]. На подобные донесения Сеченов посылал распоряжения

[1] К. А. Котков. Восстание мордвы Терюшевской волости. Сборник «Очерки по истории мордвы XVIII века». Саранск, 1943, стр. 40.
[2] М. Е. Евсевьев. Мордва Татреспублики. Казань, 1925, стр. 186—187.
[3] К. А. Котков. Указ. раб., стр. 40.
[4] Там же.

по всей епархии, где предписывалось: «Новорожденных некрещеных младенцев окрестить ныне без упущения времени, и по крещении сподобить святых тайн, а отцов и матерей и кои поныне тех младенцев упрямством своим ко крещению не приносили, для страху другим, высечь плетьми... Которые же новокрещены явятся без крестов, у тех потому же взять ответы, кто их когда таковой провинности научил и чего для они кресты с себя побросали, и когда и каковым поруганием и куды оные девали, и каковым впредь намерением, а по ответам за таковую противность тем всем винным учинить плетьми наказание, а учителей и заводчиков таковому злодейству, всех сыскивая, прислать под крепким караулом в консисторию к следствию и к церковному исправлению без всякого упущения»[1].

Указание архимандрита ревностно выполняли местные церковные власти и чиновники. В мордовском селе Егорьевское (Инютино) было посажено в тюрьму 16 человек, которые подверглись разным пыткам, после чего были переданы в Нижегородский Печерский монастырь для церковного исправления за то, что жители сопротивлялись крещению и продолжали справлять свои дохристианские обряды.

В период царствования Елизаветы Петровны духовенство чувствовало себя особенно безнаказанно и прибегало в своих действиях к возмутительным издевательствам и грабежу. Из донесения Н. Васильева видно, что 8 сентября 1743 года в земском селе Пожарок Терюшевской волости Нижегородской губернии «...священник Климентов, сшед на мельницу с присланным из Нижегородской губернской канцелярии солдатом Яковом, перехватив на мельнице помольцев татар и мордвы восемь человек, из которых иных бив, крестил насильно, а прочие иноверные помольцы, оставя на помольном дворе привезенный свой хлеб для молотья 16 возов, неведомо куда от страха разбежались... Сего ж октября 15 числа помянутый священник Климентов в базарный день выдрал из бороды волосков у мордвина Алаторского уезда деревни Отяшево Василия Антуванова и при нем тое ж деревни Отяшева мордве двум человекам Интувату Макамву, Добрыне Васильеву, которые приходили к присланному из духовной консистории протопресвитеру просить на попа Димитрия Климентова в насильном крещении, то он, Климентов, уповая на свои неистовые придерзости и озорничества, паки их вытащил от него, протопресвитера, из двора вон и драл за волосы и после тех побой вступил отправлять вечерню, службу заутреню и литургию»[2].

В мае 1743 года Димитрий Сеченов с целью проверки хода крещения мордвы, строительства церквей и т. д. совершал объезд всей своей епархии. 18 мая, не доехав до села Сарлей, он увидел

[1] К. А. Котков. Указ. раб., стр. 41.
[2] РФи, д. 2/1, стр. 302—303. Рукописный фонд МНИИЯЛИЭ.

в лесу низенькие срубы и спросил сопровождавших его монахов: что за срубы в лесочке? Монахи ответили, что это старинное мордовское кладбище, где мордва производит свои моляны, почитая своих предков.

Опираясь на сенатский указ от 14 февраля 1743 года, в котором предлагалось «все татарские мечети в селениях, принявших греческое исповедание, сломать и впредь строить отнюдь не допускать»[1], Сеченов приказал монахам разрушить кладбище и сжечь могильные срубы. Чаша народного терпения переполнилась. В селе крестьяне ударили в набат и встали на защиту своих национальных обычаев. Духовная консистория из боязни полного истребления попов и сожжения церквей в мордовских селениях потребовала, чтобы губернское правление поспешило выслать необходимое количество солдат для подавления волнения мордвы в селах Сеськина, Борцова, Романихи и т. д. Не дожидаясь правительственных распоряжений и инструкций о мерах предотвращения волнения мордвы, губернатор послал в Терюшевскую волость во главе с миссионерами вооруженную команду и предписал им не останавливаться ни перед чем, прекратить волнения и заставить под страхом лишения их жизни воспринять святое крещение[2].

В жестокой схватке у деревни Лапшихи было убито 74, ранено 30 и в плен взято 130 человек повстанцев[3]. Восстание мордвы было жестоко подавлено. После расправы над восставшими нижегородский губернатор высказывался, «что после такого страха мордва примет крещение добровольно»[4]. Баратаев, управляющий имением в селе Малое Сеськино, указывал: «А ежели б обождать зимнего времени, то всемерно можно будет всех привести к христианской вере, и никто не может нигде скрываться»[5].

Как видим из всего вышеприведенного, царское правительство, осуществляя обращение мордвы в «святую веру», не останавливалось ни перед какими мерами: заставляли креститься насильно, били при этом, заковывали в кандалы или связанными окунали в купель и надевали кресты.

Однако, несмотря на такие крутые меры, мордовский народ, как видно, и после 1743—1745 годов справлял мордовские моляны и капища. Даже около середины прошлого столетия крестился еще неохотно[6].

Понятно, что насильственное крещение мордвы, которое

[1] К. А. Котков. Указ. соч., стр. 42.
[2] Подробно о Терюшевском восстании см. кн. И. Зевакина «Терюшевский восстаниясь», М., 1934.
[3] С. Соловьев. История России, кн. V, стр. 209.
[4] К. А. Котков. Указ. соч., стр. 51.
[5] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. II, Саранск, 1940, стр. 299.
[6] А. Н. Минх. Народные суеверия, предрассудки, обычаи и обряды крестьян Саратовской губернии, собранные в 1861—1868 годы. Архив Русского географического общества, разряд XXXVI, стр. 108.

постоянно приводило народные массы к активному и пассивному сопротивлению, не могло не взволновать его до глубины души и не дать отклика в устной народной поэзии.

В устно-поэтическом творчестве мордовского народа сохранилось некоторое количество песен, отразивших факты крещения мордвы и её отношение к этому акту. Песни дошли до нас на мордовском и русском языках. Одна из них, очень короткая, состоящая всего из 5 строк, записана Л. Пышкиной со слов крестьянки Кулеминой в Нижегородском уезде Терюшевской волости, селе Сарлее. Она опубликована в приложении к статье А. Маркова «Отношение между русскими и мордвою в истории и в области народной поэзии в связи с вопросом о происхождении великорусского племени»[1].

Начало песни показывает отношение рассказчика к церкви и её служителям:

Я боялся, опасался
Божьей церкви Сарлей села.
Попов, дьяков — церковных дураков[2].

«Церковными дураками» он называет священников за крещение и стыд, который ему пришлось испытать при этом.

Остыдили меня, опорочили
Попы, дьяки, церковные дураки[3].

На мордовском языке эта песня опубликована в работе М. Т. Маркелова[4].

Мон пелилинь, тандалилинь
Сарлей велень церкувадонть.
Поптиэ, дьякотиэ — церковной дуракне
Монь покордымизь[5].

В песне отражены непонимание новой веры, неприязнь к служителям церкви, названным мордовским народом дураками.

Мы отмечали, что крестившимся представлялись некоторые льготы: освобождение семьи на определенный срок от солдатчины, налогов, выдача денежных наград на мужскую и женскую душу и т. п. Такие случаи нашли отражение в мордовском фольклоре, в частности в песнях и преданиях. В песне, записанной в Наровчатском уезде Пензенской губернии, говорится, что крестившаяся девушка Федосья освобождает от солдатчины своих братьев, за что получает в награду от своего отца все имущество. «Ах Федосья, дочка,— говорит татарин,— скотина какая есть, это твоя будет, гумно одоньев полно, это твое будет; все это за то, что братнины души выкупила»[1]. Песня записана на русском языке. Все действующие лица названы татарами, тогда как речь идет о языческой мордве. Дело в том, что в просторечии слово «татарин» часто употребляется как синоним к словам «нехристь», «некрещеный». Говорят: «у нехристь», «у татарин».

Рекрутчина была для крестьянских семей так страшна, что в целях спасения от нее многие мордовские семьи готовы были добровольно принять «новую веру». Все это отразилось в многочисленных песнях о солдатчине[2].

Однако льготы, даваемые новокрещеным, не обеспечивали проводимых правительством и церковью мероприятий, поэтому к местам крещения призывались войска, карательные отряды, которые огнем и мечом внедряли христианство. Это приводило к интенсивной борьбе «за сохранение национальной самобытности»[3]. Например, исторические предания терюхан, до сих пор бытующие в современном Сарлейском районе, говорят о правительственных репрессиях, вызванных вооруженным отпором миссионерам, в частности Дмитрию Сеченову, который однажды был вынужден опасаться от возмутившейся мордвы в погребе сарлейского священника.

Восстание терюшевской мордвы явилось не только фактом идеологической борьбы между двумя религиозными системами, из которых одна — более утонченная и новая, другая — более грубая, первобытная, но привычная, отсюда более активная, но и следствием борьбы политической, направленной против русификаторской политики феодально-крепостнической России XVIII века. Мордва противилась крещению и после жестокого подавления восстания. В этом отношении справедливы слова В. И. Ленина: «Крестьяне... не боялись экзекуций и пуль, крестьяне не верили попам... крестьяне поднимались то здесь, то там»[4].

У мордовского народа в то время не было письменности, поэтому многие местные герои сопротивления христианизации оставили о себе память только в устно-поэтическом творчестве. Например, в образе Мамильки из песни о женщине Мамильке мордовский народ изображает смелую, волевую женщину, фанатически преданную своей вере, готовую за свои убеждения перенести любые лишения. Она выступает противницей христианства, которое стремятся навязать ей насильно. Выступая против христианской церкви, она тем самым борется против правительства, его мероприятий по обращению мордвы, «иноверцев», в христианскую православную веру. Трудно Мамильке в московской тюрьме, где она сидит уже полтора года, мало там света, так как окна

[1] Известия тифлисских высших женских курсов, кн. 1, вып. 1, Тифлис, 1914, стр. 48—94.
[2] Там же, стр. 101.
[3] Там же.
[4] М. Т. Маркелов. Мокшэрзянь эрямо пингест. М., 1929, стр. 110.
[5] Там же.

[1] Т. Шишкин. Заметки о мордвах.— «Век», 1851, № 48, СПб., стр. 1357.
[2] Саратовский этнографический сборник, Саратов, 1922, вып. 1, стр. 95.
[3] М. Т. Маркелов и С. П. Толстов. К истории терюханской культуры.— «Этнография», № 2, 1928, стр. 109.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

острога маленькие («смотрит Мамилька в маленькое окошко»). Однако она твердо держится за свою мордовскую веру, и, когда видит едущую к ней сестру Ялгавку, она наказывает ей: «...не ездь, сестрица, не ездь, Ялгавка, в Божью церковь, русским богам молиться»[1].

Героиня изображается в песнях сочувственно, как и языческая вера мордвы. Это видно из начала песни «Ох ты, свет мордовская наша вера, свет мордовские законы — свет Ивановна Мамилька»[2].

Мамилька отказывается от христианства потому, что это неприемлемая и непонятная ей религия, не дающая утешения. Своей сестре Ялгавке она говорит: «Я вчера до вечера стояла, в русском моленьи толку не нашла: все липовые образа. Они не милуют меня,— в остроге вот полтора года сижу, никуда не выхожу...»[3]

Полтора года, которые она просидела в неволе, не сломили её воли. Из окошка тюрьмы она наказывает сестре: «...свою мордовскую веру не меняй, свои мордовские законы не нарушай»[4].

Эта песня историческая, в ней изображается конкретная личность, отвергнувшая крещение. Весьма вероятно, что эта песня посвящена памяти страдалицы за мордовскую религию, именно Мамали, дочери Ивана, и по этой причине получила религиозный характер, совершенно справедливо отмечает профессор А. И. Маскаев, исследуя мордовскую народную эпическую песню[5].

Песни о Мамильке перекликаются с песнями о другой страдалице за мордовскую веру, Сыряве. Мамильку посадили в тюрьму за выступление против христианства и отказ от крещения, за пропаганду мордовской веры, за это же наказана Сырява.

Во городе, во Сызрани
Сидела мордовка в засаде.
За мордовскую за веру[6].

Она так же, как и Мамилька, не хочет принять христианства, отказаться от своей веры, но её крестят насильно.

Ведут мордовку крестити,
Несут купель с крестами,
Мордовочку крестити, мордовочка плакати[7].

[1] Религиозные верования, домашний быт и верования мордвы Нижегородского уезда (Из бумаг П. И. Мельникова, сообщ. А. Тетовым).— «Нижегородские губернские ведомости», 1887, № 7, ч. неоф., стр. 2.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] А. И. Маскаев. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964, стр. 355.
[6] М. Т. Маркелов и С. П. Толстов. К истории терюханской культуры.— «Этнография», 1928, № 1, стр. 108.
[7] М. Т. Маркелов и С. П. Толстов. К истории терюханской культуры.— «Этнография», 1928, № 1 стр. 108.

Плач героини показывает её бессилие противостоять крещению, насильно осуществляемому.

Мордовские народные песни о Мамильке и Сыряве перекликаются с одной из распространенных болгарских песен «Янка в темнице», рассказывающей о девушке, просидевшей в тюрьме девять лет за отказ принять турецкую веру. Так же, как и в мордовской песне, религиозные мотивы здесь представляют собой форму выражения национального сознания. Исследователь болгарского фольклора П. Динеков видит идею песни «Янка в темнице» в гордой решимости героини сохранить свою народность и веру[1], что можно сказать и о мордовских песнях о крещении.

М. Т. Маркелов и С. П. Толстов отмечают, что в терюханской среде сохранилась старая песня, где «вера мордовская» овеществляется в частях мордовской одежды и где горе утраты своего национального олицетворяется в прощании с «сустюжными застежками», «браными рукавами»[2] и т. д. В песне это показано следующим образом:

Ох, мордовка!
Прощай, мордовская вера,
Посконная рубашка,
Кривы лапти со хвостами,
Шиты браны рукава[3].

В статье П. И. Мельникова-Печерского «Религиозные верования домашний быт и обычаи мордвы Нижегородского уезда»[4] приводится в песне «Во городе, во Сызрани». В ней повествуется о насильном крещении мордовки, причем это осуществляется сменой национального костюма, как и в предыдущей песне.

Скидай хвосты, мордовка!
Скидай хвосты, жидовка!
Скидывай хвосты,
Надевай кресты[5].

Мордовка в этой песне называется «жидовкой». В народной речи «жидовка», «татарин», «нехристь» — это иноверцы, противники христианской религии.

Однако мордовка, имя которой в песне не дается, отказывается от крещения:

Я не скину хвосты,
Не надену кресты[6].

Сызранский воевода, проводивший обращение в православную веру, решает за отказ от крещения наказать женщину.

[1] П. Динеков. Български фолклор, ч. I, София, 1959, стр. 545 (цит. по кн.: Б. Н. Путилов. Славянская историческая баллада, М.—Л., 1965, стр. 75).
[2] М. Т. Маркелов и С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 120, 121.
[3] Там же, стр. 109.
[4] «Нижегородские губернские ведомости», 1887, № 7, ч. неоф., стр. 2.
[5] Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1963, стр. 301.
[6] Там же.

Слуги мои, вон в чисто поле мордовку,
Заройте по плечи могучие мордовку,
Крупным табуном лошадей нагоните,
Мордовку раздавите[1].

В песне отражено жестокое отношение к людям, отказывающимся от крещения.

Случаи наказания некрестившейся мордвы подтверждаются и историческими документами. В литературе известен факт о том, что управитель имения грузинского царевича Бакара Вахтанговича, которому принадлежала Терюшевская волость, князь Баратаев за отказ от крещения «...бил мордву кнутом и после того по битой спине натирал солью для того, чтоб крестились и оттого поныне больны и будут ли живы или нет»[2].

Возвращаясь к разбору песни, следует подчеркнуть, что в ней отразилась горячая вера мордвы в непобедимость народного духа. Мордовка, зарытая по плечи в землю, обращается к буре-погоде, чтобы она помогла ей освободиться и наказать виновных в ее казни.

Понесла буря-погода
Со восточного со всходу;
Разнесла буря-погода
Боярские хоромы
По самые пороги[3].

Как видим, сочувствие народа на стороне страдалицы за мордовскую веру. Героине помогают боги, сметающие с её дороги все преграды. Виновники её страданий убеждаются, что они бессильны.

Лакеев, слуг своих
Боярин вскричал,
Мордовку вырыть приказал,
Вырыли мордовку,
Отпустили мордовскую женщину[4].

Таким образом, судя по произведениям, можно заключить, что обращение в христианство—это нечто большее, чем простая перемена национального на чужой костюм. Переодевание послужило для создателей песни только условным выражением чего-то большего, вероятно, потери своей веры, поэтому боги помогают героине, что приравнивается потере национальной самобытности, национальных традиций, а следовательно, и национальной самостоятельности.

Из исторических документов видно, что миссионеры, проводившие крещение мордвы, «...их новокрещеных притесняют и разоряют, а наипаче посылаемые из губернских и воеводских канцелярий в жилища их рассыльщики чинят им великие и несносные обиды и грабительства, также от некоторых драгун и солдат, а между тем и от офицеров»[1].

Льготы, которые должны были быть представлены новокрещеным, до них не доходили. Коллежский советник Ярцов, проверявший, как проводится обращение мордвы в православную веру в Нижегородской губернии, доносил Синоду, что крестители ее «истязают» и «сами из-за побой берут всякую живность и прочие харчевые себе припасы и лошадям овес и сено безденежно...»[2]. Такое нарушение установок для новокрещеных встречается довольно часто[3], что послужило поводом для создания песен, в которых показывается, что же дает русская вера.

В песне, найденной нами в рукописном фонде архива Русского географического общества, в шутливой форме проводится мысль, что обращение в христианство ничего не дает народу, кроме замены мордовских лаптей русскими.

Христос несет по полю,
Идет мордву крестити,
В русскую веру ввестити,
Русски лапти носити[4].

«Русские лапти» — вот награда, которую не жаль было отдать мордве за крещение жадным до всего миссионерам. Песня имеется в одной записи на русском языке. В ней нет мотива сопротивления крещению. Она, очевидно, создана в то время, когда факты крещения стали обычным явлением, не возмущавшим мордовское население, когда вся мордва была крещена, и она отказалась от своих молянов, заменив их крестными ходами[5]. Однако, приняв христианскую веру, став православной, мордва еще долго тайком ходила в лес на «моляны» и кланялась своим прежним богам, хотя и это преследовалось как духовенством, так и начальством: «Моляны были запрещены, капища не раз разрушались, а присутствовавшие на «моляне» строго наказывались, поэтому мордва мало-помалу, не забывая своих старых богов, стала переносить свои старые обычаи на праздники и разные случаи православной веры»[6].

Авторы статей «Нижегородских губернских ведомостей»

---

[1] Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1963, стр. 301.
[2] «Русское обозрение», 1843, № 10, стр. 802.
[3] Устно-поэтическое творчество мордовского народа, т. 1, Саранск, 1963, стр. 301.
[4] Там же.

[1] Из донесения Синоду.—«Нижегородские губернские ведомости», 1891, № 7, ч. неоф., стр. 6.
[2] Там же.
[3] А. С. Село Старое Пшенево Инсарского района.—«Пензенские епархиальные ведомости», 1892, № 12, ч. неоф., стр. 466—475; Мордва в приходе с. Домосердок Городищенского уезда.—«Пензенские епархиальные ведомости», 1920, № 15, ч. неоф., стр. 650—663 (автор неизвестен).
[4] Архив Русского географического общества, раздел XXVIII, 21, л. 19.
[5] Мордва в приходе села Домосердок Городищенского уезда.—«Пензенские епархиальные ведомости, 1902, № 15, ч. неоф., стр. 656 (автор не указан).
[6] Село Оркино (Рождественское, Кучугуры тож) Озерской волости Саратовского уезда.—«Саратовские губернские ведомости», 1884, № 48, ч. неоф., стр. 3.

отмечают, что христианство привилось к мордве больше обрядовой стороной, чем внутренним своим содержанием[1].

Многочисленные корреспонденты «Пензенских епархиальных ведомостей» подчеркивают, что мордовский народ непочтительно относится к священнику. Что бы священник ни говорил мордве, она только почесывает спину и затылок. На просьбы и убеждения священника оставить моляны, мордва не обращает никакого внимания. «Бог нам хлеба не даст»,— заявляет она на запрещение молянов. Мордва скорее согласилась бы умереть, чем их оставить. Это память о её предках.

Мордвин обращался к своим божествам то с мольбой, то с угрозой, например: «А то не дам тебе копши[2], пива, мяса, не буду ходить на молян»[3].

Это обращение к богам говорит о том, что боги в представлении мордвы человекоподобны; с другой стороны, оно показывает на отношение равных к равному, а не рабов к господину. Последнее так поразило великого Горького, что он написал рассказ «Знахарка»[4], в основе которого лежит монолог мордовки, обращенный к богу.

Мордовских исторических песен о крещении немного, их всего семь. В настоящее время они не бытуют, что говорит об их полном забвении.

Исторический материал о крещении мордвы и сравнение его с фактами, описанными в песнях, указывает на то, что в исторических песнях этого периода отразились общие случаи крещения мордвы.

Мордовские песни о крещении, являясь бессознательным отражением общественных форм борьбы в народной фантазии, показали, что процесс христианизации мордвы проводился насильственно, что мордва активно выступала против своих «крестителей»,— так как обращение в христианство, по терминологии М. Т. Маркелова, приравнивалось потере национальной самобытности и одерживала в лице героини—страдалицы за мордовскую веру — моральную победу; в них отразилось нетерпимое отношение мордовского народа к этому явлению своей общественной жизни, хотя на деле обращение содействовало еще большему сближению мордовского народа с русским, что имело прогрессивное значение в развитии его хозяйства, экономики и культуры.

---

[1] А. Можаровский. Старобережковский мордовокрещенский приход Сергачского уезда Нижегородской губернии.—«Нижегородские губернские ведомости», 1893, № 8, ч. неоф., стр. 1.

[2] Копша — сдобная лепешка (примеч. автора).

[3] А. С. Село Старое Пшенево Инсарского уезда,—«Пензенские епархиальные ведомости», 1892, № 12, ч. неоф., стр. 472.

[4] А. М. Горький. Сочинения, т. 15, М., 1953, стр. 126.

И. К. ИНЖЕВАТОВ

ГОРОД АРДАТОВ
(историко-топонимический очерк)

В XVII веке в Алатырском уезде, из которого позднее выделился Ардатовский уезд, было несколько населенных пунктов с названием *Ардатова*. В переписной «Книге письма и меры писцов Дмитрия Юрьевича Пушечникова да подъячего Афонасия Костяева мордовских и буртасских земель 132-го и 133-го и 134-го году» (1624—1626 гг.)[1] упоминаются три деревни с этим названием. Самым ранним из них была деревня Ордатова (Ардатова) на речке Муровлее Лунгинского беляка Верхопьянского стана. По переписи князя Ивана Путятина в 1671 году эта деревня именуется Ардатовой Старой на речке Норовлейке. По переписи алатырского воеводы Федора Семеновича Грибоедова в 1696 году деревня названа Старой Ардатовой на речке Норовлейке. В списках населенных пунктов за 1859 год Старая Ардатова на речке Муравлейке называется селом.

Д. Пушечников и А. Костяев указывают, что по предыдущей до них переписи, то есть в 1614 году, ардатовцы имели 460 четей[2] паханной и пустующей земли. В 1624 году в деревне было 20 жилых и 13 пустых дворов. В отличие от всех соседних деревень ардатовцы не имели бортных ухожаев. По этому поводу известный мордвовед профессор А. Гераклитов пишет: «Странным для селения, существующего издавна, является то, что в связи с ним ни в 1624, ни в 1671 годах нет упоминания о пользовании бортными ухожаями»[3]. Между тем отсутствие бортных ухожаев станет понятным, если учесть, что в «Книге письма и меры» Д. Пушечникова и А. Костяева в 1624 году ардатовцы именуются воротниками, то есть охранниками ворот на засечной черте, проходившей от Арзамаса до Алатыря. Из этого явствует, что ардатовцы были служилыми людьми на восточной границе Русского государства и поэтому не могли в полную меру заниматься всеми отраслями

---

[1] Рукописный фонд Мордовского НИИ, ед. хр. 137.

[2] Четь — земельная мера, обычно приравниваемая к ½ десятины.

[3] А. А. Гераклитов. Алатырская мордва. Саранск, 1938, стр. 47.

сельского хозяйства. Большое количество пустых дворов было связано и со служебными перемещениями.

В слове Норовлейка «лей» является названием оврага и речки, «норов» — языческое божество урожая. Норовлейка (искаженное Муравлейка, Муровлейка, Наравлейка) переводится как овраг (вернее долина) плодородия.

В настоящее время Старое Ардатово — село, центр сельского Совета в Ардатовском районе Мордовской АССР.

В первой четверти XVII века появляется другое селение с таким же названием. В «Книге письма и меры» Д. Пушечников и А. Костяев его именуют Ардатовой на речке Кардалее. Эта деревня находилась в Верхосурском стане[1] Алатырского уезда. В ней было 7 дворов. По писцовой книге И. Путятина в 1671 году эта деревня упоминается как Ардатова на Метяковской пустоши. В 1696 году переписчик мордовских селений Алатырского уезда Ф. Грибоедов эту деревню называет Ардатовой на Метякове. По «Спискам населенных мест» за 1859 год данное селение именуется деревней Ардатовой на речке Кордановке.

Время появления деревни довольно точно устанавливается профессором А. Гераклитовым: «Так, Старая Ардатова на речке Муравлейке в 40—41 километре к северо-западу от города Алатыря и километрах в 20 по прямой линии к северу от Ардатова дает между 1615—1623 годами население для деревни Ардатовой на речке Кореоновке в 58—60 километрах почти прямо на юг от города Алатыря»[2].

Эта Ардатова — ныне село, центр сельского Совета, входит в состав Дубенского района Мордовской АССР. Речка Кардалей (искаженное Кордановка) состоит из двух слов: «карда» («кардо») — конюшня, скотный сарай, скотный двор, изгородь для содержания скота и «лей» — овраг, речка.

Документы свидетельствуют о том, что деревня Ардатова на Метяковской пустоши обосновалась на землях, которые ранее принадлежали татарской деревне Нагаевой (Чулпановой тож). Одним из жителей Нагаева был Бекей Тетяков. После ухода посопных[3] татар в другие места появились названия «Тетяковская пустошь», а искаженно «Метяковская пустошь» или просто «Метяково».

В 1624 году существовала третья деревня с названием Ардатова Новая. Она находилась в Верхосурском стане Алатырского уезда. В «Книге письма и меры» Д. Пушечникова и А. Костяева об этой деревне говорится, что она «выставилась из Старой Выставки, а ныне поселилась на Тетяковой пустоши, что примерили писцы Никон Бутурлин с товарищами из деревни Ногаевы у посопных татар. А наперед та мордва посопный хлеб платили с

[1] Стан — административная единица, часть уезда.
[2] А. А. Гераклитов. Алатырская мордва. Саранск, 1938, стр. 46.
[3] Посоп — хлебная подать.

ардатовскою мордвою вместе»[1]. В 1624 году в деревне было 7 тягловых дворов и столько же людей. Пашни пахатной числилось 45 четей. Хлебный оклад был определен в 442 юфти[2].

В переписях, проводившихся после 1624 года, эта деревня не упоминается. Возможно, что она слилась с соседней деревней Ардатовой, которая находилась на Метяковской пустоши.

Из «Книги переписи князя Ивана Путятина Алатырского уезда мордве»[3] за 1671 год видно, что к этому времени появляется еще одна «Ардатова, что на Вечерлее, Верхосурского стана». В ней числилось 11 жилых и 3 пустых двора. Эта деревня находилась на месте нынешнего села Вечерлей. Исчезновение селения в последующих переписях объясняется бегством коренных жителей от репрессий за участие в восстании Степана Разина и захватом их земель помещиками.

Вечерлей (Вачарлей) — сильно трансформировавшееся сложное собственное название, первоначально состоявшее из группы слов. Вечерлей (Вачарлей) могло означать, во-первых, «вирь чиресэ лей — овраг (речка) возле леса, во-вторых, «вача (р) лей» — голодный овраг, то есть овраг, где ничего не росло, в-третьих, «вачар (човар) лей» — песчаный овраг (речка) и, в-четвертых, «вача (р) лей» — овечий овраг, место, где паслись и содержались овцы.

В 1671 году И. Путятин описывает и «Ардатову, что под Сарпомрою, а Пиксаева тож, Верхосурского стана». Эта Ардатова ныне известна как село с одним названием — Пиксяси на речке Леплейке в Ардатовском районе Мордовской АССР.

По первой ревизии (в 1717 году) деревня называлась Пиксаевой, а по «Списку населенных мест» за 1859 год — село Пиксяси при речке Леплейке, в 21 версте от города Ардатова.

В 1671 году дворов насчитывалось 20 и один пустой двор. В пользовании деревни показаны такие ухожаи, как Ведевирский, Кирманский, Ведендимянский и Нухнальский. Подати платили медом, хлебом, деньгами.

Название Пиксаево (Пиксяси) дано по личному имени одного из первооснователей деревни, главы патриархально-родовой семьи. Сарпомра происходит от «сара», что означает заосоченное, заболоченное место и «помра» — роща. Леплейка состоит из двух слов: «лепе» — ольха, «лей» — овраг (речка).

В 1624 году существовала, как видно из «Книги письма и меры» Д. Пушечникова и А. Костяева, деревня Пичевеле на речке Пичевеле Лунгинского беляка[4] Верхалатырского стана. В

[1] А. А. Гераклитов. Алатырская мордва. Саранск, 1938, стр. 46.
[2] Юфть — все три поля земли при трехпольном севообороте. Юфть означает и весовую единицу.
[3] Рукописный фонд Мордовского НИИ, ед. хр. 137.
[4] Беляк — податное объединение, базирующееся на общности владения бортными угодьями и платежа за них оброка медом. Беляк истолковывается и как татарское феодальное владение на мордовской территории.

последующих переписях не упоминается. Из документов видно, что часть жителей переселяется в деревню Алову (ныне Атяшевский район Мордовской АССР), Алтышеву (ныне Алатырский район Чувашской АССР) и основывает на старом месте новую деревню. В 1671 году она называется деревней «Ардатовой, что на Алаторе, Верхалаторского стана». Из 22 дворов 5 были пустыми: две семьи «убиты в бунт» (погибли в разинском восстании.— *И. И.*), одна семья «сожжена» в деревне карателями, две семьи «умерли от голода и болезней». В 1696 году эта деревня именуется селом Новотроицкое, а по первой ревизии, то есть в 1717 году, снова именуется селом Ардатовой. В 1780 году село Ардатова на Алатыре становится уездным центром и переименовывается в город Ардатов.

По писцовым книгам 1624—1626 годов в Пичевели считалось 8 тягловых дворов, столько же людей и два двора пустых, «сошедших безвестно» в 1624 году. В это время при деревне числилось: пашни паханой 60 четей, перелогу 100 четей, дикого поля[1] 400 четей, сена «по конец поль на диком поле» и на поляне Урналей 40 десятин. Жители имели в своем пользовании бортные ухожаи: Кермарский на Алатыре с речкой Евлей, Кирмальский на речке Урхналей, Кирмальский на речке Мудуеве, половина помры Керямсерки, Ашкудинский по Малой Саре и Суре, Розбаламский за Сурою и Вухнарский. Хлебный оклад 1624—1625 годов — 6 юфтей.

После 1624 года деревня Пичевеле в последующих переписях не упоминается. Ее жители вошли в состав новой деревни Ардатовой, другие выехали в деревню Алтышеву и Алово.

В 1671 году, то есть во время восстания Разина, в деревне Ардатовой было дворов 22, людей — 33, пустых дворов — 12 (из них 7 дворов «выжжено», 2 домохозяина «убиты», 1 «сожжен» в своей деревне). В 1696 году дворов насчитывалось 50 (из них 13 дворов новокрещенских и 37 дворов русских крестьянских, которые большею частью пришли сюда в 1688 году), людей — 51, пустых дворов — 3 (по «Списку переписной книги Алатырского уезда дворцовых сел и деревень 7204 года (1696 год)» числится людей 212, пустых дворов — 12). В 1721 году в деревне было 463 людей, в том числе вновь прибывших новокрещенских 65 душ мужского пола.

В 1671 году во владении ардатовцев находился Ухнальский ухожай.

По окладу 1671 года платежи шли с 2,5 вытей: медом — 4 пуда, хлебом — 17,5 юфтей и деньгами — 7 рублей 9 алтын 5,25 деньги[2]. Пять дворов запустевших, но не сожженных, с 0,5 выти

[1] Перелог — земля, оставленная под пар или заброшенная. Дикое поле — необработанная и никем не освоенная земля.

[2] Алтын — медная монета, равная 3 копейкам. Татарское «алты» означает «шесть». Алтын равняется шести деньгам. Деньга — мелкая денежная единица, равная ½ копейки.

платили 1 пуд 9 фунтов меда, 3,5 юфтей хлеба и 1 рубль 17 алтын 3,25 деньги.

Границы земельных владений жителей деревни Пичевеле подробно описаны в «Книге письма и меры писцов Дмитрия Юрьевича Пушечникова да подъячего Афонасия Костяева мордовских и буртасских земель 132-го и 133-го и 134-году» (1624, 1625, 1626 годов):

«Деревни Пичевели за мордовского за Ермоватом Молаевым, да за Сялдушем Аловым, да за Костею Колузгановым, да за Очалсом Досевым, да за Мучомасом Торщтановым, да за Ничаем Тоняевым вотчина Кермарской ухожей на реке Алатыре, с речки Евлея вверх по речке Евлею левая сторона до Баевские межи, а от Баевские межи на низ по реке по Алатырю по обе стороны до устья. За вотчина Кирманской ухожей на речке Урхнале, смежно з Баевскою межою, до озера Яверни, от Яверни вверх по реке Алатарю по обе стороны до Тургаковские межи до речки Пичевели, а от Пичевели речки до речки до Воскомаса по правой стороне, вверх идучи до Явы поляны, а от Явы поляны до Кирмалской озерки правая ж сторона, от Кирмалской озерки до Ракштрени вершины речки на низ идучи правая ж сторона, до Пичи реки, а Пиченеей рекою до речки Евлея, правая же сторона, а Евлеи вверх по правую сторону до вершины смежно с Кечюшевскою мордвой, да по раменью смежно с Кечюшевскою ж мордвою до Баевские межи, да Кирманской ухожей на речке Мудуеве левая сторона до вершины до Батмас речки смежно с Кочкуровскою мордвою, от Батмас с вершины речки Орлея смежно с Кочкуровскою ж мордвою. За ними же вотчина Ашокудинской ухожей помра Керямсерка половина, смежно с Популевскою мордвою, да с Коласевскою мордвою. А от той помры Керямсюрка до вершины до Малой Сары на низ идучи левая сторона, Малою Сарою до Суры реки, а Сурою на низ идучи до города до стены. За ними ж вотчина Розбаламской ухожей верхней рубеж Силинское озеро, от Силинского озера раменьем смежно з Боманзею Кумаевым да с Янбатою Ангуреем, до Шатинской межи, а от Шатинской межи до Люли речки по берег до Башатова кладбища левая сторона смежно с черемисою Цывильского езду, а от Башатова кладбища до Отрачьи поляны, а Отрачей на низ левая сторона, смежно с Тогаем черемисином, а от поляны Отрачей к речки на низ до Суры реки левая сторона, а Сурою рекою вверх до Синникова на озеро. А судеревщики с ними ходят Пахмусовская мордва Кобай Пахмусов с товарыщи, да деревни Тарасовы мордва Ведяш Атемасов с товарыщи. А в Кирмалском ухожье судеревщики с ними те ж мордва, да деревни Ордатовы мордва Вечком Ночаров с товарыщи. Да в Ухнарском ухожье ходят те же судеревщики Пахмусовские да Тарасовская мордва Вечкая Ночарова с товарыщи. А в Ашехудинском ухожье ходят с ними судеревщики Ордатовская мордва Вечкас Ночаров с товарыщи, да деревни Урусовы мордва Мокей Торханов с товарыщи.

да деревни Тургановы мордва Шадра Лиясев с товарыщи, да Ивановские мурзы Кстесь Молняев с товарыщи. А знамена[1] у них в тех вотчинах: знамя Ермоватово пять глазов, знамя Салдушево три заячья уха, знамя Костино пояс да четыре глаза, знамя Олчаево три глаза, знамя Мучкомасово орлов хвост да один глаз, знамя Нечаево четыре глаза, да заечьи уши, знамя Кстеся Порадеева три глаза, знамя Киржемана Смаева три ж глаза. А платят они с тех вотчин и знамен Ермоват, да Сундуш, да Костя, да Ойчай, да Мучкома, да Нечей восемь пуд меду с пятью гривенки, да пошлин с пуда по пяти денег, да ясачных денег тридцать четыре алтына три деньги да две куницы. А Октесь Порадеев да Киржеман Смаев с своих знамен оброку платят полчетверта пуда меду без пяти гривенок, да ясаку четырнадцать алтын без денги. А по скаске выборных людей, что те вотчины старинные, судеревщики и сумещики и знамена те, которые в ободу написаны»[2].

Эти старинные земельные владения и бортные ухожаи[3] жителей деревни Пичевеле-Ардатовой упоминаются также в «Выписи из дела новокрещен села Троицкого, Алатырского уезда, К. Степанова с товарищами со стольником И. А. Дашковым о лесе и расчистных полянах» в 1700 году. Когда стольник Иван Андреевич Дашков начал насильственным путем захватывать земли и леса, принадлежавшие жителям села Новотроицкого, новокрещены этого села во главе с Кирюшкой Степановым решительно встали в защиту своих старинных земельных и лесных угодий. В своей жалобе они писали: «В писцовых книгах Дмитрия Пушечникова да подъячего Афонасья Костяева 132—133—134 годов написано деревня Пичевель, на речке Пичевеле, Лунгинская беляна, а в ней восемь дворов мордовских тяглых да два двора пустых, пашни пахотные шестьдесят четьи, перелогу сто пятьдесят четь, да дикова поля четыреста четьи в поле, а в дву потому ж, в живущем три выти, а в пусте двадцать семь вытей с полувытью; сена по конец поля, и на диком поле, и на поляне на Ухнале сорок десятин, на десятине по двадцати копен, итого восемьсот копен; лес секут в мордовских бортных ухожьях в черном лесу. Да в деревнях Пичевели, за мордвою за Ермоватком Малаевым с товарыщи, вотчины Кармальской ухожей, на реке на Алатыре, с речки Явлея вверх по речке Явлею левая сторона до Баевские межи, а от Баевские межи на низ по речке Алатырю по обе стороны до устья; за ними ж вотчина Кемарской ухожей, на речке Ухнале, смежна с Баевскою межею до озера Яверки и от Яверки верх по речке Алатырю по обе стороны от Тургаковские межи до речки Пичевели, а от Пичевели речки до реки Воскомаса по правой стороне вверх идучи до Явы поляны, а от Явы поляны до Кирмальской озерки; правая ж сторона от Кирмальской озерки до Ракштренья вершины речки на низ идучи, правая ж сторона до Пичи речки, а Пиченею речкою до речки Явлеи; правая ж сторона с Явлеем вверх по правую ж сторону до вершины смежная с Кечюшевскою мордвою, да по раменью смежна с Кечюшевскою ж мордвою до Баевские межи, до Кирмальской ухожей, на речке Мудуеве, от Баевские межи верх по Мудуеву левая сторона до вершины до Батмас речки смежна с Кочкуровскою мордвою; от Батмаса с вершины речки Орлея смежна с Кочкуровскою мордвою ж. А судеревщики с ними ходят Пахмусовская мордва Пахомка Пахмусов с товарыщи да деревни Тарасове мордва Ведяшка Атемасов с товарыщи. А в Кирмальском ухожье судеревщики с ними те же мордва да деревни Ардатови мордва Вечкаска Начаров с товарыщи. Да в Пухнальском ухожье ходят те же судеревщики. Пахмусовская да Тарасовская мордва Печкаска Начаров с товарыщи. А у досмотру и чертежу старожилы Алаторского уезда и из Сурского стану мордва деревни Старой Ардатовы Тетюшка Анофреев, Ромашка Пылаев, Осепка Дементьев, Аркашка Сабаев, деревни Тургаковы, что на Алатыре, Кирюшка Неверов, да Алатырского уезду Троицы-Сергеева Монастыря села Четвертакова крестьянин Микишка Степанов, да деревни Ардатовы, что на Метякове, мордвин Замятка Антуганов указал при сторонних людях бортных ухожей села Новотроицкого, что преж сего было деревни Пичевелы, мордвы писцовую межу от речки Алатыря до устья речки Ухналки, речки Явлейки с озера Яверки вверх речки Явлея левая сторона до Баевские межи, направе бортной ухожей деревни Баевы мордвы, а от Баевские межи черным лесом до раменья, а с вершины речки Явлея раменьем попереч черного лесу указали они ж, вышеписанные мордва Замятка Атуганов с товарыщи, до Кечюшевского рубежа до дуба, который за его, Замятиным, знаменем стоит у Мишуковской дороги, и через Мишуковскую дорогу до большой Московской дороги через лес прямо по конец большого мосту, от села Куракина, и через большую Московскую дорогу лесом через верх вершин речки Ухналки на Кирять борок, а с Киряти борка лесом к речке Пиче, а Пиченейка тож, до Раштренги вершины речки, а с Раштренги вершины к Тургаковской меже, налеве бортной Кирмальской ухожей деревни Пичевель, Ардатово то же, мордвы, а ныне села Троицкого новокрещенов...»[1].

О всех жителях села Новотроицкое сообщает в своей писцовой (переписной) книге за 1696 год алатырский стольник и воевода Семен Федорович Грибоедов:

[1] Знамена — условные знаки для обозначения принадлежности бортных деревьев отдельным их владельцам.

[2] Рукописный фонд Мордовского НИИЯЛИЭ, ед. хр. 137, стр. 276—278.

[3] Борть — дупло, используемое для примитивного пчеловодства. Бортник — лицо, этим промыслом занимающееся. Угодья, где производился такой промысел, назывались бортными ухожаями.

[1] Документы и материалы по истории Мордовской АССР, т. II, Саранск, 1940, стр. 177—178.

«Село Новотроицкое на реке на Алатыре, а в селе церкозь во имя живоначальные Троицы да придел преподобного Сергия Радонежского чудотворца; у церкви: д. попа Петра Федорова; д. пономаря Александра Васильева; д. просвирницы Прасковицы Прокофевы дочери, у нее сын новокрещен Луконка Иванов; да в том же селе новокрещенов жилых дворов, которые крестились в прошлых годах: д. Кирюшка Степанов, у него дети: Стенка женат, Илюшка двенадцати лет, Васка осми лет, Тимошка пяти лет, у него же приимыш Куска Федоров, новокрещен женат; в. Стенка Нестеров сын новокрещен, у него дети: Мишка десяти лет, Екимка году, у него племянники: Кирюшка десяти лет, Алешка осми лет Федоровы; в. Данилка да Сидорка Андреевы, у них приимыш Якушка Варфоломеев; д. Куска Дмитриев, у него сын Пашка трех лет да брат Ивашка Герасимов женат; в. Алешка, Илюшка (он же Микифоров) у него дети: Федка пяти лет, Гришка трех лет да племянник Васка Фомин женат; д. Ивашка Семенов сын татарин, у него дети: Артюшка, Васка женати, Левка десяти лет да пасынок Андрюшка Матвеев женат, да приимыш Сережка Андреев двадцати лет; д. Иванка Васильев, у него сын Демка году да брат Федка Иванов женат; д. Ивашка Федоров, у него брат Васка Васильев Юртаевы; д. Кирюшка Прокофев, у него брат Васка Савельев женати, у них приимыш Левка Федотов женат; в. Гришка Меркулов, у него дети: Митка, Карпунка женати, у Карпунки сын Афонка дву лет; д. Федотка да Ивашка да Васка Ивановы, у Васки сын Левка пяти лет; в. Мишка Степанов, у него дети: Илюшка женат, Александрка пятнадцати лет, и у Илюшки сын Вавилка четырех лет да зять Данилка Степанов; в. вдова Дунка Семенова дочь новокрещена Кирюшкинская жена Нефедова, у нее дети: Ларка десяти лет, Митка дву лет да племянники новокрещены же: Левка Иванов, Данилка Федоров женати, Гришка Иванов десяти лет.

Всего новокрещенов тридцать дворов да крестьянских дворов: д. Фетка Афанасьев, сын Абызов, у него дети: Ивашка да Федка женати, пришел жит из села Мурашкина в 195 году; в. вдова Марица Филипова дочь Терешкинская жена Лазарева, у нее сын Максимка женат — пришли из Терюшевской волости из деревни Ялховки в том же году; в. Ивашка Клементьев сын Черной, у него дети: Гришка да Ондрюшка женати, у Гришки сын Илюшка трех лет да племянник Артюшка Терентьев, у него дети: Артемошка четырех лет, Еремка году, пришли из села Сергача во 196 году; д. Фомка Прокофев, у него дети: Максимка женат и Тимошка осми лет — пришел из Кадомского уезду из мордовской деревни Новоселок во 195 году; в. Васка Федоров сын Жук, у него дети: Мартынка да Афонка да Ромашка женаты, у Мартынки сын Аниска осми лет да пасынок Антипка Борисов женат — пришли из Сергацкой волости из деревни Ячки в 195 году; в. Андрюшка Авдокимов, у него дети: Николка да Илимка женати, Ефимка трех лет, у Николки сын Афонка трех лет — пришел

из дворцовой Кунавинской волости во 195 году; д. Тимошка Иванов, у него сын Трошка пятнадцати лет, у него братя: Гришка Алексеев да Планка Илин да Ивашка Петров, у Гришки сын Микитка шести лет, у Власки сын Якушка году — пришли из дворцовой Сеглицкой волости из деревни Сырятины во 195 году; в. Тимошка Иванов сын Тушнин, у него сын Ивашка десяти лет да брат Родка Сергеев сын Желвак — пришел из Мурашские волости из деревни Бекищевы во 195 году; в. Филимонка да Мартынка Ульяновы, у Филимонки сын Ганка году — пришли из Костромского уезду из Даниловской волости из деревни Кузнецовки во 196 году; в. Сенка Федотов, у него сын Ивашка десяти лет — из дворцовой Заборской волости Юревца Поволского, из деревни Герасимова во 195 году; в. Симонка Микифоров, у него дети: Харламка да Ларка да Васка женати, у Ларки дети: Петрушка пятнадцати лет, Ивашка шти лет, у Васки сын Петрушка трех лет — из Сергацкой волости из деревни Ячки во 196 году; д. Федка да Ларка Исаевы, у Федки сын Митка пяти лет, у Ларки сын Васка году да племянник Трошка Венедихтов женат — пришли с Сергача во 196 году; в. Севка Степанов, у него дети: Демка да Куска женати — из Сергацкой волости из деревни Ячки во 196 году; в. Мартьянка Кондратьев, у него сын Ивашка четырех лет, да племмянник Афонка Иванов сын Губан, у него сын Ивашка осми лет — из Терюшевской волости из деревни Мармалей во 196 году; д. Сенка Григорьев сын Черной, у него дети: Петрушка женат, Авдокимка двадцати лет — из Костромского уезду дворцовой волости села Даниловского во 196 году; в. Ивашка да Федка да Аверчка Васильевы, у Ивашки дети: Ивашка большой женат, осми лет — из дворцовой Даниловской волости деревни Рамеия Ивашка пришел во 196 году; а Федка да Аверчка по грамоте ве-Ивашка ж двадцати лет, Федка пятнадцати лет, у Федки дети: Панка десяти лет да Сенка семи лет, у Аверчки сын Луконка ликих государей и с приказу Большого дворца — взяты из-за Григория Ермолова, а у него Григория живут и ныне Аверчкины дети: Обрашка женат да Кирюшка девяти лет; в. Марчка да Митка да Тишка семи лет Ивановы, у Марчки сын Якушка десяти лет — из дворцовой Даниловской волости из деревни Хламутины во 196 году; в. Федка Денисов, у него шурин Якушка Кондратьев женат — из Терюшевской волости, из села Бараново во 196 году; в. Ивашка Игнатьев сын Суконник, у него дети: Оска женат, Гришка девятнадцати лет — из Юрьевца Поволского, Заборской волости во 196 году; в. Ивашка Филипов, у него племянник Мишка Андреев сын Кисель женат — из Костромского уезду Сидоровской волости деревне Федоркины во 195 году; в. Савостька да Минка Филиповы, у Савостки сын Федотка году; у Митки сын Куземка полугоду да брат Исайка Андреев, у него дети: Серешка семи лет, Афонка пяти лет, Федка году — Сергачево 196 году; в. Назарко Степанов, у него дети: Петрушка, Игошка, Митка, у него дети: Пронка осим лет, Игошка пяти лет, у Петрушки сын

Илюшка полугоду да племянник Федка Иванов женат — с Сергача во 196 году; в. Тимошка Иванов, у него сын Трошка пятнадцати лет, у него зят Екимка Гаврилов сын кузнец, у Екимки сын Федка шеснатцати лет, Тимошка — из Лыскова, а Екимка из Терюшевской волости деревни Бурцовы во 196 году; в. Сенка да Мирошка Яковлевы — Даниловской волости деревни Селезневы во 196 году; в. вдова Варка Игнатева дочь Микитинская жена Иванова, у нее сын Стенка женат — Юревского уезду Поволского, Ячменской волости деревни Задней во 196 году; в. Тишка Васильев, у него сын Сенка трех лет да брат Микишка Иванов, у него сын Ганка десяти лет — Кондомской волости деревни Горбовы во 196 году; в. Илюшка Гаврилов, у него пасынок Карпушка Семенов двенадцати лет — Даниловской волости деревни Хламутины во 196 году; в. Стенка Фомин, у него сын Екимка у Екимки сын Антошка осми лет да племянник Серешка Давыдов сын Сыромятников, у него сын Илюшка двенадцати лет — с Сергача во 196 году; д. Демка Яковлев, у него зят Оска Григорев, у Оски дети: Ивашка трех лет, Федка дву лет — с Сергача в том же году; в. Ганка Василев сын Дехтяр, у него дети: Сергунка да Сенка женаты, у Сергунки сын Федка осми лет да племянник Артюшка Игнатев женат — из Коломенского уезду Гуселской волости села Фатеевского во 196 году; в. Матюшка Куприянов, у него дети: Петрушка женат, Микишка пятнадцати лет, Мишка десяти лет — Володимирского уезду Всегомицкой волости во 196 году; в. Тишка, Ивашка, Кирсанка Степановы, у Кирсанки дети: Ивашка десяти лет, Исайка семи лет, Ивашка да шурин Мишка Иванов пяти лет да брат Исайка женат — из дворцовой Мормийской волости во 196 году; в. Кондрашка Куприянов, у него дети: Васка шестнатцети лет, Гришка двенатцати лет — из Кастромского уезду дворцового Красного села деревни Василков во 196 году; в. Кирюшка да Мишка Ивановы, у Кирюшки сын Стенка, у Мишки сын Митка женати — Мурашкинской волости из села Курлаково во 196 году; в. Фомка Иванов, у него дети: Петрушка да Федка женати, Андрюшка десяти лет, Терешка осми лет, из Княгинической волости деревни Колоковиц, во 196 году; в. Власка Никонов, у него сын Микитка двадцати лет, да братья Аношка да Пронка Ялфимовы — из Сергацкой волости села Богороцкого во 196 году; в. Гераска да Филатка да Якушка да Гришка Осиповы, у Гераски сын Мишка пяти лет — из Кастромского уезду дворцовой Сидоровской волости во 196 году.

Всего жилых тритцать семь дворов; итого в селе Новотроицком новокрещенских и крестьянских сорок семь дворов, да три двора вдовых; всего пятьдесят дворов, людей в них поимяном двести двенатцать человек; да в том же селе пустых дворов, которые запустели после переписи князя Ивана Путятина, новокрещенских: д. Данилка Севостьянова — вымер без остатку во 199 году; Васки Максимова — бежал в нынешнем в 204 году; д. Ивашки Семенов — вымер без остатку во 198 году; д. Емелка Сергеева — вымер

без остатку во 199 году; да крестьянских: д. Харитонки Аврамова сына Бортника — бежал во 200 году; д. Савостки да Ивашки Володимировых — отданы во крестьянство в 200 году; д. Ганки да Матюшки Петровых; д. Сафки, Васенки Наумовых; д. Игошки Семенова с сыном Мишкою — бежали во 198 году; д. Кондрашки Елизарова с сыном Афонкою — отданы во крестьянство во 198 году; д. Пашки Фролова; д. Тимошки Гаврилова — вымерли.

Того новокрещенских четыре двора, да крестьянских восмь дворов; всего пустых новокрещенских и крестьянских двенатцать дворов; да в селе ж Новотроицком крестьянских и бобыльских дворовых, которые сказались у переписи, пришли в то село из дворцовых волостей собою за указом великого государя во 198 году, а иные патриарши и архиепископы и монастырские и помещиковые и вотченниковые крестьяне и о тех пришлых крестьянах к великому государю приказ Большого дворца писано»[1].

О топонимах, упоминаемых в документах XVII века, профессор И. Д. Воронин пишет: «Для человека, хорошо знающего местные названия, многие из древних топонимов и теперь звучат знакомо. Современные ардатовские землеустроители Н. Ф. Грушин и Г. И. Морозов свободно комментируют некоторые из них, хотя за 340 лет произошло немало изменений в написании и в произношении этих названий. Ухнал — теперь озеро Лахман; Нухмал — это старое русло Алатыря ниже устья речки Песчанки; Кирмальской ухожай — между городом Ардатовом и селом Игнатовом, теперь там поселок Кирмаловка; речка Воскомас — исток Очкомас, а за ним озеро Очкомас, что к западу от южной грани города Ардатова в двух километрах; Яв Поляна — теперь урочище Красная Поляна; Ботмас речка — ныне там кордон Батмасовский; деревня Ардатово — теперь Старое Ардатово и т. п.

Речка Пичевелька в наше время зовется Песчанкой. Впадает она в Алатырь с левой стороны в полкилометре ниже города Ардатова. Около нее в XVII веке располагались и деревни этого имени. На земле этих деревень у самых сторожевых ворот на правой стороне реки Алатыря возникла и деревня Ардатова, ставшая впоследствии городом. В 1641 году эта деревня отделилась от Пичевелей. До нас дошла и отдельная выпись: «149 (1641) году июня в 13 день отделил отдельщик подъячий Семен Нагаев деревне Ардатовы мордве Баюшке Баляеву с товарищи Ардатовскую поляну и дикое поле, что преж сего было за деды и отцы их исстари против Ардатовских ворот, в урочища тому их Ардатовскому полю межа живоначальные троицы Сергеева большого монастыря вотчины от села Четвертакова от реки Алатыря... на частые кустья... Тургановской мордвы межою к реке Алатырю»[2].

Название Пичевеле состоит из двух мордовских слов: пиче — «сосна» и веле — «деревня». Оно дано по местности и переводится

[1] Рукописный фонд Мордовского НИИЯЛИЭ. И-585, стр. 69—74.

[2] И. Д. Воронин. Достопримечательности Мордовии. Саранск, 1967, стр. 216—217.

как «Сосновая деревня» или «Сосновка» (деревня находилась в сосновом лесу).

Все населенные пункты с названием Ардатово по-мордовски называются Орданьбуе. Буе (бие, биё) означает «род», «племя», «место стоянки или жительства». Это слово употребляется во многих мордовских названиях: Кулясово — Кулясбуе, Тарасово — Тарасбуе, Кечушево — Кеченьбуе, Урусово — Орозбие, Иванцево — Иваньбиё, Баево — Баеньбуе. Орданьбуе происходит от личного имени Ордата (Ардата). Орданьбуе переводится как село, деревня Ордата. Об этом свидетельствует и русский суффикс принадлежности «ова» (Ордатова — Ардатова). Названия Орданьбуе давались по личному имени первопоселенцев, являвшихся старейшинами, главами патриархально-родовых семей. Имена Ордат, Ардат (позднее Ордатка, Ардатка) в XVII веке были очень распространенными среди языческой мордвы Алатырского уезда. В тех случаях, когда выселки хотели сохранить старое название, к нему присоединялось (в целях дифференциации) слово «старое» или «новое».

Название Новотроицкое — церковное, в честь «церкви во имя живоначальные троицы».

Пичевеле — Ардатова — Новотроицкое — Ардатов — ныне районный город, большой центр современной промышленности и социалистической культуры на востоке Мордовской АССР.

В. Г. ШЕЯНОВ

О ВЗАИМОСВЯЗИ ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ ТРУДА И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

На ранних ступенях развития человеческого общества труд в течение многих веков и тысячелетий существовал как единый, нераздельный процесс: каждый человек, воплощая в себе часть физических сил общины и всю совокупность ее знаний, ее психической энергии, умел охотиться, выращивать растения, строить жилища, выделывать посуду и т. д., поочередно занимался различными видами работ, владел всеми примитивными специальностями, которые знало первобытное общество. Его каменное орудие представляло собой всю технику первобытного хозяйства. Владея им, человек соединял в своей деятельности все виды производства, сочетая функции и источники двигательной силы, и непосредственного исполнителя всех производственных операций и управления трудовыми процессами.

С момента возникновения и образования общества существовали отличные друг от друга формы человеческой деятельности, различные виды конкретного труда, различные производственные процессы, но они долгое время не были еще разделены между людьми, а сочетались в деятельности каждого человека.

Буржуазные философы и социологи, помимо прямых клеветнических нападок на идеологию марксизма-ленинизма, прибегают к ссылкам на «доисторию», в которой первобытнообщинный строй порождал якобы лишь чувство стадности, в котором растворялась подавленная массой личность.

Эти надуманные представления о «безличности дикарей» не соответствуют действительному положению. Своеобразный «универсализм» трудовой деятельности первобытных людей определял и характер их развития. П. Лафарг в своей книге «Умственный труд и машина» отмечает, что «первобытный человек, применительно к неразвитым социальным отношениям, в которых он существовал, был гармонически развитым»[1].

Основу первобытного общества составляли передвижные производительные силы. Ограниченность примитивных орудий труда

[1] П. Лафарг. Умственный труд и машина. М., 1900, стр. 81—82.

возмещалась особой производительной силой — силой коллектива. «В качестве первой великой производительной силы выступает сам коллектив»[1],— отмечал К. Маркс. Сила общности, сила коллектива была условием, началом и естественно-историческим продуктом необходимого развития.

Выход человека из животного состояния протекал как необходимый, объективно обусловленный процесс. Важнейшей особенностью формирующегося человеческого коллектива было отсутствие социальных различий между его членами. Монолитная нерасчлененность, полная слитность человека с древнейшим коллективом — неизбежная особенность этого процесса. Древнейший человек не был личностью в полном смысле этого слова. «Человек обособляется как индивид лишь силой исторического процесса. Первоначально он выступает как **общественное существо, племенное существо, стадное животное**»[2]. Для марксизма характерен глубокий историзм в подходе к проблеме становления человеческой индивидуальности и появления социального отношения: личность — общество. Как писал К. Маркс, лишь благодаря труду происходит развитие «человеческих сущностных сил» и способностей. Однако в ту давнюю эпоху, когда древнейший человеческий коллектив еще только возникал, а труд делал свои первые, медленные шаги, формирование «сущностных сил человека» только начиналось. Зарождение и развитие социального отношения личности и общества — несомненный исторический результат, а не начало становления человеческого коллектива.

Развитие производительных сил родового общества, первые крупные успехи разделения труда — появление скотоводства, земледелия, зачатки дифференциации производственной деятельности внутри племени — существенно изменяют характер общественных отношений по сравнению с отношениями, складывающимися в первобытном стаде. Социальные закономерности перестают быть лишь однозначной, по видимости, чисто природной необходимостью и предполагают известную активность членов родоплеменного коллектива. Народы, находящиеся на ступени родового строя, еще очень далеки, разумеется, от господства над природой. Но в известных границах, как писал Ф. Энгельс, они главенствовали над своим собственным производством. «Производство велось в самых узких рамках, но продукт находился целиком во власти производителей. Это было громадным преимуществом производства эпохи варварства, преимуществом, которое с наступлением эпохи цивилизации было утрачено»[3].

Родовой строй был тем периодом в истории, в ходе которого был сделан первый, хотя и робкий шаг в **направлении формирования и вычленения человека как личности.** Развивается и окончательно укрепляется разделение труда по половому признаку — между мужчиной и женщиной. Оно переходит в социальное различие, которое регулируется определенными нравственными установлениями, запретами — табу, общественным мнением и специфическими обычаями. Род выступает как самостоятельная хозяйственная единица. Дальнейшее развитие разделения труда, усложнение и разнообразие производственных и социальных функций ведет к дальнейшему выделению человеческой личности, зарождению социального отношения: личность — общество.

Разумеется, нельзя преувеличивать процесс вычленения человеческой личности в лоне родового строя. Этот процесс приобретает бурные и трагически своеобразные формы лишь в эпоху крушения родового уклада. В недрах же родового общества он еще ограничен и скован. К. Маркс писал, что этот древний уклад покоился «на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественнородовых связей с другими людьми»[1].

Но первобытное общество дает немало примеров оригинального развития личности. В его среде мы встречаем не только выдающихся охотников, особо умелых добытчиков, выделяющихся своим искусством из общей массы, но также людей, особо искусных в изготовлении орудий и других предметов материальной культуры, подлинных художников в области орнамента, скульптуры и графики. Встречаем мы в этом обществе и людей, выделяющихся своими знаниями, памятью, ораторским искусством; людей с сильным характером и личной храбростью; людей, одаренных особым поэтическим восприятием действительности, проявляющих свое художественное мышление в фольклоре.

Коллективные формы деятельности, связавшие личность с обществом, обуздали не только зоологический индивидуализм, но и создали основу для формирования общественной природы личности, облика конкретного человека, т. е. личности, крепко связанной с коллективом. Через формы первобытнообщинного труда и общежития личность как бы кристаллизуется в своих общечеловеческих и конкретно-исторических качествах, воспринимая все ценное, что хранит общество от предшествующих поколений, и утверждает в своей деятельности данный конкретно-исторический общественный строй, его прогрессивные и реакционные тенденции.

Н. П. Никульшин, побывавший в начале советской эпохи у эвенков, приводит красноречивые детали, характеризующие развитие оригинальных черт личности в условиях коллективных форм первобытного производства. Зимой, во время промысла копытного зверя, у охотников эвенков имело место наиболее рациональное распределение труда, которое производилось обычно с учетом личных возможностей каждого из участников. «Когда идут к месту охоты,— пишет он,— лучший охотник идет обычно позади, а другой прокладывает ему след, чтобы сохранить силы для

[1] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., Госполитиздат, 1940, стр. 29.
[2] Там же, стр. 30.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 112.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 89.

скрадывания и преследования. Расставляет силы лучший или более опытный охотник»[1].

Особенно ярко проявлялась оригинальная сила развития личности в этих обществах в моменты таких испытаний и поражений человека, как недоловы, недопромысел и голодовки. О полярных племенах, охотниках на морского зверя, В. Г. Богораз-Тан писал: «Длинные пурги, мешающие охотникам выходить на промысел, доводят население до голода и, что еще хуже, до полной темноты. Лампы гаснут одна за другой из-за отсутствия ворвани, и голодные люди остаются в темноте и холоде. Эти невольные досуги наполняются и как бы расцвечиваются причудливыми цветами сказочного воображения ... Если пурга длится слишком долго, два или три наиболее смелых охотника выходят из жилья, связавшись предварительно длинным ремнем, чтобы не растерять друг друга в темноте. И так они бредут вперед ощупью, облепленные мокрым снегом, стараясь пробраться в места, более защищенные от ветра, и там найти какую-нибудь возможность промысла»[2].

Изначально коллективные формы охоты — облава, загон и т. п.— возникают как единственно возможные для первобытного человека формы материального производства, потому что слабая вооруженность людей раннего палеолита исключала возможность охоты вне коллектива. Позднее, с появлением технических средств индивидуальной охоты, коллективные формы охоты продолжают оставаться и развиваться как более продуктивные, от исхода которых нередко зависит все благополучие общественной группы.

Представляя собой естественно возникающую планомерную форму организации общественного труда, коллективное производство в первобытном обществе требовало не только большой согласованности производителей, дополняющих друг друга при совершении одинаковой или однородной работы, но и соответствующих трудовых навыков и опыта с их стороны, на основе которых только и возможна подобная согласованность действий.

Общественный строй, традиции и обычаи, нравственные качества людей первобытного общества поражали всех наблюдателей и исследователей. Привязанность к сородичам, сострадание, взаимопомощь — вот те качества, которые единодушно отмечают все, непосредственно наблюдавшие жизнь людей родоплеменного коллектива. М. А. Энгельгардт собрал многочисленные, имеющие нравственный смысл отзывы о людях эпохи родового строя: они бескорыстны, кротки, верны слову, заботливы и нежны к детям, гостеприимны (о бушменах); доброта — сущность их характера (о карибах); не знают хитрости и бессовестности европейцев

[1] Н. П. Никульшин. Первобытные производственные объединения и их роль в социалистическом строительстве у эвенков. Л., 1939, стр. 38.

[2] В. Г. Богораз-Тан. К вопросу о применении марксистского метода к изучению этнографических явлений.—«Этнография», 1930, № 1, 2, стр. 5.

(готтентотах); они не ссорятся, не дерутся, не злословят друг о друге и т. п.[1].

Высокая степень «соответствия» индивидуального поведения родоплеменным обычаям и моральным установлениям, отсутствие многих гнусных пороков, возникших на последующих этапах нравственного развития человечества,— все это, на первый взгляд, выгодно отличает нравы родового строя от морали, бытовавшей в других общественно-экономических формациях. При таком подходе к изучению первобытнообщинного строя, где человек еще не стал «рабом разделения труда», где нет ни социального гнета, ни имущественного неравенства, «золотой век» нравственности остался далеко позади.

Следует сказать, что отдельные исследователи именно так и подходят к изучению условий жизни первобытного общества. Например, А. Ф. Анисимов в своей книге «Духовная жизнь первобытного общества» пишет: «Первобытнообщинный строй и коллективные формы труда не означают на практике, следовательно, какой-то нивелировки личности; индивидуальность в этом обществе, крепко спаянная с коллективом, обретает высокую степень цельности потому, что коллективизм — важнейшая черта образа жизни людей первобытного общества, а коллективные формы трудовой деятельности и общежития — лучшая школа воспитания высоких духовных качеств и оригинальной силы развития личности. Понимание долга и чести, как преданности людей общественным интересам, обусловлено в первобытном обществе характером общественных отношений, общинных по своей сущности, и ориентировано на укрепление этих отношений, составляющих общую основу жизни и деятельности людей и критерий для оценки действий каждой личности»[2].

Подобная слащавая идеализация положения индивида в родовом обществе, преувеличение его производственной инициативы и нравственных достоинств — ненаучна, далека от марксовской концепции. Это противоречит диалектико-материалистическому принципу историзма, применяя который, К. Маркс определял жизнь о родо-племенной сельской общине как лишению достоинства, неподвижную, растительную, пассивную форму существования[3].

Нам кажется справедливым возражение А. И. Титаренко[4] против такой постановки вопроса. Какой бы поэтической дымкой ни окутала история нравственные отношения родового строя,— пишет он,— в действительности они были выражением исторической назрелости социальных отношений и самой человеческой

[1] М. А. Энгельгардт. Прогресс как эволюция жестокости. СПб., 1899, стр. 171—173, 143—144.

[2] А. Ф. Анисимов. Духовная жизнь первобытного общества. М.—Л., 1966, стр. 186.

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 136.

[4] А. И. Титаренко. Нравственный прогресс. Изд. МГУ, М., 1969, стр. 32.

личности. Истоками примитивного равенства была не только коллективная собственность, но и крайне низкий уровень развития производительных сил, крайняя бедность общества. Это обусловливало и примитивную слаженность и организационность общественной жизни родоплеменного коллектива.

Роды были теми естественными рамками, которые определяли социальный портрет каждого отдельного индивида. Этому явлению четкую характеристику дал К. Маркс, который писал, что в первобытной общине «**коллектив** — это субстанция, индивиды же всего-навсего лишь акциденции ее, или ее составные части, сложившиеся чисто естественным путем...»[1]

Крайне трудно, обращаясь к эпохе родового строя, говорить о наличии у отдельного индивида этого строя таких качеств, которые бы характеризовали его как развитую личность в отрыве от его родовых свойств. Вне связи с родом индивид теряет все импозантные добродетели, которые ему присущи — мужество, силу, стойкость и т. п. Сила нравственного облика человека эпохи родового строя — в неразрывной связи с родоплеменным коллективом, в нравственном единстве с ним. Ф. Энгельс писал: «...племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках»[2]. Недаром самым тяжелым наказанием человека той эпохи было изгнание из рода.

Первобытнообщинный человек позднего периода (варварства) уже начал выступать как работник производства, коллективный владелец собственности, коллективист в рамках общины и племени, потребитель скудных продуктов труда, как свободный и равный член общины и т. д. К этому периоду относится появление бытовых производственных объединений, близких по своей структуре соседской общине, т. е. территориально-соседских по своему характеру. Это убедительно доказывает Н. П. Никульшин, описывая быт эвенков Эвенкийского национального округа[3]. В отличие от родовых объединений и основной хозяйственной ячейки отцовского рода — патриархальной семейной общины, покоившихся на отношениях кровного родства, эти территориально-соседские объединения являлись, говоря словами К. Маркса, «первым социальным объединением свободных людей, не связанных кровными узами»[4].

Необходимо отметить, что в процессе труда первобытные люди стали организовываться в коллективы, следовательно, возникают **общественные производительные силы труда**, не принадлежащие

[1] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. М., Госполитиздат, 1940, стр. 8.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 99.
[3] Н. П. Никульшин. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939, стр. 21—63.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, прил., стр. 694.

отдельному индивиду, а свойственные всей совокупности работников. Роль такой общественной производительной силы труда выполняет уже простая кооперация. По словам К. Маркса, здесь дело идет не только об увеличении путем кооперации индивидуальной силы, но и о создании новой производительной силы, которая по своей сущности есть массовая сила[1].

Носителем массовой производительной силы выступает обобществленный труд, который исторически и логически совпадает с развитием его общественных производительных сил.

В рабовладельческом обществе — первой классовой общественно-экономической формации наступает прогресс в развитии личности. Разложение первобытнообщинного строя и формирование рабства обусловливает то, что «здесь, в рамках определенного круга, может происходить значительное развитие. Могут появляться крупные личности. Но здесь немыслимо свободное и полное развитие ни индивида, ни общества, так как такое развитие находится в противоречии с первоначальным отношением»[2], — писал К. Маркс. Не нужно забывать, что развитие одних индивидов стало возможным лишь за счет принижения и эксплуатации других. Развитие личности носит противоречивый характер. Как отмечает А. Ф. Шишкин, в этот период «развитие личности, рост ее самосознания сопровождались появлением таких пороков, каких не знало первобытное общество»[3].

Переход от первобытнообщинного строя к рабовладельческому был, несомненно, социальным прогрессом. Это убедительно доказывал Ф. Энгельс. Он подчеркивал, что для того, чтобы вырваться из полуживотного варварского состояния, человек нуждался в варварских средствах. Введение рабства было простейшей формой разделения труда, позволившей обществу сделать скачок в своем развитии. С точки зрения общеисторического прогресса, это было движением вперед. Всю свою аргументацию Ф. Энгельс строит именно на диалектико-материалистическом понимании последовательности, преемственности и внутренней противоречивости социального прогресса. Рабство — необходимое звено в этом процессе. С этих позиций Ф. Энгельс выдвигает на первый взгляд парадоксальное утверждение: «без античного рабства не было бы и современного социализма»[4].

Таким образом, с возникновением производственных отношений, основанных на частной собственности на средства производства, появляются классовые антагонистические общества: рабовладельческое, феодальное и капиталистическое. В зависимости от форм собственности личность становится членом определенного класса: в рабовладельческом обществе — рабом или рабовладель-

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 337.
[2] К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., Госполитиздат, 1940, стр. 8.
[3] А. Ф. Шишкин. Основы марксистской этики. М., ИМО, 1961, стр. 65—66.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 186.

цем; в феодальном—крепостным крестьянином или феодалом; в капиталистическом — пролетарием или буржуа. Одной из важнейших черт господствующих классов — рабовладельцев, феодалов и буржуа — является наличие у них частной собственности на средства производства, а эксплуатируемых классов — рабов, крепостных крестьян и рабочего класса — либо отсутствие всякой собственности, либо наличие лишь личной собственности.

Общество раскалывается на два противоположных класса, а индивиды этих классов по-разному становятся личностями. Например, буржуа как личность выступает собственником средств производства, индивидуалистом и эгоистом, потребителем богатств, созданных чужим трудом. В противоположность буржуазной личности, рабочий выступает как индивид, лишенный собственности, как работник производства, коллективист и потребитель общественных продуктов, созданных своим трудом.

По мере экономического и политического развития общества эти признаки так углубляются, а сами личности так отдаляются, что выступают носителями производственных отношений. Буржуазная личность остается носителем старых капиталистических производственных отношений, трудящаяся личность как новая производственная сила становится создателем прогрессивных производственных отношений. Подчеркивая роль трудящихся личностей в жизни общества, В. И. Ленин говорил: *«Первая производительная сила всего человечества есть рабочий, трудящийся»*[1].

Дальнейший прогресс человеческого общества мог осуществляться только путем разделения труда, путем выделения из общего комплекса работ отдельных видов трудовой деятельности, их обособления, глубокого изучения и овладения ими различными группами людей. Поэтому с развитием общества и техники производства развивается разделение труда, расчленение его на многие отдельные разновидности, изучение и овладение каждым отдельным видом работ путем закрепления за ним обособленных категорий работников.

По Энгельсу, начало этому процессу положило выделение в первобытном обществе пастушеских племен, которые начинают заниматься одним определенным видом деятельности — скотоводством. Это первое крупное общественное разделение труда — выделение скотоводства в самостоятельную отрасль первобытного хозяйства. За ним следует второе крупное разделение труда в обществе — отделение ремесла от земледелия. И, наконец, в результате расширения разделения труда впервые возникает класс купцов.

Разделение труда обязательно предполагает постоянное и устойчивое закрепление человека или различных групп людей за различными видами труда, ограничивая сферу их трудовой деятельности и порождая одну из важнейших причин социальной неоднородности общества.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 359.

Зарождавшись во времена седой древности, разделение труда становится одним из важнейших общественных процессов и одновременно одним из объектов исследования.

Все авторы, вплоть до конца мануфактурного периода, видели в разделении труда только одну положительную сторону. А положительная роль разделения труда состоит в том, что оно ведет к улучшению качества изделий и прежде всего к повышению производительной силы труда. Если сфера деятельности человека ограничена, он работает не только лучше, но и быстрее. «Уровень развития производительных сил ... обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито ... разделение труда»[1].

Главным недостатком многих утопических теорий было то, что тяжелые и грязные работы их авторы оставляли «низшим» людям или рабам. Например, величайший мыслитель древности Аристотель в «Политике» утверждает: «Свойство гражданина принадлежит не всем свободным людям по той причине, что они свободны. Оно принадлежит только тем, кто не имеет необходимости работать, чтобы жить, следовательно, тем, кто не нуждается в посвящении себя какому-либо ремесленному занятию»[2].

Лишь в конце мануфактурного периода, лишь после широкого распространения, мануфактурного разделения труда стало понятным также и отрицательное воздействие разделения труда. Маркс и Энгельс в середине XIX века дали всесторонний анализ отрицательного воздействия разделения труда на рабочего и на рабочий класс в целом.

«Цивилизация уничтожила независимость первобытного человека»,— пишет П. Лафарг. Однако в рабовладельческом и феодальном обществе она не затронула еще производственного процесса, не внесла коренных изменений в характер производительного труда, не обострила противоположности между городом и деревней, между умственным и физическим трудом в такой степени, какой они достигают при капитализме.

В докапиталистических формациях трудящийся человек вследствие разделения между умственным и физическим трудом был лишен духовной деятельности, но в самом производстве он охватывал еще весь процесс труда в целом, используя определенный минимум опыта и знаний. Ремесленник, занимающийся физическим трудом, соединял в одном лице и творческую функцию мозга и исполнительную функцию рук: прежде чем создать свое творение на деле, он мысленно создавал его в своей голове. Крестьянин сам вместе со своим семейством выполнял все сельскохозяйственные работы, сам управлял ими, сам реализовал продукцию, сам вел домашнее скотоводство.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 20.
[2] Аристотель. Политика. Изд. АН СССР, 1940.

Дальнейший рост производительных сил общества, переход от феодального к капиталистическому способу производства сопровождался углублением общественного разделения труда. Внутри крупнейших подразделений общественного производства выделяются многочисленные самостоятельные отрасли народного хозяйства как результат еще более глубокого, частного разделения труда.

Каждая из отраслей производства, выделившись в результате частного разделения труда в самостоятельную отрасль общественного производства, обособляет и закрепляет за собой определенную категорию работников, которая специализируется в одной определенной области. Следовательно, сфера трудовой деятельности человека по мере углубления общественного разделения труда все больше и больше сокращается, труд принимает все более односторонний характер, вынуждая человека к одностороннему, очень ограниченному развитию своих способностей.

Из-за несоответствия между распределением труда и продуктов возникают неравные имущественные отношения, возникает частная собственность на средства производства, возникает различие между богатством и бедностью, короче — появляются классовые различия. «Общество разделяется на классы — привилегированные и обездоленные, эксплуатирующие и эксплуатируемые, господствующие и угнетенные». Интересы этих классов не только различаются между собой, но даже противоположны друг другу. Так разделение труда внутри общества ведет к расколу общества на классы, или «в основе деления на классы лежит закон разделения труда»[1].

Разделение труда внутри общества с истекающим отсюда расколом общества на незначительный верхний слой имущих, обладающих властью, и на большую массу бедных и порабощенных имеет своим следствием *отделение ручного труда от умственного*. Физический труд, производство материальных благ становятся исключительно делом неимущих и порабощенных, в то время как господствующий класс, «ведающий такими общими делами общества, как управление трудом, государственные дела, правосудие, науки, искусства и т. д.»[2], освобожден от непосредственно производительного труда. И это является одним из важнейших отрицательных последствий общественного разделения труда для рабочего.

За общественным разделением труда следует мануфактурное разделение труда, как первая форма внутрипроизводственного его разделения. Появляется новый вид отрицательного воздействия разделения труда — *односторонность*, более того, *деградация рабочего*.

Односторонность человека уже сама по себе является следствием разделения труда внутри общества. «Вместе с разделением труда разделяется и сам человек» (К. Маркс). Это проявляется прежде всего в отношении возникновения отдельных профессий, которые становятся в большей или меньшей степени единственным полем деятельности человека. «Разделение труда,— отмечает К. Маркс,— порождает специальности, обособленные профессии, вместе с ними профессиональный идиотизм»[1].

Кроме того, это обнаруживается в общем отделении умственного труда от физического, которое находит свое отражение, например, в отделении города от деревни. «...Отделение города от деревни,— пишет Ф. Энгельс,— ...обрекло сельское население на тысячелетия отупения, а горожан — на порабощение каждого его специальным ремеслом. Оно уничтожило основу духовного развития одних и физического развития других»[2].

В первом томе «Капитала» К. Маркс подчеркивает, что «некоторое духовное и телесное уродование неизбежно даже при разделении труда внутри всего общества в целом»[3]. Но только с наступлением мануфактурного периода эта деградация рабочего достигает такой степени, что поражает индивидуума в самой его жизненной основе[4].

Вследствие разложения сложной ремесленной деятельности на отдельные, обособленные, более простые операции, которые становятся пожизненной профессией рабочего, сфера его деятельности сужается. Рабочий, в полной мере владеющий каким-либо ремеслом, превращается в частичного рабочего, на всю жизнь прикованного к определенной частичной функции, к определенному орудию труда[5].

Производственное разделение труда, особенно начиная с мануфактурного периода, обнаруживает тенденцию придать деятельности работника (рабочего) чисто механический характер, достичь того, чтобы рабочий при выполнении своей частичной функции по возможности обходился бы без всякого размышления. И так как по мере усиления власти капитала эта однообразная деятельность занимает рабочего с раннего утра до позднего вечера, да к тому же уже с ранней юности, то интеллект рабочего не может развиваться, он хиреет и отупляется.

Разделение труда внутри мануфактуры еще более углубляет существующее уже как следствие разделения труда внутри общества отделение умственного труда от физического. Процесс отделения знаний от труда принимает такой характер, что рабочий

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 152, 293.
[2] Там же, стр. 293.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 159. Ср. также: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 366—367; К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма о «Капитале», М., Госполитиздат, 1948, стр. 267.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 303. Ср. также: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 49; т. 20, стр. 301; т. 23, стр. 365; т. 4, стр. 148; т. 27, стр. 404.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 23, стр. 376.
[4] Там же, стр. 373.
[5] Там же, Соч., т. 20, стр. 303; т. 23, стр. 369.

не получает доступа не только к руководящим и духовным функциям в обществе, не только к общему запасу знаний и опыта, накопленных человечеством, но и лишен доступа также к управлению и применению умственных потенций в своей собственной производственной деятельности. Калечение мануфактурного рабочего включает в себя также упадок его физических сил, т. к. однообразная деятельность делает рабочего неспособным к напряжению и выносливости при применении своих органов вне сферы своей частичной профессии.

Таким образом, общественная производительная сила труда развивается путем калечения индивидуального рабочего. Маркс показывает, что специфически капиталистическая форма развития производительных сил, с одной стороны, «является историческим прогрессом и необходимым моментом в экономическом развитии общества», с другой — «есть орудие цивилизованной и утонченной эксплуатации»[1].

Из мануфактуры развивается фабричная система. Ее главным отличительным признаком является применение машин. «Промышленная революция» начинается с появлением прядильной машины, усовершенствованной паровой машины и механического ткацкого станка.

Фабричная система как форма капиталистического применения машин перенимает принцип разделения труда и мануфактуры и при этом видоизменяет его. Если распределение рабочих внутри мануфактуры зависит от силы отдельного рабочего, от его быстроты, ловкости и уверенности в обращении со своим инструментом, на фабрике, напротив, трудовые операции рабочего передаются машине, а вместе с ними к механизму переходят и способность рабочего к напряжению сил, его сноровка и навыки. Благодаря этому «выступает тенденция к уравнению, или нивелированию... работ»[2], а следовательно, и самих рабочих.

Разделение труда внутри мастерской предполагает определенную степень развития разделения труда внутри общества. В свою очередь, внутрипроизводственное разделение труда развивает и умножает общественное разделение труда. В целом происходит все усиливающееся разделение труда как внутри общества, так и внутри мастерской[3].

По мере специализации видов человеческой деятельности возникает необходимость их соединения как в масштабах данного предприятия или отрасли производства, так и в рамках всего хозяйства. Обобществление труда в данных условиях, т. е. когда за специальными видами труда стоят определенные группы людей, выступает как общественная связь людей.

В то время как разделение труда ведет к расколу общества на классы, отделению физического труда от умственного, сельскохозяйственного от промышленного и т. д., обобществление труда, наоборот, объединяет людей, сближает и сплачивает их. Обобществление труда в данном случае означает, что «общественная связь между производителями все более и более укрепляется, производители сплачиваются в одно целое»[1]. Начинают все более вырисовываться контуры двух противоположных полюсов: небольшая кучка имущих, с одной стороны, и обездоленные трудящиеся массы, пролетариата, с другой.

По мере развития крупной промышленности процесс обобществления труда начинает выходить за рамки разделенного труда, прорывать его узкий горизонт. В тенденции основой его дальнейшего развития начинает становиться *перемена деятельности, подвижность* работников. Соответственно процесс обобществления приобретает новые особенности, не укладывающиеся в рамки старого разделения труда.

Вследствие роста разделения труда человек становится не только все более односторонним, но и все более *зависимым*. Значит, чем больше развито разделение труда, тем меньше отдельный человек сам производит необходимые для его жизни продукты. Чем одностороннее труд человека, тем многостороннее становятся его потребности. Возрастает зависимость отдельного человека от всех других людей: богатые и бедные, господа и порабощенные, капиталисты и пролетарии — все зависят друг от друга. Правда, в действительности здесь происходит превращение условий в противоположные, так как непроизводитель благодаря своему богатству и своей общественной власти в состоянии удовлетворить свои потребности непрерывно с убытком, в то время как производитель в результате своей бедности и подчиненного положения часто не в состоянии добыть самые необходимые средства для поддерживания своей жизни.

Во всех стихийно сложившихся общественных формациях, в особенности же при капитализме как наиболее развитой из этих формаций, зависимость означает также *непрочность*. Это действительно также и для капиталиста. С распространением разделения труда продукты принимают форму товаров. Производство становится товарным, а капиталист владельцем товаров, который должен превратить свои товары в деньги или в другие товары, чтобы реализовать и увеличить свой капитал, утвердить свое существование в качестве капиталиста. Следовательно, он должен найти покупателя для своих товаров. Но он является не единственным владельцем определенного вида товаров, появляющихся на рынке. Так как совокупное производство общества не регулируется, то найдет ли его предложение спрос, останется под вопросом[2]. Но в то же время анархия производства является основой его существования как капиталиста.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 377.
[2] Там же, стр. 431.
[3] Там же, т. 4, стр. 158.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 177.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 220—222; т. 23, стр. 117—118; т. 21, стр. 174—175.

Иначе обстоит дело с пролетарием. В противоположность капиталисту, выступающему в качестве владельца товара, он сам становится товаром. Так как у него нет материальных средств для производства, он вынужден продавать капиталисту самого себя, то есть свою собственность к труду, свою рабочую силу.

В четвертой главе первого тома «Капитала» Маркс красочно изображает пути соединения рабочей силы с процессом труда при капитализме. Рабочий продает свою рабочую силу, капиталист покупает ее. В результате возникает картина: «Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить»[1].

Маркс показывает что здесь нет прямого насильственного принуждения, как это было, скажем, в эпоху рабовладения. Единственная сила, связывающая вместе рабочего и капиталиста, «это стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие, личный интерес»[2]. Устранить эту силу — значит уничтожить капиталистическую форму связей между людьми, очистить общий интерес от частно-индивидуалистических настроений.

Зависимость пролетария от капитала и возникающая благодаря ей непрочность его жизненного положения растет по мере того, как усиливается его уродливая односторонность. Эта непрочность жизненного положения начинается уже у мануфактурного рабочего. Ограничение его лишь небольшим кругом деятельности, превращение в механического частного рабочего, его неспособность в результате этого «делать что-либо самостоятельное» ведет к тому, что он может развивать производительную деятельность «только как принадлежность мастерской капиталиста»[3]. Следовательно, он должен продавать свою рабочую силу капиталу не только потому, что он отделен от средств производства, но также и потому, что его индивидуальная рабочая сила так специфически исключена, что может функционировать только во взаимосвязи с мастерской капиталиста.

С началом машинного производства завершается зависимость односторонне развитого рабочего от капиталиста, непрочность его жизненного положения становится постоянной. Маркс пишет, что выступающее теперь «противоречие между мануфактурным разделением труда и существом крупной промышленности дает о себе знать насильственным образом»[4], его воздействие на односторонне развитого, искалеченного рабочего является поистине смертельным.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 187.
[2] К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 183.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 373.
[4] Там же, стр. 495.

Наряду с техническим прогрессом причиной непрерывных изменений в общественном распределении труда является подвижность капитала. Маркс так описывает этот процесс: «...капитал сам по себе равнодушен к *особенности* каждой сферы производства, и только большей или меньшей трудностью продажи товаров той или иной сферы производства определяется, где он вкладывается, как он вкладывается, и в каком объеме он переходит из одной сферы производства в другую или изменяет свое распределение между различными сферами производства»[1]. Рабочей силе, «смотря по тому, какая прибыль может быть получена в той или иной сфере производства, дается то или другое направление»[2].

Эта подвижность капитала предполагает у рабочего такую подвижность в отношении перехода из одной отрасли производства в другую, хотя рабочий в результате разделения труда специализируется и развивается односторонне и поэтому ему трудно дать другое направление своему труду. Это противоречие между подвижностью капитала и неподвижностью, прикованного к своей односторонней профессии, с расширением капиталистического производства углубляется. «Чем более развито капиталистическое производство в какой-либо стране, тем больше требование *изменчивости*, предъявляемое к способности к труду... тем более интенсивно движение капитала из одной сферы производства в другую...»[3].

Наконец, циклические кризисы увеличивают непрочность и неустойчивость жизненного положения рабочего.

Так пролетарий становится безвольным объектом всевозможных комбинаций обстоятельств. Благодаря революционной технической базе крупной промышленности, постоянным переворотам в общественном распределении труда, растущей подвижности капитала и принимающим все большие размеры периодическим потрясениям «рабочие непрерывно притягиваются и отталкиваются, перебрасываются то сюда, то туда, и это сопровождается постоянными изменениями пола, возраста и искусства вербуемых рабочих»[4].

«Поэтому природа крупной промышленности обусловливает перемену труда, движение функций, всестороннюю подвижность рабочего. С другой стороны, в своей капиталистической форме она воспроизводит старое разделение труда с его окостеневшими специальностями. Мы видели,— пишет Маркс,— как это абсолютное противоречие уничтожает всякий покой, устойчивость, обеспеченность жизненного положения рабочего, постоянно угрожает вместе с средствами труда выбить у него из рук жизненные средства и вместе с его частичной функцией сделать излишним и его

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. II, (VII), М., Партиздат, 1933, стр. 77.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. III, стр. 462.
[3] Архив Маркса и Энгельса, т. II, (VII), стр. 79.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 465.

самого; как это противоречие жестоко проявляется в непрерывном приношении в жертву рабочего класса, непомерном расточении рабочих сил и опустошениях, связанных с общественной анархией. Это — отрицательная сторона. Но если перемена труда теперь прокладывает себе путь только как непреодолимый естественный закон... который повсюду наталкивается на препятствие, то, с другой стороны,— продолжает далее Маркс,— самая крупная промышленность своими катастрофами делает вопросом жизни и смерти признание перемены труда, а потому и возможно большей многосторонности рабочих, всеобщим законом общественного производства, к нормальному осуществлению которого должны быть приспособлены отношения. Она, как вопрос жизни и смерти, ставит задачу: чудовищность несчастного резервного рабочего населения, которое держится про запас для изменяющихся потребностей капитала в эксплуатации, заменить абсолютной пригодностью человека для изменяющихся потребностей в труде; частичного рабочего, простого носителя... частичной общественной функции, заменить всесторонне развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»[1].

Таким образом, именно в противоречии между мануфактурным разделением труда и существом крупной промышленности проявляется в условиях капитализма необходимость всестороннего развития индивидов. С одной стороны, вследствие развитого разделения труда рабочий деградирует до ничтожной производительной силы, владеющей лишь немногими простыми операциями. С другой стороны, изменчивая природа крупной промышленности требует от этого искалеченного рабочего быть способным для многостороннего применения, а потому — больших знаний и способностей. Это противоречие лишает существование рабочего какой бы то ни было прочности, оно грозит сделать его непригодным, а поэтому излишним, оно, по словам Маркса, «свободно справляет свои чудовищные, бешеные оргии» в отношении рабочего класса и тем самым порождает необходимость уничтожить само это противоречие, то есть создать условия, при которых тенденция современной крупной промышленности, требующая постоянной смены видов труда и всесторонней подвижности рабочего, не будет иметь для него вредных последствий и таким образом сможет беспрепятственно осуществляться. Необходимо создать условия, при которых вместо «частичного индивидуума» появляется человек с абсолютной способностью выполнять изменяющиеся требования труда.

А создать эти условия — значит создать коммунистический общественный строй. Маркс и Энгельс указывали, что материальные условия для всестороннего развития всех людей впервые появляются на стадии современной крупной промышленности, что

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 498—499.

они, следовательно, возникают в недрах капиталистического строя[1], но могут быть использованы лишь после преодоления капитализма.

Это означает, что Маркс и Энгельс подходили к оценке капиталистического способа производства отнюдь не только с отрицательной точки зрения. Наряду с разоблачением его отрицательных сторон они постоянно указывали на его историческую, то есть преходящую необходимость, на его временную прогрессивную роль в процессе развития человеческого общества.

Например, Энгельс в одной из рецензий на первый том «Капитала» пишет, что Маркс не только со всей остротой разоблачает отрицательные стороны капиталистического производства, но также ясно указывает, что эта общественная форма была необходима для того, чтобы развить производительные силы общества до такой высокой ступени, которая сделает возможным равное, достойное человека развитие *всех* членов общества. Все прежние общественные формы были для этого слишком бедны. Только капиталистическое производство создает необходимые для этого богатства и производительные силы[2]. Маркс в одном из писем к Кугельману подчеркивает: «*...крупную промышленность* я рассматриваю не только как источник антагонизма, но также как творца материальных и духовных условий, необходимых для разрешения этих антагонизмов...»[3] Также и В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» отмечает, что «прогрессивную историческую роль капитализма можно резюмировать двумя краткими положениями: повышение производительных сил общественного труда и обобществление его». Но здесь же В. И. Ленин пишет: «Признание прогрессивности этой роли вполне совместимо... с полным признанием отрицательных и мрачных сторон капитализма, с полным признанием неизбежно свойственных капитализму глубоких и всесторонних общественных противоречий, вскрывающих исторически преходящий характер этого экономического режима»[4].

«Развитие производительных сил общественного труда — это историческая задача и оправдание капитала»[5]. Именно благодаря этому капиталистический строй представляет такую фазу в развитии человеческого общества, которая «означает громадный прогресс в сравнении со всеми предшествовавшими формами»[6], хотя при этом стремление капитала к «универсальному развитию производительных сил» и происходит только антагонистически, осуществляется только «в противоположность рабочему».

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7—8.
[2] Там же, т. 16, стр. 248.
[3] Там же, т. 32, стр. 450.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 597.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, стр. 284.
[6] Там же, т. 26, ч. III, стр. 445.

Маркс и Энгельс посвятили всю свою жизнь задаче разъяснения пролетариату понимания его исторического положения и стоящей перед ним исторической задачи. Как известно, для капиталистического общества характерной является классовая противоположность между буржуазией и пролетариатом. Следовательно, «эмпирический человек», живущий при такой общественной формации, существует лишь как представитель определенного класса, является, например, капиталистом или наемным рабочим, буржуем или пролетарием. Буржуазия ухищрялась, да и в наши дни ухищряется всячески затруднить пролетариату осознание своего положения и своей исторической задачи, затемнить противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, между имущими и неимущими. А цель и историческое дело пролетариата «самым ясным и непреложным образом предуказываются его собственным жизненным положением, равно как и всей организацией современного буржуазного общества»[1].

Люди господствуют над природой, познав ее законы и поставив их себе на службу, правильно применяя их. Общественные силы действуют также закономерно. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» пишет, что пока мы не познали их закономерностей и вследствие этого действуем не в соответствии с ними, до тех пор эти силы, «подобно силам природы, действуют слепо, насильственно, разрушительно».

«Пока мы упорно отказываемся понимать их природу и характер,— а этому пониманию противятся капиталистический способ производства и его защитники,— до тех пор производительные силы действуют вопреки нам, против нас, до тех пор они властвуют над нами... Но раз понятна их природа, они могут превратиться... из демонических повелителей в покорных слуг»[2].

Для подчинения общественных сил господству людей необходимо, чтобы люди стали господами общественного процесса производства, необходимо, чтобы анархия в общественном производстве была заменена планомерной сознательной организацией производства, соответствующей потребностям всех, а тем самым и потребностям каждого в отдельности. Нужно, чтобы люди производили сознательно в более высоком смысле, а именно: чтобы они лишили производство стихийного характера и подчинили его своей власти, власти объединившихся индивидов.

Ф. Энгельс пишет, что «лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно также, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще»[3].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 40.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 290—291.
[3] Там же, стр. 359.

Это коммунистическое регулирование производства, устраняющее ту отчужденность, с которой до сих пор люди относились к своему продукту[1], требует революционного действия — устранения капиталистической собственности, овладения обществом средствами производства. Только тогда, «когда это действие будет совершено, когда общество, взяв во владение всю совокупность средств производства и планомерно управляя ими, освободит этим путем себя и всех своих членов от того рабства, в котором ныне их держат ими же самими произведенные, но противостоящие им, в качестве непреодолимой чуждой силы, средства производства»[2],— только тогда общественные действия, предпринимаемые людьми, «будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»[3].

«Совершить этот освобождающий мир подвиг — таково историческое призвание современного пролетариата»[4]. Пролетариат должен совершить это действие, так как в его жизненном положении господство вещных отношений над индивидами, подавление индивидуальности случайностью приняло самую резкую, самую универсальную форму, так как в его положении все жизненные условия современного общества достигали высшей точки бесчеловечности. Эта, «не поддающейся уже никакому прикрашиванию, абсолютно властной *нужды*» побуждает пролетариат к возмущению против этой бесчеловечности[5], вынуждает рабочий класс завоевать политическую власть и уничтожить старые производственные отношения. Пролетариат *может* совершить это действие, потому что капиталистический способ производства все в большей массе воспроизводит своего могильщика и потому что пролетариат все в большей степени осознает свое положение и свою историческую задачу[6]. Итак, пролетариат — эта нищета, сознающая «свою духовную и физическую нищету»[7], это — революционная, разрушительная сторона нищеты[8].

Пролетариат не может освободиться, не уничтожив *всех* бесчеловечных жизненных условий современного общества. «Только созданный современной крупной промышленностью, освобожденный от всех унаследованных цепей, в том числе и от тех, которые приковали его к земле, и согнанный в большие города пролетариат в состоянии совершить великий социальный переворот, который положит конец всякой классовой эксплуатации и всякому классовому господству»[9].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 34.
[2] Там же, т. 20, стр. 330.
[3] Там же, стр. 295.
[4] Там же.
[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 40.
[6] Там же, стр. 39; т. 3, стр. 33.
[7] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 39.
[8] Там же, т. 4, стр. 146.
[9] Там же, т. 18, стр. 214.

Но условия, при которых пролетариат может дойти до осознания своего положения и своей исторической миссии освободителя труда, готовит обобществление труда. Чем богаче и более развиты общественные и прежде всего производственные отношения, тем шире возможности развития личности. Коллективное производство характеризуется наибольшим богатством и разносторонностью общественных связей производителей и, следовательно, представляет наибольшие возможности для развития личности. «Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»[1].

Обобществление труда — основа развития общественной (социальной) сущности личности. В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» отмечает новые особенности процесса обобществления труда. К их числу относится развивающаяся подвижность населения, которая была невозможна в сколько-нибудь широких размерах до возникновения крупной машинной индустрии. Проявлением этой подвижности могут служить, например, постоянные и все возрастающие переливы сельского населения в промышленность, что ломает и стирает местные и профессиональные различия людей[2].

В связи с бурным развитием капитализма старые классы русского общества — помещики и крестьяне — постепенно разлагались, и на этой основе складывались новые классы — буржуазия и рабочий класс. Разорившиеся крестьяне уходили в города в поисках работы.

Постоянно уменьшается доля населения, занятого земледелием (в котором всегда господствуют наиболее отсталые формы общественнохозяйственных отношений), увеличивается число крупных индустриальных центров. Города растут вдвое быстрее, чем остальное население: с 1863 по 1897 г. все население увеличилось на 53,3%, сельское — на 48,5, а городское — на 97,0%. Население городов, представляющих из себя крупные индустриальные и торговые центры, растет гораздо быстрее, чем население городов вообще, и к 1890-м годам крупные города достигли полного перевеса[3].

Когда капитал расширяет производство в количественном и качественном отношении, то одновременно он порождает все более широкие и разнообразные потребности. «Капиталистическое общество увеличивает потребность населения в союзе, в объединении и придает этим объединениям особый характер, сравнительно с объединениями прежних времен. Разрушая узкие, местные, сословные союзы средневекового общества, создавая ожесточенную конкуренцию, капитализм в то же время раскалывает все общество на крупные группы лиц, занимающих различное положение в производстве, и дает громадный толчок объединению внутри каждой такой группы»[1].

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 75.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 235.
[3] Там же, т. 3, стр. 560.

В условиях капиталистического общества, раздираемого непримиримыми классовыми противоречиями, из разрозненных экономических выступлений рабочих, отмечал К. Маркс, «повсеместно вырастает *политическое* движение, то есть движение *класса,* стремящегося осуществить свои интересы в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего общества...»

«Политическое движение рабочего класса... имеет своей конечной целью завоевание им для себя политической власти, а для этого... необходима предварительная организация рабочего класса, достигшая известной степени развития и вырастающая из самой экономической борьбы»[2].

Возникновение самостоятельной политической партии рабочего класса — объективная закономерность классовой борьбы в капиталистическом обществе, первейшая и самая главная закономерность этой борьбы. «...Рабочие массы,— писал Ф. Энгельс в письме Т. Куно,— никогда не дадут убедить себя в том, что общественные дела их страны не являются в то же время их собственными делами; они по природе своей *политически активны,* и всякого, кто убеждает их отказаться от политики, они в конце концов покидают. Проповедовать рабочим воздержание от политики при любых обстоятельствах — значит толкать их в объятия попов или буржуазных республиканцев»[3].

Только революционная пролетарская партия в состоянии сделать рабочий класс способным выполнить свою великую всемирно-историческую освободительную миссию.

Маркс и Энгельс не оставили никакого сомнения относительно того, что уничтожение антагонистических отношений, порожденных капиталом, «не может, конечно, произойти *спокойно — любезным путем*»[4], а требует революционного действия. Они определенно указывают, что пролетарская революция является одним из условий полного и свободного развития индивидов[5].

Таким образом, для действительного достижения общей цели коммунистического воспитания необходимы два условия: с одной стороны, развитие производительных сил до уровня передовой крупной промышленности, с другой стороны, создание таких производственных отношений, которые исключают порабощение и калечение одной части людей, позволяют устранить стихийный характер общественного производства и подчинить его совместному контролю обобществившихся индивидов.

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 600.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 33, стр. 282—283.
[3] Там же, стр. 328.
[4] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 32, стр. 450.
[5] Там же, т. 3, стр. 441.

Маркс и Энгельс еще в «Немецкой идеологии» подчеркивали, что «всестороннее проявление индивида лишь тогда перестанет представляться как идеал, как призвание и т. д., когда воздействие внешнего мира, вызывающее у индивида действительное развитие его задатков, будет взято под контроль самих индивидов...»[1].

Оба эти условия могут существовать только при коммунистическом обществе. И оба эти условия имели в виду Маркс и Энгельс, когда они характеризовали коммунистическое общество как единственную общественную формацию, «где самобытное и свободное развитие индивидов перестает быть фразой»[2].

Показывая, что для осуществления общей цели коммунистического воспитания требуются определенные экономические и политические предпосылки, появляющиеся лишь на высокой ступени развития человечества, Маркс и Энгельс высказывают также мысль, что всестороннее развитие всех людей является продуктом истории. Человечеству необходимо сначала достичь прогрессивной стадии в процессе своего развития, сначала оно должно преодолеть стадии своего отчуждения, порабощения им самим созданными условиями и обстоятельствами, преодолеть период варварских антагонизмов, когда способности человека развиваются только «за счет большинства человеческих индивидов и даже целых человеческих классов», прежде чем возникает возможность для полного и свободного развития каждого индивида, прежде чем развитие способностей человеческого рода будет означать в то же время развитие отдельного индивида[3].

«Универсально развитые индивиды,— отмечает Маркс,— чьи общественные отношения подчинены их собственному коллективному контролю в качестве их собственных коллективных отношений, суть продукт не природы, а истории»[4].

Капиталистический строй не может по своей сущности перевести процесс обобществления на новую основу и вместе с тем поднять его на высший исторический уровень. Эту задачу выполнят социализм и коммунизм.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 282.
[2] Там же, стр. 441.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 2, стр. 123.
[4] Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 99

Х. И. МУРАТОВ

РАЗДУМЬЯ НАД КНИГОЙ

Мордовским книжным издательством в последние годы выпущен ряд книг. Среди них: «Очерки истории Мордовской организации КПСС», «Посланцы Ленина в Мордовии», «Достопримечательности Мордовии», «Саранск», «Скульптор Эрьзя», «Под звездой Октября», «Мордовские народные песни», «Мордовские пословицы и присловья» и много других. Большая часть этих изданий подготовлена небольшим коллективом Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.

И вот увидела свет новая, превосходно оформленная книга «По заветам Ленина», изданная к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Эта книга — рапорт В. И. Ленину о достижениях мордовского народа, о гигантской работе местных партийных организаций по сплочению масс на борьбу за претворение в жизнь великих идей великого человека.

«По заветам Ленина» притягивает читателя искренностью, правдивым описанием жизни и достижений мордовского народа за годы Советской власти, торжествующей на нашей земле пятьдесят два года. За этот короткий для истории срок трудолюбивый мордовский народ приобрёл свою автономию, письменность и превратил свой любимый край в индустриально-аграрную социалистическую республику, в область сплошной грамотности. Теперь в Мордовской республике, с населением немногим более одного миллиона человек, работает 50 тысяч специалистов с высшим и средним специальным образованием. Только в промышленности трудится около десяти тысяч дипломированных специалистов, в том числе три тысячи человек с высшим образованием и около 7 тысяч со средним техническим образованием. Тогда как до Октябрьской социалистической революции на промышленных предприятиях в границах современной Мордовии не было ни одного специалиста с высшим образованием, из среднего технического персонала лишь 20 человек имели соответствующее образование.

Вспоминая прошлое мордовского народа, мы с болью в сердце читаем слова национального поэта П. С. Кириллова:

Обошло тебя, знать, счастье,
Сторона моя родная!
Вот стоишь ты на морозе—
И разута, и раздета,

И замерзнувшие слезы
(Со всего, наверно, света)
Горстью к нам в окно бросаешь,
А зачем — сама не знаешь.

В прошлом мордовское село — это курная изба, тлеющая лучина[1], изъеденное оспой лицо ребенка, ослепшая от трахомы и слез женщина.

Только в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, проведения ленинской национальной политики Коммунистической партией, мордовский народ, как и другие народы Советской страны, обрёл подлинное счастье, неузнаваемо преобразовал свою экономику и культуру. Авторы книги доходчиво и убедительно на многочисленных конкретных примерах показывают это читателю. Действительно, простое перечисление промышленной продукции, выпускаемой в Мордовской АССР (цемент, шифер, выпрямительные установки, экскаваторы, бронекабель и осветительный шнур, сборные железобетонные конструкции и детали, автосамосвалы, электродвигатели, электролампы, антибиотики, стеклолента, стекловата, осветительная аппаратура, резиновые изделия, оборудование для химической промышленности, автозапчасти и многое другое), красноречиво говорит о гигантских шагах в развитии её экономики.

Читая рецензируемую книгу, видишь огромные усилия нескольких поколений людей, идущих по заветам великого Ленина, труд и подвиг ранее отсталого и забитого мордовского народа. Чувствуется, что авторский коллектив под руководством кандидата исторических наук М. В. Дорожкина вложил много труда, чтобы сделать хороший подарок к 100-летию В. И. Ленина.

Структура книги, на наш взгляд, составлена продуманно. Книга открывается очерком П. М. Елистратова «Торжество ленинских идей», в котором показывается, как трудящиеся Мордовии в единой братской семье народов СССР под руководством Коммунистической партии добились коренных преобразований в экономической и культурной жизни своего края.

В разделе, написанном кандидатом исторических наук М. В. Дорожкиным, впервые всесторонне и полно освещаются проникновение и распространение освободительных идей в Мордовском крае и роль ленинской «Искры». Автор уделяет большое внимание отходникам, которые имели большое значение в истории развития революционного движения, в особенности в экономически отсталых районах, каким был тогда мордовский край.

Однако, на наш взгляд, автору следовало бы шире показать деятельность приезжих рабочих в Мордовию из промышленных и центральных районов страны. Он ограничился упоминанием только одного А. Гусева (стр. 28), который организовал среди рузаевских рабочих революционную социал-демократическую пропаганду. Между тем в эти годы в различных службах Рузаевского отделения железной дороги работали А. В. Ухтомский, А. М. Петров, А. В. Царев, А. И. Тростин и другие. Все перечисленные лица оказывали положительное влияние на рост политического сознания рузаевских рабочих и сами принимали активное участие в вооруженной борьбе против самодержавия в годы первой русской революции.

[1] Автор этих строк сам, будучи ребенком, освещал избу лучиной.

Несмотря на это, статья «Распространение идей большевизма в Мордовском крае» вызывает несомненный теоретический интерес, она насыщена большим количеством ценных документов и фактов, не перегружена общероссийскими событиями.

Статья «Мордовская государственность — детище ленинской национальной политики» впервые вводит в научный оборот многие ценные и порою уже забытые документы, относящиеся к созданию и развитию автономии мордовского народа, которые принесут большую пользу историкам, изучающим возрождение и развитие «малых народов», обреченных на вымирание при царизме. Авторы подробно рассказывают, как мордовский народ сразу же после победы Октябрьской революции ставил вопрос о создании своей автономной области. Уже 5 мая 1918 года в уездном городе Алатыре состоялся районный съезд представителей мордовского народа, на котором обсуждался специальный вопрос о выделении Мордовской автономии (стр. 66). Авторы совершенно правильно подчеркивают, что решение вопроса автономии для мордовского народа представляло значительные трудности, чем для башкир и татар. Политика царского правительства, направленная на искусственное расчленение народа, привела к тому, что мордовское население оказалось разбросанным по всей стране. Однако благодаря мерам, принятым Центральным Комитетом партии и Советским правительством, была создана Мордовская автономная область, а потом автономная республика.

Эта статья в целом хорошая и нужная, но перегружена документами и материалами, например, сведениями об издании листовок и газет, о подготовке учителей, о создании мордовской письменности, о содержании и методах обучения в мордовской школе, о культурно-просветительной работе среди населения (стр. 72—73). Все эти вопросы должны быть отнесены в раздел «Осуществление ленинских идей культурного строительства», где они также повторяются (стр. 193—228).

Следует считать весьма полезным и нужным статью «Ленинский план ГОЭЛРО — основа индустриализации Мордовии» (стр. 99—150). Её авторы А. В. Косихин, В. А. Лычагин уделили большое внимание вопросу осуществления ленинского плана ГОЭЛРО в Мордовии, показали руководящую роль областной и местных партийных организаций, инициаторов и энтузиастов этого дела. В статье приводятся интересные данные, как Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров оказывали помощь мор-

довскому народу строить электростанции и индустриализировать республику. Например, в 1921 году Совнарком выделил 40 тыс. руб. золотом на строительство электростанции в селе Лада. В 1922 году при активном участии Г. М. Кржижановского началось строительство в Рузаевке электростанции «Смычка». Для непосредственного руководства строительством ГЭС «Смычка» из Москвы прибыл инженер Лосев.

Авторы удачно проиллюстрировали свою статью запоминающимися фотографиями, схемами. Здесь приведено много фотографий — от Ладской и Рузаевской электростанций до момента монтажа газопровода Саратов — Горький на территории Мордовии и сборочного цеха саранского завода «Электровыпрямитель», которые еще раз и наглядно подтверждают достижения мордовского народа.

В сборнике отведено большое место развитию сельского хозяйства в Мордовии. Это вполне оправдано. Сущий труд земледельца связан с извечным естественным круговоротом природы. Еще земля укрыта снегом, а хлебороб уже заботится о севе. Только на полях зазеленели всходы, а хлебороб думает об уборке урожая. В разгар уборки закладываются основы урожая будущего года! Этому титаническому труду колхозного крестьянина Мордовии посвящена статья «Социалистическое преобразование деревни». Авторы рассказывают об огромных изменениях в общественно-экономическом укладе мордовской деревни, приводят данные о расширении посевных площадей в Мордовии, об оснащении колхозов и совхозов Мордовии сельскохозяйственной техникой. Если в 1913 году в границах современной Мордовии вся посевная площадь составляла только 903 тыс. га, то в 1968 году под посевом было занято уже 1175,4 тыс. га. Если в 1927 году на полях Мордовии работало лишь 20 тракторов, то в 1968 году здесь имелось уже 15,4 тыс. тракторов в 15-сильном исчислении, в 1969 году в хозяйствах республики насчитывалось 17 тыс. электродвигателей общей мощностью 93 тыс. киловатт (стр. 171, 174, 175). Благодаря этому урожайность основных сельскохозяйственных культур по сравнению с 1953 годом поднялась почти вдвое.

В сборнике значительное место отводится вопросам об осуществлении ленинских идей культурного строительства в Мордовии. До революции на территории Мордовии действовало 14 монастырей, около 3 тысяч церквей и молитвенных домов, свыше ста мечетей. Духовным одурманиванием народа здесь занимались 5500 попов и около 4 тысяч монахов. В то же время в крае было всего лишь 4 библиотеки, 5 клубных учреждений и несколько школ, в которых училась примерно 1/6 часть детей и подростков школьного возраста. Вследствие этого очень редко можно было встретить грамотных людей среди эрзи и мокши. И какой резкий контраст. В настоящее время только в одном Мордовском государственном университете учатся 16 тысяч студентов, то есть столько же, сколько было жителей в городе Саранске до Октябрьской революции. Вот другой пример, удачно приведенный авторами статьи. Если при царизме рабочие и крестьяне и думать не могли об обучении своих детей, теперь же в республике создана широкая сеть общеобразовательных школ, техникумов и культпросветучреждений. В Мордовской АССР нет ни одного ребенка школьного возраста, не охваченного школой. Это поистине громадное достижение в культурной жизни народа. Оно стало возможным, как совершенно справедливо подчеркивается в статье, лишь в советское время.

Таким образом, авторы ставили перед собой цель: показать, как В. И. Ленин, разрабатывая план построения социализма в СССР, органически связывал решение задач индустриализации страны, социалистического переустройства сельского хозяйства с проведением культурной революции, и как эта культурная революция была осуществлена в условиях Мордовии. К сожалению, они несколько упростили толкование содержания культурной революции, свели её, в основном, к освещению вопросов, связанных с развитием образования, созданием национальных кадров, работой культурно-просветительных учреждений. Но, как известно, этим далеко не ограничивается значение и роль культурной революции в строительстве социализма и создании материально-технической базы коммунизма. Думается, авторам следовало бы глубже раскрыть все аспекты этой важнейшей составной части ленинского плана социалистического строительства и особенно вопросы преодоления существенных различий между умственным и физическим трудом, между городом и деревней.

С особой теплотой и любовью к В. И. Ленину написан очерк мордовскими писателями Г. Я. Меркушкиным, В. В. Горбуновым и Иваном Пиняевым «Всенародная любовь». Его нельзя читать без волнения!

Новая книга большого коллектива авторов — с её достоинствами и недостатками — свидетельство постоянно растущего уровня культуры этого трудолюбивого народа. Приверженность к науке, к знанию у мордовского народа поистине безгранична!

Именно об этом думаешь, когда дочитываешь последние страницы книги «По заветам Ленина».

«Книги имеют свою судьбу»,— говорили древние. Надеемся, что книга «По заветам Ленина» будет настольной книгой многих читающих людей, и в первую очередь пропагандистов, партийных работников, преподавателей, студентов, аспирантов — всех, кто любит свою Родину, кто хочет знать, как некогда забитый нищетой и неграмотностью мордовский народ воплотил в жизнь идеи великого Ленина и достиг вершин современной науки и техники, как он, вместе со всем советским народом создаёт материально-техническую базу коммунизма, чтобы достичь сияющих вершин мечты всего человечества — коммунизма.

СОДЕРЖАНИЕ

статьи

Г. И. Лесов. Сельская общеобразовательная школа Мордовии на современном этапе 3

С. В. Заварзин. Количественные и качественные изменения в составе рабочего класса Мордовии (1959—1965 гг.) 14

К. А. Горькина. Развитие народного образования Мордовии за годы семилетки 33

С. И. Давыдов. Борьба трудящихся города Саранска за успешное выполнение семилетнего плана 48

И. Е. Автайкин. К вопросу организации и укрепления районной печати Мордовии 72

В. П. Кунцов. Деятельность Мордовской партийной организации по развертыванию партийного просвещения в период коллективизации сельского хозяйства 84

И. А. Ефимов. Деятельность партийных организаций Мордовии по выполнению решений VIII съезда РКП(б) 103

Х. И. Муратов. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 121

Н. В. Полин. Помещичье хозяйство на территории Мордовии в годы первой мировой войны 148

Л. Г. Филатов. К истории возникновения и становления первых большевистских организаций железнодорожников России (1903—1907 гг.). 165

А. Е. Кильмяшкин. Подготовка крестьянской реформы в губернских комитетах (Пензенской, Симбирской, Тамбовской губерний) 182

А. Е. Кильмяшкин. Крестьянские наделы по уставным грамотам на территории Мордовии 213

Н. Ф. Тюгаев. Зерновое хозяйство и его товарность в помещичьих имениях на территории Мордовии в первой половине XIX в. 234

М. Ф. Ефимова. Отражение христианизации мордвы в народных песнях 248

И. К. Инжеватов. Город Ардатов (Историко-топонимический очерк) . 261

В. Г. Шеянов. О взаимосвязи обобществления труда и социального развития личности 273

РЕЦЕНЗИИ

Х. И. Муратов. Раздумья над книгой 295

Редактор М. Грошев
Художественный редактор А. Коровин
Технический редактор В. Чижикова
Корректор Р. Васильева

Сдано в набор 21/IV 1971 г. Подписано к печати 27/IX 1971 г. Ю02054. Бумага 60X90¹/₁₆. № 2. Печ. листов 18,75. Уч.-изд. листов 19,6. Тираж 500 экз. Заказ № 2382. Цена без переплета 1 руб. 18 коп. Переплет 10 коп.

Книжное отделение типографии „Красный Октябрь" Управления по печати при Совете Министров Мордовской АССР, г. Саранск, Московская, 115.